

СТЕФАН АНХЕМ

ДЕВЯТАЯ МОГИЛА

МЕТАСКАНДИНАВСКИЙ НУАР С ВЕЛИКОЛЕПНЫМИ ПЕРСОНАЖАМИ
И ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫМ СЮЖЕТОМ.

SUNDAY TIMES

18+

Annotation

В холодном зимнем Стокгольме бесследно исчезает Министр юстиции Швеции. В не менее холодном Копенгагене убивают жену телезвезды. В Швеции за дело берется Фабиан Риск, в Дании – Дуня Хоугор. Никто не думает, что эти преступления могут быть связаны. Однако и там, и там появляются все новые и новые мертвые тела, и постепенно становится ясно, что все нити сводятся к одной точке. Фабиан и Дуня – лишь маленькие пешки в огромной, запутанной игре. Действие «Девятой могилы» разворачивается за полгода до событий «Жертвы без лица». Стефан Анхем, архитектор сложных сюжетов, раскрывает свой талант с новой стороны и позволяет по-новому взглянуть на героев.

- [Стефан Анхем](#)

-
- [Пролог](#)
- [Часть I](#)
 -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

- [Часть II](#)

-
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)

- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [Эпилог](#)
- [X](#)
- [Спасибо](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
-

Стефан Анхем

Девятая могила

© Stefan Ahnhem 2015

© Серебро Е., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

14 июня 1998 г. – 8 ноября 1999 г.

Было до того темно, что он едва видел. К тому же автозак, пробирающийся по этим глухим местам, трясло так сильно, что буквы, которые он пытался вывести, было почти невозможно разобрать. Но ничего не поделаешь. Это его последний шанс – надо успеть записать все до того, как под ним растечется большая лужа крови. Рассказать о том, как влюбленность заставила его отказаться от всего и броситься в неизвестность. О том, как свои подстрелили его и взяли в плен, а теперь везут на верную смерть.

Ручка была у него с тех пор, как он покинул израильский военный лагерь у блокпоста в Хувваре и отправился в неподконтрольные части Западного берега. Бумагой ему служили несколько пустых страниц из дневника, найденного им в рюкзаке Тамира, где также лежал использованный конверт, который можно было вывернуть наизнанку. Дописав письмо, он сложил страницы окровавленными руками, положил в конверт и попытался его заклеить.

У него не было ни марки, ни адреса получателя. Одно только имя. И тем не менее, он без колебаний просунул письмо в узенькую щель и отпустил его. Если на то будет божья воля, письмо дойдет, подумал он, и на него навалилась усталость.

Не успел конверт коснуться земли, как его подхватил сильный ветер и унес высоко-высоко к черному беззвездному небу, откуда еще одна непогода только что обрушилась на Эбал и Гаризим – горы на окраине города Наблус. Промежутки между сверкающими молниями и глухими раскатами грома становились все короче. В воздухе пахло дождем; казалось, еще несколько секунд, и он прильнет конверт к земле и превратит сухую землю в сырую глину. Но дождь так и не пошел, и окровавленный конверт с написанным от руки письмом поднялся высоко над горами и перелетел границу с Иорданией.

Саладин Хазайме лежал на расстеленной подстилке и смотрел на небо, где робко начал заявлять о себе рассвет. Сильный ветер после ночной непогоды наконец стих – похоже, впереди был прекрасный день.

Солнце словно решило провести на небе генеральную уборку к его семидесятилетию. Но не это занимало мысли Саладина Хазайме. Хотя день рождения и был основной причиной его десятидневного паломничества, он был сосредоточен совсем на другом.

Сначала ему показалось, что на высоте в несколько тысяч метров летит самолет, но потом он решил, что, наверное, это птица с раненым крылом. А сейчас он вообще не знал, что падало с неба примерно в пятидесяти метрах от него, время от времени поблескивая в лучах солнца.

Саладин Хазайме встал. Его поразило, что боль в спине, которую он обычно испытывал по утрам, как рукой сняло. Он поспешно скатал свою подстилку и положил в рюкзак. Что-то должно произойти. Что-то очень значительное. И он почувствовал прилив энергии.

Это не что иное, как знак свыше. Явление Бога, в которого он верил столько, сколько себя помнил, и который теперь говорил, что он на правильном пути. Бога, чей сын в день своего семидесятилетия решил пройти по Его стопам весь путь до Иерусалима от Галилейского озера.

Вчера он посетил святую пещеру в Анджаре с целью провести ночь именно там, где ее провел Иисус вместе с апостолами и девой Марией. Но его обнаружили охранники, и ему пришлось спать под открытым небом. Но во всем явно есть смысл, подумал Саладин и легким шагом поспешил по бугристой земле к оливковому дереву, в ветвях которого застрял божий знак.

Подойдя поближе, он увидел, что это конверт.

Конверт?

Сколько Саладин ни пытался, он не мог объяснить логически, откуда взялся конверт, и наконец решил, что для ответа достаточно – *с небес*. И, может быть, был не так уж и неправ, поскольку слышал свой внутренний голос, повторяющий, как мантру, как важно ему позаботиться о конверте. Таков замысел. Именно это и ничто другое – подлинный смысл его паломничества.

С нескольких попыток ему удалось сбить конверт камнем и поймать его до того, как тот упал на землю. Конверт был грязный и во многих местах протерся до дыр. Он выглядел так, словно пережил конец света. К тому же он весил больше, чем ожидал Саладин.

Все сомнения как рукой сняло.

Бог избрал его.

Это не просто конверт.

Саладин осмотрел его с обеих сторон в поисках зацепок, но ничего не нашел, кроме имени, выведенного маленькими корявыми буквами.

Аиша Шахин

Саладин Хазайме сел на камень и с трудом выговорил имя, но оно ему ничего не сказало. После некоторых колебаний он достал нож и осторожно вскрыл конверт. Невольно задержав дыхание, он вынул и развернул письмо, испещренное знаками, которые образовывали длинные ряды слов.

Он смог понять только, что это иврит. Но как ему, едва умеющему читать по-арабски, разобрать вот это?

Что Бог хочет сказать? Наказать его за то, что ему так и не удалось научиться читать? Или письмо предназначено вовсе не ему? Является ли он всего лишь незначительным посредником, чья единственная задача – отправить письмо дальше? Он безуспешно пытался побороть в себе разочарование, пока складывал письмо, помещал его обратно в конверт и продолжал свое странствие на север в сторону Аджлуна, где неохотно бросил его в почтовый ящик.

Многие наверняка бы посчитали, что Халид Шавабке ведет себя непорядочно и поступает глубоко аморально. Сам же он не испытывал ни малейшего угрызения совести, когда откладывал в сторону конверты без марок, отправителя или полного адреса. Письма, оформленные не по правилам, – его собственность. Эту практику он без исключений применял все сорок три года работы сортировщиком почты.

У него дома было несколько ящиков с заблудившимися письмами, и больше всего на свете он любил достать наугад какое-нибудь письмо и ознакомиться с мыслями, предназначенными кому-то другому. Но именно этот конверт был более чем необычным.

Налет патины свидетельствовал о том, что письмо проделало долгий путь. Вдобавок его уже кто-то вскрывал, не тронув содержимого.

Оставив ему и только ему.

Ровно на девяносто восемь минут раньше, чем обычно, Халид Шавабке был дома и запер дверь изнутри. Чтобы выиграть время, не стал пить чай, хотя у него было печенье «Хариса», и почти бежал домой всю дорогу от автобусной остановки. Он совсем запыхался и почувствовал, как через слишком тесную синтетическую рубашку проступает пот.

Ужин подождет. Вместо этого он налил бокал вина из бутылки, спрятанной на книжной полке за книгами, сел в кресло, зажег торшер, достал конверт и с благоговением развернул письмо.

«Наконец-то», – подумал он и потянулся за вином, будучи в счастливом неведении, что тромб, который в течение нескольких лет

образовывался в его левой ноге, оторвался и вместе с кровотоком попал в легкие.

Хотя прошло больше года с тех пор, как дядя Марии скончался от легочной эмболии, она не переступала порог его дома. Два ее брата опротестовали завещание и делали все, чтобы заставить ее отказаться от наследства. Даже собственный отец попытался убедить ее в том, что Халид Шавабке все время жил один и, в конце концов, лишился разума, и что женщины никогда не были и не будут созданы для того, чтобы владеть имуществом и управлять им.

Но Мария стояла на своем и теперь, наконец, смогла вставить ключ в замок и открыть дверь. Вдобавок ко всему она перестала общаться с родителями и с обоими братьями, но ничего не поделаешь. Теперь надо освободить дом и продать его. На деньги от продажи дома она сможет уйти из пошивочной мастерской, переехать в Амман и начать бороться за права женщин в Иорданской национальной женской комиссии.

Этого не должно было произойти. Не было никаких признаков того, что письмо когда-либо дойдет от адресата. При таком количестве препятствий вероятность была настолько мала, что ее нельзя было принимать во внимание.

И все же именно так и случилось.

Спустя год, четыре месяца и шестнадцать суток после того, как письмо просунули в щель автозака и его подхватил ветер в черной ночи, его нашла Мария Шавабке, и спустя несколько часов ей чудом удалось собрать воедино фрагменты письма, на конверте которого ничего не было, кроме имени.

Прочитав чудовищный рассказ, она не спала три ночи, а затем написала на конверте полный адрес, найденный в интернете, наклеила марки и отнесла на ближайшую почту. Не имея ни малейшего понятия о последствиях.

Аиша Шахин

Ул. Сельмедальсвеген, 40, 7-й этаж

129 37 Хегерстен

Швеция

Часть I

16–19 декабря 2009 г.

«Многие от моих действий придут в ужас. Некоторые сочтут их мезтью за все нанесенные мне обиды. Другие – невероятной игрой, чтобы обмануть систему и показать, как далеко можно зйти. Но большинство трогательно сойдутся во мнении, что это деяния крайне больного человека.

И все будут неправы...»

Софи Леандер сидела в комнате ожидания отделения УЗИ Южной больницы и листала замусоленный экземпляр журнала «Мы – родители», развороты которого пестрели снимками красивых и счастливых мам и пап. Больше всего на свете ей хотелось стать одной из таких мам. Но после всех бесполезных курсов приема «Перготайма» она начала сомневаться в том, что когда-нибудь сможет забеременеть.

Это ее самый последний шанс. Если окажется, что и на этот раз лекарство не дало никакого результата, ей останется только сдаться.

Что, похоже, ее муж уже сделал. А ведь он обещал быть с ней рядом, как только он ей понадобится. Она включила мобильный и снова прочла его сообщение. «Возникли кое-какие обстоятельства, и, к сожалению, я не успею». Словно речь шла о покупке пакета молока по дороге с работы домой. Он даже не удосужился написать «удачи».

Она надеялась, что переезд в Швецию три года назад даст новый импульс их чувствам. Тем более что он даже решил взять ее фамилию. Тогда она расценила это как объяснение в любви. Как доказательство того, что, как бы там ни было, их на свете двое. Теперь она уже не была полностью уверена и не могла отделаться от ощущения, что они все больше отдаляются друг от друга. Она пыталась обсудить с ним это, но он совершенно ее не понимал и упорно клялся в своей любви. Хотя она видела по его глазам. Или, точнее, по тому, как он отводил глаза.

У того, кто некогда спас ей жизнь, теперь вдруг возникли *кое-какие обстоятельства*, и он едва смотрит в ее сторону. Ей хотелось позвонить и прижать его к стенке. Спросить, не разлюбил ли он ее. Не встретил ли другую. Но она не решалась. К тому же она не сомневалась в том, что он все равно не подойдет к телефону. Он почти всегда так делал, когда работал, особенно сейчас, в разгар своего нового проекта. Нет, ее единственный шанс – положительный ответ врача. Как только она его получит, все наладится. Она сможет дать ему этого ребенка, и муж поймет, как сильно он на самом деле ее любит.

– Софи Леандер.

Ее вызвали, и она пошла за акушеркой по коридору. Та привела ее в

маленький смотровой кабинет со спущенными жалюзи, большим аппаратом, напоминающим компьютер, и больничной койкой.

– Можете повесить верхнюю одежду вот на тот крючок, а сами ложитесь на койку. Врач придет с минуты на минуту.

Софи кивнула, сняла пальто и стала стягивать сапоги. Тем временем акушерка вышла из кабинета. Она легла на койку, подняла блузку и расстегнула брюки. Она решила все равно позвонить ему и спросить, из-за каких таких важных дел он не смог быть вместе с ней. Но она успела только потянуться за сумкой, как открылась дверь и вошел врач.

– Это вы Софи Леандер?

Софи кивнула.

– Хорошо, тогда посмотрим... Для начала лягте на бок спиной ко мне.

Софи сделала, как ей велели, и услышала, что за ее спиной врач открыл какую-то пластиковую упаковку. Она не могла точно сказать, в чем дело, но чувствовала: тут что-то не так.

– Меня прислали сюда на обследование яичников.

– Конечно. Но сначала мы должны кое-что сделать, – сказал врач и начал нажимать пальцами ей на позвонки.

Внезапно у нее кольнуло в спине.

– Подождите. Что вы делаете? Вы сделали мне укол? – Софи перевернулась и увидела, как врач кладет что-то в боковой карман брюк. – Я должна знать, что...

– Вам совершенно не о чем беспокоиться. Самая обычная рутина. Это ваши вещи? – врач показал на ее пальто и сапоги и, не дожидаясь ответа, положил их у нее в ногах. – Лучше ничего не забывать. Иначе что тогда получится?

Софи не первый раз обследовали яичники ультразвуком, но такого точно не было. Она понятия не имела, что происходит. Она не сомневалась только в том, что больше не хочет в этом участвовать. Что хочет уйти отсюда. От врача и из смотрового кабинета. И вообще из больницы.

– Думаю, мне лучше уйти, – сказала она и попыталась встать. – Я хочу уйти, слышите? – Но тело ее не слушалось. – Что происходит? Что вы сделали?

Врач наклонился к ней, улыбнулся и погладил ее по щеке.

– Вы скоро поймете.

Софи попыталась протестовать и закричать как можно громче. Но дыхательная маска, которую натянули ей на лицо, поглотила все звуки, и не успела она и глазом моргнуть, как койку сняли с тормозов, выкатили из смотрового кабинета и повезли дальше по коридору.

Если бы она только могла за что-то ухватиться, за что угодно, и стащить себя с койки, чтобы все поняли, что происходит. Но ничего не получалось. Она только могла лежать, уставившись в потолок, где одна лампа дневного света сменяла другую.

Еще лица. Повсюду беременные мамы и будущие папы. Акушерки и врачи. Все так близко и одновременно так далеко. Звук открывающихся дверей. Лифт и голоса других посетителей. Двери лифта, которые закрылись за ней. Или открылись?

И вот она опять наедине с врачом, который насвистывает мелодию, эхом отдающуюся от толстых стен. Это единственное, что она может слышать. Кроме своего собственного дыхания, напоминающего о детстве, когда она болела астмой. Иногда ей приходилось прерывать игры и хватать ртом воздух, и она чувствовала себя совершенно беспомощной. Сейчас она была такой же маленькой и беззащитной, и больше всего ей хотелось сдать и расплакаться. Но она не могла даже этого.

Лампы на бетонном потолке остановились, и она увидела, как ее ноги переложили на носилки, а вслед за ними и верхнюю часть туловища. «Вы скоро поймете», – сказал врач. Каким образом она сможет понять? Она вспомнила о пластическом хирурге из Мальме, который впрыскивал что-то своим пациентам, чтобы они не могли оказать сопротивление, когда он их насиловал. Но почему кому-то захотелось ее изнасиловать?

Ее внесли в карету скорой помощи ногами вперед, и она решила сосредоточиться на звуках. Дверь со стороны водительского сиденья закрылась, и завелся двигатель. Они тронулись и свернули на запад на улицу Рингвеген, а потом двинулись по улице Хорнsgатан в сторону района Хорнстуль, откуда выехали из города по мосту Лильехольмсбрун. До этого момента она без проблем следила за своим передвижением. Стало труднее, когда они заехали на развязку, делая один виток за другим, и постепенно Софи перестала ориентироваться в пространстве.

Примерно через двадцать минут они притормозили и остановились. Они могли вернуться в больницу с тем же успехом, что и приехать в любое другое место. Она услышала, как открываются гаражные ворота, скорая проезжает еще около тридцати метров, а потом глохнет двигатель.

Двери открываются, ее вытаскивают из машины и везут дальше на каталке. На потолке лампы дневного света опять сменяют друг друга. Ход ускоряется; шаги врача отзываются эхом и, в конце концов, останавливаются. Звяканье ключей и отрывистый звук, после чего начинает работать электродвигатель.

Ее вкатили в темную комнату, и, судя по звуку, за ней что-то

закрылось. На потолке зажглась яркая лампа, осветив удлиненный стол. Софи не смогла разглядеть, каких размеров комната и есть ли в ней окна. Она видела только лампу и стол, вокруг которого стояло несколько аппаратов. Ее подкатили к столу, и тогда она заметила, что он обернут полиэтиленовой пленкой, снабжен крепежными ремнями, а немного ниже середины в столешнице проделана дырка диаметром примерно десять сантиметров. Рядом находится металлический стол, покрытый белым полотенцем, на котором в ряд лежат хирургические инструменты.

Только теперь до Софи Леандер дошло, в чем дело.

Увидев все эти ножницы, зажимы и скальпели, она прекрасно все поняла.

Почему ее увезли.

И что ее ждет.

Фабиан Риск прочел сообщение еще раз и только потом оторвал глаза от мобильного. Его встретил вопросительный взгляд классной руководительницы.

– Мне жаль, но, похоже, она не сможет прийти.

– Вот как? Ну, ладно, – классная руководительница явно дала понять, что она думает на этот счет.

– А что, мамы не будет? – У Матильды был такой вид, словно она скорее прыгнет с моста Вестербрун, чем согласится на проведение беседы с родителями без Сони. И Фабиан ее понимал. Последнее время он по разным причинам пропускал эти беседы, и хотя Матильда уже училась в третьем классе, даже не помнил, как зовут классную руководительницу.

– Матильда, к сожалению, маме надо работать. Ты ведь знаешь, как бывает перед открытием выставки.

– Но она же обещала прийти.

– Я знаю. Уверяю тебя, она так же расстроена, как и ты. Но уверен, что все пройдет хорошо. – Он потрепал дочь по голове, ожидая поддержки от классной, но та в ответ улыбнулась такой ничего не значащей улыбкой, словно они играли в покер.

– Перестань, – Матильда отвела его руку и поправила розовые заколки в темных волосах до плеч.

– Что касается мотивации Матильды к учебе и способности следить за ходом уроков, то тут все учителя отзываются только положительно. – Классная листала свои бумаги. – По шведскому и математике она одна из лучших... – Она замолчала, посмотрев на мобильный Фабиана, который завибрировал на столе.

– Извините, – Фабиан перевернул мобильный и, к своему удивлению, увидел, что звонит Херман Эдельман – его давний начальник в Государственной криминальной полиции в Стокгольме. Несмотря на свои шестьдесят лет, Эдельман всегда был в курсе всех дел и до сих пор остался поборником правды. Честно говоря, если бы не Эдельман, Фабиан не стал бы хорошим следователем.

Но именно сегодня начальника не видели в отделе после обеда, и во время вечерней кофе-паузы ни Фабиан, ни остальные сотрудники по-прежнему ничего о нем не слышали и заволновались, а вдруг с ним что-то случилось.

А теперь он звонит. К тому же после окончания рабочего дня, что может означать только одно.

Что-то наверняка случилось.

Что-то неотложное.

Фабиан хотел было ответить, но классная кашлянула.

– Времени у нас в обрез. Вы не единственные, с кем я сегодня провожу беседу.

– Извините, на чем мы остановились? – Фабиан отклонил разговор и отложил телефон.

– Матильда. Ваша дочь. – Классная выдавила из себя улыбку. – Как я уже сказала, все учителя отзываются о ней только положительно. Но... – Она посмотрела Фабиану в глаза. – Если это возможно, я бы хотела поговорить с вами наедине.

– Вот как? Хорошо. Это вполне возможно. Или как, Матильда?

– А о чем вы будете говорить?

– Конечно, о взрослых вещах. – Фабиан повернулся к классной, которая с улыбкой кивнула. – Ты подожди в коридоре, я скоро выйду.

Матильда вздохнула и вышла из класса, демонстративно волоча ноги. Фабиан посмотрел ей вслед, не переставая размышлять о том, что от него хочет Эдельман.

– Ну, дело вот в чем. – Классная положила сложенные руки на стол. – Я слышала от разных людей, что есть серьезные признаки того, что Матильда... – Ее опять прервал вибрирующий мобильный Фабиана, и теперь она не смогла скрыть раздражения.

– Вы меня извините, но, честно говоря, я не знаю, что происходит. – Он поднял мобильный и повернул его. На этот раз звонила его коллега Малин Ренберг, которая находилась в Копенгагене на семинаре. Наверное, Эдельман потом позвонил ей, считая, что до нее легче дозвониться. – Извините, но мне ничего не остается, кроме как...

– Ладно. Давайте на этом прервемся, – сказала классная и стала собирать свои бумаги.

– Подождите. Разве мы не можем просто...

– В нашей школе мы категорически запрещаем пользоваться мобильными на уроках, и я не вижу никаких оснований вводить для взрослых особые исключения из правил. – Она продолжила собирать бумаги и класть их в портфель. – Проводите свои важные разговоры, а я встречу с теми, кто интересуется собственными детьми. Хорошего продолжения вечера. – Она встала.

– Подождите, это какое-то недоразумение, – сказал Фабиан.

Мобильный тотчас замолчал. Автоответчик. Пусть наговорят о том, что случилось, на автоответчик. – Извините. Разумеется, я пришел сюда ради Матильды, а не ради чего-то еще.

Женщина, чье имя он забыл, посмотрела на него почти с презрением.

– Хорошо. – Она опять открыла портфель и достала папку Матильды. – Обычно мы в такие дела не вмешиваемся. Но в случае с вашей дочерью это представляется чрезвычайно важным, потому что если мы в ближайшее время ничего не предпримем, это может сказаться на ее учебе.

– Извините, но я не знаю, правильно ли я понимаю. Предпримем что?

Классная положила на стол рисунок.

– Вот одна из ее последних работ. Ну, сами видите.

Фабиан узнал себя по козлиной бородке, которую сбрил несколько недель назад. Напротив него стояла Соня с кухонным ножом в руке. Оба, с пунцовыми лицами, кричали во все горло. Он вспомнил, как усомнился, действительно ли ей необходимо так много работать по вечерам. Соня завелась и в ответ припомнила ему все его ночные переработки за последние годы, обвинив его в том, что он считается только с собственными потребностями.

А ведь они договаривались никогда не ссориться в присутствии детей. Хуже того: в разгаре страстей он еще и пригрозил ей разводом.

– Даже не знаю, что сказать. Это, это...

– А вот еще один рисунок, – прервала его классная.

Этот рисунок изображал контрастные обои у кровати в комнате Матильды, а в нижней части – точно как в жизни – на подушках в ряд сидели ее мягкие игрушки. Фабиан не мог не восхититься тем, как хорошо дочь рисует, но одновременно изо всех сил старался разобраться, что написано в словесных пузырях, которые иллюстрировали ссору, происходящую за стеной. В этот раз речь шла о сексе, и, насколько он мог видеть, некоторые реплики были до боли правдоподобны.

Больше всего он хотел провалиться сквозь землю и исчезнуть отсюда.

– Конечно, отчасти это фантазии и преувеличения, я тоже это понимаю. Но эта тема проходит через все, что Матильда сейчас делает, и я решила, что вам не помешало бы об этом знать. Во всяком случае, мне бы этого хотелось, если бы речь шла о моем ребенке.

– Разумеется, – отозвался Фабиан и попытался скрыть вибрацию мобильного в своей руке.

Выходя из школы, Фабиан позвонил Эдельману, но у того было занято.

– Видишь, Матильда, сколько снега намело, – он посмотрел на

школьный двор, засыпанный толстым слоем свежесвыпавшего снега. – Здорово, правда? Завтра будете лепить снеговиков.

– Это просто слякоть, – сказала Матильда, спускаясь по лестнице.

– Матильда, подожди, – Фабиан догнал ее. – Ты что, боишься, что мы с мамой разведемся?

– Так вот вы о чем говорили.

– Что? Так ты волнуешься?

Ничего не ответив, Матильда побежала к машине, стоявшей на другой стороне улицы.

Фабиан поднял вверх ключ от машины и разомкнул центральный замок, чтобы дочь могла запрыгнуть в машину и усесться. На самом деле ему хотелось поскорее к ней присоединиться, но он не знал, что сказать. Она ведь права. Если так будет продолжаться, рано или поздно явное фиаско станет фактом. Хотя он обещал не столько Соне, сколько самому себе никогда не идти по стопам своих родителей. Что бы ни случилось. Как бы трудно им ни пришлось. Ничто и никогда не заставит его перестать бороться и сдаться.

А сейчас он не был так уверен.

Хотя шины сдулись, он продолжал ездить на ободах так долго, что теперь сомневался, можно ли отремонтировать рваные колеса. Вздохнув, он встал посреди школьного двора, достал мобильный и набрал номер Малин Ренберг.

– Фабиан, что ты там делаешь? Тебя спасет только то, что между нами шестьсот километров.

Сейчас лучше всего промолчать и дать ей возможность выговориться.

– Ты не понимаешь, что Херман вцепился в меня, как пиявка, только потому, что ты не соизволил взять трубку? Как будто я его секретарша. Да, я знаю, что никому и дела нет, но я сейчас в Копенгагене на действительно очень интересном семинаре.

– Хорошо, а ты знаешь, почему...

– Но кровати тут жуткие. Вдобавок меня всю раздуло, и я постоянно потею.

– Я понимаю, но...

– И мне плевать, что осталось два месяца. Если эти ребята не выйдут из меня в ближайшее время, я за себя не ручаюсь. Алле? Фабиан? Ты меня слышишь?

– Он сказал, в чем дело?

– Нет, или я не знаю. Явно что-то очень важное. Но у меня есть предложение.

– Выкладывай.

– В следующий раз, когда он позвонит, попробуй ответить.

В трубке щелкнуло, и Фабиан не смог не согласиться. Он также надеялся, что беременность коллеги скоро закончится. Через пятнадцать секунд пришло СМС, где Малин просила прощения за свой грубый тон и обещала снова стать самой собой, как только «эта проклятая беременность» закончится.

Фабиан сел за руль и посмотрел на Матильду в зеркале заднего обзора.

– А не заехать ли нам в «Ciao Ciao» за пиццей?

Матильда пожалала плечами, но он увидел, как она просияла, хотя делала все, чтобы скрыть это. Он повернул зажигание и выехал на улицу Мария Престгордсгатан, одновременно вновь пытаясь дозвониться Эдельману.

– Привет, Херман, я видел, что ты звонил.

– Полагаю, мне надо благодарить Малин.

– Я был в школе на беседе с родителями, и только сейчас...

– Да-да, все в порядке. Я звонил потому, что меня вызвали в Полицию безопасности сегодня в восемь вечера, и я бы хотел, чтобы ты пошел со мной.

– Сегодня вечером? Прости, но я один с детьми. Почему так важно, чтобы именно я...

– Кто стоит у руля: ты или я?

– Я не хотел сказать...

– А теперь послушай. Перссон и Пяивинен только что вышли на след в деле Адама Фишера, а Хеглунд и Карлен по уши заняты разработкой Диего Аркаса. Только у тебя с Ренберг сейчас нет ничего конкретного. И насколько я знаю, Ренберг находится в Копенгагене.

– Хорошо, но ты можешь рассказать, что случилось?

– Полагаю, что именно это мы и узнаем. Встречаемся у входа без пяти восемь. А теперь пока.

Фабиан вытащил из уха наушники и свернул на улицу Нюторгсгатан. Его пути пересекались с Полицией безопасности отнюдь не в первый раз. Но его никогда не приглашали на встречу после окончания рабочего дня, поскольку, наверное, он занимает одну из самых нижних ступеней иерархической лестницы. Зато Херман Эдельман бывал там постоянно и не упускал случая подчеркнуть, что если хочешь пережить заседание в Полиции безопасности, надо сидеть спиной к стене.

А теперь он хочет взять с собой Фабиана.

– Нет, не получится, Фабиан. К сожалению. Тебе придется выходить из положения как-нибудь по-другому.

– Что значит «как-нибудь по-другому»? Что ты хочешь этим сказать? – спросил Фабиан, глядя на покрытые снегом коньки крыш и слыша, как Соня делает очередную глубокую затяжку и выпускает дым на одном дыхании – верный признак ее дурного настроения.

– Не знаю. Придумай что-нибудь. У меня больше нет времени говорить.

– Подожди, – сказал Фабиан и увидел в отражении в окне, что Матильда сидит на кухне и слушает их. Он взял пульт, включил телевизор и увеличил громкость.

«Через восемь дней после бесследного исчезновения молодого олигарха Адама Фишера полиция заявила, что речь идет о похищении...»

– Соня, это не мое решение. У меня нет выбора.

– Ты хочешь сказать, что у меня он есть?

«В нашей студии профессор по уголовному праву Герхард Ринге...»

– Я что, должна бросить кисти и сказать Эве: извини, выставки не будет?

– Нет. Но...

– Вот именно.

– Пожалуйста, успокойся.

«Что заставило полицию сообщить эту информацию и почему мы все еще ничего не слышали о сумме выкупа?»

– Я спокойна, – сказала Соня, совершенно не скрывая, что снова затянулась. – Я только не понимаю, почему возникла такая проблема только из-за того, что раз в жизни мне надо поработать.

– Ладно, как-нибудь выйду из положения. Ты хоть примерно представляешь, когда придешь домой?

– Да. Когда закончу. И, пожалуйста, не спрашивай меня когда, поскольку я понятия не имею. Я только знаю, что с каждой секундой все больше и больше ненавижу эти картины. – Новый вздох и новая затяжка. – Прости... Я просто очень расстроена, и мне так и хочется плюнуть на все это.

– Любимая. Все образуется. Так бывает перед каждой твоей выставкой, а потом ты вдруг точно знаешь, как должно быть, и все идет как по маслу.

– Посмотрим, как будет на этот раз.

– Я что-нибудь устрою. Не думай об этом.

– Хорошо.

– Я люблю тебя.

– До встречи.

Фабиан сел на кухне рядом с Матильдой и взял свою пиццу.

– Как тебе банановая пицца?

– Нормально. Послушай.

– Что?

– Мама тоже сказала, что она тебя любит?

Фабиан встретился с дочерью взглядом, придумывая, что сказать.

– Нет, не сказала.

– Наверное, из-за стресса.

Фабиан кивнул и откусил большой кусок давно остывшей пиццы.

Фабиан не в первый раз был в Полиции безопасности. Но раньше он никогда не проходил через такое количество турникетов и не оказывался так далеко от входа, что в конце концов перестал ориентироваться. Спустил несколько лифтов и коридоров без окон его и Хермана Эдельмана, который вопреки своему обыкновению не проронил по дороге ни слова, ввели в большой зал со слабым освещением.

Прямо перед тем как Фабиану пришлось уйти, Теодор вернулся домой с флорбола и после быстрых переговоров согласился позаботиться о Матильде и проследить за тем, чтобы она легла спать. Несмотря на обычный вечер среды, Фабиан дал добро на чипсы, лимонад и просмотр фильмов в их спальне. Взамен он только потребовал, чтобы дети ничего не рассказывали Соне и чтобы Матильда не рисовала это в школе.

– Наверное, вы Херман Эдельман и Фабиан Риск, – вышедшая из темноты женщина пожала им руки. – Добро пожаловать. Андерс Фурхаге и остальные уже ждут вас.

Женщина провела их дальше вглубь зала, и когда глаза Фабиана привыкли к темноте, он разглядел темные кубы, свободно парившие в нескольких метрах над полом. Он знал о помещениях, безопасных для прослушивания, которые, как поговаривали, уменьшили бюджет Полиции безопасности на десятки миллионов, но первый раз видел их воочию. Зато Эдельман и усом не повел. Он только протер свои маленькие круглые очки носовым платком и пошел вперед. Фабиан не видел своего начальника таким серьезным и мрачным с тех пор, как его жена умерла от рака вот уже почти десять лет назад.

– Дайте, пожалуйста, ваши мобильные телефоны, – сказала женщина, остановившись у лестницы, которая вела к одному из напоминающих люльки кубов. Открытая дверь куба толщиной в несколько десятков сантиметров говорила о его герметичности.

Они сделали, как им велели, поднялись по лестнице и вошли в куб с коричневыми стенами и темно-красным ковровым покрытием. За овальным столом из ореха, на котором стояли стаканы и бутылки с минеральной водой, сидели трое мужчин в костюмах, с галстуками трех разных цветов. Фабиан сразу же узнал генерального директора Андерса Фурхаге – пока тот вставал, чтобы поприветствовать их, дверь за ними мягко закрылась.

– Как хорошо, что вы смогли сразу же прийти. Я уверен, вы поняли,

что все, что будет сказано на этой встрече, носит строго конфиденциальный характер. – Фабиан и Эдельман кивнули и сели.

– Давайте перейдем прямо к делу, – сказал Андерс Фурхаге, посмотрев им в глаза. – Тут возникла одна, так сказать, критическая ситуация. Впрочем, на поверку она может оказаться незначительным пустячком.

Фабиан бросил взгляд на Эдельмана, который явно был в таком же недоумении, что и он сам.

– Мельвин Стенберг отвечает за личную охрану и может рассказать больше, – продолжил Фурхаге и кивнул в сторону мужчины в синем галстуке.

– Сегодня в 15:24, примерно через час после окончания депутатских дебатов в здании Риксдага, Карл-Эрик Гримос выходил из Депутатского здания через левое фойе, у выхода из которого его ждала машина. По словам нашего водителя, Гримос из здания так и не вышел, и с тех пор его не видели.

– Подождите, вы хотите сказать, что исчез сам министр юстиции? – спросил Эдельман.

Стенберг поправил галстук и коротко кивнул.

– Мы осмотрели кварталы вокруг зданий канцелярии и правительственного здания Русенбад, а также связались с его семьей и начальником штаба министерства юстиции, – сказал мужчина в зеленом галстуке. – Но на данный момент никто ничего не знает.

Наступила тишина, словно всем – даже трем галстукам – требовалось время, чтобы осознать тот факт, что один из самых высокопоставленных министров страны, в конечном итоге отвечающий за их деятельность, бесследно исчез.

– И ты называешь это *пустяком*? – Эдельман покачал головой.

– Херман, я говорил совсем не это, – Фурхаге улыбнулся Эдельману. – Давайте не будем цепляться за слова. Я сказал, и тебе это также прекрасно известно, что в настоящее время мы не знаем...

– Он же исчез, черт возьми! Сколько еще политиков в этой стране должны отдать жизнь, чтобы мы очнулись? Разве Гримоса не охраняют двадцать четыре часа в сутки?

Фурхаге повернулся к синему галстуку. Тот откашлялся.

– Все упирается в ресурсы и приоритеты. Согласно проведенной нами оценке риска, он не подвергался угрозе, находясь внутри одного из зданий Риксдага.

«Зато сейчас мы сидим и беседуем в безопасном для прослушивания кубе», – подумал Фабиан, пока Фурхаге подал зеленому галстуку знак

нажать на кнопки панели управления, выдвинутой из стола.

На одну из стен опустился экран.

– Эти кадры сняты камерой наружного наблюдения у того самого выхода, – сказал он, включив проектор.

На видео длиной не больше минуты Карл-Эрик Гримос шел к двойным безопасным стеклянным дверям, держа в левой руке портфель-дипломат. У дверей он приложил пропуск к считывающему устройству, отодвинул сначала одну дверь, потом другую и вышел в снежную вьюгу.

Фабиан узнал одежду министра по снимкам в газетах. Зимнее пальто с большим черным меховым воротником и приметная шляпа, которые вместе стали его фирменным знаком. В левом нижнем углу указано время – действительно 15:24.

Проектор погас, и экран бесшумно ушел в потолок.

– И у выхода стояла одна из ваших машин и ждала, чтобы его забрать, – сказал Фабиан. Все это казалось ему практически непостижимым.

Зеленый галстук кивнул.

– Могу добавить, что шел очень сильный снег, и водитель не полностью видел дорогу до входа.

– А когда он вошел в здание?

– Если вы о Гримосе, то в 11:43 через главный вход в левом здании Риксдага, – сказал зеленый галстук, явно довольный тем, что сумел дать такой быстрый и точный ответ.

– В 11:38 он вышел из Русенбада и быстрым шагом прогулялся по улице Стремгатан, но дальше пошел не по мосту Риксбрун, а в обход через мост Васабрун и набережную Кансликайен. С личной охраной, – сказал синий галстук.

– А когда начались депутатские дебаты? Около двенадцати?

– Нет, только в половине первого, но Гримос славится своей пунктуальностью.

– К какому часу была заказана машина, которая его ждала?

– К 15 часам, – ответил синий галстук и сделал глоток воды.

– Значит, несмотря на то что он никогда не опаздывает, он выходит из Депутатского здания только в 15:24.

Мужчины в галстуках переглянулись, после чего Андерс Фурхаге откашлялся.

– Позвольте мне кое-что уточнить. Вы здесь не для того, чтобы вам передали расследование. Наоборот. Вас пригласили сюда только с целью проинформировать. Иными словами: пока мы не узнаем, что за этим стоит

преступление, следствие будем вести мы.

– А что это, если не преступление? – спросил Эдельман, потянув себя за бороду.

– Дело в том, что пока никаких признаков преступления нет, и, как правильно... Извините, как вас зовут? – Фурхаге повернулся к Фабиану.

– Фабиан Риск.

– Да, как правильно заметил Риск, есть целый ряд вопросов без ответов. Как раз сейчас мы вплотную занимаемся тем, чтобы получить ответы. По-моему, делать какие-либо выводы уже сейчас бессмысленно. Разумеется, мы постоянно будем держать вас в курсе дела.

– Вот как? Сегодня с половины четвертого вы закрыли рот на замок и информируете нас только сейчас. И это вы называете *постоянно держать в курсе*?

– Позвольте мне сформулировать это так: на данный момент у нас нет ни тела, ни явной угрозы. Нет никаких признаков того, что это террористический акт или тому подобное. Зато кое-кто говорит, что последнее время он казался загнанным и растерянным. Значит, он исчез по собственной доброй воле и только хочет, чтобы его оставили в покое.

Эдельман фыркнул.

– А ты не думал о том, что ваш так называемый анализ уровня угрозы ни к черту не годится, и теперь вы пытаетесь сделать только одно: выиграть время, чтобы замести следы вашего поражения?

– Херман, предлагаю вести себя в рамках приличия, – сказал Фурхаге, который, похоже, просто отмахнулся от наскоков Эдельмана. – Никто не пытается замести следы. Тогда бы мы здесь не сидели. Так ведь? Мы преследуем точно такую же цель, что и вы. Выяснить, что произошло. Конечно, вполне возможно, что мы ошиблись с оценкой угрозы. Но независимо от этого следствием занимаемся мы, пока не окажется, что преступление действительно совершено. И хочу подчеркнуть: у нас нет намерения утаивать от вас информацию о ходе дела. Речь идет только о том, чтобы использовать преимущества работы без огласки. Мы оба знаем, как это устроено, Херман. В ту самую секунду, как вы запустите свои механизмы, об этом напишут все газеты, и нам с тобой ничего не останется, кроме как целыми днями давать пресс-конференции.

– А если я на это не пойду?

– Пойдешь. И чтобы у тебя зазря не болела голова, я уже уладил все с Кримсоном.

Фабиан наблюдал за Эдельманом, который сидел молча и с каменным лицом. Только что у него выбили почву из-под ног и сбросили его со

счетов. Без его ведома Фурхаге уже связался с начальником Главного полицейского управления и получил разрешение не подпускать Государственную криминальную полицию к следствию. Судя по всему, их вызвали сюда сообщить информацию по приказу Кримсона. Что можно сравнить только с ударом ножом в спину.

Но его начальник сидел здесь и терял время, совершенно не давая понять, что он думает. Вместо этого он спокойно достал и открыл свой портсигар одной рукой, другой вынимая зажигалку. Не успели все и глазом моргнуть, как сигарилла загорелась злым красным огоньком. Ни Фурхаге, ни галстуки ничего не сказали, и только после двух длинных затяжек Эдельман загасил окурок в стакане.

– Тогда я думаю, что на сегодня все. С нетерпением буду ждать от вас сведений о развитии событий.

– Разумеется, – Фурхаге протянул руку. – Я тебя очень высоко ценю. Ты это знаешь.

Эдельман проигнорировал протянутую руку и перевел глаза на Фабиана, который встал и вышел из куба, пообещав самому себе никогда не соглашаться на предложение стать начальником.

Идя к выходу по лабиринтам коридоров, Эдельман так же молчал, как и на пути сюда. Объяснялось ли его молчание тем, что он боялся прослушки, или просто-напросто он слишком сильно рассердился, чтобы говорить, сказать было невозможно. Фабиан тоже молчал, хотя у него было полно вопросов.

И только когда они снова вышли в снежное ненастье на улицу Польшемсгатан, Эдельман предложил сесть в машину Фабиана, хотя за ним уже приехало такси. Они перешли на другую сторону улицы. Фабиан отпер машину, сел и завел двигатель, чтобы согреть салон. Эдельман сел на пассажирское сиденье, уставившись в занесенное снегом лобовое стекло.

– Не знаю, известно ли тебе, что Гримос... – Эдельман сделал глубокий вдох, – ...мой старый хороший друг, которого я по-прежнему люблю.

Фабиан кивнул. Задолго до того, как он пришел в Государственную криминальную полицию, Гримос был начальником Эдельмана. Потом он ушел из полиции и целиком посвятил себя политике. Никто в отделе не сомневался, что эти двое хорошо сотрудничали. Эдельман никогда не упускал случая рассказать, как они с Гримосом действовали в свое время. Но то, что они до сих пор поддерживают отношения, явилось полной неожиданностью.

– У тебя есть хоть малейшее представление о том, что произошло? – спросил Фабиан.

Эдельман покачал головой.

– Но я предполагаю худшее... Поэтому крайне важно выяснить как можно больше, пока Полиция безопасности не слишком сильно увлеклась зачистками.

– Получается, ты думаешь, что это они...

– Я ничего не думаю... Меньше всего я доверяю Фурхаге.

– Ты хочешь сказать, что мы начнем расследование, хотя Бертиль Кримсон...

– Не мы, а ты, – отрезал Эдельман и повернулся к Фабиану. – Позволь мне выразиться предельно ясно. В нашем отделе нет никого, кто даже приблизительно обладает теми качествами, которые требуются. Мы с тобой оба это знаем.

– Но как я смогу начать собственное расследование, когда Бертиль Кримсон четко...

– Не будем называть это расследованием. Я просто хочу сказать, что... Если мы не докопаемся до истины, тогда кто? Полиция безопасности?

Фабиан не мог не кивнуть. У Эдельмана определенно была цель.

– Только старайся никому не попадаться на глаза, и пока мы не узнаем больше, никому ничего не докладывай, кроме меня. – Эдельман вышел из машины и так хлопнул дверью, что со стекол слетел почти весь снег. Фабиан включил дворники, которые убрали остатки снега, и выехал на улицу.

Он попытался сосредоточиться на дороге, но мысли жили своей собственной жизнью в попытках понять, что же произошло на самом деле, так что ему, в конце концов, пришлось заехать на парковку рядом с улицей Норр Меларстранд, остановиться там, опустить стекла и наполнить легкие холодным ночным воздухом.

Мало того, что министр юстиции исчез при мистических обстоятельствах. Эдельман к тому же выбрал его, Фабиана, для ведения тайного расследования. И чем больше он думал, тем яснее становилось.

С чего он начнет.

И к кому обратится.

Малин Ренберг больше всего на свете хотелось выпить бокал вина. Красное насыщенное вино «Зинфандель» во всех отношениях достойно говяжьей вырезки на ее тарелке. Дома, в Стокгольме, она без труда полностью исключила алкоголь, как только забеременела. Тяга исчезла сама собой. Другое дело в датской столице, которая, напротив, довела эту тягу до максимума. А может, виновата Дуня Хоугор, ее новое контактное лицо в криминальном отделе в Копенгагене, которая, похоже, запросто может махнуть в одиночку целую бутылку.

Они нашли друг друга уже спустя несколько часов после начала двухдневного семинара, где собрались следователи по убийствам со всей Европы для обсуждения транснационального сотрудничества, и сразу же решили контактировать напрямую. Знакомство оказалось настолько приятным, что Малин предложила пойти вместе в ресторан.

Теперь они сидели в ресторане «Барокко» в районе Ньюхавн, и Малин начинала понимать, почему датские дети позже всех детей на свете учатся говорить. Уже после первого бокала вина Дуня Хоугор перешла с надежного английского на датский, понимать который становилось все труднее по мере возлияния. Сперва Малин перебивала Дуню и переспрашивала, как только ей что-то становилось непонятным, но вскоре она стала с улыбкой кивать, пытаясь уловить общий смысл.

Но сейчас она не понимала даже этого. Все слова словно слились воедино в нечто нечленораздельное, и она не раз ловила себя на том, что думает совсем о другом. О том, как она завидует датчанке, которая не беременна и может пить сколько угодно вина. Не говоря уже о том, как она завидует ярко-красным джинсам и ее телу, на котором все располагается именно там, где положено.

Малин ненавидела свое тело, из-за которого ей теперь приходилось одеваться в безобразную одежду больших размеров, и не задумываясь поменялась бы с кем угодно. Она поправилась на двадцать пять килограммов, а ведь еще оставалось больше двух месяцев.

Два-адских-проклятых-чертовых-гребаных-месяца.

Даже если хорошо постараться, на ней не найти ни одного места, которое бы не было раздуто, не болело или просто было без опрелостей. Словно она целиком превратилась в одно большое липкое минное поле хворей и недугов, которое когда угодно может взорваться по-настоящему

сильной болью. Взять хотя бы живот, который она каждое утро и каждый вечер мазала таким дорогим кремом, что сочла нужным скрыть от Андерса его стоимость, и на котором все равно было столько растяжек, что она чувствовала себя сбитым на дороге животным.

– Ты совершенно уверена, что не хочешь выпить немного вина?

Малин очнулась.

– Извини? Правильно ли я поняла?

– Немного вина, – Дуня Хоугор попыталась сказать это по-шведски, одновременно поднимая бутылку.

– Спасибо, не надо. Понимаешь, я пообещала себе во время беременности не брать в рот ни капли.

– Понятно. Но почему? – Дуня, похоже, действительно была в недоумении, и Малин подумала, что попала не в соседнюю страну, а на другую планету.

– Ну... Это же плохо для плода. Алкоголь проникает прямо через плаценту и...

– Знаешь, вот это все – типично шведские штучки.

– Что?

– У вас так много правил и запретов, и вы такие до черта запуганные. Говорю начистоту. Что станет от одного маленького бокала вина?

Малин пришлось сделать глубокий вдох, чтобы не дать волю своему раздражению.

– Не знаю, может быть, эта информация еще не дошла до Дании, но существует целый ряд исследований, которые показывают, что если мать употребляет алкоголь, плод развивается хуже, и увеличивается риск синдрома дефицита внимания и гиперактивности. К тому же...

– Нет, это совсем не так. – Дуня отпила глоток вина и посмотрела Малин в глаза. – У нас в Дании тоже проводили исследование на выборке в несколько тысяч пятилетних детей и не смогли зафиксировать никакой разницы между детьми, чьи матери выпивали по две рюмки в день, и детьми, чьи матери полностью отказались от алкоголя.

– Неужели? Как странно! Но с другой стороны, эти исследования могут показать все что угодно. Смысл в том, что...

– Знаешь, что я думаю? Знаешь? – Дуня подняла указательный палец. – Я думаю, что если ты выпьешь маленький бокал вина, ты рискуешь только тем, что у детей будет веселая мать.

– Что значит «веселая»? Разве я не веселая? – Малин почувствовала, как раздражение взяло верх.

– Хорошо, Малин. Ты уж меня извини, я немного пьяная. Но я просто-

напросто вынуждена тебе кое-что сказать.

– Валяй. Я слушаю, – сказала Малин и вдруг заметила, что понимает каждое слово.

Дуня посмотрела Малин в глаза:

– К сожалению, вид у тебя не радостный.

Малин не знала, что ей говорить и как реагировать. Ей следовало бы обидеться и уйти, сказать своей новой датской подруге, что она может катиться к черту со своей чушью во славу алкоголя, и найти другое контактное лицо в Стокгольме. Если бы Андерс произнес хоть слово, напоминающее критику, она не задумываясь взяла бы секатор и отрезала ему причинное место.

Но по какой-то непонятной причине она ни капельки не рассердилась. Наоборот.

– О'кей... – Она допила минеральную воду из бокала. – Тогда налей мне вина, черт возьми. – Она протянула Дуне пустой бокал, и Дуня, смеясь, наполнила его, одновременно знаками попросив официанта принести им еще бутылку.

Они подняли свои бокалы и чокнулись. Малин пригубила вино, и по телу разлилась волна блаженства.

– О боже, как хорошо. – Она отпила еще. – Но одну вещь ты поняла с точностью наоборот. И не только ты, но и все датчане. В Швеции не больше запретов, чем в Дании. Напротив. – Она сделала еще глоток. – Здесь, например, нельзя жить в дачном домике сколько тебе захочется. «Кан-Янг», обычная пищевая добавка, тут полностью запрещен, а магазины не могут работать по воскресеньям. Знаешь, «опекунское государство»...

– Ладно, ладно. Я поняла твою мысль. Но...

– И мое любимое. Ты знала, что датские строители по закону вынуждены применять блеск для губ с солнцезащитным фактором, если они работают на открытом воздухе?

– Это шутка.

– Нет! Это правда!

Они рассмеялись, и Малин опять подняла свой бокал.

– Твое здоровье!

– Знаешь, я тебе очень завидую.

– Завидуешь? Если ты о моей беременности, то я с удовольствием с тобой поменяюсь.

– Почему? Разве это не прекрасно?

– Что прекрасного в том, что ты ходишь как жирная утка и у тебя все

болит? Пойми меня правильно. Я совсем не против иметь детей. Правда. А в том, что это близнецы, я вижу только большой плюс. Детей двое, а время, когда они маленькие, – одно. Но беременность... Если уж совсем честно, с каждым днем я ненавижу ее все сильнее и сильнее.

– Правда? Не может быть.

– Ты ведь сама сказала, что у меня не очень радостный вид. По-твоему, с чем это связано, если не с... – Малин показала одной рукой на свой живот, взяв другой бокал с вином. – Первые недели мы с моим мужем Андерсом шутили, что он должен что-то выбрать – беременность, роды или кормление. Теперь это уже не шутка. Если он скоро не возьмет все на себя, ничего не будет. Вот тебе добрый совет: никогда не подвергай свое, не побоюсь этого слова, потрясающее тело такому.

– Нет, мне это пока не угрожает.

– Ты что, одна?

– Нет, но мы с моим любимым слишком мало трахаемся.

– Трахаетесь? – Малин проиллюстрировала, введя палец одной руки в кольцо между большим и указательным пальцами другой.

Дуня кивнула.

– Мы об этом говорили, и даже пробовали составить расписание, чтобы, по крайней мере, заниматься этим раз в неделю, только ни черта не помогает.

– Ты его любишь?

– Карстена? Конечно, люблю. Летом мы поженимся и планируем после этого переехать в Силькеборг.

– Силькеборг? Это ведь в Ютландии? Извини, но что вы там будете делать?

– Карстен возглавит аудиторскую фирму своего отца.

– А ты что будешь делать? У тебя же здесь карьера.

– Да, но... Я же все равно не стану работать полный рабочий день, пока у меня будут маленькие дети.

– Дуня, а теперь послушай меня. – Малин наполнила их бокалы.

– Смотри, не переусердствуй.

– Теперь говорю я, – сказала Малин. – Я никогда никому этого не говорила и, возможно, никогда потом не скажу. Но... Послушай. Ты не должна иметь детей. Во всяком случае, не от этого Карстена или как там его.

– Почему ты это говоришь? – Дуня отставила бокал.

– Если рядом с тобой лежит такое тело, как у тебя, надо быть очень специфическим человеком, чтобы мало «трахаться», позволь мне эту

откровенность.

– Откровенность?

– Вот что: или Карстен законченный гомосексуалист, или он тебя не любит. И тогда вопрос: любишь ли ты его?

– Ясно, что мы любим друг друга. Что, черт возьми, дает тебе право приехать сюда и...

– Я говорю только то, что вижу.

– И что ты видишь?

– Я вижу женщину, которая... которая... Да все говорит само за себя. Весь план с этим Карстеном кажется совершенно... – Малин замолчала, внезапно поняв, что идет по тонкому льду. Она отставила бокал и закрыла рот рукой. – Боже мой, извини. – Она далеко не в первый раз просто болтала и сказала именно то, что думала. Но первый раз это случилось с человеком, которого она едва знает. – Извини... Прости. Беру все свои слова обратно. Я совсем не хотела влезать и... Боже, как глупо. Не знаю, что на меня нашло.

– Может быть, хорошего понемножку?

– Наверное. К тому же с моими гормонами не шутят. Самое лучшее – держаться на расстоянии, что бы я сама с удовольствием сделала.

Дуня рассмеялась и подняла свой бокал.

Под звуки сингла «Black Mirror» канадской инди-рок группы Arcade Fire Фабиан Риск смотрел на залив Риддарфьерден, в котором отражался свет тысяч освещенных окон на возвышенностях южной части города. Его поразила красота этого зрелища. От воды шел пар, манящий и в то же время обманчивый – словно было тепло.

Un! Deux! Trois! Dis: Miroir Noir!^[1]

Хотя на самом деле еще несколько часов, и залив покроется льдом.

Он сделал тише и стал искать ее номер. Она подошла через два гудка.

– Привет, сколько лет, сколько зим.

– Да, скоро будет два года, как ты от нас ушла. Извини, если звоню слишком поздно, – на всякий случай сказал он, хотя голос у нее был вовсе не сонный.

– Ничего страшного. Время еще детское, ведь ты меня знаешь.

– Откуда мне знать, может быть, ты остепенилась, завела семью и стала жаворонком.

На другом конце трубки послышался ее смех. Для Нивы Экенъельм классическая семейная жизнь была такой же невероятной, как жизнь на Луне. В течение шести лет они были коллегами в Государственной криминальной полиции, где она работала следователем в области информационных технологий, или научным фантастом, как они это называли. То, что Нива оставалась на работе, когда все остальные уходили, работала до глубокой ночи и уходила домой только на следующее утро, когда сотрудники начинали приходить на работу, было скорее правилом, чем исключением.

Несколько раз Фабиан составлял ей компанию и проводил ночь в отделе. Чаще всего потому, что расследовал дело, которое не давало ему спать, но иногда он просто пользовался случаем и разгребал завалы на своем письменном столе.

Каждый раз Соня так сильно ревновала, что это грозило подорвать их отношения. В каком-то смысле он мог ее понять. Нива обладала обаянием и внешностью много выше среднего. К тому же она вела себя определенным образом. Вначале он считал, что так она ведет себя со всеми мужчинами. Но вскоре до него дошло, что она с ним флиртует. Хотя он дал понять, что не заинтересован, она продолжала свои намеки и все меньше скрывала свои намерения.

Но в этот раз он преследовал свой интерес.

– Фабиан, что я могу для тебя сделать? Ты же не развелся?

– Нет, до этого пока не дошло, – Фабиан сразу же пожалел о своих словах и попытался спасти ситуацию, рассмеявшись. – Шутки в сторону, мне нужна твоя помощь в деле, которое должно остаться между нами.

– Это может подождать до завтра?

– Лучше не надо.

Он зацепился взглядом за Мюнхенскую пивоварню по другую сторону залива Риддарфьерден и стал считать зажженные окна, слыша, как Нива ходит взад-вперед на высоких каблуках по скрипучему паркету.

– Ладно, выкладывай.

Сколько она себя помнила, Карен Нойман боялась темноты. В детстве она верила, что под кроватью или за занавеской прячутся чудовища, и поэтому всегда спала с включенным светом. Родители считали это вполне естественным в ее возрасте и не сомневались, что с годами это пройдет. Но проблема только усугублялась, и, будучи подростком, Карен страдала такой тяжелой бессонницей, что ей приходилось принимать снотворное.

Теперь она больше не верила в чудовищ под кроватью, но боязнь темноты по-прежнему не ослабляла свою хватку, и она совсем не могла спать без снотворного. Ситуация явно осложнялась тем, что датская зима только-только начиналась, и с каждым днем становилось все темнее и темнее.

В довершение всего, они жили в старом фахверковом доме. Конечно, дом очень красивый и из окон открывается потрясающий вид на Эресунн. Во всяком случае, все так говорили. Но сама Карен никогда не могла по-настоящему этим насладиться: ведь как ни крути, их ближайшим соседом было не море, а темнота.

Длительное лечение и наружное освещение, в которое Аксель вложил целое состояние, несколько ослабили давление в груди. Но оно далеко не прошло, хотя она и научилась быть дома одна, когда он вел свое вечернее телевизионное шоу на канале TV2 три раза в неделю. Тогда в доме зажигались все лампы. Она настаивала на этом, несмотря на протесты Акселя в связи с большими расходами на электричество.

Именно в этот вечер давление в груди было сильнее. Еще когда она пришла домой с йоги в самом начале десятого, ей показалось, что что-то висит в воздухе. Первое, что она заметила, – спортивная машина, припаркованная немного поодаль на улице Гаммель Страндвей. Сама по себе припаркованная машина не такая уж редкость. Наоборот, люди обычно оставляли машины именно там, чтобы прогуляться вдоль берега. Но не в зимнее время. Самое необычное, что машина со шведскими номерными знаками доехала аж до Тибберупа, хотя он и находится в паре километров от музея современного искусства «Луизиана».

И тем не менее, машина стояла здесь.

Спустя несколько часов после наступления темноты.

Точно так, как они договорились с врачом, Карен попыталась побороть искушение поддаться страху и спокойным шагом продолжала идти к дому

по саду. Но когда освещение в саду так и не включилось, хотя она прыгала и махала руками перед детектором движения, она растерялась и почувствовала себя беспомощной. Пульс бился в два раза быстрее.

В доме, во всяком случае, был свет, и с помощью пульта она зажгла все лампы. После этого прошла на кухню и согрела большую чашку воды с выжатым лимоном, щепоткой гималайской соли и медом, чтобы восстановить баланс обмена веществ после сеанса бикрам-йоги. Возможно, вырубился автомат, подумала она, ощутив, как к ней возвращается спокойствие.

«Наверняка ничего не произошло», – повторяла Карен мысленно на пути в гостиную, где взяла с придиванного столика планшет и нашла Лису Нильссон, чей голос почему-то всегда успокаивал ее. Музыка лилась из скрытых динамиков на потолке, и она вспомнила, как Акселью пришлось убеждать ее в преимуществе вот так слушать музыку вместо того, чтобы ставить CD-диск. Сейчас она не представляла, как жить без возможности одним щелчком перенести музыку с собой в ванную комнату, где она приготовила себе теплую ванну.

Она сняла форму для йоги, собрала волосы наверх, опустилась в джакузи, и струи воды стали массировать ее тело. От наслаждения она закрыла глаза. «Наверняка ничего не произошло», – повторила она про себя и стала подпевать *Himlen runt hörnet*^[2], изо всех сил стараясь выговаривать слова по-шведски.

Аксель предупредил ее, что, скорее всего, переночует в квартире в Вестербро^[3] и придет домой только завтра к завтраку, потому что гости сегодняшней вечерней программы наверняка захотят пропустить пару стаканчиков после эфира. Ничего страшного, она легко найдет чем заняться. После ванны она добавит во вчерашний салат с курицей киноа, сядет перед телевизором и проглотит столько серий американского сериала «Безумцы», сколько сможет, хотя она знает, что Аксель надеется, что она смотрит его программу.

Но как только смолк голос Лисы Нильссон, к ней опять подкралась неуверенность. Ей послышалось? Или в холле действительно закрылась дверь? Это же не может быть Аксель? Передача еще даже не началась. Карен нажала на сенсорный пульт, убрав звук массажных струй, и потянулась через край ванны к планшету, чтобы поставить музыку на паузу до начала следующей песни. Но рука была влажной, и вскоре Лиса опять запела «Никогда, никогда, никогда».

В голове Карен кружились мысли. Что ей делать: запереться в ванной

комнате или решиться выйти и посмотреть, действительно ли в доме кто-то есть? Она вылезла из ванны и вытерла руки, чтобы выключить музыку. Тишина наступила так внезапно, что она вздрогнула. Все ее тело напряглось, как пружина, и она снова почувствовала себя пятилетней девочкой.

Ей пять лет, и у нее под кроватью спряталось чудовище.

Она крадучись подошла к двери и приложила к ней ухо, но услышала только собственное дыхание. Хотя ей не хватало смелости, она повернула ручку и приоткрыла дверь. Дверь сильно заскрипела, и она ощутила звук всем нутром. Она так часто набрасывалась на Акселя из-за этой двери, что это стало у них дежурной шуткой.

Может быть, это все-таки Аксель? Может быть, по какой-то причине передачу отменили? Она высунула голову и позвала его. Но ответа не последовало, что вполне естественно. Ведь она дома одна.

Или все-таки не одна?

Она снова крикнула, на этот раз по-настоящему громко, но ей опять ответила удушающая тишина. Значит, звук двери раздался только в ее голове. В ее живом воображении, как всегда говорил ее отец.

Она покачала головой и решила снова сесть в ванну. Но едва погрузившись в воду, сразу же передумала, вылезла и вытерлась. Потом тщательно намазала все тело маслом, особенно участок вокруг шрама, и как всегда, когда она стояла перед зеркалом, почувствовала угрызения совести, хотя прошло уже больше десяти лет.

К тому же, похоже, чувствительность там и не думает восстанавливаться. Участок был затвердевшим и онемевшим, и если она проводила пальцами по этому месту, она ничего не ощущала. Но она не жаловалась. За все надо платить.

Она натянула на себя японский шелковый халат, вышла из ванной, насвистывая *Himlen runt hörnet*, и пошла на кухню. Как обычно, в холле было страшно холодно, и она решила надавить на Акселя, чтобы он согласился и здесь сделать полы с подогревом. Но на этот раз было холоднее обычного. Карен остановилась на ходу и повернулась к приоткрытой входной двери. Разве она не закрыла дверь как следует? Она всегда запирала за собой, даже среди бела дня.

Вообще-то, ей было страшно с момента прихода домой. Сначала припаркованная машина, а потом освещение в саду, которое не сработало. «Наверняка это мое упущение», – подумала она и закрыла дверь. На всякий случай проверила, заперто ли, а потом пошла на кухню, положила салат в тарелку и налила бутылку газированной воды. Поставив еду на поднос, она

направилась в гостиную, тишину которой нарушил пронзительный звонок телефона.

Она отставила поднос и подошла к телефону. Но вместо того чтобы ответить, уставилась на него, словно силой мысли могла заставить его замолчать. Но телефон отказывался подчиняться.

В конце концов, она набралась мужества и подняла трубку.

– Да, алле?

– Почему ты не отвечаешь?

– Аксель? Это ты?

– Да, а ты что подумала? Я пытался дозвониться тебе на мобильный много-много раз, но...

– Мобильный? – только сейчас она поняла, что понятия не имеет, куда она его положила.

– Просто хотел узнать, все ли в порядке, и не возражаешь ли ты, чтобы я ночевал в городе.

– Ты действительно должен?

– Но любимая... Ты же сама все знаешь. Некоторые гости прямо-таки требуют, чтобы мы где-нибудь посидели после передачи, и Каспер один из них.

Она опять услышала какие-то звуки из холла. Но теперь это были не удары дверью, а что-то совсем другое. Что-то катилось. Или просто на улице воет ветер?

– Извини, я не расслышала. Что ты сказал?

– Ничего важного. Иди ложись, а утром я приеду домой и привезу тебе свежий хлеб.

– Нет, я хочу, чтобы ты приехал домой... Пожалуйста, поезжай домой прямо сейчас.

– Сейчас? Как ты себе это представляешь? Передача начинается через восемь минут.

– Я знаю, но... Как будто что-то... Или кто-то? Не знаю. Ты не можешь приехать домой? Пожалуйста, прошу тебя.

– Любимая, и не сосчитать, сколько раз мы с тобой через все это проходили. Конечно, темнота – вещь неприятная. Все так считают. Но под кроватью нет никаких чудовищ, я обещаю. Их там никогда не было и никогда не будет. Ладно? Любимая... Включи телевизор, и я буду почти дома.

– Хорошо.

– Я заканчиваю. Люблю тебя. Завтра увидимся.

В трубке щелкнуло, и Карен, отложив со вздохом телефон, вышла в

холл и огляделась. Но ничего особенного не увидела. Пока не посмотрела на пол, на котором заметила прозрачную защитную пленку, раскатанную в холле от входной двери до коридора за углом.

– Эй! – закричала она и, не получив никакого ответа, свернула за угол и пошла по коридору, также покрытому пленкой. – Извините!

В доме стояла тишина. Было только слышно, как пленка шуршит под ее ногами. Карен удивлялась самой себе, почему она не бежит в прямо противоположную сторону, но она словно дошла до предела – устала бояться и избегать всего, что вызывало малейший дискомфорт. Сейчас она скорее злилась, чем боялась. Каким бы ни было чудовище, она подойдет к нему и посмотрит ему в глаза.

«Не бойся смотреть в глаза собственному страху», – как обычно говорил ей врач.

Пленка вела дальше, в их спальню. Там она остановилась и огляделась. Но то, что предстало перед ее глазами, ничего не прояснило. Пленка, на которой она стояла, лежала на ковровом покрытии и даже на краю их двуспальной кровати.

– Эй, кто здесь? Выходи! Выходи, если не трусишь! Выходи и посмотри мне в глаза! – Она подождала и почувствовала, как у нее подкашиваются ноги. – Я так и думала! Когда доходит до дела, это ты боишься!

Карен подождала еще, но ничего не увидела. Ничего, кроме защитной полиэтиленовой пленки на кровати и под ногами. Но зато она услышала – наискось за ее спиной раздалось какое-то шипение. Повернувшись кругом, она попыталась понять, откуда исходит звук, и заметила, что сквозь щель между дверями гардероба просачивается белый дым. Ей даже не пришлось бежать. Словно у нее не было выбора, она подошла к гардеробу, чтобы выяснить, в чем дело.

Как только открылась дверь, она поняла, что все время была права.

Все ее органы чувств. Ее интуиция. Тревога и наихудшие опасения.

Все было обоснованно.

Из гардероба вышел человек, одетый в грубую темную одежду и ботсы. Лицо скрывал противогаз.

– Кто ты и что ты здесь делаешь? – Карен заплакала и почувствовала, что сейчас упадет. – Отвечай. Пожалуйста, отвечай... Что ты хочешь? Почему ты здесь?

Но посетитель не ответил ни на один вопрос.

Раздавалось только шипение – это он дышал в противогаз.

Карен никогда больше не придется бояться.

Фабиан Риск, держа обеими руками руль, ехал из Стокгольма сквозь снежное ненастье, которое все усиливалось, и пытался избавиться от неприятного чувства, что ввязывается в историю, масштабы которой он даже не представляет. Чувства, что ему лучше отказаться от задания и повернуть обратно домой, к своим детям.

Но от такого задания просто так не отделаться. Эдельман поручил дело именно ему, и он достаточно хорошо себя знал и понимал, что не будет придавать значения предчувствиям. Министр юстиции бесследно исчез во второй половине дня, и Фабиан, как и Эдельман, нисколько не разделял надежд Полиции безопасности на то, что министр исчез по собственной воле и скоро вновь объявится.

Что-то определенно случилось.

Вставив в ухо наушник, он позвонил домой, но услышал только свой собственный голос, попросивший его оставить сообщение после звукового сигнала. Он оставил сообщение Матильде и Теодору, сказав, что вернется домой немного позже, чем собирался, и что они должны лечь спать. Что они, должно быть, и сделали – ведь уже больше половины двенадцатого, подумал он и вставил в CD-плеер альбом *The Pearl* Гарольда Бадда и Брайана Ино.

The Pearl был далеко не самым его любимым альбомом, но этот диск он купил одним из первых, и этому альбому всегда находилось место в его коллекции – как и большинству композиций, к которым приложил руку Ино, – а на данном этапе он нравился ему больше, чем когда-либо.

Фабиан ехал по мосту Дроттнингхольмсбрун под чарующие звуки пианино, которые заполнили салон так, что снежинки за стеклом стали казаться ему симпатичными кулисами в частном театре, а не реальной непогодой.

Он поехал дальше прямо по шоссе Экеревеген до шоссе Рербюеген, где свернул налево и примерно через пятьдесят метров остановился у особняка, рядом с которым было припарковано несколько машин. Одна из машин – красная «Мазда RX-8» – мигнула фарами дальнего света. Он припарковал свой автомобиль и поспешил сквозь вьюгу. Как только он сел на пассажирское сиденье, Нива включила коробку передач и, скользя, выехала на шоссе.

– Проклятая погода, – сказала она, так прибавив скорость, словно

завтра не наступит никогда. – Кстати, привет.

– Здорово. Шикарная машина.

– В такую погоду это скорее корова на льду, а не машина. Твоя наверняка была бы гораздо лучше, но я не хочу привлекать к нам слишком много внимания.

– Ничего, что я втянул тебя во все это?

– Эх... Зачем тогда я здесь, а не в теплом ночном клубе Spy Bar?

– Разумеется, чтобы встретиться со мной, – ответил Фабиан с улыбкой.

Нива рассмеялась, повернула направо и остановилась у закрытых ворот с вывеской:

РАДИОТЕХНИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

– Ты все шутишь, – сказала она и нажала на маленький пульт. Ворота открылись. – Но сегодня вечером мне уже назначили свидание, так что времени у нас в обрез, – продолжила она, сумев припарковаться и выйти из машины до того, как Фабиан успел ответить.

Они поспешили сквозь снег к входу в одно из неприметных зданий, и только теперь Фабиан обратил внимание на прическу, маленькую меховую куртку, высокие каблуки и короткую юбку с золотыми блестками. Нива действительно куда-то собирается после того, как они закончат. Сам он не мог вспомнить, когда последний раз выходил в свет. Особенно вечером в середине недели.

Нива приложила пропуск к считывающему устройству, набрала длинный код и раздвинула дверь. Фабиан кивком показал на табличку «Отдел поддержки деятельности» на двери перед ними.

– Разве ты не сидишь в отделе технического развития?

– Сижу, – сказала Нива и быстро пошла вниз по лестнице. – Но сейчас мы пойдем в обход.

Фабиан едва поспевал за Нивой, несмотря на ее каблуки. Его поразило, что снаружи здание является только вершиной айсберга. Спустившись на несколько этажей вниз, Нива опять приложила свой пропуск, открыла толстую железную дверь и исчезла в темноте. Фабиану ничего не оставалось, кроме как идти на стук каблуков по бетонному полу, пока не замигал ряд ламп дневного света, и стало понятно, что подземный коридор тянется дальше на сто метров. Еще одна тяжелая железная дверь и еще один лифт, и они оказались у «Отдела технического развития».

Этот отдел был поистине самым известным в Радиотехническом центре вооруженных сил и одновременно самым закрытым для

общественности. В отличие от всех остальных подразделений Центра, этот отдел не нуждался в решении суда и по большей части мог беспрепятственно заниматься любой прослушкой, пока она подходила под определение «техническое развитие».

– Ну, ладно. Министр юстиции, говоришь? – Нива уже села за один из письменных столов в комнате без окон и стала зажигать экраны, закрывающие почти весь обзор. – У тебя случайно нет его мобильного телефона?

– А разве не поэтому мы здесь? – спросил Фабиан и сел на стул рядом с ней.

Она пожала плечами.

– Это ты мне позвонил, а не я тебе. – Она ввела ряд команд и принялась входить на разные серверы, как засветился ее мобильный.

– Привет... Извини, но я должна помочь старому товарищу с одним делом и немного задержусь... Конечно... Да, я обещаю... О'кей... Пока. – Она отложила телефон и ввела в мигающее поисковое поле «Карл-Эрик Гримос».

– Это тот, с кем у тебя свидание?

– М-м...

– Он расстроился?

– А кто сказал, что это он?

– Ой, извини. Я...

Нива одарила Фабиана улыбкой, которая вполне могла означать издевку. Наверняка так и есть, подумал он и кивнул на экран, теперь заполненный рядами имен.

– А сейчас ты где?

– В отделе личной охраны Полиции безопасности, – сказала Нива и перенесла в поисковое поле на соседнем экране защищенный мобильный номер министра. После чего нажала на *поиск положения*, и стало видно, как идет поиск. Еще на одном экране появилась увеличенная карта Стокгольма, и через несколько минут в воде у набережной Кансликайен возникла мигающая точка.

– Здесь его видели в последний раз?

Нива кивнула.

– Сегодня в 15:26.

Спустя две минуты после того, как он скрылся через фойе Депутатского здания. Значит, он пошел прямо сюда и избавился от мобильного или сам прыгнул в воду. Зачем ему было это делать? Есть значительно более удобные способы лишить себя жизни, чем прыгать в

ледяную воду среди бела дня. Или он кого-то встретил по дороге?

– А можно посмотреть, говорил ли он с кем-то по телефону в это время?

Нива кивнула, и вскоре на одном из экранов появился график, отражающий мобильный трафик министра вплоть до 15:26.

– Он несколько раз говорил по телефону в первой половине дня, когда еще находился в Русенбаде.

– Ты видишь, с кем?

– Да. Но насколько я могу судить, ничего особенного. Хотя... Около девяти у него состоялся короткий разговор с Херманом Эдельманом.

– С Эдельманом? – переспросил Фабиан. Он не мог понять, почему его начальник ни словом об этом не обмолвился. – А с кем еще?

– Через тринадцать минут он позвонил в израильское посольство, но положил трубку до того, как ему ответили, а около половины десятого разговаривал с неким Мельвином Стенбергом из отдела личной охраны Полиции безопасности.

– Понятно, он решил прогуляться до здания Риксдага, так что наверняка звонил по этому поводу.

– Есть еще несколько разговоров с другими министрами и с начальником штаба министерства. Но ничего захватывающего дух.

– А эти разговоры где-то записаны?

Нива рассмеялась.

– Ты слишком много читал Оруэлла.

– Может быть, но сейчас мы говорим о министре юстиции, и именно его телефон должен представлять для вас большой интерес.

– Разумеется. Но даже у нас есть ограничения. Я могу распечатать список всех разговоров с указанием времени и абонентов. Может, на этом и закончим?

– Закончим? – спросил Фабиан, изучая график разговоров министра.

– Да. А что сказала бы Соня, если бы нас здесь занесло снегом? – Нива встала и подошла к заурчавшему принтеру. – Ведь ее так зовут, твою жену?

– Да. Но... – Фабиан осекся, поняв, что напрямик летит в западню. Несмотря на назначенное свидание, она была не прочь поиграть с ним. Словно учуяла, что их брак трещит по швам, и была готова в любую минуту вцепиться в него когтями.

– Что «но»? – она подошла к нему с улыбкой.

– А что это? – Фабиан повернулся к одному из экранов и показал на графике две маркировки с указанием времени. – Эти два разговора ведь состоялись после 15:26.

– Да, но на них не ответили.

– Значит, кто-то пытался дозвониться ему после того, как мобильный оказался в воде... Можно узнать кто?

Нива вздохнула и взглянула на часы. Улыбку как рукой сняло.

– Ради меня.

– Ты за это заплатишь. Так и знай. – Она посмотрела на него, села на стул и опять повернулась к клавиатуре. – У первого, позвонившего в 15:28, к сожалению, тайный номер.

– И ты ничего не сможешь выяснить?

– Могу, но не сейчас. На это нужно время.

– О'кей. А второй, в 15:35?

– Это номер... Стена Густавссона, и он... – Пальцы Нивы бегали по клавиатуре, словно она всегда только этим и занималась. Фабиана по-прежнему восхищали люди, которые могли печатать, не отрывая глаз от экрана. – Работает водителем в Русенбаде.

– Понятно... Наверное, он ждал Гримоса и не понимал, куда тот делся, – сказал Фабиан. – Кстати, что это значит? – он показал на графике маленькую маркировку и несколько цифр рядом с разговором.

– Это показывает, сколько времени была подключена линия. Возможно, Стен Густавссон положил трубку, как только заработал автоответчик.

– А вот аноним этого не сделал, – сказал Фабиан и всмотрелся в график. – Двадцать четыре секунды. Вполне достаточно, чтобы записать сообщение. А ты как думаешь? – он повернулся к Ниве, но та в ответ только пожала плечами. Но Фабиан не сдавался – он не сводил с нее глаз, пока тишина не стала слишком давящей.

– Ладно, – сказала Нива и покачала головой. – А теперь шутки в сторону.

– Конечно, – Фабиан взял распечатку списка телефонных разговоров, пока Нива продолжала работать. Через несколько минут она закончила и включила сообщение:

«Сейчас у Карла-Эрика Гримоса нет возможности ответить на ваш звонок. Пожалуйста, оставьте сообщение или лучше отправьте мейл».

«Привет, это я... – послышался женский голос. – Да, я знаю, что мне лучше не звонить на этот номер. Но я пыталась несколько раз на другой номер, но ты не отвечаешь, и даже если ты так не считаешь, у меня тоже есть жизнь. Не только у тебя. Так отвратительно...» Раздался щелчок, и разговор закончился.

Нива повернулась к Фабиану.

– Ты слышал то же, что и я?

Фабиан кивнул.

У Гримоса был еще один мобильный.

Несмотря на снег, Дуня Хоугор пробиралась по улице Готерсгаде в центре Копенгагена. Но вспомнив, как Карстен три года назад ехал домой на велосипеде после ночной попойки в Вестербро, она решила слезть с велосипеда и повезти его в руках.

Он чуть-чуть не рассчитал расстояние до тротуарного бордюра на улице Х. К. Эрстеда и через долю секунды грохнулся лицом на асфальт. Но вместо того, чтобы спокойно лежать и ждать помощи, встал и поехал на велосипеде дальше, будто ничего не случилось. И только на следующее утро обнаружил, что у него выбито несколько зубов, а лицо в определенных местах похоже на прокрученное через мясорубку мясо. С тех пор он не брал в рот спиртного.

В чем Дуню нельзя упрекнуть. Как и ее новое контактное лицо Малин Ренберг. Вопреки ожиданиям вечер затянулся, и, честно говоря, она уже давно так много не смеялась.

Вначале шведская сотрудница полиции была точно такой же правильной и скучной, как и большинство шведов, с которыми сталкивалась Дуня. Но после нескольких глотков вина ее словно подменили, и оказалось, что она очень остроумная, прямая и открытая. Дуня с легкостью представляла себе, как они в будущем поддерживают регулярный контакт и через пару лет даже могут стать по-настоящему хорошими подругами.

И все-таки ее что-то коробило и никак не давало покоя. Вообще-то, она точно знала, что это, но легче от этого не становилось. Малин пошла на нее как танк, утверждая, что Карстен ее не любит. Это можно объяснить тем, что шведка позволила себе немного выпить первый раз за полгода.

Дело в том, что она сама только об этом и думала, хотя была полностью уверена, что они с Карстеном словно созданы друг для друга. Конечно, у них есть проблемы. А у кого их нет? И как часто люди занимаются сексом? Если уж говорить честно. Нет, она никогда ни капельки не сомневалась в том, что они с Карстеном пара.

Во всяком случае, до сегодняшнего вечера.

А теперь она не знала, что ей думать. Одна мысль о том, что существует риск, пусть даже микроскопический, что Малин права, давалась ей с трудом. Может быть, потому, что у нее еще не выветрился хмель, подумала она, продолжая идти мимо станции Норрепорт, где

усиливающаяся непогода забросала ее мокрыми снежинками.

Когда она вползла в квартиру на улице Блогордсгаде, 4, то была похожа на снежное чудовище из комикса «Тинтин в Тибете». По привычке она слишком легко оделась. Только бы опять не подцепить уретрит.

В гостиной горел свет, и из стерео раздавались звуки одной из самых любимых композиций Карстена. Что-то классическое, что она слышала минимум тысячу раз, но все равно никогда не могла вспомнить название произведения. Значит, он сидит и работает.

В обычных случаях она подходила к нему, здоровалась, а потом спрашивала, есть ли чай или не хочет ли он, чтобы она поставила чайник. Но только не сегодня вечером. Нет, этот вечер будет совсем другим, и она покажет этой беременной шведке, как на самом деле они с Карстеном влюблены друг в друга.

Поэтому она как можно тише прокралась в ванную и закрыла дверь, не запирая ее, чтобы ее не выдал скрежет старого замка.

Дуня встала под душ и включила воду. Намылившись и вымывшись, достала пену для бритья и бритву и стала обрабатывать зону бикини.

Она много раз собиралась это сделать и читала, что большинству мужчин это нравится. Но она никогда не осмеливалась довести дело до конца, и решила: сейчас или никогда. Закончив бритье, вытерлась, встала перед зеркалом на коврик и намазала крем с оливковым запахом, который Карстен привез ей из своей последней поездки в Стокгольм.

Сказалось ли тепло после принятия ванны, блуждающие мысли или прикосновения собственных рук, она не знала. Но, во всяком случае, она была полна желания, когда натянула на себя кимоно, вышла из ванной и пошла в гостиную, где Карстен сидел за письменным столом, уставившись в экран компьютера.

Он все еще не заметил, что она дома, и Дуня, пользуясь случаем, стала его рассматривать. Как всегда, он замечательно выглядел. Ни разу не переступив порог спортивного зала, он производил впечатление хорошо натренированного мужчины. Ей не нравились в нем только усы, которые он упрямо отращивал последний месяц. Усы ему не шли, и она не сомневалась в том, что на самом деле он того же мнения и не сбривает их лишь для того, чтобы дразнить ее.

– Привет, любимый, – сказала она, подходя к нему.

– Привет. Ты уже дома? – спросил Карстен, не отрывая взгляда от биржевого курса.

– М-м... Знаешь, что я делала?

– Да, ты ведь должна была ужинать с этой шведской полицейской. Где

вы были?

– Я не об этом. Сейчас, после того, как пришла домой. – Дуня ждала реакцию. Но Карстена словно поглотили бесконечные таблицы с цифрами. – Я приняла душ, и теперь вся такая теплая и чистая. – Она начала массировать его плечи. – И подумала, не могли бы мы... Ну, ты знаешь, пока мы не слишком устали...

– Чай готов, если хочешь, – Карстен кивнул в сторону кухни.

– Нет, спасибо, – сказала она, не понимая, что делать дальше. Она же не может вот так стоять и массировать его до бесконечности. – Тебе много осталось?

– Скоро открывается Токийская биржа, а я еще не закончил с цифрами от FED.

У Дуни уже пропало желание, и ей хотелось только забраться под одеяло с чашкой дымящегося горячего чая и продолжать читать «Тьму в бутылке» Юсси Адлера-Ольсена. Но она обещала самой себе броситься в омут с головой и надеялась, что Карстен готов ее подхватить.

– Как хорошо. Тогда, наверное, мы сможем немного пообщаться до того? – Она расстегнула верхние пуговицы его рубашки, засунула руки под рубашку и начала массировать ему грудь.

Карстен повернулся на стуле.

– Что ты делаешь?

– А на что это похоже? – Она опустила руки вниз и стала расстегивать его ремень.

– Пожалуйста, не сейчас... – Он отвел ее руки. – Я только что выздоровел и к тому же давно не был в душе.

– Наплевать. – «Теперь я прыгаю», – подумала она, сбросив кимоно на пол.

Карстен посмотрел на нее. Или, скорее, уставился. Она чувствовала себя моделью на фотографии Хельмута Ньютона, но не могла решить, хорошо это или плохо. Карстен, похоже, не знал что сказать, но, в конце концов, поднял глаза и встретился с ней взглядом.

– Ты же знаешь, что это значительно увеличивает риск уретрита.

Дуне хотелось одного: как можно быстрее отойти от него, взять все назад и навсегда уничтожить. Но ноги отказывались ее слушаться, и она продолжала стоять на месте, более обнаженная, чем когда-либо, с таким видом, будто пытается забрать обратно свою невинность. Она расплакалась, и только тогда смогла поднять с пола кимоно и быстро отойти.

– Любимая, прости. Я не хотел... – Карстен пошел за ней в ванную,

дверь которой она успела закрыть прямо перед его носом. Он попытался открыть дверь. – Послушай... Это же для твоего блага. Ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь. Но...

– Карстен, все в порядке, – сказала Дуня, вытирая под глазами. – Я все равно страшно устала. – Она надела мужскую полосатую пижаму и села на крышку унитаза.

– Я люблю тебя, знай это.

– Я тоже тебя люблю, – отозвалась она, не переставая думать о том, как права ее новая шведская беременная знакомая.

Он действительно это увидел или ему померещилось?

Как можно крепче держась за руль, Аксель Нойман бросил еще один взгляд в зеркало заднего обзора. Проклятье. Так и есть. Полицейская машина ехала за ним в каких-то двадцати метрах. Он выпил три кружки пива и полторы порции джина с тоником, как вдруг решил не ночевать в городе, а сделать Карен сюрприз и поехать на машине в Тибберуп. Тогда, в минутном порыве, это показалось ему совершенно логичным. Она была вне себя от беспокойства, и он не смог позволить себе оставить ее одну на целую ночь. И на новом «БМВ ХЗ» с «умным» приводом на четыре колеса он доберется до дома за каких-нибудь полчаса.

Но теперь его решение больше не казалось таким очевидным. Он никак не мог понять, почему не остался ночевать в квартире в Вестербро. У Карен настолько часто случались приступы боязни темноты, что стали скорее правилом, чем исключением. Если так будет продолжаться, ему придется отказаться от вечерних эфиров.

Он опять посмотрел в зеркало и убедился, что полицейская машина по-прежнему держалась на том же расстоянии. Если им взбредет в голову остановить его сейчас, у него нет ни малейшего шанса, и разразится скандал. Он уже представил себе заголовки. *«Известный телеведущий сел пьяным за руль – провел ночь под арестом»*. Они не сразу назовут его имя, а будут подогревать любопытство и распространять разные слухи о том, кто это может быть. И только через несколько суток бросят бомбу вместе с пикантными деталями о том, как он описался и не мог выйти из машины без посторонней помощи.

Как он мог сделать такую страшную глупость? Он же обещал себе в прошлый раз, что больше это никогда не повторится. В каком-то смысле он заслуживает отправки в полицейский участок, лишения водительских прав и всей этой лабуды. И, может быть, именно это ему и нужно. Но только не сейчас.

Главное, не ехать слишком медленно. Это, без сомнения, наиболее распространенная ошибка, которую совершают те, кто садится пьяным за руль. Перестраховка и езда со скоростью гораздо ниже разрешенной, чтобы избежать аварии, – самый верный способ привлечь к себе внимание полиции. Наоборот, надо ехать в соответствии с указателями или даже с небольшим превышением. Трудность заключается в том, что одновременно

надо держаться в своем ряду. Черт возьми, он еще не протрезвел. Он еще пьянее, чем когда садился в машину. Черт, черт, черт. Он опустил боковое стекло, вдохнул ледяной воздух и попытался сосредоточиться на дорожной разметке.

Все хорошо и спокойно. Осталось немного. Еще километр, и он рядом с «Луизианой», а там только свернуть к воде после церкви, и через какую-то сотню метров он дома.

Как в плохом фильме, включился синий свет и проник прямо в салон. Проклятье... Он споткнется на финишной черте. Он попытался разглядеть в зеркале, насколько близко полицейская машина, но его ослепил сильный свет. У него просто-напросто нет другого выбора, кроме как затормозить и попытаться заговорить им зубы, что он делает мастерски. Но эта лихорадочная мысль лишь мелькнула у него в голове, не успев сформироваться, поскольку полицейская машина промчалась мимо и исчезла дальше в темноте.

– Да! – Аксель забарабанил по рулю и издал радостный вопль. Он выпутался, хотя его душа ушла в пятки, и стал обещать себе, что это последний раз. Самый последний раз.

Он миновал церковь в Хумлебеке, снизил скорость и свернул направо на улицу Гаммель Страндвей. Скоро покажется дом. Его пульс наконец начал осознавать, что опасность миновала. Он проехал мимо серебристого «Порше», припаркованного вдоль дороги, и через пятьдесят метров заехал во двор и припарковался рядом с машиной Карен.

Прожекторы почему-то не загорелись, и, выйдя из машины, он понял, что в саду выключено все освещение. И это Карен, которая всегда зажигала свет, когда была одна дома!

Он стал пробираться по снегу к дому по дорожке, выложенной булыжниками, и оперся о фасад, чтобы не потерять равновесие, когда вставлял ключ в замок. Но он не смог повернуть ключ, поскольку дверь оказалась незапертой. Совсем не похоже на Карен. Сначала освещение в саду, а теперь дверь. Он ничего не понимал.

В ее голосе, несомненно, слышалось больше тревоги, чем обычно, и она даже попыталась заставить его отменить передачу. Но тогда он был не в состоянии это воспринять. Он в принципе никогда не мог ничего воспринять за минуты до того, как загоралась красная лампа. Он был целиком сосредоточен на предстоящей передаче.

Аксель вошел в холл, думая о том, сколько раз он пытался объяснить Карен, что это не имеет ни малейшего отношения к его любви к ней. Что это происходит в его подсознании. Если земля провалится за пределами

телестудии, он осознает это только после передачи.

Но она никогда ему не верила и каждый раз утверждала, что это еще одно доказательство того, что он слишком эгоцентричен и по гамбургскому счету ей нет места в его жизни. Он все время пытался доказать ей обратное. Например, как он помогал ей, когда она болела, особенно материально. Если это не доказательство, то что тогда? Он стянул ботинки и чуть было не потерял равновесие.

А протрезвеет ли он вообще? Сейчас ему казалось, что уровень алкоголя в крови все еще растет. Он заглянул в гостиную и отметил, что Карен, во всяком случае, там нет, а это значит, что ей, в конце концов, удалось успокоиться и лечь спать. Но услышав, как дверь спальни в холле открылась и закрылась, он поправил себя: Карен *собирается* ложиться спать. Тогда она, по крайней мере, знает, что он дома. Хорошо.

Чтобы не возникло сомнений, что будет дальше, он все время свистел, пока шел в ванную комнату. Там он стащил с себя одежду, сбросив все на пол в одну кучу, залез в душ и встал под теплую воду. Он включил режим спокойного летнего дождя. Ему страшно нравился новый душ, который мог воспроизвести все, от муссонного дождя до плотного тумана.

Смыв мыло, он вытерся, втянул живот и стал изучать свое тело в зеркале спереди и сбоку. Хотя он не молод, жаловаться особенно не на что. Он был в хорошей форме и, без труда отжавшись тридцать раз на полу в быстром темпе, наконец вышел из ванной и пошел через весь дом в спальню. Дойдя до спальни, сунул голову в темноту.

– Привет! Можно войти? – Он ждал ответа, который так и не последовал.

Значит, сегодня они играют в эту игру, подумал он и прошел дальше. Бессловесная игра, где можно говорить только на языке жестов и плотских желаний. А ведь она обычно никогда не выключала лампу, пока он не входил и не ложился рядом с ней. Теперь было так темно, что ему пришлось держаться руками за край кровати, чтобы не пойти в другую сторону. Затем он залез под одеяло на своей стороне и лег на спину. Хмель еще не выветрился, и ему оставалось только надеяться, что она этого не заметит. Как бы там ни было, ее очередь проявить инициативу, подумал он и попытался притвориться, что засыпает.

Кроме слабого шума вентиляции и собственного дыхания, он ничего не слышал. Карен почти всегда дышала бесшумно. Сам он мог храпеть всю ночь, из-за чего Карен периодически грозилась уйти спать в другую комнату, если он не начнет использовать капу от храпа. Надо признаться, это обещание он нарушал почти каждую ночь. Он откинул одеяло, будто бы

во сне. Его напрягшийся член теперь совсем обнажился и смотрел прямо на пупок.

Но Карен никак не отреагировала. Что с ней происходит? Она же не может вот так лежать и дуться на то, что он не отменил передачу, не бросился в машину и не поехал домой только потому, что она немного боится темноты? Нет, наверное, он просто слишком проявляет нетерпение и рвется в бой. Он приложил ладонь ко рту и выдохнул, но не понял, пахнет ли от него спиртным.

Прождав еще одну бесконечно долгую минуту, он сдался, повернулся к ней, запустил руку вниз под одеяло и отметил, что она лежит на спине. Он провел рукой вверх и слегка коснулся ее соска. В большинстве случаев это ее заводило. Но сейчас он не заметил никакой реакции. Даже когда дотронулся языком.

Он отбросил одеяло, наклонился над ней и стал кончиком языка осторожно описывать круги вокруг соска и по его верхушке. По-прежнему никакой реакции. Он стал думать, что сделал не так. Ведь обычно он так начинает. Он решил сосредоточиться на нижней части, хотя знал, что Карен может сразу сникнуть, если идти напролом. Но разве у него есть выбор? Она фактически его вынуждала.

Аксель провел рукой от груди по ребрам и животу, и тут, почувствовав что-то липкое, инстинктивно отдернул руку и сел. «Что это такое, черт возьми?!» – спросил он сам себя и зажег прикроватную лампу.

Сначала он подумал, что это ему чудится. Что он уже заснул и ему снится дурной сон, который должен вызвать у него угрызения совести за то, что он оставил ее одну. Но когда он все осознал, это повергло его в такой сильный шок, что ему стало трудно дышать и пришлось выйти из комнаты, чтобы глотнуть воздуха.

Фабиан Риск выключил радио и свернул на улицу Бергсгатан. В утренних новостях ни словом не обмолвились об исчезновении министра юстиции, зато посвятили большую часть эфира горячим дебатам о том, надо ли детям и беременным делать прививку от свиного гриппа, а также похищению Адама Фишера.

Он надеялся, что Нива скоро даст о себе знать. По дороге домой из Радиотехнического центра она обещала узнать тайный мобильный номер министра юстиции, одновременно попытавшись уговорить его пойти с ней куда-нибудь выпить, поскольку ее свидание, в конце концов, отменилось. *«Это, пожалуй, самое малое, что ты можешь сделать»*, – сказала она.

Но страх того, к чему – он в глубине души надеялся – приведет этот поход в бар, заставил его отказаться от ее приглашения и сослаться на детей, которые были одни дома. *«Тогда в следующий раз»*, – прошептала она ему в ухо, и он услышал, как обещает пригласить ее.

Фабиан опустил боковое стекло, прижал маленький пластмассовый ключ к считывающему устройству и поехал вниз, в гараж в здании полиции. Планы прийти первым и успеть изучить некоторые появившиеся зацепки до прихода Малин и всех остальных уже окончились ничем. В целом, это утро можно считать классическим примером того, как не стоит начинать день.

Сони дома не было, она ночевала в мастерской. Матильда и Теодор, похоже, вообще не спали, и он с огромным трудом поднял их с кроватей. Вернее, со своей кровати, если быть точным. Когда он пришел домой около половины первого, оба лежали, свернувшись калачиком, под одеялом.

Фабиан сначала не поверил своим глазам. Матильда и Теодор в принципе никогда не играли друг с другом. У них была слишком большая разница в возрасте, и их единственным общим интересом было стремление действовать друг другу на нервы. Соня считала, что, когда дети вырастут, они будут получать больше удовольствия от общения друг с другом, но Фабиан сомневался. Наоборот, он видел много признаков того, что у них так же не будет никаких отношений, как у него с братом, старшим на пять лет.

Но когда он заметил футляр старого классического фильма *«Кошмар на улице Вязов»*, лежащий на DVD-проигрывателе, он сразу понял причину внезапной любви брата и сестры. На следующее утро они опять взялись за

свое и ссорились из-за всего: начиная с того, кто выпьет остатки какао, и кончая тем, сколько можно занимать ванную комнату.

Была уже половина девятого, и на стоянке он увидел машину Малин Ренберг, хотя она прилетела из Копенгагена только утром.

– Андерс... Но Андерс, пожалуйста, выслушай меня, – сказала Малин в телефон, одновременно закатив глаза при виде Фабиана, который снимал верхнюю одежду. – Чтобы иметь хоть малейший шанс закончить в этом столетии, нам надо нанять настоящих ремонтников. И если ты не понял, то я вообще-то на сносях... Нет, теперь говорю я. – Она замолчала и выпила стакан колы. – И ты считаешь, что я в состоянии провести все выходные на четвереньках и класть плитку в ванной? Нет, но тогда... Что? Нет, я не надулась. Я беременна!

Малин так швырнула трубку на рычаг, что Фабиан подивился тому, что трубка в принципе выдержала.

– Иногда, но только иногда, случается, что вы, мужчины, включаете мозги. Типа каждый второй високосный год... – Она покачала головой, налила в стакан еще колы и залпом выпила. Потом она глубоко вдохнула, снова подняла трубку и набрала номер. – Привет, это опять я... Послушай, извини... Я не хотела... Я просто больше не в силах заниматься ремонтом... Я тоже тебя люблю... Целую... – Она положила трубку и перевела взгляд на Фабиана. – Я собиралась позвонить тебе, чтобы узнать о вчерашней встрече.

– Все в порядке? – спросил Фабиан и сел за письменный стол напротив.

У Малин был такой вид, словно она не знала, с чего начать.

– Что бы вы ни делали, ты и Соня. Что бы вы ни делали, никогда не покупайте дом, который требует ремонта. Обещай мне. И говорю «никогда» в том смысле, что даже никогда не думайте об этом. Никогда не заходите на сайт продажи домов Hemnet. Пусть вашей ноги не будет в коттеджном поселке, даже если ваши лучшие друзья только что туда переехали. Ладно? Оставайтесь в городе. Ради бога, не выезжайте за черту города, если хотите выжить.

– Ладно. Обещаю, – сказал Фабиан, включая компьютер.

– Мало того, у меня первое похмелье с тех пор, как появились эти двое, – Малин показала на свой живот и налила себе еще колы. – Но сейчас на это наплевать. Лучше расскажи о встрече.

– Похмелье? – переспросил Фабиан, думая о том, как бы ему элегантно перевести разговор на другую тему. – Получается, я-позволила-себе-хотя-я-

на-сносях-и-жду-двойню?

Малин с усталым видом посмотрела Фабиану в глаза.

– Ты же знаешь этих датчан.

– Э, нет, не знаю. Расскажи. Да, кстати, ты нашла контактное лицо?

– Да, очень приятная женщина. Но хочу подчеркнуть, что я выпила максимум полтора, ну два бокала вина.

– А какой величины был бокал?

– Давай не об этом, а о встрече. Я хочу знать все.

– Доброе утро. В Копенгагене все прошло хорошо?

Они повернулись к Херману Эдельману, стоявшему в дверях с дымящейся чашкой кофе в руке и с утренними газетами под мышкой.

– Да, было очень интересно, – ответила Малин. – Я собиралась рассказать о поездке на собрании в девять часов. Кстати, о собрании. Я хотела бы знать все, что...

– Между прочим, – сказал Эдельман и повернулся к Фабиану. – У тебя есть несколько минут?

– Разумеется, – Фабиан встал.

– Пойдем ко мне.

– Я успею налить себе чашку чая? – спросила Малин, также встав.

– Конечно, успеешь. Собрание начнется только через двадцать минут, – сказал Эдельман. – И нам не терпится услышать больше о прекрасном Копенгагене.

Фабиан развел руками в сторону Малин, но чувствовал, как ее вопросительный взгляд жег ему затылок, пока он шел по коридору.

Всегда, когда Фабиан переступал порог доверху забитого кабинета Эдельмана, он словно совершал путешествие во времени и попадал на тридцать лет назад. За все годы на месте начальника Эдельман упрямо отклонял любое предложение о ремонте, и теперь дело зашло так далеко, что начали говорить о том, как важно сохранить кабинет в своем первоначальном виде для будущих поколений.

Фабиан подозревал, что главное для Эдельмана – оставить свой гудящий холодильник, где всегда хранились запасы икры, красного лука и холодного пива. Толстый телевизор с видеоманитофоном, может быть, включали не так часто, но пока на полке стояла его коллекция классических видеофильмов, он явно не собирался с ними расставаться.

Он даже воспротивился тому, чтобы покрасить желтые от никотина стены, аргументируя это тем, что тогда обнаружат, что он нарушает запрет на курение.

– Садись, – Эдельман сел у окна в кресло для чтения и стал набивать трубку.

Фабиан убрал подушку и несколько папок с потертого кожаного дивана и сел.

– Так, у нас только пара минут. Последнее, что я слышал, – Полиция безопасности нашла мобильный, – сказал Эдельман и зажег трубку.

– В заливе Риддарфьерден рядом с набережной Кансликайен? – спросил Фабиан.

– Да. Как ты об этом узнал?

– Сегодня ночью мы определили местоположение телефона, и там он работал последний раз. К тому же оказалось, что у министра есть еще мобильный, но с тайным номером. Если все пойдет как надо, мы сегодня определим его местоположение.

Эдельман задумался и отхлебнул кофе.

– Ты говоришь *мы*? Я полагаю, что второй – это не я.

– Это бывшая коллега, которая больше не имеет к нам никакого отношения. Я подумал, что это лучше, чем привлекать Новака.

– Бывшая коллега. – Эдельман выпустил облачка трубочного дыма. – Ты имеешь в виду Ниву. А я думал, что совершенно ясно дал понять, что не надо вмешивать посторонних.

– Тебе из-за нее нечего беспокоиться. Она точно понимает, почему...

– Позволь мне решать, из-за чего мне беспокоиться.

Фабиан собрался было кивнуть, но остановил сам себя. Если сейчас он примет замечание, то рискует в скором времени потерять свободу действий. Обычно он в целом мог вести следствие так, как хотел. Но это был особый случай, и Эдельман явно считал, что может управлять им как марионеткой.

– Ты разговаривал с Гримосом за несколько часов до его исчезновения, – сказал Фабиан, решив, что сейчас либо пан, либо пропал. – О чем вы говорили?

Эдельман был явно не готов к вопросу. Но он быстро нашелся и сделал еще одну затяжку.

– Ничего важного. Иначе бы я упомянул об этом еще вчера.

– Но теперь следствие веду я, так что позволь мне решать, что важно.

Эдельман расплылся в улыбке и рассмеялся.

– Хорошо, Фабиан. Хорошо. Мы говорили о депутатских дебатах, на которые он шел. И если я не ошибаюсь, речь должна была идти о внесении каких-то поправок в законодательство.

– Ты почувствовал в нем беспокойство или что-то еще, что может

иметь отношение к его исчезновению?

Эдельман покачал головой и опять рассмеялся.

– Нет, но обещаю, что скажу, если что-то вспомню. Кстати, о телефонном разговоре. – Эдельман встал, подошел к письменному столу и вернулся со старым телефоном Nokia 6310i и зарядным устройством. – С этого момента я хочу, чтобы ты звонил мне с этого телефона. Номер найдешь под названием «Еврейский театр».

Фабиан взглянул на мобильный, и на него буквально пахнуло нафталином, хотя всего лишь год назад у него был подобный.

– О'кей, пока что мы все выяснили. Или, может, хочешь продолжить допрос?

– Только одна вещь. Чтобы избежать возможного непонимания, – сказал Фабиан, сделав вид, что не заметил иронии.

– Да?

– Ты дал мне задание, которое идет вразрез с четко выраженной волей начальника Главного полицейского управления.

– Конечно. Но ты знаешь так же хорошо, как и я, что...

– Херман, тебе не надо переходить к защите. Я не считаю это ошибкой. Наоборот, я считаю нашей обязанностью выяснить, что произошло. Но если что-то пойдет не так, по шапке дадут мне, а не тебе.

– Что правда, то правда. Значит, следи за тем, чтобы все шло как надо.

– Именно это я и делаю. И собираюсь продолжать. Я только хочу, чтобы ты отдавал себе в этом отчет. – Фабиан сделал усилие, чтобы не отводить взгляда от Эдельмана, пока не добьется своего.

Эдельман долго не отвечал, и тишина становилась все более давящей. Но в конце концов последовал ответ в виде едва заметного кивка.

– Уже две минуты десятого, – сказал Эдельман и пошел к двери. – Нет никаких оснований заставлять остальных ждать.

Фабиан кивнул, встал и мысленно с облегчением вздохнул. Он выиграл и теперь мог работать дальше с развязанными руками.

Софи Леандер открыла глаза, но была вынуждена зажмуриться и отвести взгляд от лампы, которая светила прямо на нее. Ей ничего не оставалось, кроме как снова закрыть глаза. Все ее тело – ноги, бедра, руки, туловище – было стянуто такими тугими ремнями, что в некоторых местах оно потеряло чувствительность. Ремень на шее был не таким тугим, но все равно не давал ей поднять голову больше, чем на миллиметр.

В каком-то смысле она сама понимала, что ничего другого и не заслуживает. Ее попытка переделать действительность под себя – такой тяжкий грех, что наказание неизбежно. Что она себе внушила? Что за все эти годы, когда ничего не происходило, срок давности истек?

Конечно, ее грызло беспокойство, что в один прекрасный день правда ее настигнет. Но такого она не ожидала. Даже самые страшные кошмарные сны не могли сравниться с той ситуацией, в которой она теперь оказалась. Обернутый полиэтиленом стол, к которому ее привязали. Дырка для эксcrementов. Лампа со слепящим светом. Рядом маленький металлический стол, все еще до блеска отполированный и пустой, и все еще отключенные аппараты, которые только и ждали, когда их включат и они начнут делать свое дело. Капельница и зонд для кормления, вставленный ей в рот. Все было на месте и говорило о том, что вопрос не в том, *если*, а в том, *когда* это произойдет.

Софи пыталась считать сутки, но это было почти невозможно из-за постоянно горящего яркого света и прерывистого сна. Навскидку она могла сказать, что лежит крепко привязанная трое-четверо суток. По логике это должно означать, что полиция не слишком далеко. Ее муж наверняка обратился к ним в тот же вечер и дал им всю информацию, необходимую для того, чтобы как можно быстрее выйти на след.

Вопрос только, успеют ли они вовремя.

Она услышала, как под столом заурчал зонд для кормления. Скоро ее рот наполнится густой массой с резким химическим привкусом клубники. От одного только запаха Софи начинало тошнить. Один раз она решила посмотреть, что случится, если она не проглотит, а постарается выплюнуть, но рот был слишком плотно заклеен скотчем, и от своей выходки она чуть было не задохнулась. С тех пор она запихивала в себя густую жижу маленькими быстрыми глотками, пытаясь думать о чем-то другом, чтобы ее не вырвало.

Сейчас было труднее, чем обычно, и она заметила, что считает глотки. Обычно было от тридцати до пятидесяти глотков. Она сделала двадцать второй глоток и почувствовала, что не выдержит ни одного свыше сорока.

Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь... Что это? Она сбилась со счета и прислушалась. Раздались шаги или померещилось? Жижка забила ей рот, и Софи попыталась проглотить все сразу, от чего ее затошнило. Если она не ослышалась, то впервые уловила присутствие другого человека.

Когда зонд наконец стих, а искусственная жижка лежала и разбухала у нее в животе, она убедилась, что кто-то действительно ходит за металлической стеной. Шаги звучали в отдалении, но если ее не подводит слух, они становились все слышнее.

А вдруг к ней идут на помощь? Только, судя по звукам, это не большой наряд полиции с оружием наперевес и сиренами на заднем плане. Похоже, к ней направляется кто-то один. Значит, пришло время? Неизбежный конец, о котором она изо всех сил старалась не думать, но которого ждала уже несколько суток. Шаги становились все слышнее, и сейчас она поняла, что вопреки тому, что думала раньше, совсем не готова. Ее моментально охватила паника, и если бы она могла, она бы закричала во все горло.

Софи не ожидала от себя такой реакции. Она беззвучно расплакалась, а тем временем отдающиеся эхом шаги становились все слышнее. Она представила себе, как скальпель проникает ей под кожу. Скоро включат электродвигатель и поднимут двери-жалюзи, и правда, которую она так долго скрывала, засмеется ей прямо в лицо.

Но электродвигатель не заработал и шаги не остановились, а пошли дальше. Значит, это не к ней. Она попыталась свистнуть и издать какой-то звук, какой угодно, но ничего не получилось. Оставалось только лежать и слушать, как шаги удаляются и становятся все слабее.

Значит, ее время еще не пришло.

Учитывая, что случилось, и в первую очередь с кем случилось, Дуня Хоугор совсем не должна была удивиться такому количеству прессы, которая захватила район, словно к ним приехал цирк. «Берлингске», «Политикен», «Экстра Бладет» – все крупные газеты были на месте, и репортеры DR и TV2 вели прямые трансляции. Но она именно удивилась. По правде говоря, Дуня вообще ни на что не рассчитывала и ничего перед собой не видела. Она была полностью занята тем, как ей пережить первую половину дня.

На час позже, чем Ян Хеск и остальная команда, она вылезла из машины, подавила кислый позыв к рвоте и, пробираясь сквозь толпу журналистов, пообещала самой себе, что это в последний раз. Самый последний раз. Нет ничего хуже похмелья. Хотя сейчас у Дуни было даже не похмелье, а мучительная агония.

С головной болью у Дуни не было проблем. Она справилась с ней с помощью таблеток. Нет, ей не хотелось жить из-за дурноты. Вывернутый наизнанку желудок, в котором ничего не держалось и который упрямо терроризировал все тело. Два раза ей пришлось съехать на обочину, остановиться и распрощаться с большей частью завтрака, который она заставила себя съесть, чтобы не показать Карстену, как она на самом деле себя чувствует.

– Так вот ты где. Где тебя носило? – спросил ее Ян Хеск, как только она вошла в дом.

– В дороге возникли некоторые осложнения, – сказала она и заметила, что у Хеска, всегда такого стройного, под рубашкой появился животик.

– Вот как? Что это за...

– Уверяю тебя: ты не станешь слушать. Гораздо интереснее, как у вас идут дела, – ответила она, натягивая пару бахил.

– Да все как обычно. Сама знаешь, масса вопросов, но мы все выясним. Если только нам дадут спокойно работать. – Хеск повел ее по дому. – Сейчас самая большая проблема – держать прессу на расстоянии. Сама видела. Они, черт возьми, хуже, чем комары на шведской даче.

Дуня осмотрелась и сразу же поняла, что ее зарплаты, даже если она станет начальником всего отдела убийств, никогда даже близко не хватит на подобный дом.

– Ведь этот парень участвовал в «Танцах со звездами»... Когда это

было? Три-четыре года тому назад. А ведь он, черт возьми, вообще не умел танцевать.

– Но вы к чему-то пришли?

– Лучше ты сама на все посмотришь. – Хеск остановился перед дверью в спальню и пропустил Дуню вперед.

Она остановилась, сделав всего один шаг, и уставилась на двуспальную кровать посреди комнаты. Последний раз она видела Карен Нойман, когда сидела у стоматолога и листала бульварный журнал. Это были фото с премьеры какого-то фильма, название которого она не могла вспомнить, и ее поразило, что Карен и Аксель выглядели как влюбленные, хотя женаты свыше двадцати лет.

Теперь Карен лежала в своей кровати, голая и вся в крови, которая натекла как из нижней части тела, так и из многочисленных ран. Подойдя ближе, Дуня увидела настолько сильные и глубокие удары, что их, очевидно, нанесли не обычным ножом, а каким-то более крупным и тяжелым предметом, который прошел через все слои кожи, а в некоторых местах даже через хрящи и кости.

– Нет, не отводи глаза. Продолжай смотреть, – Оскар Педерсен из отдела судмедэкспертизы вышел из расположенной рядом ванной комнаты в своем белом халате. – Человек ко всему привыкает, и неважно, идет ли речь о раздражающем звуке или об отвратительном запахе. В конечном итоге мы вообще перестаем это замечать. Точно такая же история с видом разорванных человеческих тел. Уверяю тебя. И согласишься, что зрелище завораживает.

«Педерсен заигрался, как ребенок в Леголенде. А ведь на кровати лежит голая изувеченная женщина», – подумала Дуня.

– Какое, по-твоему, использовано оружие?

– Во всяком случае, это не нож, – Педерсен подошел к ней поближе. – Ставлю свою зарплату, что это топор. И отнюдь не игрушечный, – он показал размер руками. – Речь идет о настоящем орудии, способном расщепить бревно одним ударом. Ты сама видишь: грудная клетка полностью раздроблена, не говоря уже о внутренних органах. – Он ввел инструмент в одну из ран на животе и раскрыл ее, чтобы можно было заглянуть поглубже.

– Думаю, мне достаточно, – сказала Дуня, почувствовав, как то небольшое, что осталось от завтрака Карстена, поднимается вверх.

– Нет, подойди и посмотри.

Хеск не мог ее спасти. Он стоял у гардероба к ней спиной. А поскольку она ни при каких обстоятельствах не хотела устраивать сцену

перед судмедэкспертом, то наклонилась вперед и заглянула в растерзанные внутренности. На нее пахло чем-то сладким и густым, и ей пришлось задержать дыхание.

– Видишь? Полностью разорвано. словно кто-то проехался по ней газонокосилкой.

Дуня, не шевелясь, кивнула, а потом выпрямилась и посмотрела ему в глаза.

– А кровь из низа живота?

– Я еще не дошел до этого, но смею высказать догадку, что он с ней немного поразвлекся, пока не съехал с катушек.

– А кого ты имеешь в виду под *он*?

Педерсен посмотрел на Хеска, который теперь повернулся к ним.

– Большинство улик указывает на то, что это Аксель Нойман, – ответил Хеск.

– Аксель? Ты имеешь в виду ее мужа? – переспросила Дуня, и Хеск кивнул. – Вы в этом уверены? А я думаю, что он не способен так поступить со своей женой, – она кивнула на кровавую баню в постели и почувствовала, как к ней начинает возвращаться энергия.

– Почему ты так считаешь? Ты же еще не пробыла здесь и минуты. Или ты читаешь сплетни в журнале «Видеть и слышать»?

Дуня собиралась возразить, но передумала. Это следствие вел Хеск, а не она. Официально у них было одно звание, но он дольше служил в полиции, и поэтому такое большое и сложное расследование автоматически поручили ему. Ее задача – содействовать и предлагать идеи. Но не брать следствие в свои руки. К тому же он попал в самую точку, говоря о бульварных журналах.

– Итак, на данный момент мы имеем следующее. – Хеск встал посреди комнаты. – Ноймана якобы видели в баре Karriere Bar, в частности, с Каспером Кристенсеном, одним из гостей его ток-шоу. По словам его коллег по TV2, он должен был ночевать в своей квартире в Вестербро. Но по какой-то причине поехал домой. Рихтер зафиксировал четкие следы его «БМВ Х3».

– Это вы обо мне? – спросил криминалист Кьель Рихтер, входя в комнату.

– Я только объясняю, что следы указывают на то, что Аксель Нойман был здесь, а потом исчез на своей машине.

Рихтер кивнул, задумчиво почесывая щетину, которая вместе с бакенбардами и бровями явно нуждалась в тримминге.

– Но теперь по случайности мы нашли следы третьей машины.

- Что за третья машина?
- Кроме машин Акселя и Карен, здесь после полуночи была еще одна машина.
- А откуда ты знаешь, что это было после полуночи? – спросил Хеск.
- В колее нет нового снега, а согласно информации метеослужбы, снег перестал идти около двенадцати ночи.
- Значит, тут замешан третий человек, – предположила Дуня. Рихтер кивнул.
- О'кей, но это не меняет расклада, а скорее подкрепляет мою версию, – сказал Хеск. – Жена приводит кого-то домой, думая, что муж переночует в городе. Но вместо этого супруг приезжает сюда и застает их с поличным. Все сорвалось, и он бежит за топором. Тем временем Дон Жуан сматывается. Значит, как только мы его найдем, у нас будет свидетель.
- Дуня пожала плечами.
- Что? Ты по-прежнему не веришь, что это он? – в голосе Хеска теперь слышалось настоящее раздражение.
- Дуня не знала, что ей сказать. Дело не в сплетнях. Она была полностью уверена, что это не Аксель Нойман.
- О'кей, приведи мне хоть один аргумент, почему это не...
- Подожди, у меня звонит мобильный, – прервала его Дуня и посмотрела на телефон. – Ой, это Слейзнер. Пожалуй, мне лучше ответить... Да, Дуня Хоугор слушает.
- Я ведь могу и обидеться. У тебя действительно не записан мой номер и ты не видишь, что это я? – спросил Слейзнер деланным капризным голосом.
- Конечно, я увидела, что это ты, – ответила Дуня, изо всех сил пытаюсь понять, почему он позвонил ей, а не Хеску. – Но в рабочее время я всегда так отвечаю.
- Вот оно что. Тогда, пожалуй, я буду звонить тебе немного чаще после окончания рабочего дня. Хе-хе...
- Дуня ответила на вопрос в глазах Хеска пожатием плеч.
- Но сейчас не об этом. Пресса впилась в меня, как пиявки.
- Здесь то же самое. Но если ты насчет следствия, тебе лучше поговорить с Яном.
- Тогда бы я позвонил ему. Дело вот в чем: через час я назначил пресс-конференцию, и мне надо что-то сказать.
- Вот как? Но...
- Что угодно. Только чтобы они на некоторое время успокоились.
- Слишком рано. У нас все еще нет четкого расклада, и Рихтеру нужно

больше...

– Дуня, у меня такое чувство, будто мы сбиваемся с курса. Ведь у вас должно быть хоть что-то? Если нет, чем вы тогда занимались столько часов?

– Кое-какие улики указывают на то, что здесь замешан третий человек. Но на данный момент мы точно не знаем, каким образом и какую роль он мог играть.

– Значит, это может быть как любовник, так и преступник?

– Или и то и другое, – сказала Дуня, почувствовав, что идет по такому тонкому льду, что не провалится только чудом. – Но пока что это лишь отдельные версии. На твоём месте я бы проявила очень большую осторожность...

– Но сейчас ты, к счастью, не на моем месте. Передай остальным, что, как только вы приедете обратно на работу, у нас будет собрание. Увидимся. – В трубке щелкнуло.

– Прости, но что, черт возьми, это значит? – спросил Хеск. – Что? Почему он звонит тебе, когда следствие веду я?

– Сама удивляюсь. Понятия не имею.

– Ты полностью в этом уверена?

– На что ты намекаешь? Что я якобы тайно встречалась со Слейзнером, чтобы взять на себя расследование?

Хеск развел руками.

– Это не я пришел сюда на час позже всех остальных.

Дуня почувствовала, что ей надо сесть.

Дурнота вернулась.

Фабиан Риск составил длинный список вещей, которые хотел проверить. Он хотел связаться с ответственным за безопасность в здании Риксдага и попросить копию видео, снятого камерой наблюдения, который он видел в Полиции безопасности. Он хотел детально изучить распечатку телефонных разговоров, которые Карл-Эрик Гримос вел последние часы до исчезновения, и к тому же встретиться с водителем, который ждал министра в машине. Но ничего этого он не мог сделать. Он мог только притвориться, что у него сколько угодно времени, и сесть с остальными за круглый стол в совещательной комнате, в которой, несмотря на то что собрание еще даже не началось, уже было нечем дышать.

Держа в руках помеченные кофейные чашки, все отодвинули стулья, которые за долгие годы протерлись и стали «своими», и сели. Один раз несколько лет назад Фабиан не удержался и сел на чей-то чужой стул, чтобы увидеть реакцию коллег. Но вскоре посчитал эту затею слишком рискованной и пересел, пока не стало поздно.

По кругу пустили термос с кофе, который так долго стоял на плите, что его вкус больше напоминал дубильную кислоту, чем кофе. Как всегда, жестяная коробка с печеньем Danish cookies застряла у Маркуса Хеглунда, который упрямо выбирал свои любимые печенья, которых, как заметил Фабиан, становилось все больше и больше. Он не мог понять, куда девалось то, что Маркус в себя запихивал. Во всяком случае, на его талии это никак не отражалось. Правда, ему еще не исполнилось и тридцати пяти, но это ничего не значит. Организм Фабиана стал по-другому сжигать калории еще в возрасте двадцати пяти лет, и с тех пор все, что он клал в рот, упорно откладывалось снаружи.

Коробку с печеньем в свое время стал приносить не кто иной, как Карл-Эрик Гримос, и с тех пор это превратилось в традицию, существующую самостоятельно. Как упертый таракан, который никак не хочет уходить из жизни. Эдельман никогда не ел печенья и несколько лет назад сделал дерзкую попытку покончить с традицией, но ему оказали такое сильное сопротивление, что он в мгновение ока все вернул обратно. Фабиан не понимал этих протестов и был уверен в том, что на самом деле никому не нравятся масляные печенья, обсыпанные сахарной крошкой. Во всяком случае, никому, кроме Хеглунда.

– Нам надо многое обсудить, и поэтому давайте начнем, – сказал

Эдельман, повернувшись к Малин Ренберг. – Малин, ты ведь приехала из Копенгагена, и, насколько я понял, поездка была по-настоящему удачной.

Малин допила свою колу и кивнула.

– Очень удачной. Я бы рекомендовала всем не упустить возможность и поехать в следующий раз. По-моему, говорили, что весной будет Берлин.

– Берлин – это здорово, – заметил Томас Перссон и провел рукой по своему ежику волос. – А ты что скажешь, Ярмо?

– Ты же знаешь, как я отношусь к поездкам, – отозвался Ярмо Пяивинен со своим ярко выраженным финским акцентом, которым упорно бравировал.

– Как бы то ни было, у меня в Копенгагене теперь есть хорошее контактное лицо, и она занимает точно такую же должность, как и...

– Малин, у тебя наверняка много интересных впечатлений и есть чем поделиться. Но я думаю, мы сделаем это в конце собрания. Если у нас будет время, – прервал ее Эдельман, одарив улыбкой.

– Как хочешь. – Она взяла печенье и посмотрела на Фабиана, который в свою очередь изо всех сил старался скрыть, что у него в кармане завибрировал мобильный.

И только когда началось собрание, он смог достать телефон под столом и прочесть СМС:

«Позвони, как только сможешь.

Нива».

Уйти прямо сейчас слишком рано. Это кончится тем, что заинтересуются все, а не только Малин. Но ждать окончания собрания – об этом не могло быть и речи.

– У нас по-прежнему нет никаких новостей по поводу Диего Аркаса? – спросил Эдельман.

– Нет, а что мне делать? Пока Ингер сидит дома с больным ребенком, я один, – сказал Маркус Хеглунд и запил печенье глотком кофе.

– Что тебе делать? Извини, но я не могу сидеть здесь и молчать, – отозвался Томас Перссон и засунул под верхнюю губу снюс. – Маккан, ты можешь объяснить мне, почему так важно, чтобы вас было двое? Не для того ли, чтобы ты мог сидеть здесь и грызть сахар? Тебе, черт возьми, есть чем заняться.

Хеглунд закатил глаза и обратился за поддержкой к остальным, но напрасно.

– Можете думать, что хотите. Но это неправда, что я бездельничаю

только потому, что Ингер больше сидит дома с больным ребенком, чем бывает здесь. Помимо клуба «Black Cat» на улице Хантверкаргатан мне и отчасти Ингер удалось выявить семь различных квартир в городе, где веселье продолжается практически круглые сутки. Конечно, можно брать квартиру за квартирой, но лучше всего провести синхронную операцию, что я не собираюсь делать без Ингер.

– Хорошо. Как скажешь, – пожал плечами Томас Перссон. – Я только считаю, что...

– Думаю, на этом мы остановимся, – перебил его Эдельман. – Если в понедельник она не выйдет, мы будем решать эту проблему как-нибудь по-другому.

Хеглунд кивнул и запихнул в рот еще одно печенье, вытаращив глаза на Томаса.

– Если что, мы с Фабианом можем помочь, – сказала Малин, повернувшись к Фабиану. – Так ведь? Как раз сейчас нам нечем заняться.

– Почему нечем? – спросил Фабиан, хотя по ее глазам видел, что она просто подкалывает его.

– Как я сказал, подождем до начала следующей недели, – сказал Эдельман, повернувшись к Ярмо Пяивинену и Томасу Перссону. – Как я понял, у вас есть кое-какие новости в отношении машины Адама Фишера. Давайте послушаем.

Ярмо кивнул, сдвинул очки для чтения на кончик носа и стал рыться в своих документах.

– Я или ты? – спросил Томас, барабанил пальцами по столу.

– Спокойно... – Ярмо продолжал искать, и Фабиана поразило, как старо он выглядит, хотя он только на пять-шесть лет старше его самого. Одиночество ему явно не на пользу – четыре года тому назад от него ушла жена, забрав с собой детей.

– Да, я не знаю, успели ли вы послушать новости, где мы официально заявили, что речь идет о похищении.

– Что мы все время подозревали, – добавил Томас.

– Как вы знаете, это последние кадры, на которых заснят Фишер, – Ярмо раздал несколько снимков, сделанных камерой контроля скорости, которая зафиксировала Адама Фишера в его кроссовере.

– Так было до вчерашнего дня, – сказал Томас со страшно довольным видом, поигрывая татуированными бицепсами. – Вчера нам чертовски повезло.

– Может быть, лучше ты расскажешь? – Ярмо повернулся к своему коллеге, моложе него на двадцать лет.

– Нет, нет, продолжай.
– Ты уверен?
– Да-да, рассказывай, – сказал Томас и опустил глаза на стол.
– Фишер живет в квартале Мосебакке, и я не знаю, почему мы не подумали об этом раньше. Мы просто-напросто связались с близлежащими гаражами. И в конце концов нашли то, что искали, в гараже на Слюссене.
– Что, машина была там? – спросила Малин.
– Нет, но вот пленка, отснятая камерой наблюдения, – Томас поднял DVD и встал. – Вы готовы? – Он подошел к старому телевизору, вставил диск в DVD-плеер и попытался включить видео с помощью пульта.
– Пульт не работает, – сказал Маркус Хеглунд. – Надо нажимать кнопки на телевизоре. Подожди, я тебе покажу. – Он встал и подошел к Томасу.
– Нет, все в порядке. Я сам все сделаю, – отозвался Томас и стал искать пальцами нужную кнопку.
Пока они включали аппаратуру, у Фабиана снова завибрировал мобильный.

«Скоро пойду на совещание, и тогда до конца дня занавес будет опущен.

«.

Фабиан больше не мог ждать и встал.
– К сожалению, мне надо идти.
– О'кей. Ничего страшного, – сказал Эдельман.
– Что значит – ничего страшного? – спросила Малин. – Из-за какого такого важного дела ты должен уйти посреди собрания, когда ты даже не ведешь никакого следствия?
– Это из школы, где учится Матильда. Они просят меня как можно быстрее позвонить.
– Понятно. Будем надеяться, что ничего серьезного.
– Да, будем действительно надеяться, – сказала Малин и покачала головой в сторону Фабиана, когда тот выходил из комнаты.
– Ладно, давай ты, – сказал Томас и отошел в сторону, чтобы Хеглунд смог несколько раз нажать на одну из маленьких кнопок, после чего телевизор ожил.

Пока шли гудки, Фабиан Риск рассматривал себя в зеркале над раковиной. У него еще не было кругов под глазами. Но через несколько дней они появятся, и тогда он будет выглядеть как минимум на десять лет старше. Он выдернул из носа пару волосков и понял, что левый бакенбард длиннее правого.

– Наконец-то.

– Мы подозреваем, что Полиция безопасности нас прослушивает. Так что с этой минуты пользуйся этим номером, – сказал Фабиан. – Ты что-нибудь выяснила?

– Вот прямо возьми и скажи. И никаких прелюдий?

– Извини, как-нибудь в другой раз. Именно сейчас...

– Только скажи, где и когда. А ты не забыл, что уже должен мне бокал вина?

– Нет, нет, конечно, не забыл. За кого ты меня принимаешь?

– Ни за кого. Во всяком случае, пока. Но то, что я сейчас скажу, тянет как минимум на ужин.

– Может быть. Но сейчас я не знаю, что у тебя есть.

– Да, ты покупаешь кота в мешке и надеешься на лучшее.

– Иными словами, у меня нет другого выбора?

– Фабиан... У человека всегда есть выбор.

Она играет с ним, и ему следует соблюдать правила игры.

– Молчание – знак согласия. Так что ты выбираешь?

– Кота.

– Хорошо. Выбрать было не так трудно. И можешь быть совершенно спокоен. Я уверена, что ты будешь доволен. Сообщение на автоответчике Гримоса оставила женщина по имени Сильвия Бреденьельм, и всего лишь несколько минут назад она позвонила на номер без абонентской платы 073–785 66 29.

– Это номер тайного телефона Гримоса?

– Так точно.

– А у тебя есть распечатка мобильного трафика и на этом номере?

– Да, но им пользуются только эти двое, так что если ты не собираешься работать в бульварной газете «Экстренные происшествия», тебе нечего тратить на это время. А сейчас появится кот. Ты готов записать?

Фабиан достал шариковую ручку и закатал рукав пиджака.

– Готов.

– 59.311129, 18.078073.

Фабиан записал комбинацию цифр на внутренней стороне руки.

– А это что?

– Последнее местоположение мобильного, плюс-минус десять-пятнадцать метров.

– А он еще включен?

– Нет, он исчез вчера в 16:04, то есть почти через сорок минут после первого.

– Потрясающе, Нива. Ты мне действительно очень помогла. Я позвоню.

– Знаю.

Фабиан закончил разговор, спустил воду и вышел из туалета. Наконец-то у него появилась конкретная зацепка. Не садясь за письменный стол, он включил компьютер и зашел на Гугл Карты, куда ввел координаты, записанные на руке. На экране показалась карта Стокгольма, и красный маркер в виде воздушного шара указал вниз, на район Седермальм. Фабиан увеличил картинку до уровня улиц и увидел, что маркер показывает адрес: улица Эстгетагата, 46.

Раньше он не понимал смысла в гигантской работе, которую проделал Гугл, чтобы сфотографировать угол каждой улицы в Стокгольме – первом городе Швеции, где был предоставлен этот сервис. Но когда ему в конечном итоге удалось овладеть командами и обнаружить здание на углу улиц Эстгетагата и Блекингегата, он мысленно поблагодарил их. Закрытый строительными лесами, дом выглядел словно нежилой.

Снимок, скорее всего, сделан осенью, и нет никакой гарантии, что здание по-прежнему на ремонте. Если окажется, что ремонт еще идет, или, что лучше, прерван в ожидании, когда закончится финансовый кризис, это отличное место, где можно прятать жертву.

Он очистил историю поиска, выключил компьютер и чуть было не налетел на Малин Ренберг.

– Как же ты спешишь, а ведь тебе нечем заняться. Во всяком случае, насколько мне известно.

– Малин... Извини, но у меня нет времени, – он попытался обойти ее, но она не пускала его.

– Какая неудача. Я не сдамся, пока ты, черт возьми, не расскажешь, что происходит.

Фабиан быстро прокрутил в голове различные варианты, но понял, что у него нет шанса двинуться дальше, сказав только половину правды.

– Садись в машину и поезжай за мной.

В это утро, точно так же, как всегда, в одиннадцать часов он сидел у углового окна, пил кофе и решал sudoku, слушая по Radio Stockholm сводку о ситуации на дорогах. Он не знал, почему, но, сколько он себя помнил, ему нравились сводки о ситуации на дорогах и прогноз погоды, а особенно длинные морские сводки, которые детально описывали направление и силу ветра в каждом уголке шведского побережья.

Но именно это утро отличалось от всех других. Хотя он прослушал всю морскую сводку, он совсем не чувствовал себя спокойно. Волнение подкралось к нему незаметно. Он попытался побороть его с помощью японского пазла, но не смог внести ни одной цифры. Мысли словно сами решали, о чем ему думать, и давали ему все меньше возможности высказаться.

А ведь он все эти годы так упорно работал над тем, чтобы взять их под контроль. Теперь они опять возникли и заставляли его думать о массе запрещенных вещей. Он сделал радио громче и взял sudoku попроще. Но даже это не помогло, и, в конце концов, ему пришлось выключить радио и отложить ручку.

И тут до него дошло, что изменения начались еще несколько недель назад. Может быть, даже еще раньше. И чем больше он об этом думал, тем больше понимал, что в последнее время все стало по-другому. У него было необычайно плохое настроение, но это еще не все. Например, он надел голубую рубашку, хотя сегодня четверг, а по четвергам он всегда надевает зеленую. А что с прогулкой вокруг залива Орставикен в прошлое воскресенье? Он вообще ходил на прогулку? Он не помнил.

Это не единственное, чего он не помнил. Вся прошлая неделя, можно сказать, превратилась в одну большую черную дыру. Исключение – вчерашнее утро, оттуда он помнил какие-то отдельные моменты. Он слишком долго лежал в кровати и не мог не думать обо всем том, о чем обещал себе никогда больше не думать.

Но оставшуюся часть дня он забыл напрочь.

Он принимал все свои лекарства, тут нет никаких сомнений. Каждый день – утром, после обеда и вечером он запивал таблетки стаканом чуть теплой воды, ощущая, как они опускаются вниз по пищеводу. Так что дело не в этом. Тогда в чем? А что, если он делал это только мысленно, не подкрепляя конкретным действием? Или доза была слишком слабой? Как

там сказал врач? Они должны увеличить или уменьшить? И что там пахнет? Он ведь не забыл вынести мусор во вторник?

От всех вопросов у Оссиана Кремпа закружилась голова, и он почувствовал, что должен лечь и отдохнуть. Но не выйдет. Особенно из-за этих мужчины и женщины, которые все ходят и ходят по улице. Так люди не делают, подумал он и пошел за биноклем. Люди куда-то идут, а не кружат на одном месте, как те двое. Вперед-назад, туда-сюда, как будто что-то ищут.

Он не знал их. Но через какое-то время сумел вычислить их машину и путем простого поиска в интернете выяснил, что ее владелец некто Фабиан Риск, который, как оказалось, занимается расследованием убийств в Государственной криминальной полиции Стокгольма. Беременная женщина – должно быть, его коллега и тоже одна из подчиненных Хермана Эдельмана.

В каком-то смысле он ни капельки не удивился. В глубине души он только и ждал, что они вылезут из своих нор и покажут свои отвратительные дьявольские хари. Правда, он не рассчитывал, что все произойдет так быстро. Но вот они здесь. Проклятые полицаи.

Интересно, как это произошло? Он ведь сделал все, чтобы схорониться, как только вышел на свободу. Он не только взял девичью фамилию своей матери, но и не повесил табличку с этой фамилией на дверь квартиры, которую снимал через одного или даже нескольких посредников. Он усмирил в себе все страсти и стал ждать в уверенности, что в один прекрасный день, как ему обещал врач, полностью избавится от своего прошлого Я.

Но это не сработало. Хотя он делал точно так, как ему велели, и выполнял все предписания, в нем горел огонь. Врач задавал ему вопросы, а он отвечал то, чего от него ждали. В глубине души уже через год лечения он осознал, что это никогда не утолить. Что бы ни делал, это никуда не денется.

Голод.

Он снова посмотрел в бинокль и увидел, как двое полицейских скрылись под строительными лесами. Они его в самом деле уже нашли? И кто дал им право прийти сюда и третировать его? Выбить дверь и ворваться. Прижать его к полу, надеть на него наручники и обыскать его дом.

Допустим, ему в голову приходят запрещенные, неуправляемые мысли. Допустим, он и его врач несколько лет безуспешно работали над тем, чтобы их заглушить. Допустим, для окружающих так будет лучше

всего. Но его самого это больше не беспокоило. Ни в малейшей степени, если уж честно. Первый раз за несколько лет он соглашался с ними вплоть до мельчайшей детали. Он соглашался с каждой из своих запретных мыслей.

Если эти мерзкие гребаные сучки сунутся к нему, он будет готов.

Он вопьется в них зубами и разорвет их на куски.

Терять ему все равно нечего.

Только бы этот день кончился, подумала Дуня Хоугор и представила, как забирается под одеяло и засыпает до прихода Карстена домой. Но день только начался, и хотя она выпила как минимум два литра воды и приняла несколько порций препарата Resorb, она по-прежнему чувствовала себя совершенно разбитой.

Она налила себе чашку черного кофе и села на свое место за стол для совещаний напротив Яна Хеска, который, похоже, по-прежнему не сомневался, что она за его спиной о чем-то договорилась с Кимом Слейзнером. Кьель Рихтер сидел с торца и пытался найти, куда бы ему отвести взгляд. Все молчали, и тишина с каждой минутой становилась все более ощутимой.

Наконец открылась дверь и вошел Слейзнер, обводя глазами комнату. На нем была рубашка с запонками и галстук, а на лице остался грим после пресс-конференции. Насколько знала Дуня, больше никто из мужчин-полицейских не гримировался перед пресс-конференцией. Но Слейзнер любил пресс-конференции как никто другой, и созывал их по делу и без. Никто лучше него не мог стоять в свете прожекторов и делать из мухи слона.

– Кто-нибудь из вас видел пресс-конференцию? – Он подошел к кофемашине Nespresso.

Все – Хеск, Рихтер и Дуня – покачали головами.

– Не спрашивайте как, но мне чудом удалось заставить всех поверить, что мы, черт возьми, знаем, чем занимаемся. Так что теперь ваша очередь позаботиться о том, чтобы я не наобещал слишком много. – Он вставил капсулу, предоставив машине сделать все остальное.

«Как всегда, не заплатив», – подумала Дуня. Хотя он отчитывал всех остальных, как только кончались деньги на кофе. Сама она никогда не пользовалась кофемашиной. Не столько из-за нравучений Слейзнера, сколько из-за того, что ей не нравился вкус этого кофе, который все остальные так единодушно считали потрясающим. Для нее было загадкой, как более или менее весь западный мир согласился на промывание мозгов и членство в секте: ты должен покупать кофе на роскошных улицах и переплачивать втрое. Не говоря уже об экологии.

– О'кей, послушаем, что мы имеем. Какую версию мы отрабатываем?
Хеск откашлялся и встал.

– Как уже было сказано, мы по-прежнему в начале расследования, и у нас масса вопросов без ответа, но исходя из тех следов, которые нашли Кьель и его люди, больше нет сомнений, что тут замешан третий человек.

Как всегда, Хеск упорно вставал, обращаясь к Слейзнеру, и, как всегда, Дуня не могла понять почему.

Уж если кто и презирал Слейзнера и то, что он собой представляет, так это Ян Хеск. Но, наверное, он таким образом просто проявляет гибкость и делает все, чтобы стать членом клуба и двигать свою карьеру.

Чем больше она об этом думала, тем больше раздражалась. Хеск постоянно заискивал перед теми, кто стоял на несколько ступенек выше него. Если бы это давало преимущество, он бы наверняка не дрогнул, если бы Слейзнер спустил штаны и...

– Она весь день где-то не здесь...

Только через несколько секунд Дуня поняла, что Хеск имеет в виду ее.

– Прости, о чем это ты?

– Ты тоже так считаешь? – спросил Слейзнер, повернувшись к ней.

– Версия, – уточнил Рихтер. – Ну, ты знаешь. Нойман приезжает домой, застаёт жену в постели с мистером Большой, приходит в ярость и хватается за топор.

– Извини, я немного отвлеклась, но... – сказала Дуня, не имея ни малейшего понятия, как ей продолжить, не наступив Хеску на большую мозоль.

– Что – «но»? – спросил Хеск.

– Не знаю. Но сколько бы я ни думала, мне трудно представить себе, что Аксель Нойман мог сделать нечто подобное. – Она посмотрела на один из снимков расчлененного тела Карен Нойман.

– Я связывался с персоналом бара Karriere Bar. Там явно было выпито много джина с тоником, – заметил Хеск.

– К тому же он не раз избивал людей в барах, – добавил Рихтер.

– Да, но тем не менее, – Дуня нащупывала продолжение. – Может быть, звучит банально, но Аксель и Карен – одна из тех пар, которые после всех лет производили впечатление настоящих влюбленных.

– Дуня... Мы же полицейские, которые расследуют преступление, а не авторы сценария новой мыльной оперы, – сказал Хеск, закатив глаза.

– Но идея хорошая, – отозвался Рихтер и взял свой мобильный, который зазвонил. – Похоже, здесь будет много сюжетных поворотов. Да, Рихтер слушает... – Он встал и вышел из комнаты.

– Я только думаю, что это не он, – произнесла Дуня.

– А кому интересно, что ты думаешь? – спросил Хеск. – И если он так

невиновен, как ты утверждаешь, почему тогда он исчез?

– Не знаю. Надеюсь, когда мы найдем его, он даст нам достойный ответ. Но если он вернулся домой раньше, чем планировал, преступник мог еще быть в доме и Аксель мог начать его преследовать. Вполне в его духе, особенно если он был пьяным.

– Именно. Это то, что имел в виду Кьель, – сказал Слейзнер и кивнул в знак согласия.

– И еще я думала вот над чем...

– Может, поговорим об этом после, во время кофе-паузы? – перебил ее Хеск. – Если мы хотим взять его, пока он далеко не ушел, мы должны...

– Пожалуйста, дай ей договорить, – Слейзнер знаком попросил Хеска сесть.

Хотя Дуня краем глаза видела, что Хеск готов взорваться, ей ничего не оставалось, кроме как продолжить.

– Ян, я не понимаю, почему ты на меня злишься.

– Не понимаешь?

– Нет, я всего лишь пытаюсь продвинуть следствие вперед. Конечно, я могу ошибаться, но я чувствую: тут что-то не так. Взять хотя бы орудие убийства: по словам Педерсена, это здоровый топор. А я не увидела в доме ни поленьев, ни камина, значит, там нет никакого топора. Тогда откуда он взялся? Аксель возил его с собой в машине на случай, если ему понадобится кого-то убить?

Хеск задумался и через какое-то время пожал плечами.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Слейзнер, не глядя в сторону Хеска.

Дуня показала один из снимков с изображением Карен Нойман на окровавленной кровати.

– Только посмотрите, сколько здесь крови. И тем не менее, я не вижу ни одного кровавого следа ни на полу, ни в холле. Значит, преступник хорошо подготовился и постелил полиэтилен или что-то такое. – Она положила снимок обратно в пачку. – Кто бы это ни был, он не новичок.

– Да, не отрицаю, что в этом больше логики, – сказал Слейзнер в тот момент, когда в комнату вернулся Рихтер.

– Готов анализ следа третьей машины, – сказал он, садясь на место. – И тут есть одна довольно интересная деталь. – Он сделал искусственную паузу, но слишком короткую, чтобы ее успели заметить. – По всем признакам, это спортивная машина с двойными шинами.

– Двойными шинами? – переспросила Дуня. – Кто в наше время ездит с двойными шинами?

– Вот и я спрашиваю.

– Шведы. Они без ума от двойных шин, – подал голос Хеск. – Когда мы ездим в Смоланд на Рождество, там каждый Эмиль разъезжает на своей «вольво» с двойными шинами.

– Значит, мы имеем дело с преступником-шведом, – заключил Слейзнер. – Час от часу не легче.

– Я по-прежнему склоняюсь к Акселю Нойману, но в то же время не хочу ничего исключать. Поэтому думаю объявить его в розыск и параллельно работать над шведским следом, – предложил Хеск.

Дуня кивнула с облегчением – лицо Хеска становилось нормального цвета.

– Мы можем выяснить в компании «Scandlines», была ли у них на ночном пароме спортивная машина со шведскими номерными знаками. Если преступник из Швеции, он мог сесть на паром до Хельсингборга.

– Хорошая мысль, Дуня. И кстати, – Слейзнер встал, – теперь вы докладываете все Дуне, которая с этой минуты отвечает за расследование и, в свою очередь, докладывает непосредственно мне. Вопросы есть?

Никто ничего не сказал, и через секунду Слейзнер вышел из комнаты.

Но в комнате, словно плотный липкий туман, повисла тревога. Дуня чувствовала, как комок в горле все растет и мешает ей дышать. К тому же из-за дурноты то небольшое, что она съела в обед, готово было выйти наружу. Она не знала, куда ей деваться, куда смотреть или что сказать, и больше всего ей хотелось провалиться сквозь землю.

Но ей ничего не оставалось, кроме как остаться сидеть со своими мыслями, которые, подобно разъяренным журналистам, забрасывали ее вопросами. Это ее вина? Она переступила черту, заняла слишком много места и переборщила со своими идеями? Или Слейзнер планировал это с самого начала? Именно поэтому он позвонил ей, а не Хеску на место преступления? Но в таком случае почему? Чего он на самом деле добивается? Ведь есть какая-то цель.

Это единственное, в чем она совершенно не сомневалась.

– О'кей, – сказал Рихтер на выдохе, прервав молчание. – Кто-то понимает, что, черт возьми, происходит?

– Понятия не имею. Я абсолютно ничего не понимаю, – сказала Дуня, повернувшись к Хеску. Только сейчас она увидела, как того трясет от злости. Он мог рассердиться, она это знала. Ян сам рассказывал, как в детстве доходило до того, что он бросал вещи на пол и пинал стены до дыр. Но таким злым она его никогда не видела.

– Ян, поверь мне. Я так же, как и ты, ничего не понимаю. Ты ведешь

это следствие, и я, я...

Хеск прервал ее, фыркнув, и вперил в нее взгляд.

– Не надо сидеть здесь и пытаться...

– Ничего я не пытаюсь. Я просто говорю, как...

– Закрой рот, сучка! – он встал так, что опрокинул стул. – Ты думаешь, я не понимаю, чем ты занимаешься? Да?

Дуня тоже хотела встать. Показать, что ей нечего стыдиться. Опрокинуть стул, угрожающе поднять палец и послать его к черту, раз уж он все равно не хочет ее выслушать. Но ноги ее не слушались, и закон притяжения по какой-то причине действовал с особой силой именно там, где она сидела.

– Я понимаю, что ты взволнован. Но почему бы нам не попытаться обсудить это как взрослые люди? Я считаю, что если мы будем работать вместе, мы должны забыть об этом, и...

– Забыть об этом? – Хеск засмеялся и обошел стол. – Как ты это себе представляешь? – Он встал прямо перед ней и посмотрел на нее сверху вниз. – Ты явно ничего не поняла. Выпендриваешься тут, как проклятая шлюха, которая ничего знать не хочет. Но могу тебе сообщить – это только самое начало твоего маленького ада. Так что лови момент и наслаждайся, тебе больше никогда не будет так хорошо, как сейчас. – Хеск вышел из комнаты.

Дуня осталась сидеть, по-прежнему не в силах подняться.

Ремонт здания на углу улиц Эстгетагатан и Блекингегатан прервали на середине, и хотя можно было совершенно спокойно идти по тротуару, большинство предпочитало обходить по улице. Ветер сорвал большой кусок защитной сетки, и теперь он свисал, колыхаясь, со строительных лесов, сконструированных из железной арматуры, которая злоеще трещала и скрипела. Последствия финансового кризиса налицо.

Фабиан и Малин обыскали участок перед зданием, но, не найдя тайного мобильного телефона министра, подошли к парадному дома 46 по улице Эстгетагатан. Как они и ожидали, вход был закрыт, но с помощью железной трубы из строительных лесов Фабиан выбил одно из шести окон в двери, просунул в отверстие руку и открыл защелку с внутренней стороны. Вход был завален строительным мусором и весь в пыли. Со стен и потолка свисали засохшие ошметки краски. По одной стене выстроился в ряд десяток старых унитазов, а по другой стояли ванна и холодильник.

– У нас примерно так же, – сказала Малин, подходя к ряду унитазов, где мелькнуло что-то темное на четырех ногах. – При ближайшем рассмотрении здесь, пожалуй, немного почище.

– Во всяком случае, идеальное место, если хочешь, чтобы тебя оставили в покое, – сказал Фабиан и пошел по следам на пыльном полу к лифту.

– О'кей. Как мы поступим? Здесь можно искать годами. Ты уверен, что правильно записал все цифры? Ведь если хоть одна цифра не та, мы попадем в Хапаранду или Куала-Лумпур.

– Уверен. Но даже если цифры совпадают, не факт, что мобильник все еще здесь. – Фабиан открыл дверь лифта и заглянул в кабину.

– Ноги моей здесь не будет.

– Но следы ведут сюда.

– Во всяком случае, не мои.

Малин стала подниматься по ступенькам каменной лестницы, где светлым ковром лежала строительная пыль. Никаких следов обуви видно не было. Зато вдоль и поперек виднелись бесконечные хаотичные следы крысиных лапок.

«Как только человек отступает, природа берет свое», – подумал Фабиан и пошел вслед за Малин вверх по лестнице. Следы, отличные от крысиных, встретились им только на четвертом этаже. Четкие следы

грубых ботинок, которые вели от лифта к двери самой дальней квартиры справа. Перед другими дверьми лежала нетронутая строительная пыль.

Малин достала мобильный и несколько раз сняла следы крупным планом. Тем временем Фабиан подошел к двери без таблички, приложил одну ладонь к глазку и осторожно открыл щель для почты другой рукой.

Он ничего не увидел, поскольку было слишком темно, и ничего не услышал. Он сделал Малин знак подойти и приложить ладонь к глазку, а сам стал светить мобильным в щель для почты. Внизу лежал потертый коврик, а в самой глубине налево у стены стоял рулон защитной полиэтиленовой пленки.

– Давай вызовем наряд. Пусть они войдут первыми.

– Пока следствие официально ведет Полиция безопасности, мы не можем это сделать. – Фабиан осторожно закрыл щель для писем и потрогал дверную ручку. Дверь была заперта. Тогда он подошел к двери соседней квартиры, которая оказалась незапертой. – Подожди здесь.

– Мне просто стоять здесь и... – она оборвала сама себя со вздохом.

Все выглядело так, как бывает в квартирах, где идет ремонт. Засранно и запущенно. Пол в нескольких местах был разломан, а с потолка свисали оголенные электрические провода. Помимо матраса, явно выдавшего разное, никакой мебели не было. Фабиан подошел к единственному окну в комнате, открыл его и вылез наружу.

Нельзя сказать, чтобы он страдал от головокружения. Но ему было не по себе на большой высоте, и он до сих пор не совершил полет на воздушном шаре, подаренный ему на сорокалетие коллегами. Первые два года они спрашивали, когда он собирается использовать подарочный сертификат, и он все время отвечал уклончиво, пока не понял, что единственный способ заставить их замолчать – соврать, какое потрясающе сильное впечатление произвел на него полет. Конечно, у него был с собой фотоаппарат, но он был настолько заморожен видом, что совершенно забыл о съемке.

Теперь ему оставалось лишь надеяться, что обледеневшие строительные леса не рухнут. Главное, не смотреть вниз. Лучше смотреть вперед, крепко держаться за что-нибудь одной рукой – только бы не поскользнуться.

Через три окна Фабиан добрался до закрытой квартиры. Из-за опущенных жалюзи ничего не было видно. Он огляделся в поисках какого-нибудь инструмента, но ничего не нашел и решил попробовать выбить окно ногой, что было гораздо сложнее, чем он предполагал. «Если в квартире кто-то есть, у них достаточно времени подготовиться», – подумал он,

влезая внутрь через разбитое окно.

Приземлившись на пол, он огляделся и убедился, что в комнате примерно двадцать квадратных метров, и в отличие от первой квартиры пол здесь более или менее чистый. Вдоль одной стены располагалась кухонька с варочной панелью, мойкой и холодильником, на котором сидела и смотрела на него фарфоровая кукла с длинными вьющимися волосами, в платье и в шляпе в тон.

Он прошел в соседнюю комнату, где было так темно, что, сколько ни старайся, глаза все равно не могли привыкнуть. Он стал шарить рукой по стене и, в конце концов, нашел кнопку, от которой зажглась люстра в центре комнаты. Из-за сильного света ему пришлось отвести глаза. Через какое-то время он разглядел обернутый полиэтиленовой пленкой стол с дыркой посередине. По краям стола свисали отдельные ремни.

Полчаса назад Кьель Рихтер пожелал Дуне удачи и оставил ее одну в совещательной комнате. Но она продолжала сидеть, пытаясь собраться с силами, чтобы войти в отдел с прямой спиной.

Дурнота наконец прошла, но ее сменила сильная головная боль. Если она в ближайшее время что-нибудь не выпьет, голова расколется. Кроме того, ей надо было еще сходить в туалет.

Она обдумала свои возможности и пришла к выводу, что, помимо Слейзнера, с которым она ни за что на свете не хотела иметь дело, у нее никого нет. Хеск слишком хороший полицейский и не пустит следствие на самотек, но он без сомнения будет делать все, чтобы вставлять ей палки в колеса.

Рихтер – один сплошной вопрос. В его «удачи» она не смогла уловить ни явной иронии, ни заботы. Возможно, он сам понятия не имеет, на чью сторону встать, и если она достаточно хорошо его знает, во время кофе-паузы он пойдет по пути наименьшего сопротивления.

Иными словами, с ней все заранее ясно. Никто не ждет от нее, что она справится. Возможно, даже Слейзнер. Но просто залечь на дно и сдать – не выход. Никто не протянет ей руку помощи и не поможет исчезнуть. Единственная альтернатива – попытаться взвалить на себя ответственность, довести следствие до конца и показать всем, что с ней надо считаться.

К сожалению, она сама в это не верила.

Дуня потянулась к блюду с фруктами, взяла маленькую красную салфетку, лежавшую в самом низу, и вытерла пот со лба. Потом закрыла глаза, сделала несколько глубоких вдохов, схватилась за столешницу и осторожно встала.

У нее тряслись руки и ноги, а пульс буквально стучал в ушах. Но надо привыкать. Хеск, возможно, абсолютно прав.

Это только начало ее маленького ада.

Отперев дверь и впусив Малин в квартиру, где шел ремонт, Фабиан вернулся к длинному узкому столу, стоявшему посредине в большей из двух комнат. Стол был привинчен к полу стальными уголками и обернут прозрачной полиэтиленовой пленкой, которая в свою очередь была скреплена степлером с внутренней стороны. Под отверстием находилась воронка, посредством грубого шланга соединенная с канистрой. Но канистра была пуста, а воронка, похоже, совершенно чистая. Так же, как и полиэтилен, и привинченные к столу ремни, свисавшие по сторонам. Фабиан не увидел никаких следов ни крови, ни экскрементов.

Наоборот, в отличие от остальной комнаты все это выглядело совершенно новым и свежим. Головки винтов, которые крепили ремни, блестели, а на потолочной лампе не было пыли. Или кто-то скрупулезно и тщательно убрал после себя, или установку еще не использовали.

Он подошел к окнам, закрытым древесноволокнистыми плитами и аккуратно обклеенным скотчем по краям. Все для того, чтобы в комнату не проникал свет и с улицы ничего не было видно. В углу стоял еще один рулон защитной пленки. В куче на полу лежали аккумуляторная отвертка и циркулярная пила вместе с длинным удлинителем.

Совершенно ясно, что эта квартира на ремонте для чего-то подготовлена. Вопрос только для чего?

Пыток? Операции? Расчленения?

Или это жуткое устройство, чтобы держать кого-то под стражей? Кто стоит за всем этим и кто должен лежать здесь привязанный? Если министр юстиции, почему в таком случае его тут нет? Его тайный мобильный явно побывал в этой квартире. Но где он сейчас? И главное: где сам министр? Вопросы росли, как снежный ком.

Фабиан вздохнул.

– Малин, как насчет раннего обеда? Я угощаю. – Он хотел взять паузу и проветрить голову, прежде чем идти дальше.

– Уже? – отозвалась Малин из прихожей. – Давай только сначала закончим здесь.

– Хорошо.

Фабиан вошел в соседнюю комнату с кухонькой. Единственное, что ему оставалось осмотреть. Как и в остальной квартире, здесь было относительно чисто. На мойке стоял электрический чайник с выдернутым

из розетки шнуром, а в сушке – перевернутые вверх дном стакан и кофейная чашка. Кто-то пробыл здесь несколько часов, самое большее сутки.

Он повернул кран, из которого сначала вышло немного воздуха, а затем полилась ровная чистая струя воды. Никаких коричневых сгустков. Из крана вышел воздух, но не ржавчина. Кто-то был в квартире неделю-две тому назад. Вероятно, для подготовки. Если какие-то люди приходили сюда в течение последних суток, они, во всяком случае, не спускали воду. Фабиан закрыл кран и открыл холодильник, который, к его удивлению, был включен. В холодильнике лежал полиэтиленовый пакет с несколькими кусками ржаного хлеба, сверток с печеночным паштетом и почти пустая стеклянная банка маринованных луковиц.

В морозилке лежало два покрытых инеем пакета с заморозкой. Он достал один из них, надавил на него и стер иней. Первое, что пришло ему в голову, – это белый ленточный червь, свернувшийся в клубок. Он никогда не видел их в жизни, но слышал, что они могут быть длиной до двадцати метров. Но заметив на этикетке надпись «колбасная оболочка», он понял, что это свиные кишки для изготовления домашней колбасы. Во втором пакете находились внутренности поросенка или цыпленка.

Фабиану никогда особо не нравилась еда из требухи, хотя у него была поваренная книга тридцатых годов с огромным количеством рецептов блюд из внутренних органов. В частности, латиноамериканский деликатес копченое коровье сердце. Но кто ест такое в наши дни? И в первую очередь, какое это имеет отношение к исчезновению министра?

– Фаббе! Иди сюда! Посмотри! – закричала Малин.

Фабиан пошел из большой комнаты в коридор и увидел. Он заметил ее только сейчас. Наверное, потому что стоял спиной и был сосредоточен на длинном узком столе. Он уже видел похожую на холодильник в другой комнате, и, может быть, именно поэтому обратил внимание. На электрошите сидела еще одна фарфоровая кукла – блондинка с вьющимися волосами и голубыми глазами, которые смотрели прямо на него.

Он снял куклу и оглядел ее. Ему никогда не нравились куклы, особенно фарфоровые. Хотя они были небольшого размера, у них были такие правдоподобные лица, что становилось не по себе.

В детстве бабушка, папина мама, сделала ему подарок на Рождество, и его до сих пор передергивает, когда он вспоминает, как кукла сидела на полке среди других игрушек и всю ночь пялила глаза. Скоро ему стали сниться кошмары, и он спал все хуже и хуже. Он спрятал подарок в шкаф и накрыл одеялом. Он даже кидал ее. Но его мама упорно сажала ее обратно

на полку, аргументируя это тем, что она очень красивая и дорогая.

И однажды после обеда, когда дома никого не было, он набрался мужества, запихнул куклу в рюкзак и пошел в сторону бетонного завода за Койаком – высоким холмом в Дальхеме, прямо к северу от Хельсингборга. Здесь он перелез через забор с надписями о том, что посторонним вход воспрещен, что делал часто, и бросил бабушкин подарок в бадью с раствором. Он немного постоял и посмотрел, как она медленно опускается в густую бетонную смесь и исчезает. Во всяком случае, из его жизни. Может быть, она сидит где-нибудь замурованная в стене и пялит глаза.

– Фаббе! Чем ты занимаешься?

Он пошел дальше, к Малин, которая находилась в ванной комнате. Она стояла в ванне и светила на дырку в стене.

– Иди, посмотри сюда, – она отодвинулась в сторону и отдала ему карманный фонарик. – Видишь?

Фабиан кивнул. На примерно метровой глубине в тесном пространстве сантехнической шахты застряли широкополая шляпа и черное пальто с меховым воротником.

– Это же одежда Гримоса? Разве нет?

– Конечно, но...

– Что «но»?

– У меня одно с другим не складывается. – Он повернулся к Малин. – Честно говоря, я ничего не понимаю.

– Что ты не понимаешь? Гримос был здесь и...

– Но почему? Он сам сюда пришел, или его кто-то привез?

– Если бы не орудие пытки в комнате, я бы подумала, что он пришел сам. Может быть, он знаком с владельцем квартиры и знал, что сюда может прийти и спокойно переодеться, чтобы потом исчезнуть.

– Но...

– Теперь я больше склоняюсь к тому, что его кто-то привез.

– О'кей, но почему здесь никого нет?

– Они привезли его в квартиру и раздели. Не спрашивай меня почему. Может быть, потому что он был нужен им в другой одежде. И тут, в разгар всего этого, они находят его тайный мобильный и понимают, что рано или поздно здесь появимся мы. И поэтому они как можно быстрее убираются отсюда и... вуаля.

– Ты считаешь, что он один вышел из Депутатского здания, а у набережной Кансликайен его схватили и похитили?

– Возможно, до того, как он вышел, ему предъявили ультиматум. В любом случае, он вышел на двадцать минут позже. Ну, не знаю. – Она

вздохнула и протянула Фабиану швабру. – Я просто пытаюсь связать одно с другим.

Фабиан взял швабру, опустил ее в шахту и выудил одежду, а также портфель министра, который застрял поперек.

Они вылезли из ванны, и, пока Малин осматривала одежду, Фабиан занялся портфелем. Помимо наполовину пустой коробочки с лакричными леденцами, трех шариковых ручек и органайзера, там лежала папка с документами. Быстрый просмотр показал, что в папке находится несколько различных отчетов и материалов по итогам поправок к законам за последние годы.

Но органайзер был еще интересней.

В наше время большинство перешли на электронный календарь, но только не Гримос.

Он принадлежал к старой школе, когда все адреса и телефоны записываются от руки и доступны без пароля. К тому же страницы были заполнены назначенными встречами и заметками, например: *«Когда до членов экологической партии наконец дойдет, что есть смысл пользоваться дезодорантом? ...Эта тетка из социал-демократов по-прежнему не знает, о чем говорит... Может быть, в постели она ничего? ...Не забыть записаться в...»* И так далее.

Но пульс у Фабиана участился не от самого содержания, а от почерка. Это происходило с ним крайне редко. Подобные случаи Фабиан мог по пальцам сосчитать. Но когда у него возникало такое чувство, результат превосходил все ожидания. Как красивый гол в футболе после одного безнадежно затянутого матча за другим. Это был тот самый случай. Безошибочное предчувствие того, как одна с виду неподходящая деталь пазла встает на свое место.

– Вот он. Ну что я говорила! – в руках Малин держала телефон. – Эй! Прием.

Фабиан поднял глаза и встретился с ней взглядом.

– Что это? Ты что-то нашел?

Фабиан кивнул.

– Думаю, его здесь не было.

– Кого? Гримоса? Конечно, он здесь был. Посмотри-ка, – она помахала перед ним мобильным.

– Чтобы окончательно убедиться, я должен снова просмотреть вчерашние съемки с камеры наблюдения.

– Подожди, я не понимаю. Как ты можешь... – Она поняла, что продолжать бесполезно, и замолчала.

Фабиан уже вышел из ванной и направлялся к выходу.

Софи Леандер поняла, что, наверное, в кои-то веки крепко спала. До этого она всегда сразу же просыпалась, как только слышала приближающиеся шаги или голоса. Каждый мускул ее тела был напряжен до крайности, а в голове она прокручивала фильм, где в подробностях показывали, что ее ожидает.

Она была уверена, что это произойдет.

Но каждый раз шаги проходили мимо и стихали, и она могла еще немного пожить взаимы.

До этой минуты.

На этот раз все было по-другому.

Она почему-то не слышала ни шагов, ни голосов.

Ее разбудил звук электродвигателя и скрип входной двери. В отличие от всех других раз ее тело было спокойно и расслаблено. Словно оно так долго находилось в напряжении, что у него больше не было сил бояться.

Но Софи боялась.

Смертельно боялась.

Она услышала, как дверь-жалюзи снова опустилась и как щелкнули замки на кейсе. Затем что-то звякнуло на металлическом столе наискось за ней. «Скальпели и зажимы», – подумала она и попыталась остановить фильм, который снова и снова показывал, как она наблюдает за тем, что ее вскрывают.

Она попыталась повернуть голову, чтобы увидеть, тот ли это врач, который привез ее сюда, но сдалась, когда ремень на шее слишком глубоко врезался в рану. Не играет никакой роли. Ожидание закончилось, и пришло время поставить точку.

Вокруг нее включились аппараты и принялись издавать различные звуки. Ремень, стягивавший ее левое запястье, ослаб, и она почувствовала, как к предплечью прижимаются холодные ножницы, которые разрезают рукав блузки. На сгибе руки кольнуло, и через несколько секунд она провалилась в сон, который стер все ее мысли.

Слишком рано, хотя ожидание казалось почти бесконечным.

Софи надеялась, что успеет что-то сказать. Что со рта снимут скотч и она хотя бы сможет извиниться и объяснить, что все это время знала, что совершила ошибку, но у нее не было выбора. Что хотя она очень боится, она принимает свое наказание и в каком-то смысле считает, что это более

чем справедливо.

Но ей не дали даже этого.

– Пять минут, потом вам надо будет уйти, – сказал охранник и кликнул на ссылку с видеозаписью. – О'кей?

Фабиан с Малин кивнули. Пока они ждали, что человек в форме оставит их одних, они смотрели в окно, за которым Полиция безопасности рьяно искала тело Гримоса на дне пролива Риддарфьерден прямо рядом с набережной Кансликайен.

Они находились в маленькой комнате для персонала за будкой охранника в Депутатском здании. Они выдержали жесткую борьбу за то, чтобы получить доступ к записи с камеры наблюдения, где видно, как министр юстиции выходит из здания. Полиция безопасности не только присвоила записи гриф секретности, но и предупредила ответственных за безопасность, что, возможно, придут из Государственной криминальной полиции и станут задавать вопросы.

Они только не учли Малин и перепады ее настроения, которые могут сломать кого угодно, если она не получит свое.

Фабиан включил запись. Показалось пустое фойе с двойными стеклянными защитными дверями. Когда в кадре появился Карл-Эрик Гримос, Фабиан увидел то же самое, что и в Полиции безопасности накануне вечером. Министр юстиции идет один, в левой руке он держит портфель с документами, а правой прикладывает пропуск к считывающему устройству, отодвигает одну дверь, потом другую и исчезает в снежной вьюге.

Как Фабиан и подозревал, разгадка все время была у них перед глазами. Они только не знали, на что смотреть. Портфель в левой руке, манипуляция с пропуском правой.

Так делает правша.

Но наклон сделанных от руки заметок в ежедневнике не даст соврать.

Как и жена Фабиана Соня, Карл-Эрик Гримос был левшой.

Фабиан повернулся к Малин.

– Видишь? Этот человек правша.

– Получается, это вовсе не министр юстиции, а кто-то, переодетый в него.

Фабиан кивнул.

– Вероятно, преступник. – Он опять включил запись с самого начала и стал показывать кадр за кадром. – Видишь? Он точно знает, где находится

камера и как ему двигаться, чтобы не показывать лицо.

– Но если это преступник, то где тогда находится министр юстиции?

Фабиан встретился с Малин глазами.

– Не знаю. Но если никто не видел, что он выходит из здания через другие выходы, нельзя исключать, что он по-прежнему здесь.

«Нанна Мадсен – 21 год, 5 декабря 2005 г., мусорный контейнер в Херлеве

Сильные кровоподтеки после следов от укусов на больших участках спины, груди и нижней части тела. Анализ отпечатков зубов показывает укусы и преступника, и собаки, вероятнее всего доберман-пинчера. Зафиксированные следы преступника отсутствуют.

Кими Колдинг – 17 лет, 23 апреля 2007 г., озеро Пеблинге

Повреждения в нижней части тела после грубого проникновения. Сломаны обе челюсти, что наряду с несколькими открытыми переломами черепной кости указывает на сильную травму головы, вероятно, полученную от удара молотком. Вода в легких свидетельствует о том, что, несмотря на повреждения, она была в сознании, когда ее бросили в озеро. Зафиксированные следы преступника отсутствуют.

Метте Бруун – 37 лет, 7 сентября 2008 г., Амагер Фэллед, природный заповедник

Разорванное анальное отверстие и толстая кишка, а также сильные внутренние повреждения, идущие от нижней части тела до самого желудка. Вероятно, в результате проникновения толстой ветки или начиненной гвоздями биты. Зафиксированные следы преступника отсутствуют».

Дуня Хоугор положила папку на стол, откинулась на диване и закрыла глаза. Ей надо было перевести дух после всех этих снимков женских тел, изувеченных в результате проникновения. Эти тела взывали к справедливости, которую они никогда не получат.

Вместо этого ей в голову пришел Слейзнер. Она едва успела сесть за свой рабочий стол, как он пришел, поздоровался и попросил ее заглянуть к нему в кабинет после окончания рабочего дня. И тут наконец пелена спала. Все тело словно пронзило острой болью – до нее наконец дошло, чего он в действительности добивается. Меньше всего его интересовала ее компетенция.

Теперь, задним числом, она не могла понять, как не замечала того, что так очевидно остальным. Это словно неудачная шутка, и ей ничего не остается, кроме как показать всем, как же они ошибаются.

Поэтому сейчас она лежала дома на диване на улице Блогордсгаде и работала, хотя рабочий день уже закончился. Она принесла с собой материалы самых тяжких случаев изнасилования, по-прежнему нераскрытых. Микаэль Реннинг из отдела информационных технологий помог ей отсортировать дела из архива, хотя не обладал полицейскими полномочиями. Но ей был нужен союзник. Кто-то, кто не имел ни малейшего отношения к ее отделу.

Как бычок на лугу, он бросился на поиск со всей энергией. Но по мере того как принтер выплевывал расследования, одно страшнее другого, настроение у него ухудшалось, и когда он наконец понял, как много в мире изощренной злобы, заявил, что его вера в человечество подорвана.

Сама Дуня совершенно не была удивлена. Ни грубому насилию, ни тому факту, что преступник в большинстве случаев – мужчина, а жертва – женщина. Нет, ее удивило лишь количество расследований, не приведших к результату, и то, насколько простым представляется решение не тратить ресурсы и пустить дело на самотек.

Похоже, список замороженных расследований по делам об изнасиловании можно было продолжать до бесконечности. Попросив Реннинга отобрать только дела со смертельным исходом, она принесла домой свыше дюжины дел за последние четыре года. И то они ограничились береговой линией от Кеге до Хельсингера.

Это означало три случая в год, когда невинные женщины подвергались таким мучениям, что смерть, должно быть, воспринималась как спасение. Три расследования, которые, согласно заведенному порядку, закрывали, хотя преступник продолжал оставаться на свободе. И так каждый год.

Дуня посмотрела в окно на свинцово-серые облака, которые двигались по небу, словно собирались вызвать еще одну бурю и разогнать остатки дневного света. Снимки разрубленного тела Карен Нойман не давали ей покоя, смешиваясь с облаками. Во многих отношениях это было такое же безрассудное и одновременно изощренное насилие, что и в старых расследованиях, и, как она сказала на совещании, за содеянным стоит не новичок. Кем бы он ни был, он делал это не первый раз.

Карен Нойман просто была еще одной жертвой погони за кайфом.

Но сколько бы Дуня ни искала, она не могла найти никаких соответствий какому-нибудь старому расследованию. Она испробовала все. Рассортировала дела по различным критериям, несколько раз прочитала

детальные описания повреждений, а также изучила каждый снимок изувеченных тел под лупой. Но ничего не тянуло на возможное соответствие.

Семь дел Дуня вскоре отложила в сторону. У четырех из них было так много общего, что они сами по себе образовали группу. К тому же там имелся подозреваемый. К сожалению, ему удалось лишиться себя жизни до суда.

Остальные три, без сомнения, тоже составляли группу. Там преступник брал трофей в виде скальпа, и, согласно отчету Оскара Педерсена, обилие крови из срезанной с головы кожи свидетельствовало о том, что жертвы во всех трех случаях были живы во время самого процесса. Кто бы ни стоял за зверскими действиями, он все еще находился на свободе.

Но сейчас она искала не его, хотя пообещала самой себе, что возобновит расследование, как только у нее будет время, и проследит за тем, чтобы это чудовище схватили.

На придиванном столике оставались лежать пять дел.

Пять расследований, которые официально велись, но в реальности были заморожены.

Везде проявлялось такое грубое и изощренное насилие, что, как и в случае с Карен Нойман, за этим не мог стоять новичок. Вместе с тем, все пять случаев заметно отличались друг от друга. Казалось, одно с другим никак не соотносится. Не только жертвы были разного возраста и выглядели по-разному, но и места преступления сильно разнились. Не говоря уже о различных способах действия.

Каждый случай был словно уникальным одноразовым явлением. Преступник, который единственный раз перешел грань и самым зверским образом изнасиловал и до смерти замучил свою жертву, а потом вернулся к своей нормальной жизни, не оставив после себя никаких следов или неопровержимых доказательств. Это было невозможно. Где-то есть общий знаменатель. В этом Дуня была уверена.

Ее мысли прервал мобильный. Звонил Кьель Рихтер, и она попыталась говорить как можно более серьезным тоном, хотя на самом деле испытала настоящее облегчение, что он обратился к ней, а не к Хеску. Согласно компании «Scandlines», паромы которой курсировали между Хельсингером и Хельсингборгом, прошлой ночью две машины снесли ворота на выезде из паромного терминала. Кьеля Рихтера послали туда для выяснения.

– Привет, Кьель. Ты еще в Хельсингере?

– Дуня, я к тебе хорошо отношусь. Но заруби себе на носу. Ты

слишком много на себя взяла и рискуешь надорваться. И что бы ты ни делала, когда это произойдет, на меня не рассчитывай.

– Кьель, послушай меня. Это идея Слейзнера. Я так же мало понимаю, как и...

– Я в это не вмешиваюсь. Я собираюсь выполнять свою работу, но только и всего. Так и знай.

– Конечно. Я слышу, что ты говоришь, – сказала Дуня, глубоко вздохнув. – Но я думаю, ты позвонил не только для того, чтобы сказать, что ты еще одна курица, которая кудахчет в курятнике, но и немного рассказать о том, что ты сделал.

– А?.. Что?

– Что слышал, – сказала Дуня. – Ну? Ты что-то нашел? Если нет, я хочу...

– Я уже доложил все Яну и просто говорю, что еду домой.

– Но разве ты не должен докладывать мне? Слейзнер ведь более чем ясно это объяснил.

– Меньше всего я хочу оказаться между двух огней...

– Кьель, ты сказал, что будешь выполнять свою работу. Так давай, выполняй, и все будут довольны.

В трубке замолчали, и Дуня буквально слышала, как Рихтер взвешивает все «за» и «против».

– Я не помню, кому из вас это пришло в голову, но нет сомнений, что шведская машина и «БМВ» Ноймана были в паромном терминале и снесли ворота, выезжая из него.

Дуня встала с дивана.

– А потом? Куда потом ведут следы?

– Прямо на улицу Фэргевей. Но там уже давно все изъездили и убрали снег.

Дуня подошла к окну и убедилась, что снег опять стал кружить. Обычно она любила снег, особенно первый, который ложился на все серое чистым белым покрывалом, приглушал звуки и заставлял всех немного замедлить ход. Но не сейчас. В этот раз непогода означала только борьбу со временем. Каждая выпавшая снежинка помогала стирать следы и уменьшала возможность выяснить, что произошло на причале Хельсингера.

– Для твоего сведения: я зафиксировал все, что только можно. Теперь мне надо ехать.

– Кьель, подожди. Там у тебя тоже пошел снег?

– Он так и валит, и если я скоро не уеду, я не смогу вовремя забрать

детей.

– Но я хочу, чтобы ты остался и...

– Как так остался? Четверг – единственный день, когда я забираю детей. Если я этого не сделаю, Софи все выходные не будет со мной разговаривать.

– Ничего не поделаешь. Я хочу, чтобы ты доделал дело до конца.

– Я уже все сделал! Ты что, плохо слышишь?

– Ты не закончил, пока я не сказала, что ты закончил.

Послышалось, как Рихтер издал тяжелый продолжительный вздох и собрался с духом.

– Ты думаешь, я не понимаю, чем ты занимаешься? Думаешь, я, черт возьми, не вижу, что ты...

– Ради бога, кто ведет следствие – я или ты? Делай, как тебе говорят, иначе будет поздно.

Наступила полная тишина, и Дуня поняла, что Рихтер, наверное, в таком же шоке от ее выходки, как и она сама. Она никогда ни на кого так не нападала. Даже когда была крайне возмущена Карстеном.

– Прежде чем ехать домой, ты поедешь дальше в северном направлении по улице Фэргевей и посмотришь, есть ли следы на обочине или машины свернули на какую-нибудь маленькую улицу.

– А какой в этом смысл, помимо того, что я опоздаю? Они могли, черт побери, поехать куда угодно, и у нас нет шанса...

– Делай, как тебе говорят, а не...

– Уже делаю.

– Хорошо. Как далеко ты продвинулся? – она быстро подошла к письменному столу под книжной полкой в углу, включила компьютер и вывела на экран порт Хельсингера.

– Я на площади Сташунспладсен, сворачиваю направо на улицу Хавнегаде и продолжаю ехать на север вдоль акватории порта.

– Хорошо, но тогда ты можешь видеть только с левой стороны, где стоят все дома, так ведь?

– Ты что себе думаешь? Это все равно что искать иголку в стоге сена – иголку, сделанную из сена. Но здесь много новых следов, поскольку снег валит как... Не знаю что. Но...

– Ты где сейчас?

– Еду более или менее вдоль порта и через какое-то время перееду улицу Нордре Страндвей.

– Поворачивай и поезжай в другую сторону.

– Что? Это почему? Там только портовая набережная.

– Делай, как тебе говорят, пока все опять не занесло снегом! Если будешь так тянуть, твоим детям придется ночевать в детском саду.

Дуня ждала какого-то протеста. Конечно, своей интонацией она дала понять, что шутит, но Кьель Рихтер славился тем, что не понимал иронии и совсем не обладал чувством юмора. До такой степени, что его коллеги по отделу начали называть его «шведом». Но он не смеялся даже над этим. Зато пошел к менеджеру по работе с персоналом и подал заявление о том, что его третируют, после чего созвали кризисное совещание.

– Кьель, последние слова – просто шутка. Разумеется, им не придется...

– Думаю, черт возьми, я нашел... Подожди.

– Что? Что ты нашел? Кьель, говори со мной. Где ты в точности находишься?

– Ты видишь рельсы вдоль улицы Хавнегаде?

Дуня увеличила на экране рельсы, которые шли между дорогой и набережной.

– Да. Ты здесь?

– В том самом месте, где можно переехать рельсы и выехать на набережную. Подожди, я только... – Послышалось, как открылась дверь машины, и ветер сразу же перешел в наступление. – Ну и погода.

Но Дуня больше всего хотела оказаться там.

– Ты нашел следы?

– Это именно они. Одни следы от двойных шин, а одни от... Их занесло на набережную, и...

– Что? Что там? Кьель? Ты что-то нашел?

– Да. Пластмассовые обломки задней фары. Но что за чертовщина...

Дуня почувствовала, что от досады у нее начинает чесаться голова, и она готова накричать на него и приказать ему не молчать, а рассказывать то, что он видит. Но ей удалось взять себя в руки, и тишина прервалась только спустя несколько бесконечно долгих секунд.

– Значит, так, если я не вчера родился, то Нойман выехал за машиной с двойными шинами на набережную и наехал прямо на нее, так что она... Подожди, я только... Черт. По-другому и быть не могло.

– Что она? Кьель? Алле?

– Упала в воду.

– Ты считаешь, что шведская машина должна лежать где-то на дне в акватории порта?

– Я в этом уверен.

– Означает ли это, что преступник тоже попал в воду?

– Возможно. Или нет. Не знаю. Здесь много человеческих следов, но уже выпало столько снега, что непонятно, это следы одного человека или нескольких.

– Хорошо, зафиксируй как можно больше, и завтра выйдем на связь. – Она закончила разговор и опять легла на диван, пытаясь собраться с мыслями.

Если Рихтер увидел на снегу следы, значит, Аксель Нойман бросился за преступником, придя домой и обнаружив свою жену мертвой в постели. Судя по всему, он преследовал шведскую машину всю дорогу до паромного терминала в Хельсингере, где его и обнаружили, после чего началась настоящая погоня на автомобилях, которая резко оборвалась на набережной.

Но тогда остается вопрос: куда делись Аксель Нойман и его «БМВ»?

Возможно, он скрывается, поскольку рискует, что его обвинят в убийстве преступника. Другой вариант – преступнику удалось выбраться из машины на поверхность. Или он вообще не сидел в машине, когда та съехала за борт, а стоял где-нибудь, спрятавшись, чтобы потом напасть на Акселя и лишить его и жизни, и машины.

Вполне возможный сценарий. Но на вопрос, вероятен ли он, сама Дуня однозначно ответила бы «нет». С вероятностью это и рядом не стояло. Но что-то подсказывало ей, что вероятность в этом расследовании будет занимать самое последнее место.

Шведский Риксдаг занимает семь различных зданий. Восточное и Западное здания Риксдага на острове Хельгеандсхольмен, а также Депутатское здание, пожарная часть, «Нептун», «Кефал» и «Меркурий» в Старом городе. Все здания связаны между собой подземными туннелями и охраняются посредством сотни камер. Так что двум охранникам, которые сидят в дежурной части на нижнем этаже в Западном здании Риксдага, есть за чем наблюдать. Но учитывая общую площадь, количество переходов и помещений, а также высокопоставленных политиков, которые ежедневно бывают в зданиях, можно сказать, что весь комплекс фактически не охраняется. Если знать, где находятся камеры, можно без особых проблем остаться невидимкой.

После примерно двухчасового просмотра различных съемок, сделанных камерами наблюдений, Фабиану, Малин и одному из двух охранников в дежурной части удалось опознать министра юстиции, когда он выходил из зала пленарных заседаний через четвертый выход. В нижнем левом углу часы показывали 14:42, и они отчетливо увидели, что Гримос остановился, чтобы надеть пальто с меховым воротником, а потом направился к эскалатору.

– Ты видишь? Ты видишь, как он держит портфель в правой руке, а шляпу – в левой, – Фабиан показал на монитор, где министр спускается вниз на эскалаторе, и Малин ничего не оставалось, кроме как кивнуть.

В следующий раз они увидели министра, когда тот решительным шагом шел по большому залу Центробанка, как зал называется по старинке, хотя Центробанк уже давно переехал на площадь Брункебергсторг. Министр по-прежнему держал портфель в правой руке, а левой рукой надевал шляпу.

– Это самый короткий путь до Депутатского здания? – спросила Малин. Охранник кивнул.

– Во всяком случае, он, похоже, собирался выйти, – заметил Фабиан, который в движениях министра не уловил ничего, что предвещало бы необычный день.

Ничего не изменилось в поведении министра и когда он шел по так называемой «беговой дорожке» – первой части подземного коридора, ведущего к зданиям канцелярии в Старом городе. Министр не проявлял ни нерешительности, ни нервозности, когда шел по переходу, бросая взгляд

через окно на пролив Риддарфьерден, где Полиция безопасности нашла его мобильный, или кивая в знак приветствия другим членам Риксдага, которые шли ему навстречу. Скорее всего, он не подозревал, что скоро случится, что бы это ни было.

Это произошло через несколько секунд.

Таймер в левом нижнем углу показывал 14:45.

Сойдя с «беговой дорожки» в подземный зал, министр остановился на ходу и повернулся, как будто его кто-то позвал.

– Покажи это еще раз и увеличь изображение, – попросил Фабиан. Вскоре опять показались те же кадры, только увеличенные и гораздо более размытые. Несмотря на это, нельзя было не заметить вопросительное выражение на лице министра.

– А мы можем посмотреть это под другим углом, чтобы увидеть, кто его окликнул? – спросила Малин.

– Камеры расположены здесь только у дверей. Политики не особо любят, когда за ними наблюдают. Но дайте-ка мне... – Охранник стал пробовать различные ракурсы камеры. – Вот. Вот он, – сказал он и нажал на «плей».

На экране охранник с усами и жирком вокруг талии окликает министра и машет ему, когда тот идет в противоположном направлении. Министр сразу же поворачивается, подходит к охраннику и наклоняется вперед, чтобы расслышать, потому что охранник ниже него на голову.

– Здесь есть микрофоны? – спросил Фабиан.

– К сожалению, нет. – Охранник увеличил кадр, где министр, как видно, слушает и кивает.

– Ты знаешь этого охранника? – спросила Малин.

– Нет, но у всех на форме должен стоять номер удостоверения личности, хотя в данном случае его загораживает министр.

Министр опять кивнул, пошел за охранником и исчез из кадра.

– И куда они делись? – поинтересовался Фабиан.

– Не знаю. Но, похоже, они продолжают идти прямо в сторону пожарной части или «Нептуна», вместо того чтобы повернуть направо в сторону Депутатского здания. Но...

– Смени камеру. Мы не должны потерять их.

– Фабиан, это же не прямой эфир, – заметила Малин. – Все же записано. Разве нет? – Она повернулась к охраннику, который кивнул с улыбкой превосходства.

Но Фабиан несколько не успокоился. Это происходит здесь и сейчас. Прямо на их глазах исчез министр.

– Не понимаю, – охранник смотрел то на одни кадры, то на другие, причем некоторые были совершенно черными. – Похоже, часть камер... обрызгали спреем или чем-то в этом роде. Ко мне поступает тревожный сигнал о саботаже, только если кто-то перерезает кабель.

– Хорошо, покажи еще раз запись, где они появляются последний раз, и прокрути до 15:20.

Охранник кликнул на линейку времени на экране, и примерно через полминуты в кадре опять появился министр.

– Да, вот он. Он словно чем-то обеспокоен.

– Если это вообще он, – заметил Фабиан.

Дуня пыталась думать о чем-то другом. Но снимки никак не хотели ее отпускать. Фото всех этих изувеченных женских тел, которые, как отходы, швырнули на пол скотобойни. Всех разодранных женских лон, отрубленных голов и потухших взглядов. Эти снимки она проанализировала до мельчайших подробностей, отчаянно пытаясь уловить взаимосвязь с убийством Карен Нойман.

Проведя не один час на диване, она зашла в тупик и решила лечь спать. Но ее мозг не давал ей уснуть и продолжал работать самостоятельно. Услышав, как Карстен, придя домой после рождественского ужина, отпер и открыл входную дверь, она продолжала тихо лежать, надеясь на то, что, если достаточно хорошо притворится, в конце концов уснет по-настоящему.

Может быть, ей надо что-то сказать ему, а не лежать и притворяться. Объяснить, что это не очень хорошая идея, потому что ее голова сейчас занята прокручиванием снимков, на которых одну женщину за другой сначала насиловали, а потом распиливали, раскалывали или резали на куски.

Но вместо этого Дуня продолжала притворяться.

Продолжала предоставлять ему свободу действий.

Чем Карстен не замедлил воспользоваться.

Если он решался, такие аргументы, как усталость или головная боль, не срабатывали. То, что у нее нет никакого желания, его тоже не останавливало. Наоборот, он был уверен, что этому легко помочь, если он будет энергично тереть свой палец о ее клитор. Надеясь, что ее мозг получит так необходимую ему передышку, Дуня позволила Карстену войти в себя.

К сожалению, это не помогло.

Но в глубине души она все же хотела. Во всяком случае, она хотела захотеть. Поэтому позволила ему совершать движения, ритмичные, как метроном. Она кивала и пыталась издать хоть какой-то стон, когда он, пыхтя ей в ухо, спросил ее, хорошо ли ей.

– Да, кстати, я забыл сказать тебе одну вещь.

– Что такое? Это так срочно? – спросила Дуня, пытаясь выкинуть из головы картины того, что начиненная гвоздями бита может сделать с женщиной.

– Да, иначе я забуду. На выходные мне надо будет поехать в Стокгольм.

Вернусь не раньше вторника. – Он все глубже и глубже проникал кончиком языка в ее ухо, и Дуня подумала, что он, наверное, не понимает, какое при этом раздается шуршание.

– Я не совсем уверен, но насколько я понял, семинар посвящен новому способу расчета кредитной стоимости фирмы после слияния.

Дуня кивнула и позволила ему продолжать делать свое дело. Неужели речь идет о пяти совершенно разных преступниках? Шести, считая убийцу Карен Нойман. Шесть различных мужчин, которые втайне готовились без предупреждения напасть на невинную жертву с изощренной злобой, а потом вернулись к своей совершенно нормальной жизни.

– Прости, что вчера я не хотел. Но знай: сейчас я собираюсь сделать все, чтобы компенсировать вчерашнее.

Дуня кивнула и попыталась не придавать значения тому, что у нее все высохло и защипало. Она вспомнила, сколько раз они занимались сексом, когда только познакомились. Они делали это везде и несколько раз в день. Все крутилось вокруг их любви. Она ходила, постоянно испытывая возбуждение, и они испробовали все возможные и невозможные позы.

А теперь она не знала, как назвать то, чем они занимаются. Во всяком случае, это не секс. Хотя она только и слышала, что с годами это становится глубже и интимнее. В их случае это стало только хуже и до такой степени однообразным, что любая поза, отличная от миссионерской, считалась преступлением.

Если бы он хоть раз удивил ее чем-то неожиданным. Что угодно, только не монотонные фрикции. Если бы он просто двигался не так равномерно, или, еще лучше, вышел бы из нее и стал ласкать ее языком. Сколько уже они этим не занимались? А потом, может быть, поставил ее на четвереньки и взял бы ее... Вот оно что, вот где связь. Внезапно Дуня так четко представила себе это, что не могла понять, почему не подумала об этом раньше.

– Что такое? – Карстен остановился на ходу.

– Ничего. Продолжай.

Общим знаменателем было само изменение. Как она и все остальные могли это не заметить? Разумеется, это один и тот же преступник. Он просто не хотел делать два раза одно и то же. Если он стремился словить кайф, у него не было другого выбора, кроме как каждый раз придумывать новый, а лучше всего еще более садистский способ.

Дуня снова притворилась. Теперь чтобы закончить. Через две минуты Карстен перекатился на свою сторону, довольный своими достижениями, и она смогла встать с кровати.

– Любимый, я скоро приду. Я просто должна кое-что сделать.

– Хорошо, обещаю никуда не уходить. Только знай: я еще не полностью закончил, – сказал Карстен, схватившись за свой член.

– Я быстро, обещаю, – ответила Дуня, натянув кимоно и исчезнув из комнаты, прекрасно понимая, что он много раз успеет заснуть, прежде чем она освободится.

– Эти здания – одно называется «пожарная часть», а другое «Нептун» – самые маленькие корпуса, – сказал крупный и уже запыхавшийся охранник, спеша по подземному проходу, проложенному прямо в старой городской стене. Одновременно он руководил остальным личным составом по рации. – И если они действительно пошли сюда, мы должны его скоро найти.

Фабиан и Малин шли за ним следом в том направлении, в котором исчез министр и таинственный охранник. Быстрым шагом они двигались по лабиринту переходов, старых подвальных сводов и тесных лестниц, что вели к двум канцелярским зданиям. С каждым шагом росло чувство, что они все ближе к цели. Словно у них прибавилось энергии, когда охранники разделились между двумя зданиями и стали осматривать одну комнату за другой.

Но почти шесть часов непрерывных поисков не принесли никаких результатов. Им не удалось найти даже следа того, что случилось с министром юстиции. Сил становилось все меньше, а версий того, что могло случиться, все больше. Почему министр не мог просто исчезнуть через другой выход, переодевшись в кого-то другого? А может быть, в кадре записи, снятой камерой наблюдения, все же он?

Фабиану становилось все труднее мотивировать дальнейшие поиски, и спустя еще час, когда время приближалось к полуночи, операция прекратилась. По мнению ответственного охранника, теперь совершенно ясно, что министра здесь нет. К тому моменту они несколько раз прочесали оба здания и подвальные своды и не нашли даже намека на то, что министр может внезапно возникнуть только потому, что они сделают это в четвертый раз.

Фабиан хотел было усомниться, действительно ли они все обыскали, но его остановила Малин, отведя в сторону.

– Фабиан, я знаю, что это не в твоём духе. Но ты не допускаешь, что в их словах что-то есть? Что они, как это ни удивительно, даже правы?

– Ты тоже считаешь, что его здесь нет?

Малин пожала плечами.

– Понятия не имею. Что-то случилось там с тем охранником, я в этом уверена. Но это не значит, что министр обязательно здесь. Я хочу сказать вот что: если охранник вышел в одежде Гримоса, сам Гримос с тем же

успехом может ходить где угодно в одежде охранника. Разве нет? Мы это не обнаружим, сколько бы записей с камеры наблюдения мы ни посмотрели.

– Обнаружим. Форма охранника была бы Гримосу мала.

Малин вздохнула и покачала головой.

– Малин, если Гримос сам пошел на это, я с тобой согласен, – продолжил Фабиан. – Тогда мы могли бы прекратить поиски несколько часов назад. Но это не так. Ты ведь сама видела, что он идет к своей машине, когда его внезапно окликает охранник. До этого он понятия не имел, что его ждет. К тому же здесь нет ни одного неохраняемого выхода, так что независимо от того, покинул ли он одно из зданий добровольно или не добровольно, мы должны были это увидеть.

– Тогда твое объяснение?

Фабиан пожал плечами.

– Не знаю. Они, наверное, не везде искали.

– Нет, везде. К тому же три раза.

Фабиан ничего не сказал. Не было никакого смысла. Если он не согласится прекратить поиски и ему не покажут ближайший выход, скоро на него накинута и Полиция безопасности, и начальник Главного полицейского управления. Просто он не мог избавиться от ощущения, что близок к разгадке. Нет никакого сомнения: министр стал жертвой преступления. И чем больше он об этом думал, тем больше понимал, что само место располагает к нанесению удара. Даже если здания Риксдага охраняются, по иронии судьбы именно министр юстиции наименее защищен. Это оказалось роковой ошибкой со стороны Полиции безопасности – считать, что в течение тех немногих часов, когда он должен был участвовать в депутатских дебатах и дойти до машины, можно сэкономить на личной охране.

Охранник отвлек внимание министра, завел его в слепую зону и спустя немногим более получаса вернулся в одежде министра. Это точно. Что случилось потом, совершенно неясно.

Или министр все еще находится в одном из зданий Риксдага, или он попал в чьи-то руки, и этим людям каким-то образом удалось вывести его на улицу так, что это не попало ни на одну камеру наблюдения. Значит, остается риск, что его обнаружат. Именно поэтому очень многое говорит за то, что он в здании.

Но где?

В каком-то помещении, которое они проглядели. В помещении, которое никогда не использовалось и мимо которого все шли, не

задумываясь о его существовании.

– Ну ладно, тогда мы благодарим вас и желаем вам удачи, – сказал охранник и повел их к фойе.

Они пожали друг другу руки.

– Вполне возможно, что мы опять обратимся к вам, – сказала Малин и вышла.

Если бы речь шла о здании полиции, Фабиан точно бы назвал комнату. По закону такая комната должна быть на всех крупных предприятиях, но ею никогда не пользуются.

– Фабиан? Очнись, мы уходим, – сказала Малин.

Фабиан кивнул и пошел с Малин к выходу, но снова остановился и повернулся к охраннику.

– Комнаты отдыха. Вы смотрели в комнатах отдыха?

– Комнаты отдыха? У нас нет таких комнат, – ответил охранник со смехом.

– Ты совершенно уверен?

– Да, я знаю каждый закоулок, и что бы люди ни думали о политиках, во всяком случае, они не отдыхают.

– О'кей, это просто предположение, – сказал Фабиан и повернулся, чтобы выйти.

– Подождите... Там, за всеми этими старыми проекторами в сводах под зданием «пожарной части». Конечно... – Лицо охранника побледнело. – Почему я об этом не подумал?..

– О чем? – спросил Фабиан, но ответа не получил.

Охранник уже устремился вперед с такой скоростью, что Фабиан и Малин едва за ним поспевали.

– Ты шутишь? Ты знаешь, который сейчас час? – раздался голос Микаэля Реннинга на другом конце провода.

– Да, знаю. И я не шучу, – сказала Дуня, забравшись на диван с мобильным. – Но ты один можешь мне помочь. Ты где? Далеко от работы?

– Нет, Бену что-то помешало. Причем «помешало» я беру в кавычки. Конечно, я знаю, что у нас открытые отношения и т. д. и т. п. Но... Согласись, что это дурной тон.

– Разумеется. Но послушай, ты где?

– Здесь, и играю в Sims.

– Где? На работе?

– Да, но сейчас я как раз собирался в бар Cosy Bar, и знаешь, что я думаю там делать?

– Нет, но могу себе представить. А ты не сможешь мне помочь до того, как уйдешь с работы и отомстишь Бену? Кстати, его действительно зовут Бен?

– Да, но большинство называют его Биг Бен.

– Но не ты.

– В таком случае он Большой-но-не-больше-меня-Бен. Но бог с ним, с этим голубком. Какая тебе нужна помощь?

– Эти случаи, которые ты для меня отобрал. Я думаю, что в нескольких фигурирует один и тот же преступник.

– Как так? Помимо тяжкого насилия, между ними нет ничего общего.

– Я знаю. В этом-то все и дело. Ему становится скучно. И чтобы снова и снова словить такой же кайф, каждый раз ему приходится придумывать что-то новое и изобретать колесо. Ты меня понимаешь?

– И что ты от меня хочешь?

– Чтобы ты сделал новый поиск за предыдущий период.

– За какой период?

– За десять-пятнадцать лет. Это необязательно должны быть случаи со смертельным исходом. Достаточно изнасилования, а еще лучше попытки изнасилования. Ведь какой-то раз был первым.

– Таких случаев будет сколько угодно.

– Пожалуйста, сделай, как я прошу.

– Слушаю и повинуюсь.

– Извини, я не хотела...

– Ничего страшного. Но если мы, не дай бог, окажемся в одной постели, ну, ты знаешь, на каком-нибудь рождественском вечере или чем-то в этом роде, плеть держу я. О'кей?

– Конечно, обещаю, – сказала Дуня со смехом. – Позвони, как только будешь готов. Я все равно не засну.

– Не надо. Они уже у меня.

– Ясно, и сколько их?

– Я же говорил: сколько угодно.

– Это трехзначная цифра?

– О да.

Дуня отставила мобильный, чтобы он не услышал ее вздоха. Микаэль Реннинг полностью прав. Изнасилования или попытки изнасилования случаются так часто, что если скоро эта тенденция не изменится, это станет обычным способом для мужчины приблизиться к женщине. Им нужно нечто большее, что отличает ее преступника от всех остальных. Какая-нибудь маленькая деталь, которую можно задать в поиске, а потом связать с одним из предыдущих случаев.

Она села на диван и посмотрела на материалы пяти следствий, лежащих рядом на столике. В который раз, она уже сбилась со счета.

– Алле? Ты здесь?

– М-м... – пробормотала она и поняла, до чего же устала.

Ей надо бы отпустить Реннинга в бар, а самой пойти и лечь спать. Карстен наверняка уже уснул. Но ее никак не отпускало чувство, что она напала на след, и это чувство все равно не даст ей сомкнуть глаз. Дуня зацепилась взглядом за расследование, где жертву Нанну Мадсен нашли в мусорном контейнере в Херлеве с сильными кровоподтеками от глубоких укусов.

– Послушай, а если в поиск включить собаку?

– Собаку? Какую еще собаку?

– Добермана, доберман-пинчера, бойцовскую собаку или просто собаку.

Дуня услышала, как щелкают клавиши – это Реннинг задавал новый поиск.

– Тогда бинго! 14 июня 2004 года некая Майкен Брандт подала заявление в полицию о попытке изнасилования, когда преступник, в частности, натравил на нее агрессивную собаку. И согласно ее показаниям, это был именно доберман-пинчер.

– Она смогла его опознать?

– Да, она видела его несколько раз в их районе и смогла опознать его и

дать против него показания.

– И?

– Бенни Виллумсен, тридцать шесть лет. Был осужден на два года, но уже через год его освободили.

– Ты можешь точно сказать, когда он вышел из тюрьмы? – Дуня достала дело об убийстве Нанны Мадсен и увидела, что оно произошло 5 декабря 2005 года.

– 17 июля 2005 года.

– Через полгода.

– После чего?

– Я хочу, чтобы ты провел такой же поиск, как и предыдущий, только за период с 17 июля до 5 декабря 2005 года.

– В этот период произошло три разных случая. 15 августа, 23 октября и 4 ноября, и в двух последних случаях речь идет о завершенных изнасилованиях. Но все три расследования были закрыты по причине нехватки доказательств.

– И 5 декабря он доходит до конца и лишает свою жертву жизни. Это он. Это наверняка он. Сделай поиск и посмотри, где он живет.

– Я уже сделал, но, похоже, он нигде не зарегистрирован.

– Ты проверял какого-нибудь другого Виллумсена? Например, его родителей или других родственников.

– У него нет ни братьев, ни сестер, а оба родителя умерли. Но он мог уехать за границу.

– Точно... И как я об этом не подумала? Попробуй поискать в Швеции.

Дуня опять услышала, как пальцы Реннинга стучат по клавишам. Но она почему-то уже успокоилась и, услышав ответ, не удивилась. Словно где-то в самой глубине этого хаоса мыслей все время знала.

– Вот он. Улица Консультгатан, 29, Мальме. Третий этаж.

– Спокойно, не забывай, что я беременна, – попросила Малин. Она с трудом поспевала за Фабианом и охранником, который, несмотря на свои габариты, пробирался по подземным переходам, как проворная собака-ищейка. Пройдя мимо нескольких закрытых туалетов, они свернули налево и пошли по ответвлению коридора, которое заканчивалось тупиком. Тут охранник наконец остановился, перевел дух и показал на пятьдесят списанных проекторов, нагроможденных один на другой как памятник техническим достижениям.

– Здесь должна быть дверь.

Фабиан и охранник стали переносить каждый проектор по отдельности, но скоро поняли, что некоторые специально поставлены так, чтобы их можно было легко отодвинуть. Они расчистили узкий проход, который вел к закрытой двери с табличкой с изображением кровати.

Обязательная комната отдыха, которой никто никогда не пользовался из-за нехватки времени. Во всяком случае, до сих пор, подумал Фабиан и нажал на ручку.

Если бы не металлический запах крови, их бы совсем не удивила представшая перед ними картина. На кровати – помимо нее, маленького столика и напольной лампы в комнате ничего не было – с закрытыми глазами на спине под одеялом лежал министр юстиции. Но, несмотря на явный запах, крови нигде не было видно, констатировал Фабиан, когда включил свой мобильный и направил свет на светлое ковровое покрытие на полу.

– Он жив? – спросила Малин, протискиваясь вперед к Фабиану.

Фабиан нажал пальцами на сонную артерию и покачал головой. Тело успело остыть, а трупное окоченение почти полностью прекратилось, – значит, он мертв примерно сутки.

– Я чувствую запах. А ты? – Малин закрыла дверь, чтобы охраннику не пришлось в голову войти.

Фабиан кивнул. Он откинул одеяло с голого тела, и стала ясна причина запаха. На животе, вскрытом и провалившемся, зияла большая дыра.

– Боже мой, что случилось? – Малин прошла вперед и встала рядом с Фабианом, который осветил большую полость величиной в несколько десятков сантиметров, в которой не было никаких внутренних органов.

– Из него вынули все внутренние органы, – сказал Фабиан. – Кишки,

печень, почки... Насколько я могу судить, ничего нет.

– Но я не понимаю смысла. Это явно долго планировали. А ты понимаешь, что это значит?

Фабиан не ответил, хотя только сейчас до него дошло, что же лежало в пакетах с заморозкой в ремонтируемой квартире.

– Сначала Пальме, потом Линд, а теперь Гримос, – продолжила Малин и покачала головой. – Черт знает что такое. Если так будет продолжаться, скоро у нас вообще не останется политиков.

– Ты в порядке? – спросил Фабиан.

– Как я могу быть в порядке? Фабиан, только что убили министра юстиции Швеции. Ты понимаешь, что нас ждет? На нас набросятся все новостные репортеры. Эдельману ничего не останется, кроме как проводить пресс-конференции, где он будет только повторять, что мы работаем над несколькими параллельными версиями. Но, но... – Она тяжело вздохнула, держа ладони на своем выступающем вперед животе. – Во всяком случае, мы можем радоваться: ведь больше нет сомнений в том, что совершено преступление и что следствие с этой минуты ведем мы.

Фабиан кивнул, хотя не слышал ни одного сказанного ею слова. Он был полностью поглощен тем, что пытался связать воедино лежавшее перед ним изрезанное тело и содержимое морозилки в ремонтируемой квартире. Вероятно, в пакетах хранились не потроха и не свиные внутренности.

– А ты что думаешь?

Фабиан предупреждающе поднял руку и направил луч света на лицо министра. Если его версия верна, в стеклянной банке плавали отнюдь не маринованные луковички производства фирмы Nauward. Но он увидел это, только когда наклонился вперед.

Запавшие веки.

– Что это? Ты что-то нашел? – спросила Малин.

Фабиан кивнул, дотронулся до одного века пинцетом и поднял его.

Как и живот, глазницы зияли пустотой.

Когда Бенни Виллумсен проснулся, то не понял, где находится. Лампа светила прямо над ним, и из-за этого он вообще почти ничего не видел. И только когда ему удалось немного ослабить скотч, наклеенный ему на подбородок и лоб, и повернуть голову, до него дошло, что он голым лежит на собственном обеденном столе, к которому прикреплен изолентой.

Снимок его любимой Йесси развеял все сомнения. Он поставил его в рамочку и повесил на стену в тот же день, когда она уснула. С тех пор прошло почти семнадцать месяцев, и каждый день по-прежнему воспринимался как подъем в гору. Одно время он думал о том, чтобы купить другую собаку, но пришел к выводу, что второй такой никогда уже не будет.

К нему наконец стала возвращаться память. Медленно и робко прояснялись образы. Как обычно, вечером он вышел на прогулку и, хотя шел сильный снег, пошел по большому кругу, что заняло почти два часа. Он чувствовал себя спокойно и не испытывал ни малейшей тревоги.

Совсем не так, как после вторжения в один из домов на улице Фортуна Странд в Рюдебекке два года тому назад. Тогда он совершил смертный грех – упустил одну с виду незначительную деталь, и беспокойство не давало ему спать целую неделю, пока полиции Хельсингборга в конце концов не удалось выследить и схватить его.

Если бы его по ошибке также не обвинили в убийстве привинченной женщины, которую прибило к берегу острова Вен, его бы наверняка осудили. Но его, наоборот, оправдали, и он обещал самому себе никогда в жизни не упускать ни одной детали, даже очень незначительной и мелкой на вид.

И пока что это получалось.

Поэтому ему было незачем беспокоиться, и он мог посвятить остаток вечера тренировке. Качание пресса на брусьях, отжимания, двойной армлифтинг, поворотное качание пресса с гантелями и румынская становая тяга. Он выполнил весь комплекс упражнений три раза, закончил на пределе и все еще чувствовал, как у него стучит в груди.

И тут это произошло.

Словно по сигналу, он услышал, как в щель для почты просунули какой-то предмет, и тот упал на пол. Когда Бенни вышел в коридор, чтобы посмотреть, что это, прихожая уже была заполнена белым дымом.

Он попытался выбраться оттуда, но был не в силах ни отползти назад, ни пробраться вперед. Последнее, что он запомнил: кто-то вошел во входную дверь, подошел к нему и склонился над ним.

Кто-то в темной грубой одежде и в противогазе.

И теперь он лежит здесь, приклеенный скотчем к собственному кухонному столу, и понятия не имеет, что его ждет. Но это не значит, что у него отсутствуют опасения. Он сразу же отмел идею о том, что это полиция, как нечто совершенно неправдоподобное. Но за те немногие минуты, что он был в сознании, он в мельчайших подробностях прокрутил в голове каждый из своих старых подвигов.

Сначала он был уверен, что это одна из его «неудач». Кто-то из самых первых, кто остался в живых и теперь жаждал мести. Но, поразмыслив, пришел к выводу, что никто из них не обладает качествами, которые требуются для того, чтобы подвергнуть его такому испытанию. Он предположил, что это родственники жертвы в Рюдебекке, но потом отбросил и эту мысль.

Он услышал, как кто-то встает с дивана в гостиной. Значит, он не один. Он попытался повернуть голову, чтобы увидеть, кто вошел в кухню, встал прямо за ним и завязал ему глаза.

«Начинается, – подумал он. Что бы ни случилось, сейчас это начинается».

«Фабиан.

Я не знаю, в котором часу ты придешь домой. Если вообще придешь. Не вмешиваюсь в то, чем ты занимаешься, но, пожалуйста, давай о себе знать. Ради детей. Особенно Матильды, которой все время кажется, что мы разводимся. Что ты такое ей сказал? Она спросила меня, расстались ли мы, и я не знала, что ответить.

Мы расстались?

Теодор – совсем другое дело. Я понятия не имею о том, что он делает по вечерам, но убеждена, что ничего хорошего. Так что независимо от того, как у нас сложится в будущем, мы должны с этим разобраться. Вместе.

Если хочешь есть, в холодильнике кое-что осталось.

Соня.

P.S.: Все выходные буду в мастерской».

«Она сдалась», – подумал Фабиан, взял с обеденного стола написанное от руки письмо и спрятал его в шкафу среди лекарств. На самом деле он хорошо понимал ее. Он даже был готов согласиться с ней, что, пожалуй, это единственный правильный шаг. Но хотя все было очевидно, он не мог себя заставить его сделать. Он никогда не сможет себя простить, если потом окажется, что решение было ошибочным. Что это на самом деле просто немного затянувшийся кризис, который никак не хотел их отпускать.

Он достал из холодильника контейнер и открыл его. Грибное ризотто. Одно из его самых любимых блюд. Никто не готовит его так вкусно, как Соня. Он взял вилку и, чтобы не будить остальных звуком микроволновки, съел его холодным прямо из контейнера. Пока Фабиан ел, он решил, что ничего еще не кончено, пока они не предприняли последнюю честную попытку.

Доев ризотто, он засунул контейнер в уже переполненную посудомоечную машину, погасил свет и пошел в ванную комнату, где принял душ, почистил зубы и зачем-то затеял целое дело с зубной нитью.

Стоматолог ругал его все больше и больше, угрожая потерей зубов, если он вскоре не начнет ее использовать, и, судя по запаху окровавленной нити, это были не пустые угрозы.

В спальне он услышал, как Соня спит самым глубоким сном. Никто не издавал во сне такие звуки, как она. Ее тяжелое прерывистое дыхание время от времени переходило в легко похрапывание, такое характерное, что даже ей самой не удавалось его симитировать в те разы, когда она пыталась обмануть мужа и сделать вид, что спит.

Он поставил будильник на семь часов и заполз под одеяло. Ему просто необходимо несколько часов отдохнуть, пока их криминалист Хилливе Стуббс ищет следы в комнате отдыха в здании Риксдага и в ремонтируемой квартире, а тело Гримоса осматривают судмедэксперты. К тому же у Малин открылось второе дыхание, и она вернулась в дежурную часть Риксдага для детального изучения записи с камеры наблюдения, чтобы попытаться опознать охранника, окликнувшего Гримоса.

Она хотела, чтобы он пошел с ней, но он отказался, прекрасно понимая, что это затишье перед бурей и, может быть, его последний шанс вздремнуть. В течение получаса станет известна новость о смерти министра, и даже если Эдельман скроет самые страшные подробности, газеты вскоре все разнюхают, и заголовки будут один хуже другого.

Но сейчас совсем не это не давало ему уснуть. Понимание, что Соня признала себя побежденной, не давало ему покоя. Все прекрасные годы их совместной жизни, они что, просто перечеркиваются?

Нельзя допустить, чтобы это произошло. По крайней мере, не таким образом. Они могут хотя бы попытаться поговорить друг с другом. Честно говоря, Соня не раз предлагала пойти к специалисту и высказывала различные идеи о том, куда им обратиться. Но он противился каждому предложению и считал, что она раздувает проблему. Разве они не могут просто сесть и все обсудить, без постороннего человека, который все равно только зарабатывает деньги?!

А ведь на самом деле он просто не может собраться с духом.

Он перекатился на Сонину половину и зарылся под ее одеяло. Она была теплой, и ее волосы слегка пахли масляной краской, хотя она недавно приняла душ. Она слишком глубоко спала, чтобы заметить его присутствие. Она не отреагировала, даже когда он произнес ее имя. Но может быть, она все равно слышит сквозь сон, подумал он, наклонившись к ее уху.

– Соня, я тебя люблю. Знай это. Я люблю тебя больше всего на свете, – прошептал Фабиан. – И заверяю тебя, что я не сдался. Отнюдь не сдался. Ты слышишь? И если ты хочешь, чтобы мы пошли к специалисту, мы

пойдем. Хорошо?

– М-м-м...

Был ли это ответ или просто звук, сказать невозможно.

– Соня, я тебя люблю, – прошептал он еще раз. – Фабиан тебя любит.

– Я тебя тоже люблю... – выдохнула она так тихо, что он едва расслышал.

Но для Фабиана этого было вполне достаточно.

Бенни Виллумсен не знал, как ему реагировать. Чувства, как и мысли, разбегались в разные стороны. С одной стороны, он испытывал растущее беспокойство перед тем, что его ждет. Перед вероятной болью. Без всякого сомнения, он заслужил ту или иную форму наказания. На самом деле странно, что только сейчас кто-то из его предыдущих жертв, или «неудач», как он предпочитал их называть, решил взять правосудие в собственные руки. Но он совсем не готов признать свое поражение. Одна только мысль о том, сколько ему осталось сделать, причиняла ему боль. Он столько всего придумал, но никогда не претворит это в жизнь.

И тем не менее, он наслаждался руками, которые невесомо парили над его обнаженным телом и заставляли вздрагивать от сладострастия после каждого прикосновения, легкого, как перышко. К груди, все еще твердой и накачанной после последней тренировки, и дальше к кубикам на животе – его самой большой гордости.

Он разменял пятый десяток, но был в превосходной форме. Его тело было практически совершенно. Не только сами мускулы, но и пропорции, не говоря уже о гибкости, появившейся в последние годы в результате занятий йогой. Вдобавок он почти избавился от подкожного жира, и все его вены и жилы были видны. Сейчас самое время его осматривать и до него дотрагиваться.

Он никогда не был в подобной ситуации – голый, приклеенный скотчем к собственному столу и с завязанными глазами – и никогда в самых буйных фантазиях не мог предположить, что это подарит ему хоть какое-то наслаждение. Но он испытывал именно наслаждение. Смертельно боясь того, что его ждет, он был вынужден признаться самому себе, что неизвестность заводила его. В отличие от всех тех раз, когда он играл активную роль и должен был думать, действовать и осуществлять.

Нельзя сказать, что ему это не нравилось. Он любил это. Самому держать штурвал и иметь власть над жизнью другого человека – вот главное удовольствие. А еще страх в их глазах, когда до них доходило, что они в его руках, руках насильника. Он любил смаковать каждую стадию процесса, а если спешить, велик риск упустить кое-какие нюансы. Например, когда страх переходит в ужас – как только они понимают, что он не только обладает властью, но и намерен ею воспользоваться.

Каждая стадия – словно невинность: когда ее лишишься, ее не

восстановишь. В ту секунду, когда ужас вонзал в них свои когти, страх невозвратно проходил, как бы он ни старался. С годами ему все лучше удавалось выжимать последние капли, держать жертв в определенном состоянии и тянуть столько, сколько он пожелает, прежде чем повести их дальше по размеченной трассе, которую все пройдут до конца.

Первые годы он с нетерпением ждал ужаса, но потом его фаворитом стала надежда. Она всегда приходила на смену ужасу, озаряя их лица. На этой стадии он мог добиться улыбок и иногда даже почти естественного смеха. Нет ничего лучше, чем внушить им именно в эту минуту спокойствие и дать надежде вырасти и окрепнуть до такой степени, что в конце концов они осмеливались верить всему. Если только они будут слушаться и не станут сопротивляться, все будет хорошо.

Тогда, и только тогда, они выживут.

Чем дольше он растягивал эту стадию, тем больше дивидендов получал, когда до них доходило, что нет никакого смысла надеяться. Как бы они ни умоляли и ни просили, финал был предрешен. Они все еще дышали, и их сердца продолжали гонять по жилам насыщенную кислородом кровь, словно ничего не случилось.

Но их глаза знали лучше. Они точно знали, что их ждет.

Нет ничего прекрасней момента, когда взгляд становится потухшим и обреченным.

Нежные руки слегка коснулись его паха, а потом прошлись по ногам. Впервые ему ничего не оставалось, кроме как ждать и принимать, и хотя он точно знал, чем это кончится, он не мог не получать удовольствие.

Дыхание стало глубже, и если бы его рот не был заклеен скотчем, он бы наверняка дышал ртом. К тому же у него оживился член, и он чувствовал, как от прилива крови тот становится все больше и тверже по мере того, как к нему приближаются легкие руки.

Вначале он решил, что это руки женщины. Но теперь он не был уверен; может быть, это все-таки мужчина. В отличие от многих других он никогда не задумывался над тем, мог ли он стать гомосексуалом или бисексуалом. Всю свою жизнь он был совершенно уверен, что он гетеросексуал и сникнет, как только до него дотронется мужчина.

Но его тело явно не придавало этому ни малейшего значения, поскольку теперь его член встал во весь свой рост и был так накачан и налит кровью, что он чувствовал, как тот двигается в такт его пульсу. Кто бы ни играл с ним, он не сомневался, что этот человек был под впечатлением. С длиной в 29 сантиметров и обхватом в 18,5, он превосходил большинство.

Руки наконец дотронулись до него. Легкими, едва заметными касаниями от корня и дальше снизу вверх. Он не был уверен в своих ощущениях, но решил, что, скорее всего, кто-то кончиком языка ласкает пульсирующую головку его пениса.

Он не знал толком, что будет. Но его явно не собирались оставлять в живых так долго. Остается только принимать это с благодарностью и получать удовольствие, пока это длится. В любой момент все может закончиться. Точно нанесенный удар остро заточенного топорика для рубки мяса, и в течение четверти часа он истечет кровью.

В любой момент.

Вместо этого руки схватили твердый, как камень, корень и так отклонили член, что тот встал под углом девяносто градусов, после чего влажный рот обхватил пенис и стал продвигаться все глубже и дальше. Он по-прежнему не понимал, кто это, мужчина или женщина, но чем дольше рука и рот так хорошо и слаженно делали свое дело, тем меньше его интересовал этот вопрос.

Обычно он мастурбировал как минимум два раза в неделю. Это помогало ему оставаться в относительно спокойном состоянии. Но последние недели он даже не прикасался к себе, а делал упор на тренировки, позволяя напряжению накапливаться. Если бы он теперь выступил, он бы совершил нечто нешуточное.

Только бы это сейчас не кончилось. Оно не должно кончиться. Он еще не готов. Потом пусть делают с ним что угодно. Что угодно. Только бы ему дали...

Он почувствовал, как сжалась мошонка и как приготовился его твердокаменный член. Через секунду он выпустил первый залп, а потом продолжил извергать белое семя, словно ему нет конца.

И только когда из него все вышло, руки разжали хватку, и он смог расслабиться, а его тело – потяжелеть. Он засыпал, и ему казалось, что он проваливается сквозь стол, все глубже в темноту.

Что бы его там ни ждало.

Он готов принять свое наказание.

Было еще только без одиннадцати шесть утра, когда Фабиан и Малин вошли в слабо освещенный подъезд дома на улице Хорнsgатан, 107, в Стокгольме. «Во многих отношениях дом прекрасно расположен – в районе Сёдермалм, до парка рядом с заливом Орставикен рукой подать. Но у здания такой вид, словно оно находится в обветшалом пригороде», – подумал Фабиан.

Двадцать минут назад позвонила Малин и рассказала, что на одной из видеозаписей, снятых камерами наблюдения в зданиях Риксдага, ей удалось разобрать имя охранника на бейджике. Оказалось, что охранника, который исчез вместе с министром юстиции, зовут Юаким Хольмберг, ему тридцать семь лет, он живет один и пять лет работает в охране Риксдага.

– Пятая квартира, – сказала Малин и открыла дверь лифта.

– Пойдем по лестнице, – предложил Фабиан и стал подниматься.

– Тебе легко говорить. Тебе же не надо таскать за собой всю семью, – сказала Малин, поспешив за ним. – Я попросила Войтана собрать о нем сведения. Хочешь послушать, что он нашел?

Малин имела в виду Войтека Новака, который пришел на место Нивы Экенгельм, когда та ушла от них два года тому назад. Новак не захотел зваться *научным фантастом* и настоял на том, чтобы его величали *информационно-техническим криминальным следователем*, и поэтому его звали *Войтаном* или *Кибер-Войтаном*. Ему понадобился год, чтобы освоиться, и теперь не было никаких сомнений в том, что он – находка, даже если ему никогда не достигнуть уровня Нивы.

– Конечно, рассказывай, – сказал Фабиан, не сумев подавить зевок.

– О'кей, охраннику, как я уже сказала, тридцать семь лет. Он жил с мамой, пока она не умерла от рака груди два с половиной года назад. Трогательно, правда? Не рак груди, конечно. И теперь квартира записана на него.

«Отшельник, который никогда не уезжал из дома. Что может быть хуже», – подумал Фабиан и стал ждать Малин, которая, покрасневшись, тяжело поднималась по лестнице.

– Что-нибудь еще?

– О да. Это только начало. Судя по «Фейсбуку», он сторонник и «Шведских демократов»^[4], и блога Politiskt inkorrekt^[5]. А на форуме Flashback каждую неделю пишет новые комментарии в разных тредах на

тему оружия.

– Только на эту тему? – Фабиан поднимался по последнему лестничному пролету.

– А на какие еще он должен писать?

– Охота, убийство путем расчленения, анатомия тела и так далее.

– Понятия не имею. Если и пишет, то под другим ником. А теперь послушай: с 1997 по 2000 год он каждый год пытался поступить в Высшую школу полиции, но его не принимали с такой формулировкой... – она одолела последний пролет, достала мобильный и зачитала вслух: «Соискатель страдает такой сильной социальной фобией, что, по нашему мнению, работа в полиции ему никак не подходит».

– Но он явно без проблем устроился охранником в отдел безопасности Риксдага.

– А то. Вот так и начнешь бояться темноты. Но тут становится по-настоящему интересно. Знаешь, кто был ректором Высшей школы полиции в тот период?

Фабиан, подумав, в конце концов покачал головой.

– Карл-Эрик Гримос.

– Правда?

Малин кивнула.

– Ты считаешь, что это могло послужить мотивом? – спросил Фабиан, держа открытой дверь в наружную галерею.

– А почему бы нет? В 1995 году Гримос ушел с поста начальника Государственной криминальной полиции и стал ректором Высшей школы полиции. Занимал эту должность несколько лет, а потом сделал ставку на политику.

– Но с тех пор прошло почти десять лет, – отозвался Фабиан. – Хольмберг, что, настолько злопамятный?

– Ну и что? Может быть, он не мог осуществить свой план, пока его мама была жива.

Они продолжали идти по открытой галерее, откуда можно было заглянуть прямо в кухни жильцов. В двух первых никого не было. В третьей сидели пять человек и играли в карты. Четвертая, в которой не горел свет, принадлежала Юакиму Хольмбергу.

Фабиан приложил ладони к лицу и заглянул в кухню. Похоже, там не убирали с тех пор, как умерла мама. Мойка была завалена посудой с засохшими объедками, а пол – старыми коробками из-под пиццы и пакетами из «Макдоналдса». Но больше всего в глаза бросались многочисленные банки из-под кока-колы. Они сотнями лежали в кучах,

одна выше другой.

– Черт, открыто, – прошептала Малин. Фабиан обернулся. – Что скажешь? Войдем или будем ждать наряд?

Фабиан кивнул и осторожно вошел в холл. За его спиной Малин достала пистолет, передернула затвор и только потом вошла за ним, закрыв дверь. Воздух был густым и спертым. За исключением звуков машин с улицы Хорнсгатан, в квартире стояла тишина.

– Дверь не заперта, странно, – прошептала Малин. – Даже если люди дома, они запирают дверь. Особенно когда есть наружная галерея.

Фабиан знаком попросил ее помолчать и раздвинул одну из дверей в холле.

– Ты ведь не думаешь, что он дома?

Фабиан пожал плечами и заглянул в спальню, которая так же нуждалась в генеральной уборке, как и кухня. Незастеленная кровать и груды грязной одежды на полу. И наваленные друг на друга банки кока-колы, закрывающие часть одной стены.

– Да тут налицо зависимость, – сказала Малин и вошла в комнату.

Фабиан прошел дальше через холл в комнату побольше. В отличие от кухни и спальни здесь было очень темно. Но когда ему наконец удалось найти выключатель, он понял, что ключ к Юакиму Хольмбергу находится именно тут. Он вложил сюда душу и создал мир, в котором ему не надо было сталкиваться с другими людьми. Мир, центром которого был он сам.

Точно как и в ремонтируемой квартире на улице Эстгетагатан, окна были зашторены и не пропустили бы свет даже в солнечный день в разгар лета. Источником света в комнате были светодиодные лампочки на потолке, направленные на десяток расставленных манекенов, на которых чего только не было – от монашеской рясы и бикини до формы медсестры и бандажных ремней.

Некоторые сидели на кожаном диване и словно беседовали друг с другом, поставив бокалы с вином на дымчатую стеклянную столешницу придиванного столика. Другие стояли или лежали на полу в различных неприличных позах.

Посредине комнаты на небольшом подиуме перед большим плоским телевизором стоял крутящийся стул с держателем для чашки. На полке под телевизором помимо двух игровых приставок находились стационарный компьютер и стереосистема. Рядом с креслом на маленьком круглом столе лежала упаковка бумажных носовых платков и тюбик со смягчающим кремом.

Фабиан подошел к креслу, взобрался на подиум, сел и сразу же

обнаружил, что все манекены так или иначе повернуты к нему. Словно он в центре праздника и к нему прикованы все взоры.

Юакиму Хольмбергу явно больше всего нравилось, когда внимание направлено на него одного. К тому же он эксперт в области оружия, симпатизирует правым экстремистам, и по понятным причинам его не приняли в Высшую школу полиции.

Фабиан стал анализировать различные составляющие, но ничего не прояснилось. У них по-прежнему отсутствовал ключ к разгадке взаимосвязи.

Он встал с кресла, обошел один из манекенов, растянувшийся на полу, и пошел в ванную, где зажег свет.

Некогда белый кафель теперь был с желтоватым оттенком. Такого же цвета были раковина и унитаз. На полке рядом с аккуратной стопкой подгузников для взрослых стояла баночка с детской присыпкой. В отдалении кто-то спустил воду и прервал его мысли о заметке, в которой рассказывалось о детском саде для взрослых в Англии, куда приходили пожилые мужчины, чтобы им меняли подгузники и давали соску. Через секунду он услышал, как вода стекает по стояку.

Он открыл зеркальную дверцу шкафчика, чтобы посмотреть, есть ли там лекарства. В зеркале через щелочку задернутой душевой занавески он заметил отражение колена, торчащего над краем ванны. Зачем он положил манекен в ванну? А может...

Фабиан обернулся и отдернул занавеску.

На мужчине были только кальсоны и майка. Его руки были накрепко связаны скотчем, глаза закрыты, а рот широко открыт. На шее – собачий ошейник с заклепками и поводок, уходящий за спину. Фабиан видел этого человека только в размытом ролике с камеры наблюдения. Но недлинное крупное тело и лицо с усами могли принадлежать только Юакиму Хольмбергу.

Он лишил себя жизни? Что произошло? Фабиан осторожно нажал пальцами на сонную артерию под ухом. Нащупав пульс, он был так поражен, что отступил назад, поскользнулся и упал. Тело в ванне тем временем дернулось со всей силы, пытаясь сесть, но ему помешал поводок.

– Я не знаю, – сказал Юаким Хольмберг и почесал рану на шее от собачьего поводка.

– Не знаешь – в смысле не помнишь, или не знаешь в смысле не знаешь? Или в смысле, что ты не в силах отвечать? – спросил Фабиан, который сидел напротив вместе с Малин и чувствовал, что начинает раздражаться.

– Не знаю, – Хольмберг опустошил банку кока-колы и поставил ее на стол рядом с другими выпитыми банками.

Они больше двух часов сидели в комнате для допросов и бились с Юакимом Хольмбергом, отвечавшим «я не знаю» на большинство вопросов. Кислород давно кончился, и воздух, которым они дышали, циркулировал так много раз, что Фабиан даже не хотел думать о том, в каких местах он побывал.

Вдобавок ко всему ему удалось вздремнуть только три часа, и он только и ждал, что объявится Соня. У нее наверняка ужасно испортится настроение, как только она узнает, что он уже ушел из дома и, возможно, будет отсутствовать все выходные. Он не рассчитывал на то, что она поймет написанное им объяснение, которое положил на ее ночной столик.

– Похоже, ты не так много знаешь, – сказал Фабиан и попытался проигнорировать, что Хольмберг безо всякого стеснения засунул указательный палец в одну ноздрю. – Ты вообще что-нибудь знаешь? Например, как тебя зовут. Хотя бы это ты знаешь?

Юаким Хольмберг, не отрывая глаз от стола, вытащил козявку и теперь держал ее в воздухе между большим и указательным пальцем. – Куда мне это девать?

Фабиан переглянулся с Малин и отметил, что ей так же отвратителен человек по другую сторону стола, как и ему.

– «Я не знаю». Узнаешь? – Он встал и начал ходить кругами по комнате. Еще немного, и у него будет клаустрофобия. – Я не знаю. Я не знаю. Я не знаю. Но между тобой и мной есть различие. Или, точнее сказать, одно из всех миллионов различий, а именно то, что я говорю правду. Я, черт возьми, понятия не имею, что такие, как ты, делают со своими мерзкими сопливыми козявками, и я не уверен, что у меня есть желание это узнать. – Он встал за Хольмбергом и оперся о спинку его стула. – Малин, что скажешь? У тебя есть какое-нибудь предположение?

Малин пожала плечами и покачала головой, не меняя выражения лица. Фабиан видел по ней, что она совсем не согласна с его линией. Конечно, он вышел за рамки. Ну и бог с ним. Он больше не в силах сдерживаться.

– У нас был один такой в классе, настоящий подонок, – продолжил он. – Тебе, пожалуй, он бы понравился. Он обычно их съедал. И не только свои собственные, но и чужие. И утверждал, что это вкусно. Может быть, в этом что-то есть? Что скажешь?

Юаким Хольмберг проигнорировал слова Фабиана, прилепил козявку к пустой банке из-под колы и потянулся за новой банкой.

– Нет, об этом забудь. Больше никакой колы, – Фабиан схватил банку. – Пока ты, черт возьми, не расскажешь, что произошло.

– Я же рассказал. Я сидел на своем троне...

– Ты хочешь сказать, в кресле.

– Да, и...

– Ласкал самого себя. Мы это поняли.

– Нет, я только собирался, но не успел зайти так далеко.

– Ну, как скажешь...

– Фабиан, я могу с тобой поговорить? – Малин кивком попросила его выйти вместе с ней и закрыла за ними дверь. – Что на тебя нашло? Что ты вытворяешь?

Фабиан перевел взгляд на подвешенный к потолку телевизор, который как раз транслировал проходившую пресс-конференцию. Херман Эдельман сидел на подиуме за гроздьями микрофонов слева от начальника Главного полицейского управления Бертиля Кримсона. Справа сидел Андерс Фурхаге из Полиции безопасности и говорил о том, что нельзя исключать версии о теракте. Поэтому у нескольких политиков усилена личная охрана, и уровень угрозы в стране повысился с 2 до 3 по пятибалльной шкале.

– Фабиан? Что-то случилось? – Малин попыталась встретиться с ним глазами.

Его первым порывом было изобразить непонимание. Но он слишком хорошо знал ее тон и брошенный на него взгляд. Она не отступит, пока он не сдастся и не признается.

– Случилось, не случилось. Не знаю... Прости. Я... – Он закрыл глаза и стал массировать виски. – У нас с Соней сейчас не все гладко, и я, честно говоря, не знаю, как пойдет дальше. И сегодня ночью... я глаз не сомкнул.

– А ты думаешь, я сомкнула?

Фабиану показалось, что его окатили ушатом холодной воды.

– Тогда могу сказать тебе вот что: мало того, что я устанавливала

личность этого подонка. Благодаря двум моим драчунам последние недели я практически не смыкаю глаз в прямом смысле этого слова. Но это не значит, что я могу притащиться сюда и вести себя как сволочь.

– Да, ты совершенно права, – сказал Фабиан, который не мог с ней не согласиться. – Я просто-напросто его не перевариваю. Что-то есть во всем его...

– Да, он мерзкое ничтожество, делающее странные вещи, о которых лучше не слышать. Но он не убийца. Не он разрезал министра. Его даже нет в ролике с камеры наблюдения.

– Я знаю. Но почему он все скрывает и отказывается рассказывать?

– А он не отказывается. Это ты не слушаешь.

– Не слушаю что? Он только и говорит, что не знает. Снова и снова...

– К тому же ты неправильно задаешь вопросы. Поэтому с этой минуты допрос буду вести я.

Они вернулись в комнату для допроса, где Хольмберг опять засунул указательный палец в нос.

– Ладно, Юаким, начнем сначала, – сказала Малин, закрыв дверь за Фабианом. – Ты только что сел на твой так называемый трон и хотел немного поразвлечься. – Она открыла банку колы и протянула ему. – Но тут что-то произошло.

Хольмберг влил в себя больше половины банки, громко рыгнул и кивнул.

– Но что, я не знаю. – Он замолчал, и Малин никак не прерывала тишину, которая ширилась и наконец заполнила каждый уголок в комнате. – Мне показалось, что в холле раздались какие-то звуки, но я не был полностью уверен, – продолжил он. – Я настроил стерео и только что включил фильм.

– И ты выключил фильм.

– Да, и вышел посмотреть, в чем дело.

– И в чем?

– Не знаю, – Хольмберг допил колу и стал сжимать банку.

В комнате опять воцарилась тишина, и Фабиан обменялся взглядом с Малин. Как всегда, она читала его как открытую книгу и знаком попросила вести себя спокойно и ждать. Но через несколько минут он четко увидел, что ей тоже тишина начала действовать на нервы.

– Все будто стало белым.

Реплика раздалась словно из ниоткуда, и Фабиан с Малин не были уверены, что услышали правильно.

– Что значит «белым»? – Малин придвинула свой стул ближе к

Юакиму.

– Не знаю. Белым.

– А потом?

– А потом я проснулся в ванне, привязанный собачьим поводком.

– И ты совсем не помнишь, как ты туда попал?

Хольмберг покачала головой.

– Но все было белым. Ты что-то слышал?

– Не знаю. Или нет, кстати. Звук напоминал... Дарта Вейдера. – Хольмберг засмеялся и потянулся за новой колой.

– Дарта Вейдера? Ты имеешь в виду Дарта Вейдера из «Звездных войн»?

Хольмберг кивнул, открыл банку и выпил.

– Вот так, – он стал показывать, положив одну руку на рот и нос и шумно дыша. Как в противогазе.

Малин повернулась к Фабиану.

– Ты думаешь то же, что и я?

Фабиан не понял, о чем она, и через секунду Малин вышла из комнаты для допросов.

Экран компьютера Малин, на котором шло видео, был разделен на четыре одинаковых квадрата. Два верхних показывали в двух различных ракурсах, как одна машина за другой подъезжает к опущенному шлагбауму в белую и красную полосу и останавливается. Водитель протягивает руку и берет из автомата билет. Два нижних квадрата показывали большой поток выезжающих машин.

– А что это? – спросил Фабиан, стоя за плечом Малин.

– Это то, что ты пропустил, потому что страшно спешил уйти со вчерашнего утреннего совещания.

Фабиан мысленно вернулся к вчерашнему совещанию и вспомнил, как Томас Перссон и Ярмо Пяивинен рассказывали о своем прорыве в расследовании исчезновения Адама Фишера, которое спустя восемь суток можно считать похищением.

– Это гараж на Слюссене?

– Правильно, – Малин кивнула. – Оказалось, что Адам Фишер, который живет рядом с Мосебакке, снимает там место.

– А какое это имеет отношение к Карлу-Эрику Гримосу?

– Подожди, сейчас увидишь, – сказала Малин и попыталась найти нужную точку на линейке времени в нижней части экрана. – Вот. Вот он. – Она поставила фильм на паузу. – Видишь?

Фабиан кивнул и увидел в остановленном кадре в верхнем левом

квадрате номерные знаки кроссовера. В правом квадрате было видно, как Адам Фишер один сидит в машине за рулем.

– О'кей, здесь его видели в последний раз до исчезновения, я это понял. Но я по-прежнему не понимаю, что...

– Ты же видишь по выражению его лица, что он полностью расслаблен? – перебила его Малин и показала на экран. – Как и Гримос, он понятия не имеет, что его ждет, – продолжила она и перенесла временной маркер вперед. – Не проходит и одиннадцати минут, как та же машина снова выезжает. Вот она, – она опять остановила кадр, на котором поднимается шлагбаум и машина собирается выехать.

В двух нижних квадратах видно, как кроссовер выезжает из гаража.

Но за рулем теперь сидит не Адам Фишер, а кто-то другой.

Кто-то в темной грубой одежде и в противогазе.

Снег валил всю ночь и засыпал почти весь Копенгаген. В новостях говорили о небывалой зиме и советовали не выходить на улицу без крайней необходимости. Когда Дуня Хоугор проснулась на диване и выглянула в окно, ее первой мыслью было остаться дома и работать отсюда. Но когда Карстен прокричал из спальни, что они продолжают с того места, на котором остановились, она решила поехать в полицию.

Выйдя через час из подъезда на улице Блогордсгаде, 4, она поняла, что в новостях скорее преуменьшали. Ее велосипед было не видно под сугробами, а откопать машину займет не меньше часа. Тогда она решила идти на работу пешком. Вскоре оказалось, что это единственный способ передвижения. Практически весь общественный транспорт встал. Даже метро отказывалось работать.

Но благодаря чрезвычайной ситуации у Дуни значительно улучшилось настроение. На улицах, всегда таких загруженных, в кои-то веки не было машин. На светофоре зажегся красный свет, но пешеходов, сошедших с тротуаров, это не волновало. словно все жители города взяли его обратно себе и никогда не подумают снова отдать.

Она шла наискось по льду замерзшего озера Пемблинге, когда ответственный за безопасность компании «Scandlines» позвонил ей и подтвердил, что «БМВ» Акселя Ноймана выехал в Хельсингборг на пароме, который вышел из порта Хельсингера в 01:00 в ночь на четверг. К сожалению, они имеют право фиксировать только номерные знаки, и поэтому у них нет снимков того, кто сидел за рулем, – сам Аксель Нойман, Бенни Виллумсен или кто-то еще.

Добравшись до Ратушной площади на бульваре Х. К. Андерсена, она попыталась связаться с криминальной полицией Хельсингборга. Как оказалось, их начальник Астрид Тувессон уже ушла на рождественские каникулы, и Дуню переключили на Сверкера Хольма, который, понятно, не взял трубку. Получается, на шведском побережье никто не работает, подумала Дуня и оставила сообщение на автоответчике его мобильного. Она представилась и объяснила, что ей нужна помощь с определением местоположения и розыском «БМВ ХЗ» с датскими регистрационными номерами.

Когда Дуня наконец добралась до своего отдела в здании полиции, там не было ни Яна Хеска, ни Къеля Рихтера. Она не знала, в чем причина: или

это погода, или они взяли больничный в знак протеста против того, что ей поручили вести следствие. С одной стороны, ей хотелось позвонить им, спросить напрямую и потребовать больничные, а с другой, она обрадовалась, что сможет спокойно работать.

Но едва она успела поставить термос с кофе на письменный стол, зажечь лампу и включить компьютер, как завибрировал мобильный.

– Да. Дуня Хоугор слушает.

– Здорово, это Утес. Тебе ведь нужна кое-какая помощь.

– Извини? Это из полиции Хельсингборга?

– Так точно. Меня зовут Сверкер Хольм. Я прослушал твоё сообщение.

– Да, речь идет о датском «БМВ»...

– Да, я слышал это в сообщении. Я уже объявил машину в розыск, и мне удалось найти её снимок.

– Правда? А видно, кто сидит за рулем?

– Увы. Снимок сделан дорожной камерой на трассе Е6 в южном направлении, а они не могут снимать лица.

– А когда был сделан снимок?

– В среду ночью, в 01:33.

«В 01:33, – мысленно повторила Дуня. – Все совпадает: паром вышел из порта Хельсингера в час и через двадцать минут был в Хельсингборге. Если машина ехала по трассе Е6 в южном направлении, она с наибольшей вероятностью следовала в Мальме и, может быть, прямо до дома подозреваемого Бенни Виллумсена на улице Консультгатан, 29».

– О'кей, огромное спасибо. Именно это мне и было нужно.

– Прости, еще один вопрос, из чистого любопытства.

– Да?

– Думаю, речь идет об убийстве в Тибберупе.

– Да, это так. Но сейчас я, к сожалению, вынуждена...

– Об этом писали все газеты. Дело в том, что здесь, в Рюдебекке, два года назад мы занимались одним делом. Преступник обращался с жертвой с такой же страшной жестокостью, что и в Тибберупе.

– Да, диву даешься, откуда вся эта злоба. Было очень приятно поговорить с тобой. Хороших выходных.

– К тому же оказалось, что преступник был датчанин...

Дуня, которая как раз собиралась закончить разговор, снова поднесла мобильный к уху.

– ...хотя он живет здесь, в Швеции. Точнее сказать, в Мальме, – продолжил Утес.

– А его случайно не зовут Бенни Виллумсен?

- Да, его так зовут.
- Но почему он на свободе? Вы его так и не арестовали?
- Арестовали, и дело дошло до суда. У нас были свидетели, улики и весь этот джаз. Большой ошибкой было то, что его обвинили еще в одном жестоком убийстве женщины, которую прибило к берегу озера Вен. Не знаю, писали ли об этом в датских газетах.
- Наверняка писали. Но почему это ошибка?
- Дело в том, что у него было железное алиби, и все рассыпалось, как карточный домик. Сам я совсем не считал, что он стоит за тем конкретным убийством. Но в нашем полицейском участке мы разошлись во мнениях, если можно так выразиться. И произошло то, что произошло. Никогда не забуду, как огласили решение суда, и его освободили. Это было словно пощечина.
- Ты занимался этим делом?
- Да, и остальная команда. Это наше самое большое расследование. Вообще-то я хотел сказать: обращайся, если будет нужна моя помощь.
- Если сможешь прислать мне все материалы дела, которые у вас есть, будет превосходно.
- Разумеется. Никаких проблем. Если понадобится что-то еще, только скажи.
- Конечно, спасибо. Огромное спасибо. – Дуня закончила разговор, и, держа в одной руке чашку кофе, откинула спинку кресла, отклонилась назад и положила ноги на письменный стол.
- Теперь у нее еще больше сведений, указывающих на то, что за убийством Карен Нойман стоит Бенни Виллумсен. К сожалению, ей не хватает того, чего в свое время не хватило ее шведским коллегам. Технического доказательства, достаточно сильного, чтобы уличить его. Улик, свидетелей и возможного сходства с предыдущими случаями недостаточно.
- Только она подняла чашку ко рту, как кто-то схватил ее за плечо.
- Сидишь совсем одна и работаешь?
- Она резко села, случайно пролив на джинсы почти весь кофе.
- Опля! Надеюсь, это не моя вина.
- Нет. Я просто не слышала, как ты вошел. – Она повернулась к Киму Слейзнеру, который стоял за ее спиной и улыбался.
- Вчера ты так и не зашла ко мне.

– Ты на полном серьезе считаешь, что между убийством министра юстиции и похищением Адама Фишера есть взаимосвязь? – Херман Эдельман добавил в кофе немного сливок.

– Да, – ответила Малин и коротко взглянула на Фабиана – она хотела убедиться, что он с ней согласен. – Я именно так и считаю.

– О'кей, но, Малин. Во-первых...

– А кто обычно говорит о важности свободно высказывать свое мнение и нестандартно мыслить? – перебила его Малин, скрестив руки на выступающем животе.

– Да, но в этом случае я не знаю. Я, может быть, слепой, поскольку, честно говоря, не вижу между этими двумя случаями никакого сходства, хотя бы отдаленного. – Эдельман положил в рот кусок сахара и поднял чашку.

– Если ты позволишь мне договорить, может быть, к тебе вернется зрение и ты увидишь не только взаимосвязь, но и почерк одного и того же преступника.

Эдельман поставил чашку на стол, держа сахар между зубами. Хорошо, что она беременна, подумал Фабиан. Такого тона ни он, ни кто-либо другой себе бы не позволил. Особенно сейчас, когда Эдельман только что провел пресс-конференцию, а после пресс-конференций в девяти случаях из десяти он становился чрезвычайно раздражительным.

– Что скажешь, Фабиан? – Малин повернулась к нему. В ее взгляде читалась просьба о поддержке и одновременно угроза: если он не поможет ей, ему несдобровать.

Фабиан кивнул, хотя на самом деле не знал, что и думать. Действительно, как считала Малин, кое-что указывало на то, что это один и тот же преступник. Но он не мог понять, каким образом, и в каком-то смысле чувствовал себя таким же слепым, как Эдельман. Он пытался связаться с Хиллеви Стуббс, чтобы узнать, нашла ли она какой-нибудь технический след, который мог бы подтвердить их предположение. Но, верная своей привычке, она выключила мобильный, что делала всегда, когда было слишком много работы.

– Вот снимок с камеры наблюдения, который мы получили из гаража на Слюссене, – продолжила Малин и показала снимок, на котором было видно, как похититель в противогазе выезжает из гаража на машине Адама

Фишера. – Вероятно, он усыпил Фишера – вот зачем нужен противогаз, – и тот лежит в машине.

– А может быть, он не хочет, чтобы его опознали? – спросил Томас Перссон.

– Э... Да, но... – Малин снова повернулась к Фабиану, и ему ничего не оставалось, как взять слово.

– Конечно, так могло быть, – сказал Фабиан. – Но для этого есть значительно более простые способы, чем противогаз.

– Дело в том, что Юаким Хольмберг, один из охранников в зданиях Риксдага, подвергся тому же в своем собственном доме. – Малин показала снимок охранника и прикрепила его к доске. – В ночь на среду он услышал звук в холле. Он вышел посмотреть, что это, и увидел, что все белое.

– Что значит «белое»? – спросил Ярмо Пяивинен.

– В белом дыму, – ответил Фабиан. – По нашей версии, преступник опускает в щель для писем ампулу с каким-то газом. Если посмотреть на снимок из гаража на Слюссене более внимательно, в салоне машины тоже видны следы дыма.

– Последнее, что слышал Хольмберг перед тем, как очнуться в собственной ванне без униформы и пропуска, – это как кто-то идет по коридору и дышит через противогаз, – добавила Малин.

– Не хочу показаться занудой, – сказал Томас Перссон и отодвинул свой протеиновый коктейль, – но если я правильно понял, парень ничего не видел, зато *слышал* что-то, напоминающее противогаз. Это что-то с тем же успехом могло быть сквозняком из щели для писем, шумом в ушах или чем угодно.

– Конечно, – сказала Малин, – но...

– Подожди, я еще не закончил. То, что в обоих случаях фигурирует противогаз или нечто похожее, не обязательно означает, что это один и тот же преступник. Это вполне может быть случайностью.

Малин вздохнула и закатила глаза, и Фабиан увидел, что ей приходится делать усилие, чтобы сохранять спокойствие.

– Конечно, это может быть несчастливой случайностью, как и многое другое в этой истории. Но давайте выясним, как обстоит дело, а потом будем говорить «гоп».

– Так что вы предлагаете? – Эдельман сделал новую попытку выпить кофе и опустошил чашку.

– Объединить следствия в одно, и мы с Фабианом будем его вести.

– Э, извините, – сказал Томас, подняв руку. – Это что, шутка? Ярмо, ты услышал хоть один аргумент, почему они должны вести наше

расследование?

Ярмо Пяивинен покачал головой.

– Похоже, что я шучу?

– Вау, к ней сегодня не подходи, – Томас ухмыльнулся, так что раздутые мускулы у него на груди заходили взад-вперед под слишком тесной футболкой.

– Для твоего же блага сделаю вид, что этих слов не было. Херман, ты ведь всегда говорил о пользе совмещения расследований.

– Естественно. Но тут я должен согласиться с Томасом. Звук, похожий на чье-то дыхание через противогаз, погоды не делает. Есть что-то еще, что объединяет эти случаи? – спросил Эдельман.

– Я пока не знаю, – отозвался Фабиан.

– Но алле, речь ведь идет не об этом. Вопрос в том, что мы теряем, если попробуем? – Малин повернулась к Томасу и Ярмо. – И честно говоря, ваше следствие не мчится вперед.

– Послушай, мы фактически...

– Увидели машину на снимке камеры наблюдения. Томас, я это знаю. Но к чему это привело? Помимо снимка преступника в противогазе? Почему бы не попробовать перетасовать карты и посмотреть, что из этого выйдет? Например, мотив преступника. Может быть, ему совсем не нужны деньги, ведь семья Фишер предложила их? Может быть, он добивается чего-то совсем другого.

– Например? – спросил Ярмо.

– Не знаю. – Малин пожала плечами и взяла печенье. – Ведь Гримоса лишили и обоих глаз, и внутренностей.

– Может быть, преступник просто хотел есть? – смеясь, предположил Томас.

Малин стала вращать глазами и выразительно посмотрела на Фабиана, давая ему понять, что его очередь вести диалог. Но он был полностью занят тем, что пытался понять смысл сказанного Томасом.

Далеко он не продвинулся, поскольку открылась дверь и вошла Хиллеви Стуббс, держа в руке кейс. Волосы она собрала в пучок на макушке и поэтому казалась как минимум на десять сантиметров выше своего роста в 154 сантиметра, как, по слухам, значилось в ее паспорте. К тому же крылья ее носа были напряжены, а это значило, что у нее очень плохое настроение и самое лучшее – держаться как можно дальше от линии огня.

– Вы уж меня извините, но времени у меня в обрез. – Стуббс положила сумку на стол. – И если честно, я не понимаю, чем вы занимаетесь.

Фабиан посмотрел на Малин. Она так же недоумевала, как и он.

– Да, я обращаюсь к вам двоим, – продолжала Стуббс. – Что будет, если мы обнаружим одно место преступления, исследуем его, а потом, возможно, обнаружим еще одно? Почему вы так любите обнаруживать три места преступления практически одновременно? Вы что, думаете, я могу клонироваться?

– Хиллеви, – сказал Эдельман, – я понимаю, что слишком много всего. Но...

– Слишком много – не то слово. Во второй половине дня у меня был единственный шанс купить подарки к Рождеству. Думаете, министр, у которого вынули внутренности, – хорошее оправдание для моих внуков?

– Если хочешь, я узнаю, могут ли нам выделить людей в Стокгольмском...

– Ты имеешь в виду Петрена и его команду? Спасибо, не надо. С этим человеком мы точно не успеем до Рождества.

– О'кей, но у нас тоже не так много времени. Давай перейдем к делу. Для начала, почему ты здесь? Ты что-нибудь нашла? – спросила Малин. Судя по ее виду, для нее не представляло никакой проблемы отвечать ударом на удар.

Фабиан не сомневался, что Стуббс разорвала бы его на куски, если бы он хоть приблизительно говорил таким тоном.

Она посмотрела на Малин. Вид у нее был почти что обескураженный.

– Разумеется. – Она расстегнула защелки на сумке, откинула крышку, натянула на руки пару белых перчаток, достала черный матерчатый мешок, поставила его на стол, развязала узел и достала стеклянную банку. – Это стояло в холодильнике в ремонтируемой квартире на улице Эстгетагатен.

– Что еще за ремонтируемая квартира? – спросил Ярмо.

– Та, в которой мобильный Карла-Эрика Гримоса в последний раз подал сигнал, – ответила Малин и показала снимок обернутого в полиэтилен стола. – Как видишь, он, понятно, приготовлен для...

– Лучше вы займитесь этим, когда я закончу, – перебила ее Стуббс с натянутой улыбкой. – Спасибо, очень мило с твоей стороны. Я думала, что это может представить для вас интерес. – Она подняла банку, чтобы все могли видеть.

Фабиан сразу же узнал банку с сине-желтым логотипом фирмы Hayward. И точно как он предполагал с тех пор, как они обнаружили министра, в темной жидкости плавали отнюдь не маринованные луковички, а четыре глазных яблока.

– Это надо как можно быстрее отдать Тострем в судмедэкспертизу. Но,

наверное, никто особо не удивится, если окажется, что два из них принадлежат министру, – продолжила Стуббс.

– А остальные два? – спросила Малин.

– Именно. Тут вы и понадобитесь. Ведь вы тоже должны приносить какую-то пользу.

Фабиан задумался, почему Малин задала этот вопрос. Потому что действительно не понимала или из вежливости. Сам он ничуть не сомневался, откуда эти глазные яблоки.

– Можно мне посмотреть? – спросил Томас.

– Смотри, но не трогай, – Стуббс поставила стеклянную банку на стол перед Томасом, который наклонился и внимательно посмотрел на плавающие в банке четыре глазных яблока с оторванными зрительными нервами, напоминающими хвостики. Два были с голубой радужной оболочкой, третий с зеленой и четвертый с карей.

Томас поднял глаза, повернулся к Ярмо с сосредоточенным видом и кивнул.

– Ты уверен? – спросил Ярмо.

Томас опять кивнул.

– Одна зеленая, а другая каряя. Это, должно быть, Фишера.

Эта мысль пришла ему в голову, когда Томас Перссон пошутил, что преступник, может быть, просто хотел есть. Наверное, было бы проще подойти к письменному столу и поискать в компьютере. Но Фабиан хотел, чтобы его оставили в покое, пока он не будет знать наверняка. Мысль еще только-только зарождалась, а из-за настроения в группе по причине слияния двух расследований ее могли сразу же отвергнуть. Поэтому он первым поспешил выйти из совещательной комнаты и спустился в бумажный архив в подвале здания полиции. Он принялся искать среди раздвижных стен и дошел до второго квартала 1993 года.

Ему было двадцать семь лет, и он заканчивал последний курс Высшей школы полиции. Лето выдалось ранним, и большинство его однокурсников мечтали о прекрасном отпуске до начала службы. Но не Фабиан. Он мог думать только о расследовании убийства, о котором почти каждый день появлялись новости в газетах. В Стокгольме свирепствовал серийный убийца, явление необычное. Нечто такое, о чем только читаешь в газетах, но чего на самом деле никогда не бывает в жизни. Особенно в такой стране, как Швеция.

Но именно той весной оно случилось, и он до сих пор помнит, как это всколыхнуло чувства всей страны. В первую очередь из-за крайне жестокого насилия и страданий, которым подвергались жертвы, но и из-за последующего решения суда, приговорившего преступника к лечению в психиатрическом стационаре закрытого типа вместо пожизненного заключения.

Фабиан не мог вспомнить имени преступника. Только то, что оно было каким-то необычным. Зато он вспомнил, как нашли семь жертв, которых несколько недель прятали в совершенно разных местах до того, как подвергнуть их...

Он прервал собственные мысли и вытащил первую из пяти пухлых папок. Вот оно. Следствие, над которым он хотел бы работать.

Он открыл дело и, увидев написанное имя, вспомнил все, словно это было вчера. Снимки различных жертв с выколотыми глазами, которые полиция разрешила опубликовать. Страх того, что кто угодно может оказаться следующей жертвой. Заголовки, которые наперегонки оглашали все детали в отношении Оссиана Кремпа – первого в Швеции настоящего каннибала.

– Значит, я считаю так, – сказал Томас, идя по коридору рядом с Малин.

– Никто не видел, куда пошел Фабиан? – спросила Малин. Ярмо пожал плечами. – Его и здесь нет, – заключила она, войдя в их рабочий кабинет.

– Он, может, просто пошел в туалет, – отозвался Ярмо.

– Прости, но я собирался кое-что сказать, – произнес Томас.

– Говори, говори, – Малин поставила сумку на стол и стала в ней рыться.

– Значит, так: мы с Ярмо работали над этим свыше...

– Но пожалуйста... у меня нет больше сил слушать одно и то же. К тому же я очень плохо себя чувствую, и меня скоро вырвет, если я не найду... Кто взял мои... Нет, вот они, – она молниеносно надорвала пачку печенья, запихнула в рот две штуки сразу, прожевала и как можно быстрее проглотила, после чего села на стул и выдохнула. – Черт, чуть было...

– Ты закончила? – спросил Томас и подошел к Малин, которая кивнула и запихнула в рот еще два печенья. – Хорошо. Тогда, может быть, объяснишь мне, что значит «одно и то же». Мы, черт возьми, должны решить, как будем...

– Нет, единственное, что мы должны, – начать работать, – сказала Малин и сглотнула. – А если ты этого не переживешь, тебе лучше уйти и дуться где-то в другом месте.

Томас собирался ответить, но под взглядом Ярмо успокоился и стиснул зубы.

– Ладно. Тогда какого черта вы ждете?

– Хорошо! Как приятно! Все будет очень хорошо, вот увидишь. – Малин встала. – Предлагаю начать с того, что мы посмотрим, есть ли что-то общее у Карла-Эрика Гримоса и Адама Фишера. Ведь все равно мотив надо искать в этой взаимосвязи.

Ярмо кивнул. Томас упрямо и сосредоточенно молчал.

– О министре юстиции мы знаем довольно много, – продолжила Малин. – Но что мы знаем об Адаме Фишере? И почему мне кажется, что я видела его в бульварной прессе?

– Адаму Фишеру тридцать три года, он сын дипломата, и, похоже, его цель в жизни – никогда не стать взрослым, – сказал Ярмо. – Ему нравится тратить папины деньги, разъезжать в дорогих автомобилях и ходить на вечеринки и премьерные показы. А больше ничего и не надо, чтобы мелькать в бульварной прессе.

– А его отец? Его кто-то знает?

– Да, во всяком случае, я и Ярмо, – сказал Томас. – Его звали Рафаэль

Фишер, и он был израильским послом здесь, в Стокгольме, почти все девяностые.

– Израильским послом? – переспросила Малин.

Томас кивнул.

– Вот он, – сказал Ярмо и показал на черно-белый снимок на доске.

Снимок, похоже, был сделан во время какого-то торжества. Седой как лушь пожилой мужчина в темном костюме сидит за празднично накрытым столом вместе с двумя другими мужчинами.

– А этот молодой слева? Это Адам? – спросила Малин.

– Да. Снимок, скорее всего, сделан на свадьбе его сестры. Когда это было? – Ярмо повернулся к Томасу.

– В августе 98-го, – ответил Томас. – Через три месяца старик умер.

– Но почему не он, а Адам держит трость? – спросила Малин. – И почему он немного бледный и худой?

Ярмо снял снимок с доски, чтобы рассмотреть получше. Действительно, на снимке бледный молодой Адам сидит, держа в одной руке трость.

– Да, действительно, ты права. Мы думали, он просто взял трость отца.

– Дай посмотреть, – Томас взял фото и стал вглядываться.

– А кто это с другой стороны? – Малин показала на мужчину, сидящего с правой стороны. Он наклонился к старому послу, будто только что сказал нечто доверительное.

– Хороший вопрос, – откликнулся Ярмо. – Мы пытались это выяснить, но безуспешно.

– Вот он снова, но уже с нынешним послом, – Томас показал на цветное фото того же человека спустя десять лет. На фото он выходил из машины вместе с нынешним послом и еще одним мужчиной.

– А кто этот третий? – спросила Малин.

– Посол Израиля в Копенгагене, – ответил Ярмо.

– Понятно, он знает всех. А вы обращались в посольство?

Ярмо и Томас покачали головами.

– Тогда, я считаю, мы начнем с... Вот ты где. Где ты был? – воскликнула Малин при виде Фабиана, который входил в комнату в обнимку с архивными папками.

– В архиве. Я нашел подозреваемого. – Фабиан обрушил гору папок на свой письменный стол.

Томас схватил одну из папок и открыл ее.

– Оссиан Кремп? Кто это такой, черт возьми?

– Забавно, что ты об этом спрашиваешь. Именно ты навел меня на мысль о нем.

– Это не тот каннибал? – спросил Ярмо. Фабиан кивнул.

– Я тогда еще не работал в Государственной криминальной полиции, но патрулировал город в машине с радиосвязью и слышал об этом массу разговоров.

– Кто-нибудь может рассказать, о чем идет речь? – попросила Малин.

– Вот. – Томас показал разворот со снимками изувеченных жертв с выколотыми глазами.

– Мило, – сказала Малин. – А почему именно глаза?

– Насколько я помню, – ответил Фабиан, – преступник утверждал, что только слушал голоса, которые приказывали ему собирать различные «избранные души».

– О нет, только не клиника. А теперь его выписали или как?

– Три года и четыре месяца назад.

– Значит, его посчитали здоровым, – сказала Малин и покачала головой. – Как будто немного лекарств и терапия могут помочь тому, кто способен на такое.

– А то, – отозвался Томас. – Что касается других болезней, то тут врачам приходится признавать, что парализованный низ тела навсегда таким и останется. Но в психологии по-другому. Здесь все могут выздороветь с помощью небольшого лечения, независимо от того, до какой степени они ограничены в движениях.

Малин посмотрела на Томаса удивленным взглядом.

– Ты это сам придумал или первый раз прочел газету?

Томас улыбнулся ей в ответ и потянулся за пачкой печенья.

– Угощайся. У меня все равно пропал аппетит, – сказала Малин, листая дальше материалы старого расследования. – Между жертвами была какая-то взаимосвязь или их выбирали наугад?

– Насколько я помню, жертвами были и мужчины, и женщины. По моему, среди них даже была какая-то знаменитость, – заметил Ярмо.

– Ты имеешь в виду того радиоведущего, который зачитывал морские сводки? – спросил Фабиан.

– Точно. То же самое относится и к Фишеру, и к Гримосу. Они ведь тоже знаменитости в своем роде.

– Может быть, он выбирает тех, кто его раздражает? – предположил Томас.

– Во всяком случае, вот объяснение, почему его раздражал один из них, – сказала Малин, подняв глаза от папки. – Знаете, кто отвечал за

расследование?

Ее коллеги покачали головами.

– Карл-Эрик Гримос.

Дуня Хоугор сидела на стуле для посетителей в кабинете Кима Слейзнера и пыталась вжаться в сиденье, хотя на самом деле ей бы следовало загордиться, вытянуться и сесть, расставив ноги, как бы наверняка сделал Ян Хеск на ее месте. Ведь ей, несмотря ни на что и вопреки всему, удалось вычислить главного подозреваемого меньше чем за сутки. А если все сложится, три старых расследования будут доведены до конца. Четыре, считая шведское.

Но от одной только мысли, что она находится наедине со Слейзнером, ей хотелось встать и убежать. Приказав себе спокойно дышать, она опустила глаза и увидела на джинсах кофейное пятно. Хотя пятно высохло, оно все равно выглядело так, будто она описалась.

Было настолько тихо, что Дуня слышала дыхание Кима по другую сторону письменного стола. Воздух входил и выходил через его простуженные ноздри, пока он просматривал старые дела и составленный ею черновик рапорта. «Сколько времени это займет», – подумала она. Может быть, он специально тянет время, чтобы она еще больше помучилась? И только услышав, как закрылась папка с документами, она подняла глаза и увидела, что он улыбается.

– Я ведь знал, что ты подходишь для этой работы. – Он снял очки для чтения. – И чтоб ты знала: я почувствовал это еще во время нашей первой встречи.

Дуня не знала, что ей сказать, и смогла только рассмеяться деланным смехом.

– Ничего смешного. На сегодняшний день это правда. Так что наслаждайся пока. Завтра все может закончиться. Нет, я просто пошутил. Говоря серьезно, – он поднял папку, – это совершенно потрясающе. Не понимаю, как у тебя это получилось. Но какая на фиг разница. Главное, что этому Бенни Виллумсену дадут пожизненный срок. Потом, всегда приятно дать по рукам этим чертовым шведам. К тому же на их территории. Ой, ой, ой, Дуня... За счет этого я проживу долго.

Дуня выдавила из себя улыбку и кивнула.

– В первую очередь нам предстоит провести пресс-конференцию, и я хочу, чтобы ты тоже на ней присутствовала и заслуженно искупалась в лучах прожекторов.

– Пресс-конференция? Когда ты собираешься ее созвать? Разве мы не

должны задержать...

– Спокойно. Ясно, что сначала его надо задержать, а потом уже что-то обнародовать. Но как ты знаешь, я люблю быть первым у раздачи и хочу, чтобы ты была уверена в том, что я не позволю кому-то другому присвоить себе твои заслуги. Ты меня понимаешь?

Дуня кивнула.

Слейзнер вздохнул.

– Но все равно ты выглядишь, как будто у тебя кто-то умер. И я в этом виноват.

– Нет, просто я чувствую, что еще рано говорить «гоп». Как и у наших шведских коллег, у нас недостаточно доказательств, чтобы осудить его. Поэтому я считаю, что нам надо как можно быстрее эвакуировать машину из Хельсингера.

– Разумеется, ты совершенно права. Но все надо делать в правильном порядке. И, конечно, перво-наперво его надо схватить, пока еще несколько человек не стали жертвами его изобретательности. Если нам немного повезет, мы найдем достаточно технических доказательств в его квартире, а это значит, что эвакуация машины не обременит именно наш бюджет. Ты должна понимать, что это далеко не дешевое мероприятие, особенно зимой.

– О'кей, но я не знаю, успел ли ты просмотреть все материалы шведского расследования. Дело в том, что они не нашли ничего ценного в его...

Слейзнер прервал ее смехом и покачал головой.

– Я прочел довольно много, чтобы понять. У меня больше опыта в таких делах, чем у тебя. Дуня, все образуется. Если в квартире ничего нет, мы, конечно, заберем машину. – Он поднялся, обошел стол и встал за ее спиной. – Надеюсь, ты понимаешь, какой это рывок для твоей будущей карьеры. Уверяю тебя: ты и глазом не успеешь моргнуть, как сядешь в мое кресло.

Мысль появилась, словно из ниоткуда, молнией пронеслась мимо и так же быстро исчезла. Вот, значит, что испытывают при изнасиловании. Тело как будто протыкают холодным шампуром. Во всяком случае, таковы были ее ощущения в ту минуту, когда он положил руки ей на плечи.

– Но Дуня... так нельзя. Прямо как гранит, – он начал массировать ее спокойными мягкими движениями. – Теперь попытайся расслабиться. Не хочу хвастаться, но если у меня что и получается, так это массаж. – Он взял ее за плечи и потянул их назад, так что грудь выдвинулась вперед. – Ты должна заботиться о своей осанке. Знаешь, нельзя сидеть на подиуме сгорбившись, как мешок с картошкой, и если у тебя еще не болит шея, то

это вопрос времени. – Он приподнял ее волосы и начал разминать ей затылок. – Для меня это стало как «отче наш», как только я пришел сюда на работу. И если бы Хенрик Хаммерстен не настоял на том, чтобы я сходил к его массажисту, сейчас бы я сидел в инвалидном кресле. С тех пор я хожу на массаж два раза в неделю, и у меня даже намек нет на проблему. – Его пальцы стали подниматься все выше, и он начал массировать ее за ушами и у корней волос.

– Да, кстати, забыл рассказать. Мне удалось посадить тебя за стол начальства на рождественском вечере. Стол обслуживают официанты, и не надо ходить за едой, толкаться и пачкаться вместе с остальными. К тому же спиртное наливают без ограничений. Приятно, правда? Так что у нас будет шанс немного лучше узнать друг друга.

Дуня больше не слышала, что он говорит. Биение ее пульса заглушало все остальное. Больше всего ей хотелось встать, повернуться и изо всех сил залепить ему пощечину. Но тело отказывалось ее слушать, словно его парализовало. Она даже не могла заставить себя попросить его убрать от нее руки. Она могла только сидеть на месте, чувствуя, как каждый мускул ее тела все больше напрягается.

Фабиан Риск шарил одной рукой по стене, слушая в наушниках гудки мобильного. Было очень темно, и он ничего не видел, пока ему не удалось найти выключатель и зажечь свет. Телефон продолжали гудеть, как эхолот в бездонном море, а свет энергосберегающей лампочки разгорался все сильнее. Он думал, что ему делать, если она не ответит. Если она вообще больше никогда не ответит.

Может быть, так будет лучше всего.

Гудки прекратились, когда энергосберегающая лампочка достигла пика своего холодноватого накала.

– А я уже стала думать, куда ты подевался. – Как всегда, Нива своей интонацией намекала, что все это понарошку. – Может, дома тебе устроили нагоняй, и ты опять зарыл голову в песок.

– У тебя есть время?

– Смотря для чего.

– Ты не могла бы мне помочь узнать адрес некоего Оссиана Кремпа?

– Я же сказала, смотря для чего.

– Дело в том, что он не живет там, где зарегистрирован, а, похоже, снимает у кого-то. – Фабиан ждал реакции, но она не последовала. – Нива? Ты здесь? – продолжил он, притворившись, будто не слышит ее дыхания.

На самом деле он прекрасно понимал, в чем дело, и не мог не признать ее правоту. Он же действительно обещал и должен довести дело до конца. Как бы там ни было, это может быть просто приятная встреча с бывшей коллегой.

– О'кей, тебе подходит завтрашний вечер?

Последовала тишина, такая длительная, что он успел пожалеть о своих словах.

– Увидимся в девять в гостинице «Людмар». У тебя есть номер его удостоверения личности?

Фабиан прочитал из своих записей: 540613-5532 – и сразу же услышал, как ее пальцы застучали по клавишам.

– Во всяком случае, он зарегистрирован в районе Норсборг.

– Да, но, как мы поняли, он сдает свое жилье, а сам живет где-то в другом месте.

– Ясно, давай посмотрим, какой у него банк... «Нордеа», обычная платежная карта, привязанная к его личному счету.

– Он работает или деньги поступают туда из других источников?

– Нет, не работает. Его доходы – различные пособия и, возможно, деньги от сдачи квартиры в Норсборге.

– А у него есть другие счета?

– Наверняка. Но с помощью этой платежной карты осуществляется достаточно много операций, так что она должна работать. – Опять послышалось, как ее пальцы стучат по клавишам.

Фабиан сел на крышку унитаза и стал думать, что он скажет Соне. Хотя может быть, она вообще не ждет, что он придет домой, и думает, что ему придется работать всю ночь. Она, конечно, слышала о том, что произошло, в новостях, и поняла, что он будет поздно возвращаться. Она поэтому никак не отреагировала на его попытки объясниться?

– Итак, он регулярно пользуется тремя банкоматами. Один в торговом центре «Ринген» у Сканстуля, один рядом с универсамом «Консум» на улице Готландсгатан, и один у офиса «Нордеа» на улице Бундегатан. Думаю, что он живет где-то между улицами Рингвеген и Бундегатан рядом с Гетгатан.

– В этом районе несколько тысяч квартир. К тому же, если он снимает у кого-то или через посредника, не факт, что на двери висит табличка с его именем.

– Я думаю о том времени, когда он сидел за решеткой. Он не мог никого там встретить? – спросила Нива, и Фабиан услышал, как она опять начала новый поиск.

– Но он был приговорен к лечению в психбольнице закрытого типа. Так что вопрос, сколько...

– Я знаю, но в 1996 году его сочли достаточно здоровым, чтобы перевести в тюрьму в Кумле, где он отсидел оставшиеся десять лет на лекарствах и регулярной терапии.

– Да, и теперь, похоже, он здоров как бык, – сказал Фабиан, который, как и его коллеги, не понимал, как можно назвать здоровым того, кто увечит и пытается своих жертв и выкалывает им глаза. – Ну как? Нашла кого-то подходящего среди заключенных?

– Нет, не похоже. Во всяком случае, среди тех, с кем он провел полгода или больше, таких нет. Один зарегистрирован на улице Линдвальсгатан рядом с Хорнстулем, а другой – на улице Тантогатан, но именно в нашем квартале никто.

– А среди тех, с кем он сидел три месяца?

– Как скажешь... Но таких очень много.

– Послушай, попробуй его врача, – предложил Фабиан.

– Врача?

– Да, ведь он должен был видеть его более или менее ежедневно.

Фабиан опять услышал, как Нива ищет в компьютере.

– К сожалению, он живет в районе Гамла Эншеде. Фактически на одной улице с твоей коллегой Малин Ренберг. Она, может быть, даже знает его и время от времени заходит к нему в кроксах занять сахара, обсудить уровень шума и новых лежащих полицейских.

– Не знаю, ходит ли она в такой обуви, – сказал Фабиан и почувствовал, как из телефона густой желтой жижей буквально выливается горечь Нивы по поводу того, что она по-прежнему одна.

– Я слышала, Малин беременна.

– К тому же близнецами.

– Как это мило.

– Она так не считает. Сейчас, похоже, она готова продать их по реально выгодной цене.

– Дочь...

– Не уверен, что это уже известно... Нет, подожди, думаю, что это два мальчика.

– Не дочь Малин, а дочь врача.

Фабиан ничего не понимал.

– Его дочь. Она зарегистрирована в квартире по адресу: улица Блекингатан, 67В, но учится в Лунде. В принципе мы уповаем на божью милость, но попытка не пытка.

– Разумеется. Потрясающе. Не знаю, как тебя благодарить.

– Конечно, знаешь. Увидимся завтра вечером.

В трубке щелкнуло. Фабиан встал с крышки унитаза и сунул мобильный в карман. Он не знал, нарушил ли врач закон, позволив своей дочери сдать квартиру одному из своих пациентов. Может быть, он даже не пошел против собственных правил. Но какую-то этическую грань он, несомненно, переступил.

– Фабиан, чем ты там занимаешься? – Малин подошла прямо к нему, как только он отпер и открыл дверь туалета.

Вопрос был чисто риторическим. Она наверняка уже точно вычислила, о чем идет речь. Она всегда видела его насквозь. «Такой же предсказуемый, как Дональд Дак в сочельник», – обычно говорила она, и пока что ему ни разу не удалось ничего от нее скрыть. И все же он стал оправдываться, как упрямый осел.

– Что такое, уже и в туалет нельзя сходить?

Она фыркнула и сунула голову в туалет.

– С каких это пор ты стал опускать после себя крышку унитаза? Ты даже не удосужился намочить раковину. Это Нива?

Фабиан кивнул и собрался было признаться, но ему не дали и слова сказать.

– Фабиан, я прекрасно понимаю, о чем ты думаешь. Но уверяю тебя: эта женщина приносит несчастье. Нива Экенгельм – живая катастрофа на двух стройных ногах, которая впивается зубами во всех, кому недодают дома.

Фабиан сделал усилие, чтобы придать своему лицу как можно более недоумевающее выражение.

– И не стой здесь, как дурак. Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю.

– Нет, не знаю, – Фабиан мысленно выругался – до чего же жалко звучали его слова. К счастью, ему не надо было дальше унижаться, поскольку к ним присоединились Томас и Ярмо.

– Вот вы где. Пойдете с нами? – спросил Томас, на нем был бронезилет.

– А куда? – поинтересовалась Малин.

– Кибер-Войтан не нашел никакого другого адреса, и мы решили поехать на квартиру в Норсборге, – сказал Ярмо, натягивая кожаную куртку. – Если повезет, мы что-то найдем, от чего можно будет оттолкнуться.

– Лучше поедem сюда, – Фабиан показал свой раскрытый блокнот. – Я больше верю в этот адрес.

– Дай-ка посмотреть, – Малин взяла блокнот. – Как ты его раздобыл? В смысле, как его раздобыла Нива?

– Какая Нива? – Томас повернулся к Фабиану. – Экенгельм?

– Это только догадка. Но многое указывает на то, что он снимает квартиру у дочери своего врача, который, кстати, живет в Эншеде на одной улице с тобой, – сказал Фабиан и почувствовал, что снова выводит судно на верный курс.

Но Малин не слышала, что он сказал. Она стояла, пристально глядя на адрес.

– Улица Блекингатан, 67В... Я могу ошибаться, но это не... – Она подняла глаза и посмотрела на своих коллег. – Разве это не в том самом квартале, где находится ремонтируемая квартира на улице Эстгетатан?

Именно об этом ее предупреждал отец, думала Катя Сков, которая не знала, ни где она находится, ни как она сюда попала. Поэтому он вложил так много миллионов в различные системы безопасности и требовал, чтобы она ни при каких обстоятельствах не выходила из дома в Снеккерстене, заранее не согласовав это с телохранителями. Последние годы он почти постоянно говорил о том, что изощренные преступления получают все большее распространение, поскольку классические кражи стало труднее осуществлять.

Но теперь он стал фактом, самый страшный кошмар ее отца.

Ее похитили. Схватили и увезли, как в плохом фильме с заранее известным счастливым концом. Но это был не фильм.

Она попыталась вычислить, как долго лежит здесь, но сдалась. Учитывая, сколько она вчера приняла на грудь, на ее представления о времени едва ли можно положиться. К тому же было темно. Так темно, что она ничего не видела перед собой на расстоянии в несколько сантиметров, хотя глаза давно должны были привыкнуть.

И здесь так тесно. Она попыталась вытянуть руку, чтобы почесать нос, но у нее ничего не получилось. Ее завернули во что-то твердое, наверное, ковер, который, судя по запаху и шуршанию, был обернут в полиэтилен. Конечно, ей следовало бы испугаться, но у нее не было сил придавать этому значение. Все наверняка образуется.

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на том, что произошло. Но вскоре все завертелось, и ощущение, что закон тяготения рано или поздно перестанет на нее распространяться, становилось все сильнее. Она все еще была под кайфом, и если так пойдет, она скоро не сможет сказать, где верх, а где низ.

Они, конечно, хотели напугать ее. Ее должна охватить паника, и она должна стучать и кричать что есть мочи. Но она не собирается доставлять им такое удовольствие. Нет, она намерена вести себя очень тихо и спокойно, чтобы в конечном итоге беспокоиться начали они. А когда они наконец откроют ее и вынесут на свет, она притворится мертвой, как следует поступать, если случайно упал в медвежью берлогу.

И только для того, чтобы услышать их реакцию, – ведь теперь то, что должно было принести им миллионы, не представляет никакой ценности.

Она стала вспоминать вечеринку. То, что поначалу было задумано как

довольно спокойное мероприятие, переросло в самую жуткую оргию, где гости практически опустошили все ее запасы и совокуплялись в каждом углу. Но так было почти всегда. Спонтанные вечеринки оказывались самыми веселыми и удачными.

А когда Нильс предложил поехать в Хельсингер и покататься на пароме, как настоящие шведы... Нет, кстати, предложил не Нильс, а та девушка, которую кто-то привел с собой. Как бы там ни было, она не смогла отказаться. От возможности просто смыться без ведома отца или кого-либо из охранников она прыгала от счастья.

С ней были ее ближайшие друзья и еще несколько человек, имен которых она не знала. Они выбрались из дома через окно ванной комнаты, и им удалось перелезть через стену с помощью торчащей ветки дерева.

Такси уже ждали их чуть поодаль на улице Страндвей, и не успела она и глазом моргнуть, как они уже сидели на шведском пароме по дороге в Хельсингборг.

Все единодушно решили продолжать праздновать и на шаг опережать скучные серые будни. Сама она примерно так и жила последние десять лет.

Ее отец делал все, что было в его власти, чтобы она успокоилась и начала заботиться о своем здоровье. И, бог свидетель, она испробовала все – от работы на одной из его фирм до терапии, физической активности и лекарств. Но ничего не смогло избавить ее от чувства, что ей нечего терять. Что в любую секунду все может прекратиться. Ведь как ни крути, она живет займы, и почему бы тогда не жить на полную катушку. Высасывать все соки из каждого дня, будто он последний. В общем, как там, в переводе с латыни: «лови чертов момент».

Ясно, что ее отец представлял все совсем не так, когда ей поставили диагноз, и он начал дергать за все нити. Нет, будь его воля, она бы делала самую крутую карьеру и работала как минимум шестьдесят часов в неделю. Но ради чего? Денег у них и так столько, сколько им никогда не истратить.

Дело не в том, что она не могла понять его разочарования. Особенно в первые годы. Но сейчас уже прошло десять лет, а оно никуда не делось и пронизывало их отношения. По большей части он пытался его скрыть, даже если оно все чаще мелькало в его глазах, а между строк в его репликах сквозила такая глубокая горечь, что, казалось, он сожалеет о том, что вообще помог ей.

Раздалась вибрация, и она услышала, как заработал двигатель. От этого или от осознания того, что она находится в багажнике автомобиля, но она испугалась. По-настоящему испугалась. Или нет, ее охватил ужас.

Словно только сейчас до нее дошло, что это не понарошку. Что это не просто дурацкий розыгрыш, который скоро закончится. Ужас окатил волной, словно ее ударило сильным током. Каждый мускул напрягся до судороги, и она услышала, как изо всех сил закричала.

Но ковер так эффективно глушил звук, что скоро она оставила попытки и замолчала, одновременно почувствовав, что они медленно двинулись вперед. Несколько раз подпрыгнув, они выехали на более ровную поверхность. Они съехали с парома, ничего другого это значить не может, подумала она. Но в какой стране она находится, она не знала. Как не знала и того, что ее ждет.

Первый раз за многие годы она осознала, что ей есть что терять.

Фабиан не мог понять, как другие производят впечатление таких уверенных в своем деле людей, когда звонят в дверь квартиры, стоя наготове с оружием. Как будто точно знают, что их ждет. Или выставляют вперед пистолеты, чтобы скрыть, что испытывают такую же неуверенность, как и он сам. Он действительно понятия не имел, что его ждет, когда они войдут. Может быть, их сразу окутает белый дым, их усыпят, и Оссиан Кремп выколет им глаза.

Если он вообще дома.

Если он вообще здесь живет.

Позвонив несколько раз без результата, Томас настоял на попытке отпереть дверь отмычкой. Через полчаса они вызвали настоящего слесаря, который открыл дверь за десять минут. Что значительно дольше, чем те тридцать секунд, которые это обычно занимает. Они все поняли, когда открыли дверь и увидели с внутренней стороны дополнительные замки.

Поскольку Фабиану на мобильный пришло сообщение, он не вошел вместе с остальными. Оно было от Сони. Она написала, что не знает, когда сегодня вечером придет домой из мастерской. Поэтому попросила соседскую девушку забрать Матильду из школы и посидеть с ней до половины седьмого, когда ей надо будет пойти в кино. Фабиан ответил, что постарается до этого вернуться домой, и пожелал жене удачи с картинами.

Едва войдя в холл, он убедился, что Нивино предположение, вопреки всем ожиданиям, соответствует действительности. Вне всякого сомнения, в квартире жил далеко не здоровый человек.

– Срань господня... – произнес Томас и вставил пистолет в кобуру, висевшую у него на плече.

– А я еще считаю, что у нас дома бардак, – сказала Малин и обвела взглядом гостиную, которая одна была завалена таким количеством барахла и хлама, что у Хиллеви Стуббс и ее сотрудников уйдет целая вечность на осмотр этих завалов.

– Пожалуй, так примерно выглядит у Ярмо дома после развода. Хотя у тебя больше порногазет, – сказал Томас с ухмылкой и похлопал по куче бесплатных газет высотой в два метра.

– Заткнись и займись чем-нибудь полезным, – пробормотал Ярмо и пошел в спальню.

– Предлагаю разделиться и каждому взять по комнате, – продолжил

Томас и вынул из кучи газету.

– По-моему, мы уже так и сделали, – отозвалась Малин и стала осматривать содержимое нескольких черных мешков для мусора.

– Черт, это не улучшит нам настроение, – заметил Томас. – Во всяком случае, мы точно попали в нужное место. – Он показал газету, где глаза у всех людей на снимках были тщательно вырезаны. – Посмотрите. Он, черт возьми, прошелся скальпелем по каждой странице. – Томас пролистал газету, где везде вместо глаз зияли пустые отверстия.

Пытаясь отключиться от чужих голосов и «разговорить» квартиру, Фабиан вставил наушники в айпод и включил *No Balance Palace* своей любимой датской группы Kashmir.

Квартира была угловой, окна выходили на улицу Блекингегетан и на улицу Эстгетагетан. В глубине комнаты у обеденного стола в скругленном углу было окно. Он задумался, но не смог вспомнить, видел ли он раньше угловую квартиру, где окно располагалась бы, как здесь, прямо в углу.

Фабиан обернулся и отметил, что старые тканые обои и свисающие с потолка чешуйки краски говорят о том, что и в этой квартире предстоит большой ремонт. Может быть, Кремпу разрешили снимать квартиру до начала ремонта. И, тем не менее, он заставил каждую полку и каждый шкаф различными безделушками. Во всей комнате не было ни миллиметра свободного места, и Фабиан, едва войдя в квартиру, полностью согласился с Малин и остальными, что здесь царит больший бардак, чем на свалке крупногабаритного мусора.

И только сейчас он увидел, что на самом деле здесь нет особого бардака. Да, многие вещи были небрежно разбросаны по полу. Но в основном все было сложено в аккуратные кучи и старательно рассортировано по категориям.

Очевидно, Оссиан Кремп был коллекционером.

Фабиан дошел до самой дальней комнаты в квартире и обвел ее взглядом. Похоже, комната служила кабинетом. У одной стены стоял старый письменный стол, и в отличие от остальной квартиры на столешнице ничего не лежало.

Он вошел и сел на рабочий стул, который заскрипел, когда он отклонился назад. Письменный стол был сделан из дерева, породы которого Фабиан не знал. Прямо под столешницей находилось три ящика – один подле другого. Ящики с пустыми зияющими замочными скважинами были без ручек. Зато они оказались незапертыми, и он выдвинул их, поддев снизу.

В правом ящике лежали длинные ножницы, скальпель и рулон скотча.

В среднем был альбом, набитый газетными вырезками с фотографиями Карла-Эрика Гримоса и Адама Фишера. У всех фотографий, сделанных в разное время и в разной обстановке, имелось одно общее: отсутствие глаз.

Так же, как и в газетах, каждый глаз был вырезан точным движением, и вместо него красовалась пустая дыра. Фабиана поразило, насколько глаза выражают личность: и Гримос, и Фишер на снимках больше напоминали живых мертвецов, чем самих себя.

В левом ящике тоже хранились фотографии. Но они не были аккуратно помещены в альбом или вырезаны из газет. Их, очевидно, снимал сам Кремп. Речь шла примерно о тридцати снимках, сделанных на расстоянии в автобусе. Снимки изображали различных пассажиров – они сидели и читали, разговаривали с сидящим рядом человеком или смотрели в окно и думали о своем. Насколько Фабиан мог судить, на разных снимках были разные люди, за исключением женщины, которая присутствовала на каждом снимке.

Женщины с вырезанными глазами.

Значит, есть еще одна жертва? Поэтому Кремп не живет дома?

Фабиан положил фотографии на стол, чтобы рассмотреть их более внимательно, но его прервали крики, заглушившие *The Cynic* Дэвида Боуи. Фабиан вытащил наушники и поспешил к остальным, которые стояли с пистолетами наготове и кричали, перебивая друг друга.

– Лечь на живот! – Томас стоял, держа оружие в обеих руках. – Я сказал, лечь!

Фабиан не знал, происходит ли то, что он видит, наяву. Посреди комнаты среди газетных куч статуей застыл Оссиан Кремп, держа в одной руке пакет из универсама «Консум». Он словно материализовался из ниоткуда и стоял, оглядывая полицейских, в таком же удивлении, как и они.

– Нет, вы не имеете права. Вы не можете просто... – повторял он, качая головой.

– Можем, еще как можем! – отреагировал Томас. – Лечь, черт возьми!

– Нет, не имеете права. Не имеете...

– Будет лучше, если ты нас слушаешься, – сказал Ярмо, который тоже вынул свой пистолет.

Фабиан удивился, какой Кремп маленький и как он в жизни не похож на самого себя на записи с камеры наблюдения, где он с бородой и переодет в форму охранника на несколько размеров больше. Получается, под одеждой он прятал все хирургические инструменты, которыми пользовался?

– Нет... Так нехорошо. Совсем нехорошо. – Кремп еще сильнее

покачал головой, выпустил пакет с едой и начал махать руками. – Уходите! Да побыстрее!

– Заткнуться и лечь! – приказал Томас.

– Оссиан, а теперь послушай меня, – сказала Малин, держа в одной руке пистолет, а в другой удостоверение. – Мы из полиции, и я не сомневаюсь, что ты знаешь, почему мы здесь. Так что тебе лучше всего вести себя спокойно и делать то, что тебя велят.

Оссиан Кремп немного успокоился и кивнул.

– Вот так. Очень хорошо. А теперь подними руки на головой и медленно опускайся на колени.

Кремп поднял руки и стал было опускаться на колени. Но совершенно без всякого предупреждения развернулся кругом и рванул в сторону холла.

– Стоять! – хором закричали Томас и Ярмо.

Но Кремп уже рванул из квартиры и, судя по звуку, спускался вниз по лестнице.

– Что, черт возьми, мы делаем? Он ведь сбежит, – закричал Томас, выбегая из квартиры.

Оссиан Кремп выскочил из подъезда на улице Блекингатан и со всех ног побежал по направлению к улице Гетгатан. Он знал, что бежит лучше многих. Так было всегда, и что бы ни случилось, он не даст им схватить себя. Больше не даст. Успеть бы добежать до метро, а там уже он уверен. Там у него есть свои ходы, и он с легкостью исчезнет прямо у них на глазах. Чертовы полицаи.

Как он мог быть таким наивным? Это на него совсем не похоже. Тем более что всего лишь несколько дней назад он видел, как они утюжат улицу. А ведь он обещал себе быть готовым к тому, что они придут и позвонят в его дверь. И все же угодил прямо в капкан.

Но теперь осталось недолго. Только наискось через улицу Гетгатан, а потом в подземку. Он точно знает, как оптимальным образом пройти через турникеты, а потом спуститься вниз по эскалатору, протискиваясь между этими чертовыми пассажирами, которые не знают, что надо стоять с правой стороны.

За спиной он слышал крики полицейских, которые приказывали ему остановиться и поднять руки над головой. Но они могут кричать сколько угодно. Он больше не слушает приказы и не угождает. Он больше не играет в хорошего.

Внизу на перроне он прыгнул на рельсы и побежал дальше в темноту. Скоро он будет у финиша. Еще немного, и они никогда его не найдут. Ему

повезло. Поезд не стоял и не ждал, а на рельсах было по-прежнему тихо. За ним что-то взорвалось, и он решил, что лопнула крышка. Но ведь здесь нет никаких машин? Он не понял, что случилось, даже когда у него подкосилась левая нога и он рухнул со всего размаха, ударившись головой о рельсы.

Он очнулся от звука и понял, что сейчас произойдет. Характерное дрожание рельсов, предвещающее прибытие поезда.

Глядя поверх голов журналистов и фотографов, которые занимали расставленные стулья, Дуня пыталась подавить неприятное чувство. Но ничего не помогало. Чем больше народу прибывало, тем больше ей становилось не по себе.

Большой интерес ее в принципе не удивлял. Сама она знала Акселя Ноймана с тех пор, как он вел на радио передачу «Голоса в ночи». Но только после участия в «Танцах со звездами» он прославился на всю страну и стал вести собственное ток-шоу на TV2. Но она не могла себе представить, что это привлечет такое внимание. Что им придется переносить пресс-конференцию в большой зал, чтобы всем хватило места. И если журналисты и дальше так будут прибывать, вряд ли они поместятся.

Будь ее воля, она бы лучше участвовала в операции на квартире Бенни Виллумсена в Мальме. Но Слейзнер настоял на том, чтобы она сидела рядом с ним, и заверил ее, как важно для ее карьеры не только быть невидимым бойцом, но и время от времени выходить на публику. «Он так хорошо устроился, хотя не был ни на одном реальном задании. Должно быть, знает, о чем говорит», – подумала она и почувствовала, как у нее на верхней губе выступают капельки пота.

А все из-за костюма. Он был слишком жаркий и сшит из материала, который отказывался дышать. Дуня едва могла в нем повернуться. Костюм подарил ей Карстен на прошлое Рождество, и как всегда, когда он дарил ей одежду, покупал все на два размера меньше. Костюм был ей по-прежнему мал, хотя она не сомневалась, что с тех пор похудела как минимум на три килограмма.

Она посмотрела на Слейзнера, который улыбнулся ей в ответ, одновременно достав носовой платок и показав на свою верхнюю губу. А она надеялась, что этого не видно, и боялась испортить макияж, если промокнуть пот. «Проклятые чертовы капельки пота, которые упорно выступают, когда надо и не надо», – выругалась она про себя и как можно осторожнее промокнула пот носовым платком.

– Ты в порядке? – спросил Слейзнер, и она постаралась улыбнуться как можно более убедительно. Но, очевидно, это не было достаточно убедительно, поскольку он наклонился к ней, положил руку ей на бедро и прошептал ей в ухо:

– Ты только расслабься и позволь мне вести шхуну. Скоро мы придем в

порт. А там уж, уверяю тебя, я хорошенько их угощу.

Она опять кивнула. В основном из-за того, что не знала, как реагировать. Хотя вообще-то знала. Просто не осмеливалась.

– Хочу начать с того, что приветствую всех, кто пришел! – Слейзнер убрал руку с ее бедра и осмотрел собравшихся. – Меня зовут Ким Слейзнер, и для тех, кто не знает, я возглавляю криминальный отдел полиции Копенгагена. Рядом со мной сидит Дуня Хоугор, которая для большинства из вас новое лицо. Она первый раз на подиуме, так что прошу вас любить и жаловать.

В зале раздалась отдельные смешки, и Дуня изо всех сил постаралась улыбнуться.

– Дуня отвечает за расследование убийства Карен Нойман и сделала много довольно интересных выводов, благодаря которым нам не только удалось выявить главного подозреваемого, но и, похоже, поставить точку в пяти старых расследованиях убийств. Эти расследования не давали нам покоя в течение нескольких лет. К тому же... – продолжил он, подняв палец, – мы, кажется, также принесем немалую пользу по ту сторону пролива и поможем нашим шведским коллегам исправить их ошибки. А теперь я передаю слово Дуне. – Он повернулся к ней. – Пожалуйста.

– Большое спасибо. Э... Да, как сказал Ким Слейзнер, мы имеем дело с преступником, который орудует по обе стороны пролива, – сказала Дуня и почувствовала, как по спине течет пот. – Нашего главного подозреваемого, который все еще находится на свободе, зовут...

– Ближе к микрофону! Не слышно! – выкрикнул кто-то.

– Извините, – Дуня наклонилась к микрофону. – Так лучше?

– Да, но, наверное, будет еще лучше, если ты его включишь, – сказал Слейзнер.

В зале опять послышался смех.

Дуня тоже натужно рассмеялась, шаря дрожащей рукой в поисках маленькой кнопки на микрофоне и еще не понимая, что происходит. Но когда смех застрял у нее в горле, как липкая жижа, ее затошнило, и в ней вдруг словно прорвало плотину: ей захотелось крикнуть во все горло, что Ким Слейзнер – сексуальный маньяк и шовинистская свинья, и что они все могут идти к черту.

Ей совсем не было обидно. Скорее наоборот. И когда она подняла глаза и оглядела смеющихся журналистов, увидев их словно в сверхускоренной съемке, ей пришлось сделать усилие, чтобы не расхохотаться, – их продажные голоса гудели, как стадо коров в период течки. В ту же секунду ее пальцы перестали дрожать, и она смогла спокойно включить микрофон.

– Так лучше? Все меня слышат? Раз-два. Раз-два, – сказала Дуня и сняла микрофон со штатива, чтобы взять в руку. – Ты тоже, Ким?

Слейзнер кивнул, хотя на вид ему было совсем не весело.

– Отлично! А теперь шутки в сторону, – продолжила она и нажала на пульт. На экране за ней появилась фотография Бенни Виллумсена. – Это Бенни Виллумсен, гражданин Дании, проживающий в Мальме. Примерно два года тому назад шведская полиция арестовала его вот за это преступление. – Она опять нажала на пульт, и теперь на экране возник снимок места убийства в Рюдебекке.

Снимок изображал безжизненное тело женщины на песчаном пляже. Накинута на него белая простыня была в красных пятнах крови, которая вытекла из глубоких ран.

– Не вдаваясь в специфические детали, мы можем только констатировать разительное сходство между этим случаем и убийством Карен Нойман в Тибберупе, хотя там он продвинулся на шаг вперед и... – Дуня замолчала и посмотрела на мобильный, который вибрировал на столе. Звонил Сверкер Хольм из полиции Хельсингборга. Или Утес, как его, очевидно, называли.

Ей не надо было класть перед собой телефон. Вообще не надо было включать его, хотя она и убрала звук. Она прекрасно все это знала, ровно как и то, что ни при каких обстоятельствах не должна отвечать. И все же она взяла мобильный.

– Дуня, может, отложишь его в сторону, – прошипел Слейзнер с выражением сдержанной злобы на лице, после чего Дуня отклонила звонок и отодвинула от себя телефон.

– Извините. О чем мы говорили?

– О сходстве со случаем в Тибберупе.

– Верно.

Мобильный снова завибрировал. На это раз пришло СМС.

«Он опять нанес удар. Виллумсен. Он опять это сделал. Позвони как можно скорее».

– Дуня... Что ты делаешь? – Теперь у Слейзнера был по-настоящему недовольный вид.

Дуня прочла сообщение еще раз, а потом увидела недоумевающий взгляд Слейзнера.

– Он снова нанес удар. Продолжай, а мне надо работать. – Она встала и сошла с подиума.

– Вот как, – сказал Слейзнер и развел руками. – К сожалению, похоже, вам опять придется довольствоваться мной. На чем мы остановились?

Пока шли гудки, Дуня достала свой пропуск, набрала код и смогла наконец скрыться от света софитов.

– Привет, Дуня, – раздался голос Утеса, и Дуня услышала, как он садится в машину и включает двигатель.

– Вы нашли новую жертву?

– Нет, пока нет.

– В этот раз шведка? – Она продолжала идти к лифтам и как раз проходила мимо телевизора, транслирующего пресс-конференцию без звука.

– Нет, датчанка. Ее зовут Катя Сков. Ты, может быть, знаешь ее отца Иба Скова?

– Да, это один из наших самых крупных бизнесменов. – Дуня попыталась включить звук на телевизоре. – Но я не уверена, что до конца понимаю. Что произошло? – продолжила она и, не найдя нужную кнопку, оставила свои попытки.

– Насколько я понял, у нее был прием или какая-то вечеринка в их доме в Снеккерстене. Рано утром она и несколько друзей якобы решили продолжить праздник и взяли такси до Хельсингера, где сели на паром, чтобы покататься. Ну, ты знаешь, пьешь спиртное и катаешься туда-сюда сколько хочешь, купив билет в один конец.

– Я думала, это чисто шведская забава.

– Я тоже так думал. Но, во всяком случае, они так поступили. И насколько я понял, они пили много всякого разного, пока внезапно не заметили, что Катя Сков исчезла.

– А они уверены, что она просто-напросто не спит в спасательной шлюпке или что-то в этом роде?

– Персонал осмотрел паром два раза. Но это не играет никакой роли. Как только я услышал об этом, я связался с этим, в Scandlines... Как там его зовут?

– Да, я знаю, кто это.

– О'кей. Я попросил его просмотреть видео, снятое камерой наблюдения, и, как я и подозревал, оказалось, что он был там на той же машине.

– Ты имеешь в виду «БМВ» Аксея Ноймана с датскими номерными знаками?

– Именно. Он якобы выехал с парома в Хельсингборге сегодня ровно в двадцать две минуты первого.

Дуня посмотрела на часы и отметила, что это произошло всего лишь два часа назад. Вечность в данной ситуации, но в то же время гораздо лучше, чем ничего.

– Утес, что скажешь, если я приеду к вам и мы вместе будем работать над этим делом?

– Именно это я и хотел предложить. Позвони, как только будешь знать, когда ты сможешь приехать в Хельсингборг, и я встречу тебя на вокзале Кнутпунктен.

Они закончили разговор, и Дуня сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь замедлить сердцебиение. Но бесполезно. Адреналин зашкаливал, словно она прыгнула в ущелье, а ноги ее были перевязаны толстой резинкой.

По телевизору она увидела, как Слейзнер закончил пресс-конференцию, встал и сошел с подиума. Для человека, любящего быть в центре внимания, у него был слишком сдержанный вид. Это могло значить только одно: он вне себя от бешенства.

В каком-то смысле она его понимала.

Даже слишком хорошо.

Но ее это не беспокоило.

– Привет, Матильда. Как ты? – Фабиан говорил по мобильному, направляясь по коридору в совещательную комнату.

– Когда ты придешь домой? Я несколько раз звонила маме, но она не отвечает.

– Она же в мастерской, и у нее наверняка отключен мобильный. Послушай, ведь с тобой Ребекка?

– Да, но мне она не очень нравится. Она все время выходит на балкон поговорить по телефону, и она курит. Я хочу, чтобы ты прямо сейчас приехал домой.

– Малышка, пойми, это невозможно. Ведь только половина второго, и мне надо поработать еще несколько часов. Но потом обещаю сразу же пойти домой, и мы сможем посмотреть телевизор и отпраздновать начало выходных. Хорошо?

Ответа не последовало, но он услышал, как няня спрашивает Матильду, не хочет ли она поиграть в «Звезду Африки».

– Ладно, папа, увидимся. – Не успел Фабиан ответить, как в ухе у него щелкнуло. Он положил мобильный в карман и вошел в комнату.

Там уже сидели Томас, Ярмо и Малин. Не хватало только Хермана Эдельмана. Настроение у всех было почти что приподнятое. В термосе был свежий кофе, а коробка с печеньем так и ждала, что ее откроют и пошлют по кругу. Сегодня все позволяют себе лишние калории. Но позже.

По традиции сначала Эдельман войдет с подносом, уставленным едой, и похвалит их за работу, благодаря которой еще одного преступника смогли опознать и схватить. Затем он нальет каждому по рюмке водки и угостит придуманным им блюдом, которое со временем все полюбили, – хлебцы Finn Crisp с икрой Kalles kaviar и мелко нарезанным красным луком.

– Позволь поздравить с первым выстрелом из пушки, – сказал Ярмо, изображая пальцами маленький пистолет.

– Согласись, красиво сработано. Ведь речь идет о пятнадцати метрах в крошечной тьме, – заметил Томас.

– Повезло, – сказал Ярмо, отпив кофе.

– Повезло? Я смог бы повторить все с завязанными глазами.

– Тогда тебе должно еще больше повезти. К тому же ты забыл сделать предупредительный выстрел.

– А ты не думаешь, что я хотел рискнуть и заставить его сдаться и

лечь? Я свалил этого дьявола. Бум... прямо в бедро. Это больше, чем ты сделал за все годы твоей службы. – Томас похлопал Ярмо по плечу.

– Надеюсь, вы не начали без меня?

Все дружно обернулись к вошедшему Эдельману, и когда он поставил на стол переполненный поднос, стали аплодировать.

Раздали стопки и послали по кругу запотевшую бутылку водки O.P. Anderson.

– А я что буду пить? – спросила Малин.

– Лимонную воду или легкое пиво, – ответил Эдельман, откручивая маленький красный пластмассовый колпачок от тубика с икрой. Затем он перевернул колпачок и кончиком в форме звезды проткнул защитную фольгу. – Или выпей чуть-чуть и притворись, что ты снова в Дании.

Все засмеялись. Они брали хлебцы, выдавливали на них полоски икры, как только освобождался тубик, переворачивали бутерброды икрой вниз и макали их в блюдо с мелко нарезанным красным луком. Фабиан попробовал свой бутерброд. Резкий вкус лука в сочетании с солоноватой икрой и твердым хлебом доставлял настоящее удовольствие. Это было действительно вкусно, и он не мог понять, почему раньше проявлял такой скепсис и крайне неохотно согласился попробовать.

Когда все успели съесть по несколько штук, Эдельман вытер руки о бороду и поднял свою стопку.

– Пользуясь случаем, хочу поздравить вас с прекрасной работой. Вы не только схватили преступника. Сделав это за рекордно короткий срок, вы еще и сэкономили мое время на пресс-конференциях.

Они опустошили свои стопки, и Эдельман во второй раз послал бутылку по кругу.

– Чтоб вы знали. Когда я понял, что случилось с Гримосом, я сразу же подумал об Оссиане Кремпе.

Фабиан и его коллеги переглянулись.

– Да, это правда. Но я ничего не сказал, – продолжил Эдельман, делая себе новый бутерброд. – Я был полностью уверен, что это не может быть он. Что его изолировали от общества на всю оставшуюся жизнь. Мне совершенно не пришло в голову, что он отсидел свой срок и вышел на свободу. Вы должны знать одну вещь. Оссиан Кремп был не только необычайно ловким и изощренным преступником. Он, без сомнения, самый хладнокровный злоумышленник, с которым я имел дело за все годы моей службы. Настолько хладнокровный, что он, не колеблясь, мог вырвать глаза своему собственному адвокату, когда почувствовал, куда ветер дует. И они выпустили его уже через тринадцать лет. – Эдельман покачал головой и

опустошил стопку одним махом. – Однако нам надо еще кое-что выяснить до того, как мы уйдем на рождественские каникулы и купим нижнее белье своим женам.

– А что конкретно ты имеешь в виду? – спросила Малин.

– Мы по-прежнему не знаем, что он сделал с Фишером, – сказал Ярмо.

– Допустим, – отозвался Эдельман.

– И потом у нас есть эта женщина, – сказал Фабиан и достал несколько снимков женщины с вырезанными глазами, сделанных в автобусе.

– А кто это? – Эдельман взял один из снимков и посмотрел на него.

– Пока что мы этого не знаем. Но эти фотографии лежали в его квартире вместе с аналогичными фото Гримоса и Фишера.

– Значит, где-то взаперти может находиться еще одна жертва? – Эдельман покачал головой и вздохнул.

– Или она живет в счастливом неведении, что стоит на очереди.

– Когда мы сможем его опросить? – поинтересовалась Малин, делая себе новый бутерброд.

– Я только что связывался с Южной больницей, – сказал Эдельман. – Они как раз зашивают ему рану.

– Тогда мы сможем поехать туда через час.

– Именно об этом я и хотел поговорить. После случившегося он явно не в себе.

– Но ведь он и до этого таким был, – со смехом заметил Томас.

– Во всяком случае, так считает его врач, который запретил его посещать.

– Что значит запретил? – спросил Ярмо. – Он ведь не может воспрепятствовать нашему расследованию?

– К сожалению, как раз может, если речь идет о здоровье подозреваемого. И давайте не забывать этого. Как бы мы ни были уверены в нашем деле, на данный момент он всего лишь подозреваемый.

– Когда мы сможем с ним встретиться? – спросил Фабиан, хотя уже чувствовал, что это может произойти нескоро.

– Они обещали дать ответ после выходных, но сказали, что нам надо ждать как минимум неделю.

– Неделю? – удивился Томас, допив водку. – Я же, черт возьми, прострелил ему ногу, а не рот.

– Вопрос в том, можно ли с ним вообще проводить допрос, – сказала Малин.

Одна, или, может быть, даже две недели. Это никуда не годится, подумал Фабиан. Тогда Фишер наверняка умрет. Как и женщина в автобусе.

– О'кей, что будем делать? Помимо того, что сидеть здесь и валять дурака, – сказал Томас.

– Без дела никто сидеть не будет, – отозвался Эдельман. – Стуббс, например, уже всю осматривает его квартиру, и есть шанс найти там зацепку, которая может повести нас дальше.

– О'кей, тогда будем держать кулачки, – сказал Томас, макнув еще один хлебец с икрой в блюдо с красным луком.

– Думаю, на сегодня все. – Эдельман встал. – Угощайтесь. А мне надо готовиться к пресс-конференции. Надеюсь, последней по этому делу. – Он вышел из комнаты.

В комнате воцарилась тишина, а хорошее настроение как ветром сдуло.

– Ну, если ничего не случится, увидимся в понедельник, – сказал Фабиан и отодвинул свой стул.

– Конечно. Хороших выходных, – сказал Ярмо.

– Тебе того же. – Фабиан вышел из комнаты и услышал, как Малин поспешила за ним.

– Ты что, вдруг решил ехать домой?

– Да, только не к себе домой, а к тебе на твою улицу.

– Что? Я не понимаю...

– Ты поедешь со мной и постучишься в дверь к одному из твоих соседей.

Это была схватка со временем. Любой ценой надо было нагнать Виллумсена с его преимуществом в два часа с лишним. Минута в минуту. Секунда в секунду. К сожалению, много драгоценного времени ушло на то, чтобы снять с себя костюм. Заело боковую молнию на юбке, и, попытавшись потянуть ее сначала вверх, а потом вниз, Дуня в полном отчаянии дернула так, что молния треснула и попала в корзину для бумаг. После чего она стирала пот с тела, на что ушло две пачки бумажных носовых платков.

К счастью, последние коллеги по отделу ушли домой, и она смогла переодеться прямо у своего письменного стола. Стоило ей натянуть на себя джинсы и водолазку, как она снова почувствовала себя самой собой. В конце она собрала папки со старыми расследованиями и выключила компьютер.

– Так вот ты где.

Дуня повернулась и увидела идущего к ней Слейзнера.

– Можно спросить, что произошло? – он развел руками. – Наверное, что-то страшно значительное и важное, раз ты ушла прямо в разгар пресс-конференции.

Она кивнула и запихнула материалы расследований в сумку.

– Звонили из полиции Хельсингборга. Виллумсен опять совершил преступление, и мне надо как можно быстрее попасть туда. Я свяжусь с тобой и объясню более подробно, когда сяду в поезд. – Она повесила сумку через плечо и повернулась, чтобы уйти.

– Легче на поворотах! – Слейзнер так схватил ее за руку, что сумка упала на пол. – А теперь давай успокоимся.

– Ким, мне жаль, но у меня действительно нет времени...

Он еще сильнее сжал ей руку, одновременно приложив указательный палец к ее рту.

– А теперь ты слушаешь меня. Ясно?

Дуня кивнула, и Слейзнер ослабил хватку.

– Ты хоть сколько-нибудь понимаешь, что ты мне там устроила? – Он стал обходить ее. – Я на блюдечке приношу тебе расследование, за которое некоторые в этом здании готовы отдать свой мизинец. Даю тебе возможность сидеть на подиуме. Раскатываю перед тобой, черт побери, широкую длинную выстиранную красную ковровую дорожку. И что

получаю взамен? Что?

Слейзнер так близко подошел к ней сзади, что она почувствовала его дыхание на своей мочке. От него пахло застарелой простудой, и ей пришлось сделать усилие, чтобы не отклониться. У Слейзнера не первый раз случался срыв. Он имел обыкновение ругать своих сотрудников направо и налево. Но она впервые попала под прицел. Она видела, как поступал Хеск и все остальные. Как они сохраняли спокойствие и выжидали, когда начальник закончит.

– Вот что я тебе скажу, – Слейзнер описал круг и встал перед ней.

Проблема заключалась в том, что у нее не было времени. С каждой секундой Виллумсен все больше обгонял их.

– Ты показала мне палец прямо перед камерами! – Он так близко поднес к ней средний палец, что коснулся ее носа. – Я сидел там, как последний дурак, и понятия не имел о...

– Ким, ты меня извини, – Дуня отвела его руку от своего лица. – Но у меня сейчас действительно нет на это времени.

– Времени? У тебя есть время на то, что я тебе прикажу. И именно сейчас ты должна стоять и слушать меня. Или ты просто хочешь взять и уйти?

Дуня кивнула. У Слейзнера был такой вид, будто он меньше всего на это рассчитывал.

– Мне жаль, что вышло немного по-дурацки. Правда жаль. Но ты сказал мне вести это следствие, что я и собираюсь делать. – Она подняла сумку с пола и пошла к выходу.

– Дуня, подожди...

Она обернулась и увидела, что он идет к ней.

– Что?

Он протяжно и тяжело вздохнул.

– Прости... Получилось не так, как я задумал. – Он встал перед ней и посмотрел ей в глаза. – У меня такое чувство, будто ты при всех сняла с меня штаны. Я знаю, что ты просто пытаешься взять на себя ответственность, но не надо было так. Ты должна с этим согласиться. Разве я не прав?

Дуня кивнула.

– Да, и я очень об этом сожалею. Но теперь мне надо...

– Я тоже. В смысле сожалею... Ведь нам было так приятно. Разве нет? – Он взял ее руки в свои и посмотрел ей в глаза. – Не знаю, что ты считаешь, но я готов перевернуть страницу и начать все с начала. Что скажешь?

– О'кей, – произнесла Дуня и пошла к выходу. Что угодно, лишь бы уйти отсюда. Но Слейзнер никак не выпускал ее рук и не отводил от нее глаз.

– Точно?

Она опять кивнула, и он расплылся в улыбке.

– Хорошо. Значит, мы разобрались. – Он поцеловал Дуне руку и наконец отпустил.

Только после третьего звонка сосед Малин наконец открыл дверь и стал вопросительно смотреть то на нее, то на Фабиана. На мужчине были бежевые вельветовые брюки, белая рубашка и кожаный жилет. Картину дополняли маленькие круглые очки и седые локоны до плеч. В таком виде он скорее напоминал исполнителя народной музыки из лесов провинции Норрланд, чем психоаналитика, один из клиентов которого – самый жестокий насильник в Швеции.

– Привет, как дела? – Малин поздоровалась с соседом за руку. Он выглядел совершенно сбитым с толку. – Ты меня не узнаешь? Мы виделись осенью на субботнике. Мой муж сжег все сосиски, и нам пришлось заказывать пиццу. Я живу на этой же улице через несколько домов от тебя.

– Сожалею, но сейчас у меня клиент...

– Ничего страшного, мы быстро. Можно войти?

– Э, нет. Нельзя...

– Прекрасно! Я бы не отказалась сесть. Знаешь, на таком сроке беременности некоторые позы отнимают все силы. Кстати, это Фабиан Риск, мой коллега из Государственной криминальной полиции. – Малин глазами показала на Фабиана, протиснувшись в прихожую и найдя стул. – О... Это как раз то, что нужно.

– Извини, но в чем дело?

– Оссиан Кремп. Тебе знакомо это имя?

– Значит, это вы загнали его на рельсы метро и подстрелили.

– Нет, это другой коллега. Но нам надо с ним встретиться. Как можно быстрее.

– Исключено, – врач покачал головой. – Вы уже достаточно навредили. Оссиан понес наказание и заслуживает, чтобы ему дали спокойно пожить. Я не могу припомнить никого из моих клиентов, кто бы так работал над собой, как он. И тут приходите вы и переворачиваете с головы на ноги все его существование.

– А что вас так беспокоит? – спросил Фабиан. – Что вы не получите деньги за квартиру?

Врач резко повернулся к Фабиану.

– У меня есть разрешение жилищного кооператива, и я плачу налог со всей суммы, если вы об этом. Нет ничего незаконного...

– А кто говорит о чем-то незаконном? Я скорее имею в виду

профессиональную этику, согласно которой нельзя заходить за грань и вступать в слишком личные отношения со своими клиентами.

– Ты так и поступил? – спросила Малин.

– В смысле?

– Зашел за грань?

– Вообще-то нет, – врач поправил маленькие очки дрожащей рукой. –

А вот вы свели на нет всю его реабилитацию. Это целиком ваша вина.

– Жаль, что это так. Но ты забываешь одну маленькую деталь. – Малин показала несколько снимков Карла-Эрика Гримоса с пустыми глазницами.

– Это не он. Это невозможно, – врач, фыркнув, отдал снимки и заложил за ухо седые локоны.

– А почему это так невозможно?

– Я разве не вижу, как вы относитесь к моей работе? Дорогое времяпровождение для людей, которые испытывают жалость к себе и не знают, куда девать деньги. Или в случае с Оссианом Кремпом – деньги налогоплательщиков. Но могу сказать вам, что это – наука, и по сравнению со многим другим довольно точная. Нам с Оссианом удалось докопаться до самой сути и выяснить, с чем связана его проблема.

– И с чем?

– Давайте признаем, что у вас нет нужных инструментов, и вы даже не можете приблизиться к более глубокому пониманию. Он все осознал, и это главное. К тому же он принимает лекарства, и я полностью убежден в его невиновности. – Мужчина скрестил руки, чтобы обозначить, что он взял ситуацию под контроль.

– А что случится, если Кремп не будет принимать лекарства? – спросил Фабиан. – Если он только утверждает, что принимает, а на самом деле не делает этого несколько месяцев.

– Это гипотетический вопрос. Оссиан никогда бы не стал мне врать.

– Разве?

– Посмотри вот на это, – Малин встала со стула и показала несколько снимков жертв по делу шестнадцатилетней давности. – Видишь сходство?

Врач неохотно посмотрел на снимки.

– Мы подозреваем, что он где-то спрятал еще две жертвы, – сказал Фабиан. – Адама Фишера, о котором вы наверняка читали в газетах, и вот эту женщину, – он достал фото женщины из автобуса с вырезанными глазами.

– О боже... – врач закрыл рот рукой.

– Вы ее знаете?

Он покачал головой.

– Нет, но в период болезни Оссиан делал именно так. В ходе следствия ничего не выяснилось. Не спрашивайте меня почему. Но мне он рассказывал, как не мог себя сдерживать. Во время обострения он мог вырезать глаза на каждой газетной странице. – Врач сел на стул. Внезапно он очень сильно побледнел.

– Принести воды? – спросила Малин.

Врач кивнул и положил голову на руки.

Дуня Хоугор никогда раньше не была в Хельсингборге. Они с Карстеном несколько раз говорили о том, что надо бы поехать, но все никак не могли собраться. На самом деле их не очень-то тянуло в Швецию. Один раз они поехали в Мальме после того, как рухнула шведская крона, и сделали несколько очень удачных покупок. Но выгода испарилась в ту же секунду, когда они заказали в ресторане бутылку вина.

Но приехав сюда, она сразу же заметила, что город величественней и красивей, чем Хельсингер. Она почему-то считала, что Хельсингборг – грязный промышленный город безо всяких развлечений. Что-то вроде Восточной Европы. Хотя она не была и в Восточной Европе. Так что ей остается только признать, что она ни о чем понятия не имеет, думала Дуня, съезжая вниз по эскалатору в зал прибытия вокзала Кнутпунктен.

Она позвонила Утесу, как только паром вышел из Хельсингера, и сейчас увидела его среди встречающих. Утес стоял внизу с табличкой, на которой с ошибками было написано ее имя. Он оказался маленького роста, с фигурой в форме груши, и выглядел совсем не так, как она себе представляла, когда говорила с ним по телефону.

– Привет, я – Дуня, – она протянула руку.

– Вот как, да... – пробормотал он и пошел к выходу.

Дуня поспешила за ним.

– По пути сюда я обошла паром. У них есть камеры только на автомобильной палубе.

Он что-то неслышно пробормотал, пультом отпер машину и открыл багажник. Дуня положила свою сумку, не понимая, почему ее шведского коллегу словно подменили. Она открыла дверь со стороны пассажирского сиденья, села и пристегнулась ремнем безопасности.

– Извини, что-то произошло? – спросила она и стала ждать ответ.

– Прости, я не понимаю по-датски, – ответил коллега по-английски и выехал на улицу.

– Нет, понимаешь. Ты прекрасно меня понимал, когда мы говорили по телефону, – по-английски ответила ему Дуня.

– Нет, не понимал.

Дуня не знала, что ей думать. Он что, издевается над ней? Она засмеялась, но замолчала, как только поняла, что он смотрит на нее как на заразную. Она что-то не так сказала? Или Утес страдает какой-то формой

шизофренического расстройства личности? Она ничего не понимала и решила больше ничего не говорить. Когда они через семь минут наконец заехали на парковку у здания полиции к северу от Хельсингборга, она открыла дверь и вышла из машины до того, как та полностью остановилась.

– Я так и думал, что вы должны сейчас приехать, – послышался голос от входа в здание.

Дуня повернулась и увидела, как ей машет высокий крупный мужчина. На всякий случай она помахала ему в ответ, хотя не узнала его. Затем достала из багажника свою сумку, пошла к входу и пожала мужчине руку.

– Привет! – Он взял ее сумку. – Давай я понесу.

– Но... Это ты Утес?

– Надеюсь, что я. Если ты не имеешь в виду Утес рядом с Квидинге, – ответил мужчина со смехом и повел ее внутрь.

– Извини, но я немного сбилась с толку. Разве не ты должен был меня встретить?

– Да, но мы как раз получили снимки, сделанные всеми дорожными камерами во всей провинции Сконе, и вместо себя я послал Хуго Эльвина. Мне, наверное, надо было позвонить тебе и сказать. Но ты знаешь, что значит, когда следствие в самом разгаре. Тогда все остальное отходит на второй план. Я надеюсь, все прошло без проблем. – Он приложил свой пропуск, набрал код и открыл дверь.

– Нет, нет. Просто было немного... странно.

– Он что, был невежлив?

– Нет, нет... Все прекрасно.

– Ну и хорошо. Знаешь, многие считают его немного специфическим. Но если его узнать, то он очень приятный.

– Да, я ведь его не знаю.

– Да и я тоже, сказать по правде, – сказал Утес и еще раз рассмеялся.

Перед ним на столе лежал мужчина. Голый и привязанный. Его кормили из зонда целых десять суток, чтобы из организма вышли токсины. Его тело вымыли, побрили и дезинфицировали. Вместо глаз зияли две пустые кровавые полости. Наркоз в целом подействовал как надо, и мужчина только чуть-чуть трепыхался и поскуливал, пока он надавливал пальцами и вытаскивал глазные яблоки, которые потом опустил в густую жидкость. Сейчас дыхание почти что нормализовалось.

Тело мужчины во всех отношениях было готово для удовлетворения его потребностей. Но он будет тянуть как можно дольше. Поддерживать в нем жизнь, чтобы кровь обогатилась кислородом и совершила полный круговорот. Он усыпит его полностью не раньше, чем придет пора готовить внутренние органы, и только тогда он отрубит большие куски и положит их в котел.

До этого он будет довольствоваться кусочками различных частей тела, своего рода смесь аперитива с любовной прелюдией. Последнее время он вошел во вкус этой игры и мог растянуть ее на несколько дней. Он так вонзал только что наточенный нож в плоть, что тот доходил до кости. От одного этого можно содрогнуться от сладострастия. Иногда семяизвержение случалось у него еще до того, как он успевал попробовать.

Обычно он отрезал кусочки маленьким ножом. Но сейчас он продвинулся на шаг вперед и обточил свои зубы, чтобы они стали острыми. Это было больно, и ему пришлось доехать аж до Польши, чтобы найти зубного врача, согласившегося это сделать. Но он по-прежнему был на сто процентов уверен, что игра стоила свеч.

Он вытащил верхнюю и нижнюю зубные накладки и потрогал пальцами острый ряд зубов, одновременно обходя лежащего на столе мужчину. Сделав два круга, выбрал левую ляжку, наклонился, открыл рот и медленно вонзил зубы в мясо. Сразу же хлынула теплая кровь, она наполнила его рот, потекла по уголкам рта и дальше по подбородку.

Он прожевал сырое мясо, проглотил и нагнулся, чтобы откусить еще кусочек, когда вдруг мужчина протянул руку и ударил его прямо по лицу. Что это было? Мужчина ведь лежал привязанный, и хотя его красные глазницы зияли пустотой, они пристально смотрели прямо на него. Мужчина что-то пробормотал, и он наклонился вперед, чтобы лучше слышать.

– Вот он просыпается... Просыпается...

Оссиан Кремп огляделся и только теперь понял, что в комнате находятся еще три человека. Двоих из них он видел лишь мельком. Третьего, в круглых маленьких очках и с кудрявыми седыми волосами, наоборот, знал слишком хорошо.

И только через несколько секунд до него дошло, что ему просто снился сон и что на самом деле он находится в Южной больнице, где лежит, привязанный к постели. На всякий случай он провел языком по зубам и убедился, что зубы вовсе не обточены. С одной стороны, он с облегчением выдохнул, а с другой стороны, где-то в глубине души был разочарован.

– Оссиан... – сказал седой. – С тобой хотят поговорить.

– Не сейчас... Не хочу... Не могу... Вы должны уйти... – Кремп попытался отодвинуться от мужчины, от которого всегда слишком сильно пахло парфюмом, но наручники крепко прижимали его к постели.

– Самое лучшее для тебя – ответить на их вопросы.

Почему он должен это делать? Он ведь не хочет.

– Уходите!

– Видите? Именно это я и имел в виду, – сказал первый объект его ненависти двум другим.

– А ему нельзя дать какое-нибудь успокоительное? – спросила беременная.

– Тогда он сразу снова заснет.

Подошел второй мужчина и наклонился к нему.

– Привет, Оссиан. Меня зовут Фабиан Риск. У меня только три вопроса, – он поднес к его лицу три пальца. – Три простых коротких вопроса, и мы обещаем оставить тебя в покое.

– Я ничего не сделал. Это вы ко мне привязались, а не я к вам. – Ему это не нравится. Ему это совсем не нравится. – Скажи им, чтобы они уходили! – закричал он. – Вон!

– Как только ты ответишь на мои вопросы. Первый: что ты сделал с Адамом Фишером?

Оссиан покачал головой и попытался закрыть уши руками. Но у наручников были слишком короткие цепи.

– Оссиан, отвечай, – сказал тот, кто называл себя его другом. – Где ты его спрятал?

– Вам нельзя здесь находиться, я ведь сказал. Я хочу, чтобы вы сейчас же ушли.

– О'кей, перейдем к следующему вопросу, – продолжил полицейский. – У тебя еще есть жертвы? Например, вот эта женщина. – Он

показал фото женщины из автобуса с вырезанными глазами.

Они терзали его вопросами, как голодные грифы.

– Фишер.

Но он не мог ответить.

– Еще жертвы.

Как бы он ни хотел, он не мог.

– И последнее: где ты их прячешь?

Он зажмурил глаза и изо всех сил покачал головой, пытаясь заставить их исчезнуть. Но они не исчезали, а наоборот, подходили все ближе со своими острыми клювами.

– Оссиан, я здесь не для того, чтобы тебя обидеть, – солгал полицейский. – Я только хочу попытаться понять, как все это взаимосвязано.

– Понять? – он не мог не рассмеяться. – Это хорошо. Очень хорошо. А кто этого не хочет? Я, во всяком случае, хочу.

– Извини, но что ты имеешь в виду?

– Имею в виду? Откуда мне знать? Я не знаю. Так много вопросов, а я не знаю. Мне даже нельзя иметь радио. Хотя я ничего не сделал, они только и говорят, что нет, нет, нет...

– Оссиан, теперь попытайся выслушать полицию.

– Как я могу слушать морские сводки без радио? Что? Как вы себе это представляете? Никак, вот именно. Но теперь вы должны уйти. Не нужны мне ваши посещения.

– Фабиан, можно тебя на пару слов? – раздался голос толстой, и краешком глаза он увидел, как они прошли мимо уборщицы и вышли из комнаты.

Наконец-то.

– Пустое дело, – сказала Малин и начала массировать себе бедра.

– Значит, просто сдадимся? – Фабиан взял термос с кофе с тележки для еды и налил себе чашку.

– Что ни говори, ему поставили диагноз «тяжелое диссоциативное расстройство личности». Так что есть риск, что он совсем не помнит своих поступков.

Фабиан кивнул. Возможно, Малин права. Но ждать, пока Кремп выздоровеет, тоже не выход. Они вынуждены пойти другим путем.

– Теперь вы мне верите? – врач закрыл за собой дверь смотрового кабинета и подошел к ним.

– Конечно. Мы все время верили, – сказала Малин.

– Надеюсь, вы осознаете, как это подрывает его доверие ко мне. У меня ушли годы на развитие этого доверия, а теперь оно растаяло, как дым.

– Разумеется, мы очень сожалеем, – сказала Малин. – Но ты наверняка понимаешь, что у нас нет другого выбора, кроме как пробовать все возможные и невозможные...

– Нам надо привезти его на место преступления, – перебил ее Фабиан и повернулся к врачу. – И чем быстрее, тем лучше.

– Извините, но... Правильно ли я понял?

– Провести следственный эксперимент в одном из мест преступления и посмотреть, вернется ли к нему память.

Врач вопросительно посмотрел на Фабиана.

– Извините, но вы же были там, внутри? Разве вы не видели, насколько он плох?

– Да, но уверен, это не идет ни в какое сравнение с тем, как сейчас плохо его жертвам. Вы уж меня извините, но я не симпатизирую ни вам, ни вашему клиенту.

– Вы, черт возьми, можете симпатизировать кому угодно. Но ни о какой поездке на место преступления и речи быть не может.

– Мне кажется, мы должны немного сбавить тон, – сказала Малин и встала перед Фабианом. – Что бы ни случилось, Кремпа наверняка осудят. Мы только пытаемся сделать все, что в наших силах, чтобы спасти жизнь возможных жертв, а также выяснить ряд вопросов по следствию. Во всяком случае, тебе стоит над этим задуматься.

Врач кивнул, но ничего не сказал. После чего повернулся к ним спиной и пошел к Кремпу.

Запах напомнил Дуне старую ремонтную мастерскую ее бабушки, отца матери, в Колдинге. Обычно они навещали его четыре раза в год, когда ее родители еще были вместе. После развода они стали ездить чаще, иногда раз в месяц, на выходные. И каждый раз она прокрадывалась в мастерскую после закрытия, вытягивалась на грязном бетонном полу среди инструментов, закрывала глаза и наслаждалась специфическим запахом. Она любила это больше всего на свете и до сих пор ловила себя на том, что, как только оказывалась в гараже или на заправке, дышала глубже.

Но сейчас она находилась не в Колдинге, а в Хельсингборге, чтобы установить местонахождение серийного убийцы и схватить его. Она обвела помещение глазами и отметила, что лаборатория судебно-технической экспертизы выглядит совсем не так, как кабинет Къеля Рихтера в Копенгагене. Это была прямая противоположность ослепительно белому и клинически чистому интерьеру. Пол и стены были из бетона, а с потолка свисала арматура ламп дневного света, освещавших несколько различных рабочих станций.

Дуня взяла мобильный, сняла блокировку и увидела, что уже без пяти пять. Значит, теперь Бенни Виллумсен опережает их на три с половиной часа – на целую вечность. За это время он мог оказаться далеко за пределами досягаемости. Если он решил не снижать темп, так сказать. Но если он, наоборот, уверен в том, что полиция ищет в его квартире несуществующие доказательства, есть немалый шанс, что он расслабился.

Тогда преимущество в три с половиной часа вполне можно не брать в расчет.

Она повернулась к Утесу.

– Ну что, начнем? Я вижу, что мы...

Утес попросил ее помолчать.

– Коллега не любит, когда ему мешают во время работы, – прошептал он и как можно тише закрыл за ней дверь.

– Какая разница. Все равно все идет к чертям, – услышали они бормотание в глубине комнаты.

Только сейчас Дуня увидела, что там сидит мужчина в белом халате и пристально смотрит на большой компьютерный экран. Мужчина повернулся к ним и опустил подбородок на грудь, чтобы видеть поверх очков для чтения.

– Это Дуня Хоугор, о которой я тебе рассказывал, – произнес Утес, проходя в комнату. – Ну, ты знаешь, из полиции Копенгагена.

– Да, у меня нет Альцгеймера, – отозвался мужчина и снова повернулся к экрану, заполненному длинными колонками с буквами и цифрами в различных комбинациях.

– Да-да, в общем, это наш судебный криминалист Ингвар Муландер, и могу заверить, что обычно он пребывает в гораздо лучшем настроении.

– У вас проблемы? – спросила Дуня и подошла к Муландеру.

– Если ты называешь преступника, исчезнувшего как дым, проблемой, то ответ однозначно «да». – Муландер включил на одном из экранов запись с камеры наблюдения, где видно, как «БМВ» Аксея Ноймана с затемненными стеклами съезжает с парома. – Как видишь, сегодня он выехал с парома здесь, в Хельсингборге, в двадцать минут второго. По логике, это должно означать, что потом его зафиксировала одна из дорожных камер в городе. Но как бы не так. Прошло уже почти четыре часа, а его по-прежнему нет ни на одной дорожной камере во всем Сконе.

– Мне кажется, я не все понимаю, – сказала Дуня. – Вы имеете в виду фотоловушки?

Муландер кивнул.

– Но если он не превышал скорость?

Муландер и Утес переглянулись.

– Не знаю, насколько далеко в этом отношении вы продвинулись в Дании, но мы здесь, в Мальме, в тестовом режиме всю осваиваем систему ANPR. И каким-то образом, не спрашивай меня, как именно, Тувессон удалось получить разрешение на то, чтобы использовать их данные, – рассказал Утес.

– Они так же расстроились, как и мы, когда его освободили, – сказал Муландер.

– Вот как, но тем не менее. Она, должно быть, подергала за какую-то веревочку, которая вела вверх. Я хочу сказать, что это не так однозначно, – заметил Утес.

– А что такое ANPR? – спросила Дуня.

– Automatic Number Plate Recognition^[6], – ответил Муландер. – Что означает, что дорожные камеры напрямую подключены к серверу и регистрируют все проезжающие машины в реальном времени, независимо от того, с какой скоростью они едут.

– И в Швеции это можно делать?

– Еще нет. По прогнозам, только через два года все статьи закона будут проработаны. Так что мы не можем использовать это как доказательство, –

сказал Утес.

– Это все равно не играет никакой роли, поскольку поиск ничего не дает, – со вздохом произнес Муландер.

– А может, в системе есть жучок? – предположил Утес.

– Нет, скорее он намеренно выбирал небольшие дороги, где нет никаких камер, и поэтому я теперь собираю сведения со всех охраняемых гаражей и заправок. Если нам повезет...

– Или он просто изменил одну букву или цифру на номерных знаках, – предположила Дуня, кладя пальто и шарф на свободный стул.

– А что, не такая уж глупая идея, – сказал Утес и настойчиво кивнул. – Немного черной изоленты – и готово. А ты как считаешь? – Он повернулся к Муландеру.

Но вопрос повис в воздухе без ответа, поскольку Муландер уже искал альтернативные номерные знаки.

Тем временем Дуня увидела папку под названием «Случай на острове Вен – Август 2007 г.».

– А что это?

– Я рассказывал тебе об этом по телефону. Именно по этой причине Виллумсен по-прежнему на свободе. Я тебе об этом писал в мейле, но потом стер, поскольку уверен, что это не он. Но Ингвар считает, что ты должна ознакомиться со всеми фактами и составить собственное представление, – сказал Утес.

– Очевидно, что это он, – со вздохом отозвался Муландер. – Кому же еще быть?

– Хороший вопрос. С уверенностью можно сказать, что это не Виллумсен. У него железное алиби. Но не будем дальше спорить из-за этого, – сказал Утес и повернулся к Дуне. – Как ты слышишь, мы не совсем согласны друг с другом.

– А какое у него алиби?

– Спортзал в центре Мальме. Он тренировался там почти восемь часов.

– Восемь часов?

– Да, он явно фанат тренировок и силен, как... ну, не знаю. Во всяком случае, никому не пожелаю встретиться с ним в темном переулке.

Дуня открыла папку и просмотрела материалы следствия, проведенного два с половиной года назад. Снимки изображали голую женщину, которую прибило к берегу западнее Норреборга к северной стороне острова Вен. Она стояла на четвереньках, привязанная к грузовому поддону.

– Ничего не понимаю. Она была привязана к поддону?

– Да, ее привинтили десятидюймовыми саморезами, – Утес руками показал длину саморезов. – Настоящий ужас. Знаешь, Ингвар был с ней знаком.

– Знаком, не знаком. Это уж чересчур! – сказал Муландер, сидя у компьютера.

– Ну, во всяком случае, они были соседями по кварталу. Кстати, как ее муж? Он по-прежнему живет там же?

– Нет, он продал дом полтора года назад.

– Точно. Это ведь он начал пить и проиграл все деньги в покер по интернету?

– Да, но если ты хочешь дать мне хоть какой-то шанс закончить до выходных, тебе придется закрыть...

– Разумеется. Извини, не буду тебе мешать. – Утес повернулся к Дуне. – Он всегда такой язвительный, когда происходит что-то захватывающее.

– Ты можешь подробнее рассказать об этом деле?

Утес кивнул и увел Дуню подальше от Муландера.

– Это жуткая история. Ее звали Инга Дальберг. Она совершала пробежку в парке Рамлеса Бруннспарк, когда на нее напали и куда-то увезли. К сожалению, никаких свидетелей не было, но мы взяли образцы крови на беговой дорожке. Как видишь, ее ударили в лицо чем-то твердым. – Он пролистал материалы следствия до снимков, изображавших разбитое лицо жертвы. – Вероятно, лопатой или чем-то в этом роде. Следующий пункт, где мы смогли зафиксировать следы, – укромное место среди деревьев совсем рядом с рекой Роон.

– И что вы там нашли?

– В первую очередь больше крови. Но также ее спортивный костюм и несколько тех самых специфических саморезов.

– Это там преступник снял с нее одежду?

– Да, и привинтил на четвереньках к поддону. Ему это удалось, потому что она, наверное, очнулась после удара лопатой и каким-то образом поверила, что выживет, если просто будет его слушаться. К тому же он использовал шайбы, чтобы головки саморезов не проткнули насквозь руки и нижнюю часть голени. – Утес замолчал и покачал головой.

– А что произошло потом?

– Он изнасиловал женщину и сбросил в реку Роон. По словам Косы, нашего судмедэксперта, в ее легких было полно соленой воды. Так что она чудом сумела добраться до пролива, а там ее повернуло обратно.

Без сомнения, типичное для Виллумсена убийство. Тут Дуня была согласна с Муландером. Но даже без сильного алиби она склонялась к мнению Утеса. Бесспорно, Виллумсен – охотник за кайфом, и каждый раз ему надо все больше и больше. Но два с половиной года назад он еще не был способен на такое изощренное и продвинутое преступление. Соверши он такое через два-три года, она бы не сомневалась, что это он.

Ее мысли прервал позвавший их Муландер.

– Ты нашел его? – спросил Утес.

– У тебя, черт возьми, еще меньше терпения, чем у моих внуков в сочельник. Смотрите.

Дуня была рада, что не она задала вопрос, и встала рядом с Муландером, который показал свои записи на бумаге.

– Вот номерные знаки Аксея Ноймана. – Он ткнул указательным пальцем в AF 543 89. – Если исходить из предположения Дуни, что он изменил их с помощью изоленты, легко исправить F на E, а девятку на восьмерку. Что дает нам три новых номера. – Муландер показал на AE 543 89, AF 543 88 и AE 543 88. – К тому же пятерка может стать шестеркой, что дает нам еще четыре варианта, – продолжил он, показав на еще четыре номера AF 643 89, AF 643 88, AE 643 89 и AE 643 88.

– Тогда давайте попробуем задать эти номера в поиске и посмотрим, будут ли результаты, – сказал Утес.

– А я, по-твоему, чем занимаюсь? Господи Иисусе...

– Сколько на это уйдет времени? – спросила Дуня и сразу же пожалела, увидев, как к ней поворачивается Муландер.

– Я не знаю, с какой скоростью работают компьютеры в Дании, но...

– Подождите, что это? – Утес показал на экран, где мигал регистрационный номер AE 643 89. – Я так и думал.

Муландер посмотрел на мигающий номер и кивнул. Через несколько команд возникла карта с несколькими различными маркировками.

– Эти точки. Он там проезжал? – Утес показал на экран.

– Да. Пожалуйста, не трогай экран, – вздохнул Муландер и отвел руку Утеса. – Как видите, он ехал по дороге 17 между Ландскруной и Эслевом.

– А можно увидеть, когда он там ехал? – спросила Дуня, почувствовав, что они наконец начали догонять Виллумсена.

Муландер увеличил карту и кликнул на одну из маркировок.

– Без четверти два. Это вполне соответствует действительности, если он выехал с парома в двадцать минут второго.

– Похоже, он направлялся в Эслев, – сказал Утес.

– Нет, тогда бы его зафиксировало несколько камер. Где-то между

Текоматорпом и Мариехольмом он свернул на небольшую дорогу.

– И там, понятно, нет никаких камер, – сказал Утес.

– Вот именно.

Дуня изучила карту и убедилась, что Виллумсен мог свернуть с дороги 17 только на одну дорогу – 108, которая вела прямо до Чевлинге. – Может быть, он направлялся в Чевлинге?

– Да, может быть, – сказал Утес. – Предлагаю послать эти номерные знаки всем заправкам во всем Сконе. Есть шанс, что он где-то заправлялся.

Муландер кивнул.

– Договорились. Но мы наверняка получим ответ только завтра.

– Тогда давайте насладимся вечером. Ведь скоро уже половина шестого. Дуня, я забронировал тебе номер в гостинице «Мольбергс» и могу отвезти тебя туда, – сказал Утес.

– Нет, спасибо, я пойду пешком, мне все равно надо подышать свежим воздухом.

– О'кей, тогда я заеду за тобой немного позже, поскольку сегодня ты ужинаешь у меня дома. Я уже велел Берит приготовить кашу с ягненком. Заверяю тебя, с этим ничто не сравнится.

Дуня кивнула, одновременно раздумывая, как ей выйти из положения. Сейчас у нее совсем не было времени на общение.

Софи Леандер находилась в смятении. Когда врач воткнул иглу ей в руку, она никак не ожидала, что когда-нибудь снова очнется. Она была полностью уверена в том, что ее ждет. Настолько уверена, что, в конце концов, смирилась со своей судьбой.

А теперь она ничего не понимала.

Она даже не была уверена, что все еще жива.

На нее словно накинули петлю. Ведь она по-прежнему лежала, привязанная к обернутому в полиэтилен столу, посреди комнаты с гофрированными металлическими стенами и смотрела прямо в потолок точно так, как делала все последние сутки.

Или она делала совсем не это? Может быть, вот так и умирают. Обрывки старых воспоминаний, которые прокручиваются в последний раз перед тем, как их стирают и они уплывают в вечность. Но тот факт, что она не воспарила к потолку и не могла смотреть на себя сверху, говорил о том, что она еще жива. К тому же рана болела все сильнее, а это признак того, что наркоз скоро перестанет действовать.

Но почему?

Какой смысл в сложном планировании и огромной работе, которая наверняка за этим стоит, если ее не собираются убить? Софи не находила разумного объяснения. Вместо этого она принялась восстанавливать ход событий, но вспомнила только, как услышала, что подняли дверь-жалюзи и на металлический стол выложили хирургические инструменты. После этого в сгиб на левой руке ввели иглу, и она отключилась, совершенно уверенная в том, что прибыла на конечный пункт.

Она стала думать о своем муже и о том, как далеко он продвинулся в ее поисках. Разумеется, он давно обратился в полицию, но невозможно сказать, на какие следы они вышли. Они, понятно, начали с просмотра записи с камеры наблюдения из Южной больницы и увидели, как ее на каталке вывозят из отделения и везут дальше к лифтам. Но сколько им это дало, сказать труднее.

Без сомнения, ее фото поместили в газетах и попросили общественность откликнуться. А если никто не обратился? Что тогда произойдет? Как долго она будет у них новостью номер один, если они никуда не продвинулись? Может быть, ее уже убрали с газетных афиш. Может быть, полиция уже начала отдавать первенство другим случаям и

положила ее дело в растущую кипу забытых судеб.

Один из аппаратов рядом с ней начал издавать звук. Софи не могла видеть аппарат, но сразу поняла, что это. Это был тот самый звук лопающихся пузырьков, который ей приходилось слушать четыре раза в неделю в течение всех тех лет, когда ей ничего не оставалось, кроме как ждать. Ждать той очереди, которая, может быть, никогда не настанет. Как же она ненавидела этот звук. Настолько, что в конечном итоге решила перестать ждать и взяла дело в свои руки.

Но сейчас он раздался снова.

Но с той разницей, что сейчас она понятия не имела, чего ждет.

Он видел только глазницы. Пустые глазницы, которые пристально смотрели на него. Фабиан потерял контроль над собственным взглядом и не мог никуда его направить, кроме как на вырезанные дыры, в которых тонул, словно его затягивала темная материя с бесконечной силой притяжения. На этом месте должны быть глаза. Глаза, которые смотрят, моргают, отражают мысль и личность. Душу.

Теперь там ничего не было.

Он не мог отделаться от неприятного чувства, которое засело в нем, когда он изучал снимки, тайком сделанные в автобусе. Ему казалось, что острое скальпеля проникает в его слезный канал и проходит весь путь до задней стороны глазного яблока, перерезает зрительный нерв и выдавливает глаз.

– Боже, до чего трудно представить себе, как она выглядит, когда у нее нет глаз, – сказала Малин, которая стояла, наклонившись над снимками, разложенными на письменном столе Фабиана. – Можно только сказать, что у нее длинные каштановые волосы, собранные назад, и ей около пятидесяти лет.

Фабиан кивнул и взял лупу. С ее помощью он мог не смотреть на вырезанные глаза и сосредоточиться на других деталях. Например, красно-коричневая заколка в волосах женщины. Плачущий ребенок. Стрелки на наручных часах, показывающие пятнадцать минут шестого. Разноцветные фасады домов. Киоск. Золотая цепочка у нее на шее с гексаграммой. Айпод с белыми наушниками.

– Здесь одни пальто и плащи, но ни одной шапки. Думаю, эти снимки сделаны осенью или весной, – продолжила Малин.

– А почему не прошлой осенью?

– Ты имеешь в виду... – она оборвала сама себя и схватилась за живот.

– Что такое? Ты в порядке?

Малин кивнула с закрытыми глазами и сделала несколько вдохов, чтобы успокоиться.

– Тут один каратист все время пинает меня в ребра, хотя я пригрозила ему лишить его наследства. Ну как? Что-нибудь нашел?

– Газетные афиши в одном киоске, – Фабиан снова склонился над лупой. – Карола теряет голос, писала газета «Экспрессен».

– А «Афтонбладет»?

– Приказ шведского телевидения жюри может остановить Каролу.

– Это, наверное, перед финалом Melodifestivalen^[7].

– Вопрос только когда. Она ведь участвует в этом конкурсе почти каждый год.

– А вот и нет. На самом деле она участвовала четыре раза. Пять, если считать конкурс 2005 года, когда во время антракта она исполнила композицию Genom allt^[8].

– О'кей, тогда какой это может быть год?

– Ты что? 2006-й, конечно. Ты разве не помнишь, как она подседа на кортизон, поскольку во время репетиций потеряла голос?

Фабиан покачал головой и подумал, кто из них более категоричен – он или Малин?

– Ведь было неясно, сможет ли она вообще дойти до финала, – продолжила Малин. – А она взяла и победила. Совершенно невероятно, если вдуматься. Так ведь?

Фабиан кивнул и откинулся на стул.

– Весна 2006-го. Значит, снимки сделаны три с половиной года назад.

– Как тщательно спланировано. Можно мне взглянуть?

Фабиан протянул фото Малин.

– Только не очень похоже на Кремпа. А ты что скажешь?

– Нет, но если он такой, может быть, в его план входит не давать нам подлинное представление о себе? – предположила Малин, изучая снимок.

– Ты хочешь сказать, что он просто притворяется больным?

Малин пожала плечами.

– А почему бы нет? И этот киоск... – Она подняла глаза и встретилась взглядом с Фабианом. – Это ведь один из киосков на площади Мариаторгет?

Фабиан взял у нее фото и посмотрел.

– Точно... Какие там ходят автобусы?

– 43-й, я это знаю на сто процентов. Я всегда на нем ездила, когда мы с Андерсом жили в районе Танто... – Малин опять схватилась за живот. – Ой, они опять затеяли этот проклятый кикбоксинг. – Она села на стул и сделала несколько глубоких вдохов. – Кстати, я говорила, до чего я все это ненавижу?

– М-м, – сказал Фабиан, не отрывая глаз от лупы.

– Ни одной части моего тела не нравится быть беременной. Уверяю тебя, даже матка отказалась бы от этого, будь у нее такая возможность. – Она включила компьютер, и скоро на экране показалась карта

стокгольмского транспорта. – Сейчас посмотрим... Точно. 43-й и 55-й. Плюс еще несколько ночных автобусов.

– А вот площадь Норрмальмсторг, – произнес Фабиан и показал другой снимок.

– В таком случае это 55-й, потому что 43-й едет по улице Регерингсгатан на север города.

– А куда дальше идет 55-й?

– На площадь Стюреплан и дальше в район Юртхаген.

– Еще вопрос. Ты обратила внимание, что на снимках разная погода?

– Ты хочешь сказать, что они сделаны в разные дни?

Фабиан кивнул.

– О'кей, значит, она едет по одному и тому же маршруту каждый день, по дороге на работу, – продолжила Малин. – Где-то видно время?

– Да, на площади Мариаторгет было четверть шестого.

– Значит, она поздно начинает работать. Если это не дорога домой.

– Маршрут 55-го начинается в районе София?

– Да, и там почти одни жилые дома. Так что будем считать, что она там живет, а работает в центре города.

– Выясни, за сколько времени можно доехать от Софии до Мариаторгет.

– Именно это я сейчас и делаю, – отозвалась Малин. – Вот... Двадцать семь минут до Слюссена, а это следующая остановка.

– Получается, автобус выходит из Софии без четверти пять?

– Если точно, то в 16:47.

– А сейчас сколько времени?

Малин посмотрела на часы.

– Без двадцати семи пять.

Они переглянулись и поспешно вышли.

По большому счету для Хиллеви Стуббс никогда не представляло особой проблемы просканировать место преступления или жилище преступника. В основном, места говорили своим четким языком, и чаще всего ей требовалось не больше часа, чтобы уяснить для себя основные черты. Что произошло, как это случилось и кто в этом участвовал.

С квартирой Оссиана Кремпа было по-другому.

Конечно, и эта квартира говорила с ней, только она не понимала, что ей сказали. А если и понимала, то лишь отчасти. Несмотря на все свои попытки, Стуббс не могла воссоздать целостную картину. Каждый раз, когда у нее возникала идея, она находила то, что сводило эту идею на нет. Она словно мылась в душе: мыло упорно выскользывало из рук, как только удавалось его схватить.

В конце концов ей пришлось попросить своих ассистентов уйти из квартиры перекусить или заняться еще чем-то. Раньше такого никогда не случалось, и у обоих был такой вид, словно перед ними только что приземлилось НЛО. Но ей надо было, чтобы ее оставили одну и дали спокойно подумать. И только когда Хиллеви услышала, как за ними закрылась входная дверь, она смогла расслабиться и начать работать по-настоящему.

Стоило ей войти в квартиру, как она сразу же почувствовала какую-то нестыковку. Она только не могла сказать, в чем именно было дело. Конечно, квартира была завалена всяким хламом, как склад на чердаке, который никогда не разбирали. Вместе с тем она была довольно хорошо убрана и в нескольких местах являлась примером педантично организованного пространства. Здесь жил человек, испытывающий огромную потребность в контроле. Который все время боролся с хаосом.

Например, газеты с тщательно вырезанными глазами на всех снимках были аккуратно сложены в стопки, такие высокие, что доходили почти до потолка. Висевшие в гардеробе рубашки были подобраны по цвету, а все предметы с буквенными обозначениями расставлены по алфавиту. Не только книги на стеллаже и приправы на кухне, но и ряды баночек с лекарствами в ванной комнате. И все же везде царил хаос. То тут, то там валялась одежда. Обьедки и грязная посуда на кухне. Черные плохо пахнущие мешки с мусором, которые подтекали на пол.

В этом хаосе они сделали большинство находок. Рулон с такой же

защитной пленкой, в которую был обернут стол в ремонтируемой квартире. Среди кухонных ножей обнаружился плохо вымытый скальпель. Газовый баллон с гексаном, с помощью которого Адама Фишера усыпили в машине.

Кремп словно даже не пытался скрыть свои следы. Или просто не рассчитывал на то, что его так скоро найдут? Он фактически налетел на Риска и остальных. В то же время он, похоже, просчитывал малейшую деталь, когда доходило до самого исполнения убийств.

Мысли кружились в голове Стуббс, совершая круг за кругом, и чем больше она пыталась понять, тем большее смятение испытывала.

Но теперь, когда она наконец осталась одна, ей надо только лечь на пол, закрыть глаза и найти ключ к тому, как все это взаимосвязано.

Когда Хиллеви снова открыла глаза и посмотрела на часы, то увидела, что проспала не более восемнадцати минут, что взбодрило ее гораздо больше, чем весь кофе на свете. Она села, подождала, пока нормализуется давление, потом поднялась с пола и стала смотреть по сторонам. Уже через несколько минут она поняла, как все очевидно.

Оссиан Кремп страдал тяжелой формой шизофрении, как и весь его дом. Одна его половина стремилась к структуре и порядку, а другая – к хаосу. И пока что они обнаружили секреты разгильдяя. Теперь дошла очередь до педанта.

Это будет не так легко. Он наверняка все продумал и приложил усилия к тому, чтобы спрятать в таких местах, где никому, кроме него, не придет в голову искать. Но тайники где-то есть, в этом нет никакого сомнения. Она начала с наиболее очевидных мест: за книгами на стеллаже, на нижней стороне столешницы письменного стола, в вентиляционной решетке в ванной комнате и в папках за наклеенными газетными вырезками. Но ничего не нашла. Даже в бачке унитаза.

И только когда она открыла дверь в чулан, пошел клев. На изнанке коврика из линолеума была стертая надпись, сделанная красной тушью: «Хегдален Проход Д 6895». К своему большому удивлению, Хиллеви сразу же поняла, что это. Она приобрела такое несколько лет назад. Сначала это было в высшей степени временное решение в связи с разводом с Гертом-Уве. Но через пару лет она неохотно признала, что за это ей, возможно, придется каждый месяц платить много денег до конца жизни. Но у нее это находилось не в Хегдалене, а в Сольне.

Она задала поиск в мобильном и сразу же получила нужный результат. Туда можно не только *заехать на машине*. Это место также оборудовано *большой разгрузочной площадкой под крышей* и к тому же *работает круглые сутки*.

По пешеходным и велосипедным туннелям Дуня всего за пять минут добралась до заправки Statoil, где взяла машину напрокат. Навигатора у них не было, и она купила карту дорог провинции Сконе, несколько плиток шоколада и две бутылки рождественского напитка, который, насколько она понимала, был типично шведским продуктом наряду с квашеной селедкой и каждое Рождество из года в год значительно снижал продажи кока-колы в стране.

Она прекрасно осознавала, что по-хорошему ей не следует ехать одной. Что это против всех правил и что, как утверждал Утес, они больше ничего не могут сделать, пока Муландер не получит сведения от заправок. Но она не может просто сидеть и ждать в гостиничном номере.

Конечно, Утес производил очень приятное впечатление, и наверняка то же самое можно сказать и о его жене. Но как бы Дуня ни хотела, она не могла провести несколько часов в их обществе, когда преимущество Виллумсена все росло. К тому же она не ест баранины. Даже если все утверждают, что это потрясающе вкусно. Один только запах при приготовлении вызывал у нее рвотный рефлекс.

Дуня хотела было предложить Утесу поехать вместе, но решила, что у них слишком мало зацепок, чтобы коллега пожертвовал вечером пятницы. И если бы он знал о ее планах, никогда бы не согласился ее отпустить. Поэтому теперь она одна сидела за рулем, заставляя себя сделать несколько глотков приторного и сильно перехваленного напитка и одновременно проезжая дорожную камеру сразу после Теккоматорпа по дороге 17 в сторону Эслева.

Именно там камера последний раз зафиксировала Бенни Виллумсена без пятнадцати два в тот же день. А сейчас уже четверть седьмого, что означает преимущество в четыре с половиной часа. По мнению Муландера, он, вероятно, свернул где-то, не доезжая Мариехольма, чтобы не попадать на камеру.

Но она считала, что он выбирает небольшие дороги не потому, что старается избежать дорожных камер. Возможно, он даже не подозревал, что они могут фиксировать весь транспорт в реальном времени. В таком случае он бы выбрал совсем другой маршрут уже на выезде из Хельсингборга, а не после Теккоматорпа. Зато есть шанс, что у него дело в Чевлинге, и если чуть-чуть повезет, он заночует где-нибудь в том районе.

Дуня свернула направо на дорогу 108, единственную, по которой он мог поехать и которая вела именно к Чевлинге. Она обвела глазами открытую местность по обеим сторонам. Было темно, и она смогла разглядеть только отдельные рощицы и поля, такие замерзшие и заснеженные, что было невозможно понять, как всего лишь через шесть месяцев здесь будет вовсю цвести рапс. Она не увидела никаких домов с зажженными окнами, никакого брошенного «БМВ» и никаких дорог, которые могут привести к тому, что стоит проверить.

Чем дальше она ехала по темноте, тем яснее ей становилось, что ее затея провалилась. Шансов угадать семь чисел в лотерее, без сомнения, значительно больше, чем найти что-то интересное. Но стоило, по крайней мере, попытаться.

Она доехала до развязки, где свернула налево на дорогу 104 в сторону Чевлинге, понятия не имея, что это: маленькая деревня или большой город. Наверняка она знала только одно: если Бенни Виллумсен действительно остановился здесь, он должен находиться в каком-нибудь помещении. На улице температура уже успела опуститься до минус двенадцати. К тому же Микаэль Реннинг не нашел ничего, кроме квартиры в Мальме, записанной на Виллумсена, а это значит, что он или попросил какого-нибудь друга пожить в его доме, или проник на чью-то пустую дачу. Или...

Дуня затормозила, остановилась у развилки и посмотрела на производственное здание по другую сторону дороги. Что-то мелькало в одном из маленьких окон, или это лишь отраженный свет уличных фонарей? Она понятия не имела. Но большая освещенная растяжка посреди длинной стены, выходящей на дорогу, информировала о сдаче в аренду 780 свободных квадратных метров. Судя по обшарпанности и по тому, что из пяти прожекторов работало только два, это здание уже давно было заброшено.

Она решила заглянуть туда и поехала дальше, пока не смогла свернуть налево рядом с шинной мастерской. По маленькой дорожке заехала за здание и спустя сто метров оказалась на пустой парковке за серым домом из листового железа с зарешеченными окнами.

Она притормозила и заглушила двигатель, глядя перед собой на следы от колес на снегу. Следы вели прямо к зданию, где исчезали за углом.

Фабиан и Малин бежали всю дорогу до гаража – сначала по коридору, а потом, не дожидаясь лифта, который имел обыкновение не появляться, когда в нем больше всего нуждались, вниз по лестнице. В гараже они запрыгнули в машину Фабиана и меньше чем за четырнадцать минут домчались от острова Кунгсхольмен до улицы Тенгдальсгатан в районе София. Несмотря на все это, они опоздали на автобус.

– Черт возьми, он нас видел! Я уверена, что он нас видел, – сказала Малин, переводя дух и глядя на часы. – К тому же только 46 минут. Этот негодяй отъехал раньше времени.

– Сядем на следующей остановке, – сказал Фабиан и побежал за автобусом.

– Ты что, с ума сошел? Только через мое беременное тело, – крикнула Малин ему вслед. Но было поздно.

Фабиан уже обогнул угол улицы Тегельвиксгатан и побежал со всех ног, ни разу не поскользнувшись. На следующей остановке никого не было, и он бросился дальше в сторону причала Барненгсбрюгган у озера Хаммарбюшен. Там он смог сесть в автобус и держать его для Малин, которая была скорее мертвой, чем живой, когда плюхнулась на одно из сидений для людей с ограниченными двигательными возможностями.

– Боже, я совсем без сил... – Она расстегнула пальто. – Я наверняка поставила рекорд в беге на триста метров с близнецами.

Фабиан кивнул, хотя все его внимание было направлено на других пассажиров автобуса. Их было пятеро, и никто из них даже отдаленно не напоминал женщину на снимках. На следующих остановках на набережной вдоль канала Хаммарбюканален в автобус вошло всего лишь несколько пассажиров.

Не то, что в районе Сканстуль напротив универмага «Оленс». Там через все двери ввалилось так много людей, будто автобус захватили. Пытаясь увидеть всех, Фабиан и Малин разделились и быстро прошли по автобусу, пока он опять не остановился у Южного вокзала и не открыл двери. Там сошло несколько пассажиров, но одновременно вошла новая партия, которая протиснулась внутрь, и внезапно стало невозможно пошевеливаться.

Фабиан пробрался к Малин.

– Ты встаешь у одного выхода, я – у другого. Это единственный

способ. – Фабиан не получил ответа и только сейчас заметил, что она очень побледнела и у нее вспотело все лицо. – Эй, как ты? В порядке? – Он попытался встретиться с ней взглядом. Она посмотрела на него блестящими глазами и едва заметно покачала головой.

– Тебе плохо? Да? У тебя что-то болит?

Она бросила на него отсутствующий взгляд.

– Малин, ответь мне. Малин?

Коллега беззвучно шевелила губами.

Фабиан обратился к пожилой женщине, сидевшей рядом.

– Извините, вы не могли бы уступить ей свое место?

Женщина в кроссовках и бежевой спортивной одежде посмотрела на него так, словно ничего глупее не слышала.

– Вот что я тебе скажу: мне семьдесят лет, и я проработала всю свою жизнь...

– Да, а она беременна на последнем сроке, – прервал ее Фабиан. Сейчас у него не хватало никакого терпения на упертую пенсионерку. – Встань же, черт возьми...

Женщина фыркнула и отвела взгляд.

– Встань, я тебе сказал. – Фабиан схватил пассажирку за руку, чтобы поднять ее силой.

– Не надо, пусть садится на мое место, – сказала женщина в накинутой на пальто большой шали с красными цветами, сидевшая впереди пенсионерки.

Фабиан поблагодарил и помог Малин сесть.

– Как вам не стыдно, – прошипела пожилая женщина за ними.

Фабиан проигнорировал ее, направив все внимание на Малин.

– Успокойся и дыши глубже. – Он снял с нее шарф и положил ей на колени.

– Из-за таких, как вы, эта страна летит в тартарары, – продолжала женщина за ними, пока они проезжали мимо площади Мариаторгет и направлялись дальше к Слюссену и Старому городу, где она, наконец, вышла из автобуса вместе с большинством других пассажиров.

– Слава богу... – сказала Малин и покачала головой. – Какая мерзкая баба...

Фабиан кивнул и с большим облегчением отметил, что лицо коллеги постепенно приобретает нормальный цвет.

– Будь у меня силы, я бы позаботилась о том, чтобы она ездила на социальном такси до конца жизни.

Фабиан рассмеялся, и тут его осенило: в женщине, которая встала и

уступила место, есть что-то знакомое. Может быть, она изменила прическу. Или на ней теперь была зимняя одежда. Он обернулся и поискал ее глазами, но ее нигде не было видно.

– В чем дело? Ты нашел ее? – спросила Малин.

Фабиан пожал плечами и вынул снимки, сделанные Оссианом Кремпом, где женщину было лучше видно. И тут он понял, на что среагировал.

Гексаграмма.

Цветастая шаль была приколата к пальто брошью с точно такой же гексаграммой, какая висела у женщины на шее на нескольких снимках. Это та самая женщина.

– Я думаю, это она в цветастой шали, – сказал Фабиан и стал высматривать женщину.

Тем временем автобус остановился у Королевского парка, где большинство пассажиров вышло, и им на смену вошли новые.

– Из-за технической неполадки автобус впереди нас снят с рейса. Сожалею, но вам придется потесниться, – объявил водитель.

Фабиан как можно быстрее протиснулся к дверям в середине автобуса, но не успел выйти – двери закрылись, и автобус поехал дальше. Было невозможно сказать, сошла ли женщина или едет дальше. К тому же опять набилось столько народу, что он видел только тех, кто стоял вплотную к нему, а пробираться между пассажирами было чревато дракой – атмосфера уже была накалена.

Одни жаловались на то, что пришлось стоять и ждать целую вечность, другие – на то, что это далеко не в первый раз. Но у площади Нормальмсторг в автобусе стало немного посвободнее, и Фабиан опять обрел способность шевелиться. И тогда он увидел ее. Когда автобус остановился на красный свет. Она сняла с себя цветастую шаль и стояла у самой задней двери.

Неожиданно женщина повернулась и посмотрела на него. Он не знал, что ему делать. Если он слишком быстро отведет глаза, это может показаться подозрительным. То же самое, если он этого не сделает. Пытаясь смотреть мимо нее, он достал мобильник и стал набирать Малин.

– Ты ее нашел?

– Она стоит у самого заднего выхода.

– Боже, какое счастье. Значит, он не успел ее похитить.

Малин, разумеется, права. Сам Фабиан думал только о том, почему Кремп вообще заинтересовался этой женщиной и что у нее общего с Адамом Фишером и Карлом-Эриком Гримосом.

Автобус остановился у площади Стюреплан. Двери открылись, и женщина вышла.

– Сходим. Она вышла из автобуса, – Фабиан спрыгнул на тротуар и посмотрел вслед женщине, которая быстрым шагом шла к бетонному укрытию от дождя в форме гриба. – Малин, ты где? Нам нельзя ее терять.

– Спокойно, я иду, – ответила Малин и сразу же присоединилась к Фабиану. – Боже, мне конец...

Фабиан кивнул, глядя в сторону гриба, где к женщине с шалью присоединилась какая-то еще женщина. Судя по их жестам, они что-то эмоционально обсуждали. Внезапно женщина с шалью обернулась и снова встретилась с Фабианом взглядом. Сразу же после этого на него посмотрела и ее собеседница.

– Думаю, она поняла, что мы за ней следим. Давай подойдем к ним и поговорим. – Он было направился в их сторону.

– Подожди, – сказала Малин. – Честно говоря, не знаю, есть ли у меня еще силы.

– Ты в порядке? – Он повернулся к ней. – Помочь тебе с...

– Нет, не надо. Я, пожалуй, возьму такси, поеду домой и немного полежу.

– Ты уверена?

– Да, просто я немножечко... беременна. Плюнь на меня и вперед. – Она махнула рукой, вызывая такси, и машина подъехала к ним.

Фабиан кивнул и взглядом проводил Малин до такси. Потом повернулся к грибу, но обнаружил, что обе женщины исчезли.

Он побежал туда, чтобы убедиться, что они не прячутся за опорным столбом. Потом взобрался на волнообразную стену, выходящую на улицу Биргер Ярлсгатан, и обвел глазами площадь. Но женщины как сквозь землю провалились.

Зазвонил мобильный. Достав его, он увидел, что это Хиллеви Стуббс.

– Послушай, я могу перезвонить? Я сейчас занят, – ответил он, спрыгнув со стены и быстрым шагом направившись к входу в торговый центр «Стюрегаллериан».

– Конечно, можешь. Но знай: я тебе не отвечу, – сказала Стуббс, своим тоном давая понять, как ей не нравится эта идея.

– О'кей, в чем дело? – Фабиан со вздохом остановился.

– Сейчас не успею рассказать. Лучше приезжай сюда.

– А куда – сюда? – Стуббс всегда упорно держала Фабиана в напряжении, что страшно его раздражало.

– Хранилице «Shurgard» в Хегдалене.

Одноэтажное здание площадью почти восемьсот квадратных метров совершенно не вписывалось в окружающий пейзаж. Но Бенни Виллумсена это ничуть не беспокоило. Гораздо важнее, что с задней стороны находилась парковка, которая почти не просматривалась с дороги. Тем самым это продуваемое всеми ветрами место служило прекрасным прибежищем для тех, кто хотел, чтобы их оставили в покое.

Дуня Хоугор достала табельное оружие из сумки, лежавшей на пассажирском сиденье, проверила его и вставила магазин, хорошо понимая, что находится за пределами Дании. Но посчитав, что никак не может выйти из машины невооруженной, пошла по следам от колес прямо к зданию.

Как часто бывает, зима не могла решить, что ей делать со снегом: дать ему растаять или превратить его в лед. Поэтому было невозможно определить, принадлежат ли следы «БМВ» Акселя Ноймана или нет. Она видела только, что машина ехала в одном направлении. Она обошла торец дома, где следы шли еще несколько метров. Потом они исчезали в здании под опущенными гаражными воротами.

Окон не было. Также не было ни ручки, ни щеколды, чтобы открыть ворота. Зато слышался звук. Непонятно откуда исходящий глухой грохот, словно где-то поблизости на холостом ходу работал грузовик. Дуня прижала ухо к воротам гаража и сразу же убедилась, что, во всяком случае, звук раздается из здания.

И все же она отбросила мысль связаться с Утесом. След от автомобильных колес рядом с пустым производственным зданием посреди ничего и грохот, который с тем же успехом могла издавать вентиляционная установка, – этого явно недостаточно. Требовалось гораздо больше, чтобы вызвать целое подразделение.

Она вернулась к задней части здания, подошла к двери и потрогала ручку. Дверь была заперта. Затем подошла к ближайшему окну, зажгла свой маленький карманный фонарик и заглянула внутрь, но за задернутыми занавесками смогла различить только какую-то офисную мебель, стоявшую впритык к картонным коробкам. К тому же на окне были защитные решетки и сигнализация, хоть и, скорее всего, отключенная.

Тогда Дуня обошла здание с другой стороны и дошла до фасада, выходящего на дорогу в двадцати метрах отсюда. Здесь еще лежал толстый слой снега, и, наступив на замерзший наст, она провалилась на несколько

десятков сантиметров.

Маленькое окно, в котором она увидела промельк света, находилось так высоко, что в него не заглянешь. Зато с водосточного желоба в дальнем углу здания свисала верхняя часть пожарной лестницы, ведущая в никуда. В обычных случаях на нее невозможно залезть без приставной лестницы – наверное, чтобы на крышу не могли забраться хулиганы.

В обычных случаях.

Сейчас ветра намели высокий сугроб прямо под лестницей, так что Дуне оставалось только как можно осторожнее залезть туда на четвереньках, чтобы не провалиться сквозь наст. Наверху сугроба она встала, и ей удалось ухватиться за нижнюю часть лестницы. Она попыталась взобраться на лестницу, но ей не хватило мускульной силы.

Она не первый раз обещала себе начать серьезно тренироваться и покупала спортивную одежду и годовой абонемент, а потом использовала его два, максимум три раза. Но в этот раз она сдержит обещание, данное самой себе на Новый год. В этот раз тренировки будут у нее на первом месте.

Дуня попробовала перевернуться и повиснуть вниз головой, как делала на шведской стенке в детстве. Теперь ей удалось поднять ноги так, что нижняя ступенька оказалась у нее под коленями. Оставалось только выпрямиться и схватиться за следующую ступеньку.

Когда Дуня поднялась на крышу, она вся обливалась потом, хотя ледяной холод пробирал до мозга костей. Друзья и знакомые, которые предпочитали проводить часть отпуска на равнине в шведской провинции Сконе, говорили ей, что западный ветер с моря холоднее и жестче, чем ветер с суши на датской стороне. Но сама она испытала такое впервые. Если она вскоре не попадет в тепло, то рискует промерзнуть и разлететься на тысячу осколков.

Она доползла на четвереньках до конька крыши по лежащей там лестнице, которая через несколько метров закончилась. Когда Дуня расчистила снег, показалось слуховое окно. Несколько целенаправленных ударов, и образовалось достаточно большое отверстие, через которое она проникла внутрь.

Только было так темно, что она никак не могла разглядеть, что находится в комнате под ней, когда разжала руки.

Софи Леандер оставила всякие попытки понять, чему ее подвергают. Какое-то время она думала, что понимает, и в глубине души считала происходящее вполне логичным и во многих отношениях разумным следствием ее действий. Но как только она очнулась и осознала, что по-прежнему жива, ею опять овладело непонимание. И как ни странно, она не испытывала ни облегчения, ни спокойствия.

Софи давно оставила надежду на то, что сможет это пережить. Во всяком случае, так она считала еще несколько минут назад, когда услышала, как где-то вдалеке открылись большие ворота. Она не в первый раз слышала характерный скрежет, прорезавший тонкие жестяные стены и говоривший о том, что ворота надо смазать. Тогда у нее учащался пульс, и она всеми мыслимыми способами пыталась привлечь внимание проходящих мимо. Но каждый раз они именно проходили мимо, и она стала обращать на звук все меньше внимания.

Но этот раз отличался от остальных, хотя она снова слышала тот же пронзительный скрежет. Надежду на жизнь вызвали другие звуки. Звуки не одной, а нескольких заехавших машин, которые затормозили так, что взвизгнули шины. Автомобильных дверей, которые открылись и опять закрылись, громких голосов, отдающих эхом, и рации, которая пищала и трещала.

Это могла быть только полиция.

Наконец им удалось найти ее. Значит, о ней не забыли. Она об этом не задумывалась. Только теперь до нее дошло, что есть люди, которые занимаются именно ее делом и, может быть, даже работают посменно, чтобы выяснить, где она находится. И если она хорошо знает своего мужа, он ни на минуту не оставлял их в покое, пока поиски не начали давать результаты.

Софи снова представила свое лицо на всех газетных афишах. И наверняка ее мистическое исчезновение бурно обсуждали во время каждой кофе-паузы по всей Швеции. Кто знает? Может быть, в эту минуту на улице полно журналистов, которые так и ждут, чтобы броситься к ней и взять у нее интервью, когда ее покатают на каталке в стоящую наготове машину скорой помощи.

Она продолжала уноситься мыслями далеко, хотя прекрасно отдавала себе отчет, что это просто ни на чем не основанные предположения. На

самом деле она понятия не имела, какой это вызвало интерес и решила ли полиция обнародовать свои успехи. Скорее они не поднимают шума – им надо спокойно работать и держать врача в неведении относительно того, насколько они близки к развязке.

Нет, наверняка она знала лишь одно: сейчас они находятся совсем рядом и готовятся в любую минуту ворваться и спасти ее. Звук тяжелых кейсов, которые ставят на землю и открывают. Инструментов, которые достают и подключают. Все наполняло ее таким теплом и энергией, что больше не имело значения, что она не понимает, что происходит. Что бы ни было, полиция опередила.

Софи надеялась, что ее муж тоже находится здесь. Что ему разрешили поехать вместе с ними, где бы она ни находилась, и встретить свою жену. Ведь это он обратился в полицию и таким образом спас ее. Снова. Стоило ей начать думать о нем, как она сразу же чувствовала, что сердце бьется сильнее.

Она и так знала, что любит его.

Но ей стало ясно: он по-прежнему любит ее.

Она сомневалась в этом, но теперь знала точно.

Где-то совсем рядом заработала болгарка, и острый противный звук зазвучал в ее ушах, как музыка.

Софи никогда не была так счастлива.

Синие мигалки издали виднелись в темноте, и указания навигатора были не нужны. Они словно просили о нежелательном внимании, подумал Фабиан, сворачивая с дороги Худдингевеген и продолжая ехать по дороге Магельунгсвеген в южном направлении. Он не мог понять, почему так много полицейских упорно не выключают мигалки после того, как давно остановились.

Он предпринял новую попытку позвонить домой, но ни Матильда, ни Теодор на этот раз не ответили. Теодор наверняка еще не пришел домой, ведь сейчас только без двадцати семь. А Матильда не отвечала лишь по одной причине. Она дулась, и он прекрасно понимал ее. Он клятвенно обещал дочери прийти домой до того, как няне придется уйти, и провести с ней вечер пятницы, а сам вместо этого находился довольно далеко к югу от города. На самом деле ему хотелось нажать на тормоза, развернуться и поехать домой. Но не получится. После разговора со Стуббс.

Фабиан заехал на парковку хранилища «Shurgard», остановившись подле скорой и мигающих полицейских машин. Несколько полицейских в форме устанавливали оцепление у входа и велели ему проехать на другое место рядом с машиной Азизы Тострем.

Тострем была его самым любимым судмедэкспертом. В подростковом возрасте Азиза приехала в Швецию как беженка. Уже год спустя она почти свободно говорила по-шведски и вскоре вышла замуж за своего учителя. Сейчас ей тридцать пять лет, и она, без сомнения, один из лучших и наиболее востребованных судмедэкспертов. Что бы ни нашла Стуббс, Эдельман посчитал это важным.

– Ну наконец-то, – его встретил один из ассистентов Хиллеви Стуббс. – А то мы уже начали волноваться.

– Волноваться? Через полчаса после звонка Стуббс? – удивился Фабиан и пошел за ассистентом мимо спецназа, который как раз распаковывался.

– Просто обычно ты первый у раздачи. И ты знаешь, как ведет себя Стуббен, когда что-то находит.

Фабиан прекрасно знал, что ассистент имеет в виду. Хиллеви Стуббс – одна из самых нетерпеливых из всех его знакомых. Когда она обнаружила след и щелкнула пальцами, все должно прийти в движение.

– А что конкретно она нашла?

– Тебе лучше самому увидеть. – Ассистент приподнял ленту ограждения и провел Фабиана через поднятые гаражные ворота.

Недалеко от входа рядом со своим фургоном стояла Стуббс, одетая в голубой защитный комбинезон с опущенным капюшоном, и просматривала снимки в фотоаппарате.

– Ты опоздал, – сказала она, не отрывая глаз от экрана фотоаппарата.

– Что ты нашла?

– Надень, – она достала из ящика свернутый защитный комбинезон и бросила его Фабиану, который как можно быстрее натянул его, и они прошли внутрь.

До склада надо было пройти метров сорок. Сильный свет проникал сквозь вырезанное отверстие в двери-жалюзи, освещая бетонный пол снаружи. Стуббс накинула капюшон на голову и исчезла в ярком свете. Фабиан последовал ее примеру, подошел к отверстию и вошел.

Внутри было на несколько градусов теплее из-за мощных прожекторов, и когда глаза привыкли к свету, он увидел, что склад больше, чем он предполагал, около тридцати квадратов. Вероятно, один из самых больших в этом здании. Но Тострем и Стуббс загораживали ему обзор. Поэтому он смог разглядеть только пару голых ног у торца обернутого в полиэтилен стола, напоминающего стол в квартире, поставленной на ремонт. Вдоль одной стены стояло несколько аппаратов и инструментов для кормления с проводами и шлангами, которые, как змеи, извивались по полу и дальше скрывались под столом.

И только когда он обошел своих коллег и встал по другую сторону стола, он целиком увидел голое тело, привязанное с помощью крепких ремней, протянутых через просверленные дырки в столешнице. Ноги, туловище, руки и шея – все было так крепко привязано, что в некоторых местах ремни содрали кожу и впились в мясо. И, как у министра юстиции, вместо глаз зияли две пустые кровавые глазницы. Из заклеенного скотчем рта на шею и на пол вытекла застывшая розовая кашица.

– Что это? – Фабиан показал на розовую жижу.

– Еда, – ответила Стуббс. – Как видишь, его кормили через этот зонд. – Она показала на спрятанный под кашицей шланг, идущий в рот. – Я еще не брала никаких проб, но думаю, что эта смесь содержит слабительные средства, чтобы очистить тело от токсинов и продуктов распада. Я немного читала об этом: это не такое уж редкое явление в каннибализме.

– О'кей, ему не давали умереть. Как долго? Когда он умер? – Фабиан не мог не думать о том, сколько же боли пришлось испытать Адаму Фишеру, прежде чем он наконец заснул навеки.

– Чтобы дать точный ответ, мне надо более внимательно осмотреть тело, – сказала Тострем. – Но навскидку могу сказать, что он скончался примерно трое суток назад.

Значит, больше недели Адам лежал здесь привязанный и был в живых. Находился в полном неведении относительно того, что его ждет. Найдут ли они его или нет? Успеют ли они? Ищут ли они вообще? «А как долго я сам не терял бы надежды в подобной ситуации?» – подумал Фабиан. Через сколько времени он начал бы призывать смерть?

– Предположительно Фишер умер из-за этого вмешательства, – Тострем показала на левую часть груди, где, точно как в животе Карла-Эрика Гримоса, было вырезано большое круглое отверстие диаметром десять сантиметров. Было такое впечатление, что кто-то штамповочным прессом извлек часть тела.

– А почему именно сердце? – Фабиан повернулся к Стуббс и Тострем.

– Ему же надо было с чего-то начинать, – пожала плечами Стуббс.

– А в морозильнике, где мы нашли внутренности Гримоса, тоже лежало сердце?

– Нет, – Стуббс покачала головой. – И в его собственном морозильнике тоже нет.

– Может быть, он его уже съел, – заметила Тострем.

– Возможно, – отозвалась Стуббс. – Но ни здесь, ни в его квартире, ни в квартире, поставленной на ремонт, таких признаков нет.

Наступившая тишина вбирала в себя еще больше кислорода из и так уже теплого и удушливого воздуха. Фабиан почувствовал, что больше не может здесь находиться. Но где-то в самой глубине его смятенного подсознания, которое изо всех сил пыталось связать все воедино, зарождалась мысль. Мысль, пока что такая маленькая и хрупкая, что она рискует исчезнуть, если он ее упустит.

Сначала внутренности Гримоса, а теперь сердце Фишера. Может быть, дело не в глазах. В отличие от сердца они ведь нашли их в стеклянной банке. Вопрос заключался в том, что находилось в морозильном отсеке в квартире на ремонте. Может быть, искать взаимосвязь надо там.

– Кстати, внутренности из квартиры на ремонте, – сказал Фабиан, делая вид, что не придает этому особого значения. – Вы успели их осмотреть?

– Я как раз разморозила их и должна была обследовать, но меня вызвали сюда, – ответила Тострем. – А что? Тебя интересует что-то конкретное?

– Думаю, мы можем быть практически уверены, что они принадлежат

Гримосу, – сказала Стуббс.

– Я не об этом. Я только хочу узнать, все ли там на месте или чего-то не хватает.

Дуня не испытывала особой боли – вопрос в том, хорошо это или плохо. Она думала о том, стоит ли ей пошевелиться, прекрасно осознавая, как часто человек, попавший в катастрофу, пострадал сильнее, чем ему кажется, и поэтому самое лучшее – лежать как можно более неподвижно и ждать помощи.

Если она в принципе может двигаться.

В разбитое слуховое окно на нее падал свет уличных фонарей под аккомпанемент отдельных проезжающих машин. Она упала с высоты четыре-пять метров и поняла, что результат мог быть совсем иным, если бы на полу не лежала большая груда пустых коробок из-под стереоаппаратуры различных марок.

Дуня осторожно перевернулась на живот и на четвереньках сползла вниз. До этого она ощущала только пульсирующую слабость в теле. И только когда оказалась на полу и попыталась встать, испытала такую сильную боль в левой ноге, что ей пришлось сделать несколько глубоких интенсивных вдохов, чтобы не закричать во все горло. Наверное, она вывихнула ногу – Дуня чувствовала, как нога начинает распухать.

Как только боль немного стихла, она достала мобильный, чтобы посмотреть, есть ли здесь связь, и увидела на стекле глубокую трещину. А ведь она совсем недавно заменила его после того, как уронила телефон дома на пол ванной. Тогда им еще можно было пользоваться, хотя она несколько раз резала кончики пальцев. Теперь, сколько бы она ни нажимала на телефон и ни пыталась его включить, ничего не происходило.

Она оставила мобильный и, высвободив насадку из пылесоса, оперлась на нее как на палку, чтобы добраться до карманного фонарика, который лежал на полу и слабо светил. Она выключила его и положила в карман джинсов, и тут снова раздался какой-то грохот. Послышалось? Она остановилась и прислушалась. Да, вот он, на этот раз его сопровождал злобный свистящий звук. Она повернулась кругом, но не смогла определить, из какой части здания раздаются эти звуки.

Хромая, Дуня вышла в коридор, в котором становилось все темнее, чем дальше от комнаты она отходила. Вскоре ей пришлось пробираться вперед, ощупывая стену свободной рукой. Два раза она натыкалась на афиши в рамках, а еще через несколько метров в стене показалась большая дыра. Она остановилась и, проведя ладонью по краю, убедилась, что это

дверной проем.

Держа в одной руке насадку от пылесоса, она вошла. В последнюю секунду ей удалось удержаться и не упасть, споткнувшись на пороге. Преодолев ступеньку, Дуня выдохнула и попыталась мысленно отвлечься от интенсивной пульсирующей боли в ноге, которая теперь так распухла, что, показалось, с нее никогда теперь не снять сапог. Звук смолк, и помимо ее собственного дыхания, стояла полная тишина.

Она продолжала идти вперед в темноте, одной рукой судорожно сжимая насадку, а другую вытянув перед собой. Примерно через десять метров дошла до стены, покрытой каким-то мягким звукопоглощающим материалом. Еще несколько метров влево, и стена кончилась. Дуня смогла обогнуть угол и попасть на другую сторону, где наконец сумела что-то разглядеть.

Слабый свет, словно просачивающийся сквозь дверную щель где-то спереди.

И тут снова раздался звук. На это раз он напоминал отдаленный гром и грохот, издаваемый двигателем трактора на холостом ходу. Но зачем кому-то понадобилось разъезжать в помещении на тракторе? И только когда она услышала злобный пронзительный скрежет, до нее начало доходить. Она слышала это не впервые. В детстве она слышала его много раз. Когда они с мамой навещали маминых родителей. В автомастерской.

Ее дедушка рассказывал, что это называется тигровой пилой. Она спросила почему, и он ответил, что зубья пилы напоминают тигриные и могут прогрызть по большому счету все что угодно.

Дуня достала пистолет, передернула затвор и, подавив острую боль в ноге, пошла на звук, стараясь идти как можно быстрее. По дороге споткнулась о штатив микрофона, но снова встала на ноги. И тут она увидела.

«БМВ» Акселя Ноймана.

Бенни Виллумсен был здесь. Как она и подозревала, он находится здесь.

Багажник был открыт, и в нем лежало несколько завязанных мешков для мусора на расстеленной защитной пленке, свисавшей через край, как хвост. На полу недалеко от машины стоял и грохотал работающий на бензине электроагрегат. По полу тянулся электрический кабель, и с пистолетом в одной руке и с насадкой в другой Дуня пошла за ним.

В темноту.

На звук, вызывавший образы, которые она не хотела видеть.

Кабель исчезал в дверной щели, и Дуня поняла, что слабый свет

исходит оттуда. Она прижала ухо к стене. Завывание, толчками сопровождавшее какие-то действия, было так близко, что она инстинктивно отпрянула назад.

Мысли о том, что ей делать и что ее ждет, пронеслись, как бурное весеннее половодье, но она ни к чему не пришла. Но ее тело, отключившее мозг и действующее на свой страх и риск, начало ощупывать дверь рукой. Не найдя ручки, просунуло пальцы в щель и потянуло вверх.

Ей следовало бы закрыть глаза.

Ей следовало бы развернуться и убежать оттуда.

Но было поздно.

То, что она увидела, навсегда останется на ее сетчатке.

Посреди пустой звукозаписывающей студии, в свете голой электрической лампочки, свисавшей с потолка, он стоял, повернувшись к ней спиной. Мужчина, который за последние несколько лет безнаказанно изнасиловал и замучил до смерти ряд невинных женщин.

В ушах у него были защитные наушники, на голове – надетый задом наперед противогаз, который словно смотрел на нее в упор. В жизни мужчина выглядел меньше, чем она себе представляла, а поверх темной грубой одежды на нем был прозрачный клеенчатый фартук, на который попадало большинство кровавых брызг.

Обеими руками он держал тигровую пилу, и воздух прорезал пронзительный звук – это зубчатое полотно пилы входило в пах голого тела, лежащего на обернутом в полиэтилен столе. Дуне хотелось крикнуть как можно громче, чтобы заставить его прекратить. Чтобы видение исчезло. Но она могла только пристально смотреть.

На пах, который открывался все больше и больше по мере того, как пила входила в него все глубже и глубже.

На шею, где должна была сидеть голова.

На ногу, которая со стуком упала на пол.

На кровь, которая брызнула.

На нее.

На все вокруг.

По дороге домой со склада «Shurgard» под Стокгольмом Фабиан остановился у «Макдоналдса» на улице Фолькунгагатан и купил меню «МакФист» с минеральной водой для себя, меню «Биг Мак» с колой для Теодора и меню «Хэппи Мил» для Матильды. Хотя от усталости у него все болело, а истерзанное тело Адама Фишера стояло у него перед глазами, он решил сдержать данное Матильде обещание провести с ней вечер пятницы. Поэтому заскочил еще в магазин «7-Eleven» на углу улицы Эландсгатан и купил большую бутылку рождественского напитка, деревянные чипсы с соусом из репчатого лука и пачку мороженого Ben & Jerry's Cookie Dough.

Когда двадцать минут спустя Фабиан вставил ключ в дверь, было уже девять, а значит, дети находились одни два с половиной часа. Это беда, но не катастрофа. К тому же он слышал, как из телевизора доносилось рождественское сюсюканье Эрнста Кирчстейгера, так что ничего страшного.

Он снял верхнюю одежду, пошел на кухню, положил гамбургеры на тарелки, убрал мороженое в морозилку и только тогда заметил, что в квартире горят все лампы вплоть до самой маленькой.

– Матильда! Теодор! Я дома. Идите сюда есть, – закричал он, но ответа не последовало. Он пошел дальше в гостиную, где по телевизору шла реклама кока-колы, ведущей все более отчаянную борьбу с рождественским напитком, обошел диван и увидел спящую Матильду, которая лежала на диване, крепко прижав к себе своего красного мишку.

Фабиан не мог вспомнить, когда последний раз плакал. Может быть, он смахивал слезинку-другую во время просмотра какого-нибудь грустного фильма вроде «Стальных магнолий» или чего-то подобного. А так он почти никогда не плакал. И не потому, что не хотел. Иногда он действительно пытался дать волю чувствам, но чаще всего дальше комка в горле дело не шло.

Поэтому он был совершенно не готов к слезам, которые вдруг хлынули и потекли со щек на пол. Матильда на диване, свернувшись калачиком со своим мишкой, одно из самых красивых зрелищ в его жизни. И в то же время самое печальное. Он вытер лицо тыльной стороной ладони и зажмурил глаза, но слезы продолжали литься, и он понял, что теперь его всего трясет от беззвучного плача.

Так не может продолжаться. Его работа, сметающая все на своем пути,

и Соня, которая фактически поселилась в своей мастерской. Им надо поговорить. Он только не знал, что ему сказать. Хотел ли он вообще, чтобы все стало хорошо.

Фабиан позвал Теодора, не ожидая ответа. Сейчас не больше девяти вечера, но сыну всего лишь тринадцать, и ему не следует бегать по городу или что он там делает. Он попробовал позвонить сыну, но ему ответил автоответчик, на записи которого Теодор пытался создать видимость, что отвечает до сигнала. Тогда Фабиан послал СМС и попросил его как можно быстрее вернуться домой. Потом выключил телевизор, несколько раз глубоко вздохнул, чтобы перестать плакать, сел на диван и попытался разбудить Матильду. Но хотя он соблазнял ее «Макдоналдсом», чипсами и мороженым, просыпаться она не хотела.

В конце концов он оставил свои попытки и отнес дочку в ее комнату, где накрыл одеялом, поцеловал в лоб и прошептал прости ей на ухо, после чего стал есть холодный и безвкусный гамбургер, размышляя над тем, не позвонить ли ему Соне.

Решив пока не звонить, выбросил малосъедобные остатки и стал чистить зубы, обходя квартиру и гася везде свет, после чего лег спать. Все тело гудело от усталости, и у него было такое чувство, будто он не спал целую неделю. Он поправил подушки, лег и позволил закону тяготения опустить ему веки. Но не заснул.

Фабиан мысленно прокручивал вперед-назад события последних суток. Он все время пытался угадать, о чем женщина из автобуса так взволнованно говорила с другой женщиной под грибом на площади Стюреплан и какое она имеет отношение к внутренностям Гримоса и отсутствующему сердцу Фишера. Если связь вообще есть.

Спустя час он сдался, пошел к Матильде, поднял ее вместе с мишкой и перенес в свою кровать, где смог обнять дочку, почувствовать ее тепло и услышать ее спокойное, глубокое дыхание.

Он успел досчитать до трех.

Включили реле, и заработал электродвигатель, находящийся высоко на колокольне. Поступательное движение по цепочке дошло до мощной балки. Скоро заработали повороты, и над кладбищем Катарина и соседними кварталами раздался звон колоколов. Со скоростью свыше трехсот метров в секунду звук распространился по улице Эстгетагата на юг и дальше мимо Фабиана, который запирает машину рядом с симпатичным дизайнерским бюро, которое, гордясь своими наградами, повесило их в рамочках на стену.

Была суббота, и хотя было всего три часа дня, уже успело стемнеть. В десять часов утра ему позвонила Малин и рассказала, что все-таки убедила врача дать согласие привезти Оссиана Кремпа на место преступления. Спустя пять часов все бумаги и разрешения были на месте. Процедура, можно сказать, прошла быстро, учитывая, сколько людей должны были высказать свое мнение.

Фабиану же все это показалось вечностью. Десятичасовой сон без перерыва пошел ему на пользу. Мимолетная мысль, возникшая на складе «Shurgard», за ночь превратилась в конкретную версию. Он вышел на след и надеялся, что приезд Кремпа на место преступления покажет, движется ли следствие в правильном направлении.

Он по-прежнему ничего не говорил остальным. Даже Малин ничего не знала, что было необычно. Но в этот раз недостаточно одной хорошей версии, чтобы посвятить остальных. Не должно остаться ни малейшего сомнения. Если окажется, что он неправ, последствия будут слишком велики.

Он тоже не сидел без дела. В ожидании отмашки Фабиан успел сыграть партию в «Монополию» с Матильдой и Теодором. Потом связался с Азизой Тострем, и ему удалось убедить ее бросить рождественскую суету и вновь осмотреть внутренности Гримоса. Как он и подозревал, не хватало одного органа: печени.

Может быть, Оссиан Кремп сварил ее и съел. У большинства животных печень считается деликатесом. Почему человек должен быть исключением? Может быть, преступник просто сытно поужинал печенью Гримоса и сердцем Фишера. Если за всем этим стоит голод, а не что-то другое, что придаст следствию новый поворот и заставит всех понять, что оно далеко не закончено.

Фабиан помахал Малин, которая выезжала из-за угла на улицу Блекингатан и с отчаянием в глазах искала свободное место на парковке. Одновременно к дому по улице Катарина Бангата подходили Томас и Ярмо. Каждый держал в руке по шаурме. Автобус с нарядом полиции уже был на месте и стоял перед контейнером у подъезда.

Полиция и вправду не поскупилась на меры безопасности. Наряд состоял из целых шести человек. Все были вооружены автоматами и одеты в пуленепробиваемые жилеты и шлемы с откидными касками. Двое полицейских стояли по обе стороны автобуса и осматривали окрестность, а еще двое вышли из автобуса и быстро скрылись в подъезде дома, поставленного на ремонт.

Лучше всего было бы привезти Кремпа на склад «Shurgard» в Хегдалене, но там еще всю работала Стуббс, а его появление в комнате отдыха в зданиях Риксдага привлекло бы слишком много внимания. Оставалась только ремонтируемая квартира на улице Эстгетатан, которая для окружающих по-прежнему была хорошо хранимым секретом. Конечно, они не смогли найти следов расчленения. Но нет никакого сомнения, что обернутый в полиэтилен стол был раскрыт и привинчен к полу именно с этой целью.

Наконец привезли Оссиана Кремпа, которому два последних полицейских из наряда помогли выбраться из автобуса. Руки и ноги у него были в кандалах, как у приговоренного к смертной казни заключенного на американском Юге. Полуметровая цепь царапала обледенелый асфальт, когда его с опущенной головой повели мимо контейнера внутрь под строительными лесами.

– Боже, как можно жить в городе, – сказала Малин и остановилась, чтобы набрать воздуха. – Мне пришлось ехать аж до церкви Всех Святых, пока я нашла... – Ее прервал хулиганский свист Томаса, который махнул им, чтобы они подходили.

Оссиана Кремпа ввели в комнату, где над столом, обернутым в полиэтилен, горела яркая лампа. Он по-прежнему не поднимал глаз и хромал на раненую ногу. Через несколько метров полицейские из наряда отпустили его и встали по обе стороны дверного проема.

Кремпа остался стоять и стал оглядывать комнату с таким видом, будто никогда не был здесь раньше. Он не смотрел ни на Фабиана, ставшего у самой дальней стены, ни на Томаса, который вжался в угол наискось за ним и следил за тем, чтобы видеочкамера все фиксировала. Но когда он увидел Ярмо, который в одних трусах согласился изобразить жертву и дал

привязать себя ремнями к столу, его взгляд изменился, и он, не поднимая головы, стал пятиться в сторону холла.

В их распоряжении было два часа. Если вычесть время на перевозки и подготовку к обеспечению безопасности, оставалось не больше часа, то есть минимум для приведения человека в нужное состояние, когда самые неприятные и позорные воспоминания могут всплыть на поверхность.

К счастью, Эдельману удалось отклонить требование врача участвовать в эксперименте, а это значит, что Кремп, по крайней мере, находится в их распоряжении.

– Привет, Оссиан. – Малин вышла вперед и остановила его. – Узнаешь меня?

Кремп покачал головой, не сводя глаз с тела Ярмо.

– Но ты же бывал здесь раньше, так ведь?

Он снова покачал головой.

– Мне это не нравится. Совсем. Мы можем сейчас же поехать обратно?

– Не сейчас. Сначала мы посмотрим и немного поговорим. – Она попыталась позвать его к столу.

– Я не хочу. Не здесь. Пойдемте отсюда.

– Оссиан, это совершенно неопасно. Ты только должен оглядеться и сказать, вспомнил ли ты то, что забыл. Потом мы можем ехать обратно. Ладно? Идем, – она протянула ему руку.

Больше минуты Кремп смотрел то на протянутую руку Малин, то на Ярмо, лежащего на обернутом в полиэтилен столе, и только потом согласился вернуться вслед за ней в комнату. Фабиан заметил, что, пока он подходил к столу, его дыхание с каждым шагом становилось все более прерывистым и неровным. Когда они приблизились к Ярмо, который лежал совершенно неподвижно и спокойно дышал, глядя прямо в потолок, Кремп был на грани срыва.

– Ты так привязываешь свои жертвы? – спросила Малин и показала на один из ремней, которым шея Ярмо была привязана к столешнице.

– Не я, – ответил Кремп, оглядывая тело Ярмо. – Я только хочу слушать радио.

– Может быть, это другой Оссиан?

Кремп покачал головой.

– Морская сводка – это хорошо. Очень хорошо.

– Оссиан, а теперь я хочу, чтобы ты меня выслушал. Мы знаем, что это ты. У нас полно технических доказательств, и нам надо только понять, как это происходило. Например, выдавливал ли ты глаза до того, как начинал резать, или после того.

– Я же говорю вам, что это не я! Я ничего не сделал! – он все сильнее качал головой.

– Я понимаю, что это неприятно. Но попробайся...

– Я только сделал так, как делал всегда, и не допустил ошибки. Я это знаю. Никто не жаловался. Ни разу.

– А как, по-твоему, они могут жаловаться, если лежат здесь привязанные и разрезанные?

– И морская сводка, всегда морская сводка, – добавил Кремп, не сводя глаз с Ярмо. – Каждое утро. Только это. Ничего другого. Только морская сводка и судоку. Но в больнице у меня нет радио. Почему, не знаю. Нет, и все. Они говорят, что не положено, – продолжал он, все более возбуждаясь. – Почему мне не положено? Отвечай! Почему ты не отвечаешь?

Малин повернулась к Фабиану, который знаком попросил ее продолжать, хотя по ее глазам он видел, что она не хочет. Она в принципе не хотела проводить допрос, но так потребовал врач.

– Эй! Почему? – продолжил Кремп.

– Оссиан, я честно не знаю, почему тебе не положено радио. Но сейчас я хочу, чтобы ты в деталях рассказал, как...

– Как тогда я смогу слушать морские сводки? Я должен, ведь я это делаю каждое утро.

– Оссиан, лучше расскажи мне, как...

– И лекарства. Я должен их принимать, я так делаю. Каждый день: утром, днем и вечером. Они в красной коробочке. Всегда в красной коробочке в шкафчике в ванной, чтобы я не забыл. Особенно в два часа. Именно тогда, я не знаю... Именно тогда так много всего, и время... оно словно исчезает, и вдруг я забыл, хотя тогда я этого не знаю. – Он принялся чесать себе шею обеими руками.

– Да, понятно.

– Но так нельзя, это совсем нехорошо. Очень плохо. Так не годится, тогда все будет неправильно, и так не должно быть. В смысле неправильно. – Он говорил все быстрее, изо рта текла слюна. – Все должно быть правильно, а если нет, все начинает кружиться, и я устаю, и действительно, тот провожатый там, хотя только у меня... – Он сглотнул и продолжал чесаться, пока болячка не лопнула и по шее не потекла кровь. – ...Есть ключи, но он все равно там, устраивает и помогает. Он не думает, что я знаю, но я знаю, а потом все становится таким тяжелым и темным, и я словно исчезаю. – Он покачал головой, все больше впадая в смятение.

– Оссиан... теперь попробайся успокоиться и сосредоточиться на теле,

которое здесь лежит.

– Я запираю каждый день, когда вхожу, и даже сменил замок. Запираю, запираю и проверяю, заперто ли. Всегда. Иначе нельзя быть полностью уверенным...

– Оссиан?

– У меня нет сил. Это так трудно. Очень трудно... – Он взял себя за голову и перевел дух. – Так устал. Так устал. Больше нет сил...

– Оссиан, у нас осталось не так много времени. Попробайся...

– Должен отдохнуть и... ненадолго закрыть глаза. Но не получается. Как только я закрываю глаза, я там снова... назад в... – Он замолчал и сник, словно запыхался и был совсем без сил.

– Назад куда? Оссиан, расскажи, куда?

Без всякого предупреждения, даже не подняв глаз, Кремп с криком бросился прямо на Малин, которая потеряла равновесие и упала на пол. Она стала звать остальных, брыкаясь и стараясь вырваться из его хватки.

Фабиан, Томас и два полицейских из наряда уже спешили на помощь, но секунды шли медленно, и Кремп смог спокойно опустить голову ей на шею и прошептать что-то ей на ухо, пока его не оторвали от нее и не отволокли в соседнюю комнату.

Фабиан помог Малин встать.

– Ты в порядке?

Малин кивнула и стала поправлять прическу.

– Черт возьми, как же я испугалась... Я подумала, что он будет... – Она замолчала, чтобы перевести дыхание. – Что он собирается... – Она не выдержала и заплакала.

Фабиан обнял ее и положил ее голову себе на плечо.

– Вот так... Вот так, Малин. Все позади.

Малин кивнула и попыталась успокоить дыхание.

– Что он тебе сказал? Он ведь что-то сказал, так? – спросил Фабиан.

Малин разомкнула объятия и встретилась с ним взглядом, словно раздумывая, отвечать ли ей.

– Он спросил, когда ему вернут его радио. – Она расплылась в улыбке и рассмеялась. – Сумасшедший дом. Тут такое происходит, а он думает только о своем радио с морскими сводками. – О боже... Как я выгляжу? Макияж весь потек?

– Ничего страшного.

– Я отнесу это вниз, – сказал Томас, показав видеокамеру. – Похоже, больше здесь ничего не произойдет.

– Может быть, кто-нибудь будет так любезен и развяжет меня, – подал

голос Ярмо.

– Это еще зачем? Лежи, где лежишь, – сказал Томас и ушел с камерой.

– Фаббе, сколько лет мы работаем вместе? – Малин раскрыла зеркальце и посмотрела на себя.

Фабиан пожал плечами.

– Лет пять-шесть, что-то в этом роде.

– Семь с половиной. За эти семь с половиной лет мы провели друг с другом больше времени, чем с нашими вторыми половинками. – Она достала бумажный носовой платок и вытерла под глазами. – И первый раз за все это время ты меня обнял.

– Давай надеяться, что это никогда больше не повторится.

Малин засмеялась и достала кисточку для подводки глаз, чтобы поправить макияж, но уронила и кисточку, и зеркальце на пол, а потом рухнула сама.

– Малин... Малин! – Фабиан быстро опустился на колени и попытался привести ее в чувство. – Малин, ты меня слышишь? – Но никакой реакции не последовало.

– Что случилось? – спросил Ярмо.

– Не знаю. Она вдруг упала... – Он прервался, увидев, как под ней расплывается лужи крови. – Алле! Звоните в скорую!

Два полицейских из наряда прибежали из соседней комнаты.

– Какого черта вы медлите? Звоните немедленно! У нее же будет выкидыш! И Андерс... Мы должны позвонить Андерсу, ее мужу. – Фабиан выудил мобильный и постарался унять дрожь в пальцах, набирая ее домашний номер.

– Скорая едет, – сказал один из полицейских.

– Хорошо, – отозвался Фабиан, слушая гудки. – Отвечай же.

«Привет, вы дозвонились до семьи Ренберг. Сейчас мы не можем вам ответить, но оставьте сообщение после сигнала».

– Привет, это Фабиан Риск. Андерс, позвони мне, как только сможешь... – Его прервал резкий звук. Сначала он не понял, что это, хотя звук был громким и отчетливым. Наверное, его мозг уже был настолько перегружен, что был не в состоянии связать звук разбитого стекла с каким-либо конкретным действием. Он хотел наговорить на автоответчик и рассказать о том, что случилось, но не сумел сделать даже этого. Вскоре он поднялся и вышел в соседнюю комнату.

Комната была пуста. Пока он шел к разбитому окну, за его спиной двое

полицейских спорили о том, кто отвечал за Кремпа. За окном вновь разыгралась непогода, и снежинки уже нападали на пол.

Последние дни он чувствовал это.

Но только сейчас до него дошло.

Теперь он знал наверняка.

Оссиан Кремп невиновен.

Часть II

19–24 декабря 2009 г.

«Она заставляет меня двигать горы. Она заставляет меня совершать невозможное. Самое ужасное, но совершенно необходимое. Она заставляет меня делать все это. И еще чуть-чуть.

Любовь к тебе».

14 июня 1998 г.

«На самом деле, я не знаю, кто ты. Где ты. Существоешь ли ты еще. Но это письмо тебе. Тебе и только тебе.

Тогда я видел тебя каждый день. Это было год назад. По другую сторону блокпоста и забора с колючей проволокой. Ты обычно сидела там часами. Может быть, ты шла мимо или просто приходила посмотреть. Не знаю. В лагере ходили слухи о палестинских женщинах, которые тайно встречаются с израильскими солдатами, и, может быть, ты приходила ради меня. Во всяком случае, я стоял у шлагбаума и надеялся.

Я знал, что у женщин с гор Наблуса могут быть голубые глаза, но в первый раз я увидел их у тебя. Ты была красивей всех на свете. Сначала я сам этого не понял, но мое сердце забилося вдвое сильнее. Оно по-прежнему так бьется, словно отказывается понять, что слишком поздно. Что скоро все кончится.

Не могу перестать думать о том последнем вечере. Ты помнишь? Как начало смеркаться, и ты осталась дольше, чем обычно. Моя смена закончилась, и я подумал: теперь или никогда. Я шел вдоль ограждения и видел, как ты движешься мне навстречу. Был готов кричать от счастья.

Если бы я знал, что произойдет, я бы повернулся к тебе спиной. Закричал бы, что ты слишком близко подошла к границе, угрожал бы и заставил тебя отойти. Тогда бы я никогда не встал у забора и не позволил бы нам встретиться взглядами. Ты

бы никогда не проделала весь путь и не приложила бы свои ладони к моим. Твои губы...

Скоро больше не смогу... Осталось не так много крови...

Сколько мы стояли там молча? Несколько минут или целый час? Я так много хотел сказать. Спросить. Но не решился. Даже узнать твое имя. Боялся все испортить. Смог только включить мое переносное радио. Ты помнишь? Передавали Этту Джеймс. Лучше нее все равно бы никто не сумел сказать. Я ущипнул себя за руку, чтобы убедиться, что это не сон. Так сильно, что у меня до сих пор след.

Не знаю, кто пришел и увел тебя. Поэтому ты больше никогда не показывалась? Твой отец или кто-то из твоей деревни. Жива ли ты вообще? Может быть, все это был лишь сон. Одно время я считал, что этого достаточно. След и память о тебе не давали сну умереть.

Но этого было недостаточно, и ночью я выбрался из барака и ушел из лагеря через дырку в заборе. Мог только надеяться на присутствие Бога, который укажет мне путь. Я заметил, что у тебя из-под пальто виднеется белая ткань. Подумал, что ты, может быть, работаешь медсестрой в больнице в Уриффе в нескольких километрах оттуда.

Едва я успел скрыться в проулках, как громко завопили сирены, и голоса из мегафонов призвали всех проснуться. Я знал их, наши ночные стрессовые рейды, но никогда в таком не участвовал. До того дня.

Они подумали, что я один из вас, и я побежал. Куда глаза глядят и со всех ног. Слышал, как они подъезжают, чтобы унижить и сделать так, чтобы другим неповадно было. И тут рвануло. На меня обрушилась грудa стекла, и уши мои заложило. Заблудился в белом облаке, от которого щипало в глазах и которое все росло.

Мне надо было сдаться уже тогда, смириться с тем, что это никогда не получится. Но я не мог расстаться с мыслью увидеть тебя и никогда больше не разлучаться. Я продолжал бежать, но споткнулся и упал.

Глаза так болели, словно кто-то воткнул в них иглы. Попытался встать, но ничего не вышло. Слышал, как они подходили все ближе в едком тумане. Узнал их голоса. Смех в их противогазах в предвкушении того, что скоро начнется потеха.

Попытался оказать сопротивление, но смог только позволить им взять меня за руки и поволочь по асфальту.

Как же я устал... Должен немного отдохнуть... Совсем немного... Не знаю, на сколько еще хватит моих сил. Так много осталось. И так мало сил...

Осколки стекла, которые впились в ладони и предплечья Оссиана Кремпа, говорили о том, что он разбил окно наручниками. Следы на снегу, выпавшем на строительные леса, – о том, как он выбрался через окно и прыгнул. Он упал с высоты пятнадцати метров. Верная смерть, если бы не контейнер, который стоял на месте падения и был полон всевозможного крупного мусора.

Но Кремп все равно мгновенно скончался. При падении он так сильно ударился затылком о борт контейнера, что все выше переносицы разбросало в радиусе нескольких метров. Может быть, не самое удовлетворительное окончание такого сложного расследования, заметил Эдельман, хотя сразу же добавил, что, вопреки всему, следствие окончено.

Для Фабиана смерть Оссиана Кремпа означала все что угодно, кроме окончания. По-прежнему было слишком много вопросов и неясностей и слишком мало ответов.

Конечно, с виду следствие вроде бы все время продвигалось вперед. Были сделаны новые находки, снимки и записи. Найденные улики положены в помеченные пакеты и внесены в реестр. Все работали в две смены и со всех сторон изучили каждую альтернативу. Была выявлена взаимосвязь и сделаны выводы.

Все совпало. Ранее судимый Оссиан Кремп со своим диссоциативным расстройством личности был словно создан для роли преступника. Не только его фирменная манера лишать свои жертвы глаз. У него к тому же имелись основания мстить Карлу-Эрику Гримосу. То, что потом у него обнаружили большие провалы в памяти, или он просто отказался рассказывать о содеянном, картину не портило.

Но если коллеги Фабиана были убеждены в том, что Кремп являлся красной нитью, которая в конечном итоге привела их к разгадке, сам он не мог отделаться от растущего чувства, что все прошло слишком просто. Что они на самом деле действовали вслепую и наощупь, понятия не имея о том, что на самом деле происходит.

И только теперь он начал понимать почему.

Красная нить таковой совсем не являлась, хотя и выглядела как красная. На самом деле они шли по размеченной трассе. План был такой изощренный, что большинство сочли бы его нереалистичным. Но реалистичность и реальность – не одно и то же.

Фабиан был убежден в том, что Оссиан Кремп ни при каких обстоятельствах не был способен спланировать и осуществить похищение и сокрытие Адама Фишера. Еще меньше – убийство Карла-Эрика Гримоса. Но зато он являлся идеальным ложным следом.

И только теперь, когда Кремп больше не заслонял горизонт, а следствие официально было закончено, Фабиан мог начать работать по-настоящему и искать подлинного преступника.

Он нашел свободное место рядом с гостиницей «Риваль» на площади Мариаторгет и быстрым шагом направился к магазину «7-Eleven» на углу. С тех пор как стемнело, прошло несколько часов, и он понятия не имел, всходило ли солнце вообще. Ему никогда не нравились стокгольмские зимы, и он считал, что с каждым годом становится все хуже. Он словно постоянно находился в темноте с ноября до конца февраля, и, проходя мимо газетных афиш, уже разгласивших последние новости, еще раз пообещал самому себе больше никогда не переезжать на север дальше, чем на метр.

КАННИБАЛ МЕРТВ ПРЫГНУЛ С ЧЕТВЕРТОГО ЭТАЖА

По-хорошему Фабиану надо было остаться на работе и спокойно просмотреть весь собранный материал с самого начала, чтобы постараться увидеть все снимки, зацепки и идеи в новом свете. Остальные взяли отгулы, даже Эдельман вышел из здания полиции сразу же после пресс-конференции. Это означало, что его надо оставить в покое. Наверняка лампы на письменных столах погашены, двери закрыты, а воздух не колеблется от отдаленных разговоров, сигналов мобильных и гудящих принтеров.

Только в этом полном одиночестве он мог бы совершенно успокоиться и додумать одну мысль до конца.

Но не вышло.

Фабиан до такой степени потерял доверие Сони, что она даже не удосужилась ответить ему, когда он позвонил, чтобы сказать, что едет домой. Поэтому, пользуясь случаем, он купил два двойных кофе латте и плетенку с миндалем. Ничто так не улучшало настроения Сони, как плетенка с миндалем из «7-Eleven».

Сам он предпочитал торт «Принцесса». Но он клятвенно обещал себе уменьшить калории и подавил желание заглянуть в кондитерскую на углу улицы Сведенборгсгатан. Он не был толстым. Отнюдь нет. Сколько он себя

помнил, он весил семьдесят четыре килограмма. Но за последние два года заметил явные изменения, и теперь весил семьдесят шесть, а скоро будет семьдесят семь. В таком темпе он к пенсии дойдет до ста.

Возвращаясь к машине, Фабиан попробовал связаться с Малин, но та не отвечала. Тогда он снова попытался позвонить ей домой.

– Привет, Фабиан. – Нудный голос Андерса Ренберга нельзя было спутать ни с чем.

Фабиан несколько раз встречался с мужем Малин, но толком никогда с ним не говорил. Нельзя сказать, что он не предпринимал попыток. Он всегда подходил к Андерсу на ужинах и других мероприятиях, куда приглашались вторые половины, пытаясь найти общий знаменатель. Но после каждого слова у него оставалось плохое послевкусие. Натужные темы для разговора отпадали одна за другой, и он допускал оплошности, о чем горько сожалел на следующий день. Как во время новоселья в Эншеде, когда он болтал о том, что Андерсу совсем не надо беспокоиться, потому что Малин все равно не в его вкусе.

С тех пор они не разговаривали. Зато, похоже, Андерс и Соня понравились друг другу и нашли сколько угодно тем. Интересно каких, подумал он тогда. В такси по дороге домой он чуть было не задал Соне этот вопрос, но сдержался и попросил водителя сделать громче радио, где как раз передавали *Forbidden Colours*^[9] Дэвида Силвиана.

– Я только хотел узнать, как Малин, – он попытался говорить как можно более нейтральным тоном.

– Ну, она, пожалуй, чувствует себя так, как должна, учитывая место ее работы.

Фабиан решил ничего не отвечать и промолчал.

– Что-то еще?

– Да. Могу я с ней недолго поговорить?

– Послушай, думаю, что нет. Ее токсикоз настолько серьезен и так далеко зашел, что она должна лежать и лечиться до самых родов. Если станет совсем плохо, им придется устраивать искусственные роды, хотя осталось еще целых два месяца.

– Ой. Я понятия не имел, что все так серьезно.

– Да? По словам врача, у нее должны были быть явные признаки того, что она нехорошо себя чувствует, и если бы не такая нагрузка на работе, дело не зашло бы так далеко.

– Андерс, мне действительно жаль, и я понимаю, что ты взволнован. Но...

– Фабиан, ей нужен покой. Так что ты не звони и не приходи ее

навещать. Тебе просто надо как можно дальше держаться от нее, хорошо?

– О'кей, но ты можешь передать ей от меня привет? – спросил Фабиан, но разговор уже прервался.

Придя домой, он обнаружил Теодора в его комнате перед компьютером. Матильда сидела на диване и смотрела «Короля Льва» с такой громкостью, что Тимона и песню Пумбы «Хакуна-матата» наверняка слышала вся улица.

– Привет, Матильда. А мамы нет дома? – спросил он. Не получив ответа, он взял пульт и сделал тише.

– Нет, перестань! Теперь я не слышу, что они...

– Матильда, я задал вопрос. Ты не знаешь, где... – Фабиан прервал самого себя, увидев девушку, которая стояла на балконе и курила, прижав мобильный к уху. Он открыл балконную дверь и сразу же заметил, что она надела его тапочки и что ей уже удалось наполнить угол в ящике с цветами окурками. – Ты, наверное, Ребекка.

Девушка обернулась.

– Послушай, я должна заканчивать, – она закрыла мобильный, засунула его в слишком тесные джинсы и протянула руку для приветствия. – Привет.

– Я думал, что моя жена дома, но...

– Нет, ей пришлось работать. Она говорила о каком-то вернисаже между Рождеством и Новым годом. – Ребекка затушила окурочек и сразу же взяла пачку, чтобы достать новую сигарету. – Хочешь?

– Нет, и я был бы благодарен, если бы ты что-то делала, а не стояла и курила здесь все время. Полагаю, моя жена тебе платит.

– Это не у меня нет времени, чтобы заботиться о собственных детях.

– Да, тут ты совершенно права. И, кстати, теперь ты можешь идти.

– Значит, так: Соня обещала заплатить мне еще и за целую ночь, поскольку она не знала, когда ты появишься.

– Об этом не беспокойся. Я заплачу тебе за целую ночь, только уходи, – сказал Фабиан и весь напрягся, чтобы силой не вытащить ее с балкона.

Став на тысячу крон беднее, он достал пачку отрывных листков для заметок и начал писать.

«Дорогая Соня.

Понимаю, что у тебя стресс. Но все время от времени нужен перерыв.

Фабиан».

Он прилепил листок к подогретой в микроволновке кружке с латте, поставил ее в бумажный пакет и туда же положил миндальную полоску и диск CD, на который записал композицию Принца I Would Die 4 U^[10] девятнадцать раз подряд. Каждая запись за каждый совместный год. Под эту мелодию они танцевали в день знакомства, и с тех пор она стала «их песней».

Фабиан помнил все, будто это было вчера. Как ему удалось одолжить у кого-то членский билет в «Лидо» – ночной клуб, расположенный в здании бывшего порнокинотеатра на улице Хорнсгатан, членами которого главным образом были писатели, музыканты и артисты.

Попав внутрь, он все время нервничал: а вдруг кто-то обнаружит, что он не пишет и не играет в группе, или, самое худшее, что он из провинции Сконе. Поэтому он ни с кем не разговаривал, а только болтался у танцпола с пивом в руке. Наконец, через несколько часов признавшись самому себе, что здесь не очень-то весело, пошел в гардероб за своей курткой.

Но стоило ему взять куртку, как диджей поставил эту композицию и навсегда изменил его жизнь. Фабиан вернулся и первый раз осмелился выйти на танцпол. А ведь он никогда не танцевал. Ему никогда не удавалось сделать хотя бы шаг в такт музыке. Но это не играло никакой роли, потому что она вдруг просто оказалась там. Может быть, она была там все время. А может быть, только что возникла из лучей света. Он не знал и, не думая, протиснулся вперед и стал с ней танцевать.

По Сониной версии, она увидела его первая, но это ничего не меняло. Фабиан пришел в свою гавань и до сих пор помнит, как опьянел от счастья в тот момент, когда она взяла его за руку.

Две минуты и пятьдесят девять секунд.

Больше не потребовалось, чтобы оба поняли.

Что они нужны друг другу.

И тут песня закончилась.

Вопрос в том, сколько времени им нужно теперь, думал Фабиан, спускаясь по лестнице к ожидавшему внизу такси, которое должно было взять у него пакет и отвезти в мастерскую Сони в Старом городе.

Дуня Хоугор очнулась от сна без сновидений, словно ее включили и вставили в розетку. Сначала она подумала, что кто-то пытается задушить ее, прижав полиэтилен к лицу. Как бы глубоко она ни дышала, к ней не поступал воздух, пока ей не удалось повернуть голову набок.

Потом она вообразила, что находится дома в своей кровати, просто случайно накрылась с головой одеялом. Но хотя был разгар зимы и Карстен заменил лимонные жалюзи на темно-коричневые, в спальне никогда не было настолько темно. К тому же все вокруг нее тряслось и качалось из стороны в сторону.

Она находилась в машине, это совершенно ясно. Но как она туда попала и почему лежит в позе зародыша, не имея ни малейшей возможности пошевелиться? Что произошло? Дуня попыталась вспомнить, но у нее ничего не вышло. Словно последние дни, или это были часы, по-прежнему оставались чистым листом, который ждет, что его заполнят воспоминания и впечатления.

Но когда они стали проступать и, как разбрасыватель навоза, пачкать все вокруг, она сразу же захотела вернуться обратно в неопределенность и спасительное забвение. Но теперь было слишком поздно. Воспоминания о расследовании в отношении изнасилованных женщин, замученных до смерти, навсегда отпечатались в ней и никогда ее не покинут. Ровно как и то, что она увидела в заброшенном производственном здании перед тем, как все почернело.

Она попыталась выпрямить ноющее тело, но было слишком тесно. Одна нога по-прежнему болела после ушиба, а другая упиралась во что-то твердое. К тому же шуршало и давило со всех сторон и концов, словно из нее хотели выдавить весь воздух.

Дуня поборола желание сдаться и попыталась собраться с силами, чтобы перевернуться на спину, вытянуть обе руки и как можно дальше отодвинуть от себя то, что шуршало прямо над ее лицом. Через пять минут ей удалось получить доступ к воздуху, и она наконец смогла сделать несколько полноценных вдохов.

Кстати... Фонарик. Она достала его из кармана джинсов и нажала на маленькую кнопку на конце ручки. Свет был таким слабым, что казалось, в любой момент может погаснуть, но в то же время достаточным, чтобы убедиться: как она и подозревала, шуршали черные мешки для мусора.

Она взяла карманный фонарь в рот и, проткнув указательным пальцем пластиковый мешок прямо над ней, проделала в нем достаточно большую дырку.

Сначала из мешка закапало.

А потом полилось.

Прямо на лицо.

Ей в ноздри ударило едкое зловоние, как от химического оружия. Она громко кричала те немногие секунды, пока вязкая жидкость стекала прямо в ее открытый рот. Потом замолчала и отвернула лицо, одновременно почувствовав, как машина затормозила и сделала резкий поворот.

Металлический вкус свидетельствовал о том, что это кровь. Но жуткий запах подсказывал, что кровь смешана с трупной жидкостью. У Дуни начались позывы на рвоту, и она попыталась сделать так, чтобы ее вырвало, но из нее вышло только несколько комков слизи, которые она сумела выплюнуть. Все это напомнило ей операцию по удалению гланд, которую она перенесла подростком, когда одна из ран в горле никак не заживала. Через несколько дней ее вырвало таким количеством свернутой крови, скопившейся в желудке, что ее пришлось отвезти на скорой в неотложную помощь, где ей прижгли глотку паяльником.

До этого момента это было самым худшим в ее жизни.

Дуня попыталась успокоиться, хотя чувствовала, как вязкая жидкость течет по горлу и затекает под блузу над левой грудью. Чтобы не впасть в панику, надо попытаться думать о чем-то другом. Например, первое, что она сделает, когда вернется домой, – примет прекрасную горячую ванну и попросит Карстена пойти купить пиццу в «Pizza Mira», хотя он считает это слишком вредным. Но ей хочется именно этого. Номер пятнадцать с помидорами, сыром, луком, шпинатом, картофелем и брынзой, а сверху – луковый соус.

Если она когда-нибудь попадет домой.

Когда на нее стекли последние капли, она посветила в дырку фонариком и встретила с уставившимся на нее мертвым взглядом. Но ни взгляд, ни широко открытый рот ее не удивили. Только она рассчитывала увидеть Катю Сков, а увидела Аксея Ноймана.

Так вот где он лежит – расчлененный в мешке. Точно как Катя Сков, с которой она, вероятно, делит пространство. Но ее преступник по какой-то причине пощадил. Или у него просто не было времени и он направлялся куда-то, где мог спокойно продолжить свою работу? Нет, постой-ка... вот они остановились. Послышалось, как глушат двигатель, и сразу же после этого дверца машины хлопнула и закрылась. Она представила себе, как

открывают крышку багажника и ее вытаскивают оттуда. Как он оставил ее напоследок и выдумал что-то совершенно особенное, чтобы получить как можно больше удовольствия от ее смерти.

Дуня сделала новую попытку вытянуть ноги, одновременно слыша, как что-то тащат по крыше машины. Но они словно лишились возможности двигаться. Тогда она начала отодвигать один из лежавших под ней мешков, в котором, как она догадывалась, находились две ноги. После этого она смогла вытянуть руки за головой и стала обшаривать пол за мешками. В конце концов дотронулась до шершавой стены, поверхность которой напоминала рогожку. Она ощупывала руками прорезь посередине, пока не нашла то, что искала. Оно было в форме петли, и когда Дуня потянула ее, раздался щелчок и стена исчезла.

Теперь она наконец смогла отползти от мешков и через отверстие перебраться на заднее сиденье машины. Она по-прежнему не могла пошевелить ногами, хотя чувствительность вернулась. Словно кто-то облил их газированной водой. Она подтянулась к правой задней дверце и попыталась ее открыть. Это единственный шанс выбраться из машины, пока преступник не вернулся. Прочь отсюда. Но как бы она ни тянула и ни рвала ручку, дверь не открывалась. Незаметно для себя она поддалась отчаянию и больше не могла сдерживаться: она кричала и била по оконному стеклу, пока не истратила всю энергию, после чего сникла и зарыдала.

И только когда она успокоилась и вновь открыла глаза, заметила рукоятку, торчащую на полу под пассажирским сиденьем совсем рядом с ней.

Топор. Орудие убийства, которое Кьель Рихтер и его люди так и не нашли.

Зная, что ей не следует этого делать и что Рихтер, возможно, будет вне себя, Дуня подняла его обеими руками и ударила им по стеклу, собрав все свои силы. Топор отскочил обратно, словно прокрученный задом наперед фильм. Она ударила снова. И снова. Через десять ударов она увидела трещину, а еще через десять стекло разбилось. Она провела лезвием по краям, чтобы убрать последние осколки, вылезла через отверстие и почувствовала, что дотронулась головой до какой-то покрывки, а потом упала вниз на твердый холодный пол.

Прочь, повторяла она про себя. Где бы она ни находилась, отсюда надо выбраться. Как можно быстрее, пока он не вернулся за ней.

Дуня выползла из-под покрывки и сощурилась от обилия света. Ноги ее по-прежнему не слушались, и она волочилась по шероховатому полу,

который царапал ей кожу на предплечьях. Под ней – большая белая стрелка, а над ней – сотни ламп дневного света, освещающие бесконечно длинные ряды машин. Людей видно не было. Он действительно просто оставил ее?

Кровь наконец стала приливать к ногам, и она собралась с силами и осторожно встала на здоровую ногу. Нога дрожала от напряжения, и вскоре сама Дуня задрожала всем телом. Без своего зимнего пальто она замерзла. Может быть, оно осталось в машине. А может, и нет. Неважно. Ничто не заставит ее повернуть назад.

Хромая, она пробралась через несколько автомобилей и попала в другой ряд, а потом в еще один. И, в конце концов, увидела вывеску, которую надеялась найти. Стеклянные двери бесшумно раздвинулись, и помещение по другую сторону показалось на несколько градусов теплее. Может быть, там даже была плюсовая температура. Винтовая лестница вела вверх и вниз, но Дуня добралась до нескольких лифтов и нажала на кнопку.

Почти сразу же подал сигнал самый дальний лифт, и хотя она постаралась добраться до него как можно быстрее, ее и без того ноющее тело чуть было не зажало дверьми. В кабине она нажала на зеленую кнопку, и пока ждала, куда поедет лифт – вверх или вниз, обернулась к зеркалу. Но увидев себя, ничего не поняла.

Совершенно ничего.

– Что мы тогда будем делать? – спросила Матильда, которая все еще дулась из-за того, что он выключил «Короля Льва».

– Для начала пойдем купим вкусной еды и приготовим хороший ужин. – Фабиан обернулся к Теодору, который, вопреки обыкновению, согласился оторваться от компьютера и выйти из своей комнаты.

– А мы купим конфеты? Пожалуйста... – заныла Матильда.

Фабиан вспомнил о запрете на конфеты, который Соня ввела в конце лета, когда стала беспокоиться за вес Матильды. Сам он никогда не разделял беспокойства жены, и в любом случае лишние летние килограммы уже исчезли.

– Хорошо, – в конце концов сказал он. – Только ничего не говори маме.

– И рождественский напиток, он уже кончился!

– Конечно. И можем взять какой-нибудь фильм, который мы еще не смотрели сотни раз. Хорошо?

– Да! – закричала Матильда и захлопала в ладоши.

– А ты, Тео? Что скажешь?

Теодор пожал плечами и посмотрел четко мимо Фабиана.

– Конечно, звучит неплохо. Но я не могу.

– Это почему, позволь спросить?

– У меня другие планы.

– Вот как, какие планы?

Теодор опять пожал плечами.

– Ничего особенного. Пойду встречусь с ребятами.

– А с какими ребятами? – Фабиан чувствовал себя как старая пластинка, которую заело.

– Ты их не знаешь.

– А что вы с ребятами будете делать? – спросила Матильда и скрестила руки.

– Матильда, тебе не надо играть в полицейского. Это я родитель. Не...

– Я просто спросила.

– Пойми! Это не твое собачье дело! О'кей?

– Нет, мое, – отозвался Фабиан. – И если у вас нет других планов, кроме как болтаться по городу, почему бы вам не побыть здесь, не поесть чипсы и не посмотреть с нами фильм?

Теодор закатил глаза и встал со стула.

– Вы ни черта не понимаете.
– Послушай! У нас дома так не выражаются.
– Ты хочешь сказать, когда вы с мамкой не ссоритесь. – Теодор показал им спину и скрылся в своей комнате.

Он нанес прямой правый удар и проиграл, и самое худшее, что сын прав. Хотя они оба прекрасно осознавали, что ссориться при детях – настоящий смертный грех, они с Соней не только делали это, но и к тому же использовали грубые ругательства.

– Мило, – сказала Матильда и улыбнулась натянутой улыбкой, одновременно забарабанив пальцами по столу.

Было ли это иронией или просто дочь пыталась таким образом обозначить границы, Фабиан не знал. Но вдруг он оказался в комнате Теодора, весь пылая от злости.

– Что ты себе позволяешь – ходить по дому и кидаться на людей. Могу только сказать, что так не пойдет. Будь я на твоём месте, я бы сразу с этим покончил. Понятно?

– Как скажешь... – сказал Теодор по-английски, уже усевшись перед компьютером.

– Нет, совсем не *как скажешь!* – Фабиан подошел и вырвал контакт из компьютера, который сразу же погас.

– Какого черта ты это делаешь? Ты же не можешь просто...

– Могу, представь себе, могу! Я купил его, и я плачу за электричество!

– Ты, черт возьми, совсем с...

– А теперь выслушай меня! Тебе всего тринадцать лет, и как бы ни было тяжело, решаем мы с мамой. И так будет еще целых пять лет. И именно сейчас я решаю, что сегодня вечером ты остаешься дома! Ясно?

– Забудь... – сказал Теодор и потянулся за шнуром.

– Что забыть? Ты знаешь, что ты можешь забыть? Что? Ты это знаешь? Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! – Теперь Фабиан до того разозлился, что его всего трясло.

Теодор вздохнул и посмотрел ему в глаза.

– Ты можешь забыть о том, что будешь сидеть перед компьютером! С этого момента ты выходишь из дома вместе со мной и Матильдой и стараешься, чтобы мы приятно провели вечер!

– У меня для этого слишком короткая жизнь. Решай, что хочешь. А я сейчас ухожу. – Теодор встал со стула.

– Никуда ты не пойдешь! – закричал Фабиан и вжал его обратно в стул.

– Ты совсем больной на голову!

– Что ты сказал, кто я?

– Я сказал, что ты... – Больше он не успел.

Пощечина возникла словно из ниоткуда и поразила Теодора в той же степени, что и самого Фабиана. Он никогда не бил детей и даже представить себе не мог, что способен на нечто подобное. Но сейчас он перешел черту, и, как ни старайся, дело уже сделано.

Теодор схватился за щеку и посмотрел в пол. Никто из них несколько минут ничего не говорил. Фабиан пытался, но не мог ничего придумать, чтобы хоть как-то исправить ошибку.

В детстве он мог по-настоящему разозлиться. Но он не мог припомнить себя таким во взрослом состоянии. До этого момента. Эту слепую ярость, если она проснулась, остановить невозможно. Неужели он действительно находится под таким прессом? После еще нескольких минут молчания он сел перед сыном на корточки.

– Тео, прости... Прости... Я просто страшно рассердился. Я не оправдываюсь, но... Я действительно поступил глупо. Во всех отношениях это непростительно.

– Все в порядке... – сказал Теодор, пристально глядя в пол.

– Нет, совсем не в порядке. За мой поступок меня можно наказать, так что если хочешь, можешь заявить об этом в полицию.

– Перестань. Я же сказал, все в порядке.

– Послушай... Давай начнем этот вечер сначала.

– О'кей, – сказал Теодор и кивнул. – Наверное, я останусь дома.

– Как здорово! – Фабиан уцепился за слабую надежду, что вечер, может быть, не до конца потерян.

Теодор поднял голову и посмотрел ему в глаза.

– А теперь прошу тебя уйти из моей комнаты.

– Конечно. Разумеется, – Фабиан встал, неловко потрепал Теодора по голове и вышел.

Бенни Виллумсен сошел с поезда уже на центральном вокзале в Копенгагене, хотя мог проехать еще две остановки до Норрепорта. Но он решил пересесть на электричку. А все из-за сидевшей напротив женщины, которая листала «Экстра Бладет». Она села в аэропорту Каструп и в любой момент может понять, что именно его лицо украшает обложку.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ – ТЕПЕРЬ ИЩУТ В ШВЕЦИИ

Снимок под заголовком был сделан во время процесса, и он вспомнил, как пытался изобразить максимально любезную и невинную улыбку.

К сожалению, и в электричке было полно людей, которые листали «Берлингске Тиденде», «Политикен» и бесплатную газету «Урбан».

ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕТ СЛЕДОВ КАТИ СКОВ ШВЕДСКАЯ ПОЛИЦИЯ ОПАСАЕТСЯ ХУДШЕГО

«Они ни черта не знают, – подумал он, сходя на станции Вестерпорт. – Они думали, что знают, хотя на самом деле понятия не имеют». Он прижал шляпу обеими руками, чтобы ее не сорвал ветер, после чего поспешил вверх по лестнице и дальше по улице Кампманнсгаде. Затем спрыгнул на лед и стал по диагонали переходить озеро Святого Йоргена.

На самом деле удивляться тут нечему. То, что полиция уже установила его личность и объявила его в розыск, не больше сенсация, чем опоздание поезда, на который он сел в Мальме. Из-за сходства с его собственными «упражнениями» недалек тот час, когда он попадет на самую верхнюю строчку в списке подозреваемых. Гораздо более удивительно то, что он все еще в живых.

После того, как из него выжали последние соки, Виллумсен был полностью уверен, что все кончено и пришел его последний час. Он даже почти чувствовал себя готовым. В каком-то смысле это более чем справедливо. Один только оргазм стоил того, чтобы умереть. Но смерть оказалась не чем иным, как сном, и когда он снова очнулся на обеденном столе, скотч, которым он был привязан, исчез. Тем временем полиция всю штурмовала его дверь, отчего он проснулся.

Он как будто знал, что так будет. Повинуясь первобытному инстинкту, спрыгнул со стола и, не обращая внимания на смешанные со снегом

порывы ветра, голым выбрался на балкон, перелез через ограждение и перескочил на балкон этажом ниже. К счастью, балконная дверь в квартире соседа была не заперта, и, не разбудив спящего мужчину, он сумел натянуть на себя пару кальсон, носки, брюки с подтяжками и старую пожелтевшую рубашку.

В прихожей с тарелками на стенах он нашел ботинки, верхнюю одежду и шляпу и смог пробраться через лестничную площадку и вниз по лестнице в поток полицейских в форме и в гражданской одежде, которые попросили его уйти с дороги.

Что он с тех пор и делал. Первые сутки он находился в постоянном движении, чтобы не привлекать внимания. Но в незапертой «Макси 95», которая стояла на своем месте на причале в Лимхамне, он смог наконец притормозить и расслабиться.

И где-то там, между сном и явью, до него дошло, как все взаимосвязано. Разительное сходство между событиями в Тибберупе и его маленькими шалостями на улице Фортуна Странд в Рюдебекке два года тому назад. Почему он до сих пор в живых? Что все-таки означает эротический сеанс у него дома?

В ту же секунду он понял, что у него нет шанса. Что у этой истории только один финал. А ведь он так старался не оставлять следов и никогда не повторяться. Несмотря ни на что, сумел благополучно пережить процесс.

Но теперь ему конец.

Его объявили в розыск, и, судя по всему, далеко за пределами Швеции и Дании. Иными словами, не имело значения, как долго ему удастся скрываться. Это только вопрос времени. Рано или поздно эта датская полицейская, которая, согласно газетам, охотится за ним, предоставит такие неоспоримые технические доказательства, что ему вынесут пожизненный приговор, и никакой защитник в мире не сможет не принять их во внимание. А он совсем не готов оказаться за решеткой. У него еще так много идей, которые он не успел опробовать.

В состоянии смятения к нему пришла одна мысль. Эта мысль быстро превратилась в навязчивую идею. Конфетка, которая останется в его памяти достаточно долго, чтобы подсластить предстоящие годы заключения. Идея была до того проста, что он не мог сдержать смех, пробираясь по льду последние метры. Вместо того чтобы бегать и прятаться, надо сначала попытаться найти ее.

Он взобрался на парапет набережной, пересек улицу Росенэрнс Алле и пошел дальше мимо Вифлеемской церкви. Последний раз он был в районе

Норребро несколько лет назад, но по ощущениям как будто вчера, и он без проблем нашел дорогу к дому 4 на улице Блогордсгаде.

Уже через полчаса просмотра фильма «Гарри Поттер и Принц-полукровка» Фабиан потерял нить и стал прилагать все больше усилий, чтобы не закрыть глаза. Еще один матч квиддича, и он заснет навеки. Сам бы он выбрал для просмотра «Мальчишник в Вегасе». Малин считала, что это один из самых веселых фильмов, которые в последние годы шли в кино. Она советовала ему сходить на «Мальчишник» с Теодором. Но Матильда была непреклонна и настаивала на «Гарри Поттере», хотя летом уже два раза видела его в кино.

Но они хорошо провели время, успев попеть в караоке и сыграть партию в «Монополию», которую Матильда выиграла всего за полтора часа – ей повезло, и она быстро построила гостиницы в центре и на площади Норрмальсторг.

Соня пока молчала, хотя он послал пакет с кофе и плетенкой еще несколько часов назад. Он не хотел на этом заикливаться, но все равно не мог справиться с раздражением, которое одолевало его все больше по мере того, как день клонился к вечеру. Конечно, у них обоих слишком много дел. Но он, по крайней мере, пытался показать, что ему не все равно. А Соня даже не сочла нужным послать короткое СМС в знак благодарности.

- Пойду помою посуду, – сказал он, вставая с дивана.
- Поставить на паузу? – Матильда потянулась за пультом.
- Нет, не надо. Смотри.

По дороге на кухню Фабиан остановился у закрытой двери в комнату Теодора и хотел было постучать, но сдержался. Он не мог сделать больше того, что уже сделал. Он может сколько угодно извиняться и сожалеть. Но это ничего не изменит. Следующий шаг придется делать Теодору, но за весь вечер тот переступил порог своей комнаты, только когда вышел поесть. И если Фабиан его хорошо знает, есть риск, что так будет продолжаться долго.

Эту черту сын унаследовал от своей матери. Никто другой не способен так эффективно использовать тишину в качестве оружия, чтобы причинить боль, как Соня. Мучительная тишина, которая здорово отравляла его существование все эти годы и часто заставляла взять на себя вину после ссоры и просить прощения, даже если он считал, что это она вела себя неправильно.

Один раз он отплатил ей той же монетой, отказался признать себя

виноватым и использовал ее методы. Во время двухнедельной поездки на автомобиле по Франции и Италии они не сказали друг другу ни слова, кроме самого необходимого. Через несколько дней их настроением заразились дети, которые стали беспокойными и начали ссориться. По молчаливому соглашению они разделились, и каждый взял по ребенку, как только представился случай. До сих пор это было самое плохое, что ему пришлось пережить, хотя он не мог вспомнить, из-за чего вышла ссора.

Вздыхнув, Фабиан попытался выкинуть воспоминание из головы и взял мобильный, чтобы проверить, нет ли у него пропущенных СМС или звонков. Потом пошел на кухню, где включил стерео. Зазвучал альбом «Broken Social Scene»^[11], и он стал накрывать на стол к ужину. Вот уже полгода он не мог поставить никакой другой диск, поскольку на стерео сломался механизм открытия дисководов. К счастью, альбом был таким многогранным, что он еще не успел от него устать.

В разгар композиции *Hotel* завибрировал мобильный. Наконец-то, подумал он и нажал на сообщение. Степень разочарования поразила даже его самого, когда он понял, что это совсем не от Сони.

«Только что вышла из ванны. Через час буду готова. Как ты? Увидимся в гостинице “Людмар”... Н».

Точно, он же обещал Ниве пригласить ее сегодня вечером в бар. Он совершенно об этом забыл. Или вытеснил это из памяти. Он написал ответ, где объяснил, что, к сожалению, вынужден все отменить, поскольку сидит дома с детьми.

«Как жаль. А я хотела сделать тебе маленький подарок. Я знаю, что он тебе понравится».

Через два с половиной часа Теодор по-прежнему сидел, запершись, в своей комнате, Матильда спала в своей постели, а Соня все так же не подавала никаких признаков жизни.

А Фабиан сидел в такси и ехал в «Людмар».

Сначала Дуня Хоугор решила, что это не она. Что-то кто-то другой стоит, вперив в нее взгляд. Этот кто-то проник в ее квартиру, порылся в ее гардеробе и надел на себя ее одежду. Ее черные джинсы и светло-бежевую блузку, которая вообще-то была чересчур нарядной, но которую она все равно решила надеть на встречу со своими коллегами по другую сторону пролива.

Теперь блузка была порвана и заляпана кровью.

То же самое с джинсами и волосами, которые сбились в толстые липкие космы.

Но больше всего ее поразило лицо.

Хотя спустя несколько секунд она смогла убедить себя, что здесь нет никакой другой женщины, лицо вызывало у нее сомнение. Одно дело кровь и какие-то другие засохшие выделения. Хуже было со ссадиной на лбу, не говоря уже о синяках и припухлостях.

Что бы Бенни Виллумсен с ней ни делал, во всяком случае, он не проявлял осторожности.

Двери лифта открылись. Дуня оторвала взгляд от зеркала и, хромая, вышла в ночь. Ледяной ветер продул ее насквозь. Мимо проезжал поток такси, но она даже не попыталась кого-то остановить. Она так выглядела, что сама бы себя не посадила в машину.

Пройдя тридцать метров по обледеневшему и очень узкому тротуару, явно не предназначенному для ходьбы, она услышала оглушительный грохот. Подняв глаза к беззвездной тьме и увидев огни идущих на посадку самолетов, поняла, что находится совсем рядом с аэропортом Каструп.

Он что, собирается улететь из страны? Поэтому он поставил машину именно здесь, думала она, садясь в поезд метро, работающий без машиниста, и игнорируя испуганные взгляды других пассажиров. Но он в розыске и, если только не изменил внешность и не достал фальшивый паспорт, никогда не пройдет контроль безопасности.

На станции «Норрепорт» Дуня оставила попытки понять происходящее и вышла из вагона. Мысль, что она скоро будет дома, придавала ей достаточно энергии, чтобы побороть боль в ноге и быстро пройти весь путь по улице Фредериксборггаде и дальше по мосту Королевы Луизы. Подойдя к подъезду, она нажала на кнопку рядом с маленькой светящейся табличкой с ее именем и именем Карстена. Но

ничего не услышала: ни щелчков домофона, ни жужжания замка.

В каком-то смысле это типично для Карстена. Если он никого не ждал, то никогда не утруждал себя, не выходил в холл и не поднимал трубку домофона. *Или это вор, или разносчик рекламы*, постоянно объяснял он. Но ведь это мог быть человек, на которого напал серийный убийца и отнял у него ключи и мобильный телефон, и который теперь замерзает.

Дуня сделала новую попытку и подержала кнопку гораздо дольше, чем имело смысл, хотя знала, что Карстена не прошибешь. Скорее, она давала ему еще один аргумент в пользу того, почему ему не надо вставать. *Зачем впускать того, кто уже испортил мне настроение?* Но разве он не должен понять, что это она? Ведь ее не было дома как минимум сутки, и он наверняка спрашивал себя, где она. Она вышла на улицу и посмотрела на окна квартиры. Свет не горел. Значит, его нет дома? Тем более странно.

Она снова подошла к двери и стала яростно звонить всем соседям подряд. Вскоре она смогла войти в тепло, но не сумела им насладиться. Тут что-то не так. Не зажигая света на лестнице, поднялась на третий этаж. Поправила горшок с пальмой юкка, который так косо стоял на подставке, что мог перевернуться. Зато дверь оказалась незапертой, что еще больше сбило Дуню с толку. Она вошла и осторожно закрыла за собой дверь.

Помимо глухих ударов композиции Мадонны из соседней квартиры, было тихо. Значит, Карстена нет дома. И тем не менее, квартира была не заперта. Она прошла дальше, не включая света, и стала пробираться в спальню, ощупывая стены руками.

Кровать была застелена покрывалом так туго, как только мог сделать Карстен. В обычных случаях это ее раздражало, поскольку он всегда жаловался на то, как стелет она. По его мнению, она вообще этого не делала. Но в этот раз застеленная им кровать ее успокоила. В каком-то смысле это означало его присутствие. Может быть, все же есть естественное объяснение.

Она прошла на кухню и там нашла это объяснение в виде написанной от руки записки:

«Привет, дорогая, пытался связаться с тобой. Не хочу опаздывать на самолет. Увидимся во вторник вечером. Карстен».

Точно. Он должен был поехать в Стокгольм на семинар, она совершенно забыла. И он, конечно, не мог понять, куда она делась, и пытался связаться с ней, пока чуть было не опоздал на самолет. Дуня

вздыхала от собственной забывчивости, пока зажигала верхний свет и мыла руки и лицо теплой водой. Она должна принять ванну. Но сначала ей надо что-нибудь съесть, иначе она упадет в обморок.

К сожалению, кухню Карстен тоже убрал на свой лад. Иными словами, все на своих местах, а мойка сияет так, что в нее можно смотреться, как в зеркало. Ваза под фрукты стоит в сушке, а хлебница пуста. По привычке он выкинул все скоропортящиеся продукты, поскольку не знал, когда она вернется домой. То же самое в холодильнике, в котором были только банка с апельсиновым мармеладом, консервы из сельди, которые они купили несколько лет назад, когда ездили в Мальме, и тубик с икрой Kalles kaviar из ИКЕА, на покупке которого настоял Карстен, хотя ни разу не притронулся к икре.

Тогда она выудила несколько яблок из мусорного ведра и отмыла их от кофейной гущи и другого мусора. Каждый кусочек словно таял во рту, и она почувствовала, как тело буквально впитывает энергию из сладкого сока задолго до того, как он попадает в желудок.

Дуня вернулась в холл, нажала на выключатель и открыла дверь ванной комнаты. Но лампа в ванной так и не зажглась. Она протянула руку в дверной проем, наощупь нашла выключатель и несколько раз нажала на него, но ничего не произошло. Тогда она зажгла свечи-колонны, стоящие в ряд на внутреннем краю ванны, и начала наполнять ее водой.

Она сняла одежду, свалила ее в кучу на полу, села на унитаз и пописала, разглядывая свою поврежденную ногу, жутко распухшую. После этого опустилась в ванну, от которой шел пар. От горячей воды кожу покалывало, словно она получила ожоги первой степени. Но это была прекрасная боль. Дуня отклонилась назад, чтобы поскорее согреться и оттаять.

Дуня закрыла глаза и стала было дремать, как возникшая из ниоткуда мысль заставила ее сесть. Почему ей раньше не пришло это в голову? Ведь не только Карстен – никто, кроме нее самой, не знал, где она и что случилось. Она вылезла из воды, обернув вокруг себя полотенце и роняя капли, и поспешила через холл к маленькому придиванному столику в гостиной, где на базе стоял телефон.

В окнах дома напротив Дуня увидела молодую пару, которая сидела за столом с друзьями. Это могли быть они с Карстеном. Двумя окнами ниже играли в карты, а рядом у кого-то была вечеринка, на которой приглашенные пили разноцветные напитки. Все спокойны и не испытывают волнения по поводу того, что происходит в большом темном мире вне их маленького мирка.

Пока их самих не настигнет.

Она взяла телефон и набрала номер справочной службы. Сначала надо связаться с Утесом. Потом придется позвонить Слейзнеру и проследить, чтобы он направил Рихтера в гараж рядом с аэропортом. Карстену она позвонит в последнюю очередь. Они могут говорить, пока она будет мыться.

Но гудка почему-то не было. Дуня несколько раз нажала на зеленую кнопку на телефоне, но на линии ничего не происходило. Они говорили о том, что надо отказаться от стационарного телефона и полностью перейти на мобильные, но еще не решили окончательно, и к тому же именно Карстен был против.

Ей стало все ясно, когда она провела рукой по шнуру, идущему от базы, и поняла, что он перерезан.

В такси по дороге на остров Бласиехольмен Фабиан не раз передумывал. Проезжая Старый город, он даже попросил водителя развернуться и поехать к Соне в мастерскую. А когда наконец вошел в ресторан гостиницы и увидел Ниву, ждущую его на одном из барных стульев, заглянул в туалет, ополоснул лицо и спросил самого себя, чем он, черт возьми, занимается.

Прежде чем выйти из туалета, проверил мобильный последний раз и убедился, что Соня так и не нарушила молчание. Он решил дать ей последний шанс и позвонил. Если она ответит, он сразу же уйдет отсюда и на первом же такси отправится домой. По большому счету она может сказать что угодно, только бы взяла трубку.

Послышались гудки, и Фабиан представил себе, как жена достает мобильный, видит, что это он, и кладет телефон в сторону.

«Вы дозвонились до Сони Риск. К сожалению, сейчас я не могу ответить на звонок».

«Привет, это я, – услышал он свой голос. В это время в туалет вошли двое громко смеющихся мужчин и встали у писсуаров. – Я просто хотел узнать, как у тебя дела, и понравилась ли тебе плетенка. И подумал, что тебе, может быть, надо отдохнуть от кистей, и у тебя есть желание выпить. Мы можем увидеться в баре «Мортен Тронциг», это недалеко от твоей мастерской. Чмоки-чмоки...» Он закончил разговор и сразу пожалел. Опять ему надо ползать на коленях, хотя ему нечего стыдиться.

Нива все еще сидела за барной стойкой в глубине ресторана и зубочисткой вылавливала оливку из стакана с сухим мартини, трогая свой мобильный. Она всегда хорошо выглядела. Что-то было в этой высокой худой женщине с короткой, почти мальчишеской стрижкой, что заставляло большинство мужчин в коридорах полиции поворачивать головы ей вслед, а всех женщин-коллег отворачиваться от нее.

Сейчас она выглядела еще лучше – насколько это вообще возможно. На губах у нее была темно-красная помада, а на шее висело серебряное ожерелье с цветными камнями, которое гармонировало с ее браслетом. Из-под узкого короткого платья почти целиком были видны ее скрещенные ноги. Она начала тренироваться. Ее плечи и руки были гораздо более очерченными, чем помнил Фабиан, а осанка – почти что идеальной.

В кармане зажужжал мобильный. Он достал его и прочитал:

«Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе...»

Он еще раз прочел сообщение, но по-прежнему ничего не понял. Номер отправителя был анонимным.

– Один «Хендрикс» с тоником.

Фабиан оторвал глаза от мобильного и увидел, что перед ним стоит официант и держит на подносе большой полный бокал.

– Заказала вон та дама, – официант протянул напиток и кивнул в сторону Нивы, которая помахала в ответ.

Фабиан сделал глубокий вдох и подошел к ней.

– А я уже начала думать, что ты не придешь.

– Я тоже, – сказал Фабиан и сел на стул рядом. – Кто может отказаться от обещанного подарка?

Нива ответила улыбкой.

– Сначала выпьем, – она подняла бокал, не спуская с него глаз. – За способность не поддаваться сомнению.

Фабиан тоже поднял бокал и выпил. Он, безусловно, попробовал один из лучших напитков в своей жизни. Большая часть газа осталась, и пузырьки поднялись на несколько сантиметров над поверхностью, распространяя мягкий огуречный запах, пока идеальное соотношение между джином и тоником стекало по его горлу. Напиток был так хорош, что ему пришлось сделать еще один глоток, и только потом он поставил запотевший бокал на мраморную столешницу.

– Ну, как идет расследование? – Нива отложила свой мобильный.

– Я думаю, ты знаешь, что преступник схвачен и мертв.

– Иными словами, следствие окончено.

Фабиан хотел было сказать, что он на самом деле думает, но решил кивнуть.

– Нива... – Он встретился с ней взглядом. – Честно говоря, я не знаю, что я здесь делаю. Помимо этого обещанного подарка.

Нива рассмеялась и улыбнулась.

– А ты не изменился. Так и не научился лгать. Ты прекрасно знаешь, почему ты здесь. Поэтому так боишься.

– Боюсь? Чего мне бояться?

– Не спрашивай меня, – она пожала плечами. – Это не я прячусь в туалете или прошу водителя такси развернуться.

Фабиан не знал, что ему сказать. Как она смогла это узнать? Но не успел он спросить, как она наклонилась вперед и поцеловала его. На самом деле он не хотел этого, или, наоборот, хотел. И все же нет. Как бы то ни было, он не мог противостоять легкому дыханию на своей щеке. Мягкие

губы и напряженный язык, по-прежнему со вкусом джина и вермута.

Тепло чьего-то чужого тела.

Фабиан не мог вспомнить, когда они с Соней последний раз находились так близко друг от друга. Не говоря уже о том, когда они целовались. Он выбросил из головы мысль уйти отсюда. Пусть решает тело, а оно, несомненно, захочет, чтобы эта игра языками длилась как можно дольше. Перейти грань, где он, как бы он того ни хотел, больше не сможет сказать «нет».

Он положил свою ладонь на ее ногу и почувствовал, как от тепла, которое струилось по ладони, его кровь потекла быстрее, и в нем проснулось то, что слишком долго спало. Какой же нежной была ее ляжка, к которой он прикоснулся. Словно его ласкала ее обнаженная кожа.

Он продолжал вести руку вверх и заметил, как ее дыхание стало глубже, и, чтобы подчеркнуть очевидное, она немного раздвинула ноги.

Он стал ей подыгрывать и запустил ладонь ей под платье.

– Мы можем снять здесь номер, – прошептал он ей на ухо. – Если есть свободные номера. – Слова будто прозвучали сами собой, и он ничего не мог сделать.

– Они есть, – Нива допила свой напиток и кивнула бармену, чтобы он приготовил новый. – Но сначала ты должен ответить.

Фабиан не понимал, о чем она говорит, пока она не помахала своим мобильным.

– Кто знает, может быть, это важно.

– Кто знает, может быть, я уже лег и крепко сплю.

– Может быть. – Она вытащила его вибрирующий мобильник из внутреннего кармана его пиджака и посмотрела на экран с загадочной улыбкой.

– Кто это? – он потянулся за своим телефоном.

– Разве ты не лег? – она высоко подняла мобильный, чтобы он не мог до него дотянуться, и отдала ему телефон, только когда тот замолчал, после чего попробовала новый сухой мартини, который только что подал бармен.

Пропущенный звонок был от Малин Ренберг, которая, вероятно, услышала новость о самоубийстве Кремпа. Значит, она, во всяком случае, чувствует себя достаточно хорошо, чтобы смотреть телевизор, хотя лежит на сохранении в Южной больнице.

– Пойдем, – сказала Нива и положила руку ему на ширинку.

Фабиан отложил мобильный, вернулся к поцелую и позволил ее руке продолжать. Но он не мог отделаться от чувства, что ему надо позвонить Малин и рассказать о своих подозрениях относительно невиновности

Кремпа, хотя он обещал ее мужу держаться подальше.

И когда мобильный снова завибрировал, он сразу же взял телефон и ответил.

– Привет, я только что увидел, что ты звонила, и как раз...

– Ты о чем? Я не звонила. – К удивлению Фабиана, в трубке он услышал не голос Малин, а голос Сони, и представил себе, как выполняет смертельно опасную петлю прямо на автотрассе и может надеяться лишь на то, что выживет.

– Извини, я только что заснул, и, наверное, мне приснился сон.

Нива закатила глаза и сосредоточилась на напитке.

– Ой, я не хотела тебя будить. Я услышала твое сообщение только сейчас и хотела поблагодарить за кофе и плетенку.

– Не за что. Надеюсь, было вкусно.

– Превосходно. И как раз то, что мне было нужно, потому что с этого момента я много чего сделала.

– Как хорошо. – Фабиан обменялся взглядом с Нивой. – Но послушай... Тогда не буду тебе мешать...

– Ничего страшного. Мне все равно надо сделать перерыв. Как насчет твоего маленького предложения. Оно еще в силе?

– Было бы очень приятно. Но я не знаю. – Он лихорадочно соображал, как ему продолжить. – Я надеялся, что Матильда будет спать, но она несколько раз просыпалась и вела себя, как бы это сказать, беспокойно... – Он посмотрел на Ниву, которая закрыла рот рукой и демонстративно изобразила зевок.

– Из-за чего?

– Из-за нас. Она беспокоится, что мы разведемся. Похоже, сейчас она только об этом и думает.

– Ты хочешь, чтобы я пришла домой?

– Нет, все в порядке. Ты работай, я обо всем позабочусь.

– Я думала об этом. Мы должны перестать ссориться при детях.

– Мы вообще должны перестать ссориться.

Было слышно, как жена вздохнула на другом конце провода.

– Я могу с ней поговорить?

– Э... Извини?

– С Матильдой. Я могу с ней поговорить?

– Любимая... она наконец заснула.

– О'кей, но... Позвони, если она проснется.

– Конечно. – Он посмотрел на Ниву, которая постучала по своим наручным часам и развела руками. – Послушай, будем надеяться, что

вдохновение тебя не покинет. Увидимся, когда ты придешь домой. – Фабиан закончил разговор и отпил большой глоток напитка. Но напиток уже совсем выдохся – как и сам Фабиан.

Нива посмотрела ему в глаза. Он хотел объясниться и попытался облечь в слова свои смятенные чувства, но она опередила его:

– Фабиан, все в порядке. Я могу подождать.

– Подождать чего?

Нива расплылась в улыбке и провела рукой по волосам.

– Нива, если ты думаешь, что будешь...

Она зашикала и приложила палец к его губам.

– Ты по-прежнему большой идеалист. Это красиво, даже немного умильно. Но больше всего это наивно. Хотя это не играет никакой роли. Ты сдержал свое обещание и пригласил меня в бар, а теперь я собираюсь сдержать свое.

Фабиан не понял, о чем она говорит.

– Ты же поэтому пришел, разве нет? Ты что, забыл? Я обещала тебе подарок, и ты найдешь его в своем мобильном. – Она сползла с барного стула, провела средним пальцем между ног и дотронулась им до его губ. – И не звони, пока не будешь готов.

От осознания случившегося Дуню прошибло холодным потом. Ноги подкашивались, хотя тело было напряжено до крайности. Желудок взбунтовался, и она почувствовала, как кусочки яблока, которое она только что съела, поднимаются к горлу. Ей хотелось только убежать и спрятаться под одеялом.

Без сомнения, кто-то был здесь и перерезал телефонный шнур. Теперь понятно, почему не заперта входная дверь. Точно, пальма юкка на лестнице и запасной ключ, лежавший под горшком. Но кто? И зачем? Если за ней охотится Бенни Виллумсен, у него же был шанс в Чевлинге.

Она вспомнила, что в ванной не горел свет, и душевую занавеску. Она заметила это, но не придавала этому значения. Она думала только о том, чтобы погрузиться в воду, от которой шел пар. Занавеска была полностью задернута. Само по себе ничего примечательного, но Карстен всегда говорил ей, что надо задергивать только наполовину после того, как примешь душ, чтобы высушить кафель и не развести плесень.

Дуня положила телефон на диван и завернулась в полотенце. Она старалась ставить ноги лишь туда, где точно знала, что разошедшийся старый деревянный пол не трещит. С магнитной доски на кухне сняла кухонный топор, пошла обратно в коридор и встала у ванной.

Дуня не знала, что делать. Может быть, ей надо выйти из квартиры, позвонить в дверь соседям и одолжить у них телефон. Но на ней совсем не было одежды. Подумав, она поняла, что не слышит никаких звуков, кроме тех, которые издает сама. Если в квартире находится тот, кто за ней охотится, в его распоряжении было полчаса с тех пор, как она пришла домой. Нет, кто бы это ни был, он уже давно далеко.

Она вошла в ванную комнату, дошла до задернутой занавески и почувствовала, как пульс выбрасывает адреналин в кровь. Держа наготове кухонный топор в одной руке, глубоко вдохнула и другой рукой отдернула занавеску.

В душевой никого не было. За исключением ее бритвы, лежавшей на полу, все выглядело, как всегда. Она наклонилась и подняла бритву, вспоминая, когда последний раз меняла лезвие. Бритва снова упала на пол вместе с топором, который опустился в нескольких миллиметрах от большого пальца на ее левой ноге. Одновременно вокруг ее шеи затянулась проволока, полностью перекрыв доступ кислорода.

В каком-то смысле она ничуть не удивилась. Дуня уже представляла себе эту ситуацию, прокручивала ее в голове и изучила во всех мыслимых ракурсах. Может быть, она только не рассчитывала, что это случится именно сейчас. В принципе она уже достаточно побывала в угрожающих жизни ситуациях, чтобы хватило на годы вперед. В тот момент, когда она подала свои документы в Высшую школу полиции, она поняла, что, если станет полицейским, когда-нибудь попадет в настоящую передрягу. Тогда она думала о том, как будет реагировать. Что промелькнет в ее мозгу, и что она будет ощущать.

Но сейчас все даже приблизительно было не так, как она себе представляла. Странно, но она не боялась и не нервничала и, хотя была всего лишь на волосок от смерти, вообще о ней не думала. Она в принципе совсем не удивилась, что кто-то находится в ее доме. Она по-прежнему понятия не имела, кто это, и, если честно, ее это не волновало. Во всяком случае, в данный момент. Теперь она могла думать только об одном: выжить.

Любой ценой она должна сделать все, чтобы выжить.

Дуня сама выпустила кухонный топор. Решение пришло мгновенно. Иначе она бы никогда не успела просунуть два пальца правой и левой руки между шеей и проволокой. Теперь она, по крайней мере, выиграла несколько дополнительных секунд и не дала проволоке впиться себе в шею. Но дышать было по-прежнему нечем.

Что-то дернуло, и она упала навзничь. Но не ударилась о кафельный пол. Ее потащили назад на проволоке. Она попыталась посмотреть, как выглядит злоумышленник, но не успела. Ее потянули вверх, а потом снова вниз.

Вниз под еще теплую воду.

Теперь ее сердце билось громче. Оно с нарастающим отчаянием и без всякой пользы гоняло по кругу бедную кислородом кровь. Сквозь воду Дуня видела темную размытую тень – его голову, до которой не могла дотянуться, сколько ни брыкалась. Другое дело свечи, которые падали вниз и гасли одна за другой.

Долго она не выдержит. Если скоро не глотнет воздуха, все будет кончено. Боль в груди уже ослабевала вместе с отчаянными попытками легких вдохнуть кислород, а ее ноги отказывались подчиняться импульсам мозга и, вздрагивая, опускались вниз в воду.

Тело словно сдалось и стало отмирать.

Одна функция организма за другой.

Снизу вверх.

Скоро руки тоже перестанут действовать.

Решение убрать пальцы было таким же инстинктивным, как и выпустить топор. Проволока впиалась ей в шею. Но если она не сделает попытки, скоро все потеряет значение. Она схватила одну из мерцающих свечей и подняла ее к темной тени. У нее кончились силы, и по всем правилам логики она должна была выронить свечу, но не выронила.

Дуня увидела, как пламя наконец осветило тень и разгорелось. Стало светлее, и проволока на шее ослабла. Она смогла подняться. На поверхность. К огню, который теперь осветил всю ванную комнату.

Она набрала в легкие воздуха, откашлялась и сделала еще несколько быстрых вдохов. В ту же секунду до нее дошло, что горит Бенни Виллумсен. Она ничего не поняла, но как можно быстрее выбралась из ванной и выползла в коридор, прочь от его крика.

Ей надо выйти из квартиры. Так или иначе она должна выбраться отсюда. Но ворота безопасности были заперты. Ворота, которые стоили больше десяти тысяч крон и, по мнению Карстена, были важнее, чем отдых на Родосе, куда бы она с удовольствием поехала.

Из коридора она видела, как Виллумсен наклонился над ванной, засунув голову в воду. По-хорошему надо бы прокрасться туда, взять кухонный топор, все еще лежащий в душе, и ударить его по спине со всей силы, на которую она только способна. Но она не могла пошевелиться. Она все еще была как парализованная из-за нехватки кислорода. Или, может быть, потому, что не могла понять, почему он здесь.

Дуня никак не отреагировала даже тогда, когда он, повернувшись к ней, встал во весь рост и осторожно потрогал обожженный скальп. И лишь когда он быстро сделал шаг в сторону душа, наклонился и схватил топором, она сбросила с себя оцепенение. Затем вытащила ключ из замка ванной, захлопнула дверь и заперла ее снаружи прямо перед тем, как в нее вошел кухонный топор, словно она была сделана из папье-маше. Дуня выскочила в гостиную и стала зажигать и гасить свет.

Зажгла, погасила. Зажгла, погасила.

Снова и снова, чтобы ее увидел кто-нибудь из дома напротив.

Из холла было слышно, как дверь ванной ломают топором.

Зажгла, погасила. Зажгла, погасила.

Наконец-то на нее обратила внимание пара, принимавшая гостей. Дуня махала руками и жестикулировала, чтобы дать им понять, что происходит, но они ответили только смехом и аплодисментами. Одновременно из холла послышался сильный грохот – это поддалась дверь в ванной. Понятия не имея, к чему это приведет, Дуня опрокинула большой напольный горшок с

денежным деревом, способным месяцами жить без воды и света, и настезь распахнула окно прямо над ним.

Холодный воздух сразу же наполнил комнату, и ее голое тело покрылось мурашками. Дуня схватила телефон с дивана и бросилась в спальню, оставив дверь открытой и закрывшись в гардеробной.

В темноте среди одежды она как можно выше подняла здоровую ногу и засунула ее в одно из отделений подвесной калошницы, висевшей с внутренней стороны двери. К ее удивлению калошница выдержала, и вскоре Дуня забралась наверх и заползла под кучу старых недовязанных вещей, которые никогда не будут закончены, и забытой одежды в дырках от моли.

Было слышно, как Виллумсен вышел в гостиную. Оставалось только надеяться, что перевернутый горшок и распахнутое окно достаточно надолго отвлекут его внимание. Дуня нажала на зеленую кнопку телефона и прижала его к уху, уповая на чудо. Тишина тянулась бесконечно долго, но наконец раздался долгожданный звук. Спасательный трос в виде гудка, прорывающегося сквозь треск и помехи. Но гудок был, и, как она надеялась, у соседей сверху телефонная база по-прежнему стояла в спальне.

Она набрала первый из двух номеров, которые знала наизусть, но ей было достаточно услышать «Ты...», чтобы мысленно проговорить скороговоркой остальное: «...дозвонился до Карстена Ремера. К сожалению, я не могу сейчас ответить на твой звонок». Ясно, что он где-нибудь на ужине или что-то в этом роде. А что она ждала? В обычных случаях она не придавала значения, если он не отвечал. Но в этот раз ей хотелось только плакать, когда она нашептывала сообщение о том, что он должен связаться с ее коллегами и попросить их как можно быстрее ворваться в их квартиру.

Дуня помнила наизусть второй номер, потому что он был очень простым. Этот номер принадлежал Яну Хеску, тут уж ничего не поделаешь. Она набрала его, слыша, как Виллумсен идет в спальню.

– Хеск слушает.

– Привет, Ян, это я, – прошептала она как можно тише.

– Что? Алле?

– Ян, это я. Дуня. Я не могу говорить громче...

– Дуня, это ты?

– Да, но сейчас ты должен меня выслушать. Мне нужна твоя помощь, – сказала она, услышав звук кухонного топора, которым проводят по стене совсем рядом с ней.

- Чтобы ты знала. Чертовски плохо слышно.
- Ян, ты должен мне помочь.
- Что? Я не слышу. Страшный шум.
- Ян, мне срочно нужна твоя помощь.
- Помощь? Тебе нужна помощь?
- Бенни Виллумсен сейчас у меня дома...
- Алле? Ты пропадаешь. Ты меня слышишь?
- Да, я здесь.
- Тогда могу только сказать, что тебе следовало об этом подумать прежде, чем втыкать нож мне в спину.
- Нет, Ян, подожди...

Больше она ничего не сумела сказать, поскольку в ухе щелкнуло. Она нажала на зеленую кнопку, чтобы перезвонить, но не успела, поскольку дверь распахнулась. Задержав дыхание, попыталась заставить сердце не так громко биться. Было неясно, видел ли он ее или слышал. Но она отчетливо слышала его медленные вдохи и чувствовала едкий запах горелых волос. Тянулись секунды, пока он наконец не закрыл дверь и она смогла выдохнуть.

Если бы в ее руке внезапно не зазвонил телефон. Три роковых сигнала, потом ей удалось его выключить. Но хватило двух сигналов – дверь опять распахнулась.

– Я так и подозревал, – услышала она его голос, пытаясь не попасть в его руки, которые обшаривали полку, как две ядовитые змеиные головки. Но это оказалось невозможно, и скоро они схватили ее за нижнюю часть правой голени.

Ноги всегда были ее сильной стороной. Всю жизнь она в любую погоду ездила на велосипеде, а в школе всегда бегала почти быстрее всех в классе. Но теперь ее пинки были такими же бессмысленными, как крики о помощи, когда он стащил ее с полки и перекинул через плечо, как только что подстреленного зверя, которого скоро разорвут и ошкурят. Она протянула руку, чтобы за что-то схватиться, но нашла только какую-то одежду и начатое вязание.

Дуня попыталась вырваться, ударить его и укусить в спину, но он держал ее словно в тисках, причем безо всяких усилий. Только сейчас она поняла, что он тоже голый, и, судя по мускулам, которые играли под кожей на его спине и ляжках, когда он шел к окну и задергивал шторы, шансов у нее не было. Он мог сделать с ней все что угодно.

– Я не хотел тебя долго мучить, – сказал он и пошел к кровати.

Дуня никогда никого не убивала. Для нее это был самый последний

выход, если вообще считать это выходом. Сколько она себя помнила, она всегда была убеждена, что есть другой путь. Путь, где оружие и насилие заменяются диалогом.

Но теперь она знала лучше.

Не доходя до кровати, Бенни Виллумсен пошатнулся и уронил кухонный топор на пол, словно терял равновесие. Он сделал поползновение идти вперед, но остановился в шаге, пытаясь не упасть.

И только тогда он заметил острие, торчащее прямо из левой груди. Он понятия не имел, что это, но ему, вероятно, проткнули оба легких и сердце, которое все еще качало кровь. Он четко это ощущал. Острие вошло обратно в грудь, и из дырки полилась кровь, толчками стекая на его тренированный живот.

Дуня не знала, попала ли она куда надо, и поэтому вертела спицу, стараясь повредить как можно больше внутренностей. Он по-прежнему стоял на ногах, но ничего не говорил. Было неясно, понял ли он вообще, что произошло. И только когда она со всей силы воткнула еще одну спицу между ребер с другой стороны позвоночника и проткнула правое легкое, он медленно осел на пол. Словно лошадь, которая легла умирать.

– Почему? – она посмотрела ему в глаза. – Почему ты не взял меня в Чевлинге, когда у тебя был шанс?

Ответа не последовало.

Но вопрос в его взгляде, пока он не потух, сказал более чем достаточно.

Это был не он.

– Седерледен^[12] или Шеппсбрун? – водитель такси искал его взгляд в зеркале заднего обзора.

– Шеппсбрун, – ответил Фабиан с заднего сиденья, глядя на мобильный. Где-то в нем находился так называемый подарок Нивы. Больше она ничего не захотела сказать.

– Говорю на всякий случай: так будет дольше.

– Я не спешу, – отозвался Фабиан, не отводя глаз от экрана телефона.

– Значит, ты не из тех, кто выбирает маршрут из принципа. Я вообще-то могу согласиться с тем, что этот безобразный туннель надо зарыть. Если некуда девать деньги, так сказать. Хочешь верь, хочешь нет, но я участвовал в демонстрации против третьей полосы. Хотя это было до того, как я начал водить. Теперь, когда сам целыми днями сидишь за рулем, ясно видишь, как политики буквально утопили инфраструктуру Стокгольма в дерьме. Согласен?

Фабиан не ответил, но попросил водителя сделать громче радио, которое по иронии как раз передавало Fake Empire^[13] группы The National именно тогда, когда они проезжали мимо королевского дворца. Водитель замолчал и усилил звук, и баритон Мэтта Бернингера заполнил салон. Фабиан оторвал глаза от мобильного и увидел несколько темных силуэтов – какие-то парни бросились в проулок, словно речь шла о жизни и смерти, и скрылись там.

Он стал думать о Теодоре. Может быть, потому, что они были одеты в куртки-бомберы и худи. Весь последний год сын до посинения клянчил у них такую одежду. В конечном итоге он сам скопил деньги, пока Фабиан и Соня договорились сказать «нет», мотивируя это тем, что это хулиганская одежда и, какой бы она ни была красивой, провоцирует драку.

Стокгольм стал жестким городом. Соня начала все чаще затрагивать эту тему, беспокоясь о том, подходит ли он для того, чтобы здесь росли их дети. Конечно, стало хуже, если сравнивать с концом восьмидесятых, когда он сам сюда переехал. В то время самой большой угрозой были скинхеды. Но если знать, где они обычно собирались, тебе ничего не грозило, ну разве что иногда приходилось идти в обход. Сегодня опасность подстерегает повсюду, и если они ничего не предпримут, велик риск, что Теодор попадет именно в такую компанию всего лишь через несколько лет.

Он окинул взглядом замерзшую воду и посмотрел в сторону «Аф

Чапмана» – освещенного судна, стоящего на якоре у острова Шеппсхольмен, возможно, одного из лучших в мире хостелов по своему расположению. Поравнявшись с круговой развязкой на Слюссене сразу же после того, как зазвучали барабаны в Fake Empire, водитель сделал тише и опять попытался встретиться с ним взглядом в зеркале заднего обзора.

– Я видел, что ты смотрел на судно у Шеппсхольмена. Не все стокгольмцы в курсе, что «Аф Чапман» – это хостел. Знаешь, на носу там находятся душевые кабины, и ты можешь стоять в чем мать родила и мыться с видом на королевский дворец. Неплохо, правда? А ты что скажешь?

Фабиан не слышал ни слова из того, что говорил водитель. Он только что нашел то, что искал. В виде ссылки в письме, случайно попавшем в спам из-за того, что отправитель был неизвестен. «Я ошибся...» – было написано в графе «тема».

Он нажал на ссылку, и в его наушниках зазвучали голоса.

– *Это я. У тебя есть время?* – Фабиан сразу же узнал голос Хермана Эдельмана.

– *Вообще-то нет. Я буду участвовать в депутатских дебатах всего лишь через несколько часов и не успел подготовиться. Я могу перезвонить тебе после обеда?* – Второй голос принадлежал Карлу-Эрику Гримосу, и только теперь до Фабиана дошло, что собой представляет подарок Нивы.

– *Лучше не надо.* – Послышался нервный вздох. – *Калле, это ради тебя.*

– *Я знаю, но...*

– *Это быстро, и чем больше ты будешь знать о том, что происходит, тем лучше ты сможешь с этим справиться.*

– *Дай мне только закрыть дверь.*

Как Фабиан и подозревал, Радиотехнический центр вооруженных сил занимался прослушкой мобильного телефона министра юстиции, и каким-то образом Ниве удалось найти разговор, который он вел с Херманом Эдельманом за несколько часов до того, как его убили.

– *Только не говори, что речь снова идет об этой проклятой утечке.*

– *Мне жаль, но это так.*

– *Значит, им все еще не удалось ее заткнуть.*

– *Да, но...*

– *Я так и знал. Именно из-за этого я и волновался. Я так и чувствовал. Мне никогда не надо было соглашаться и...*

– *Но, Калле, послушай меня...*

– *Я, черт возьми, только и делал, что слушал! Честно говоря, я думал,*

мы с этим покончили.

– Я тоже так думал. Но проблема не исчезнет, если ты просто сунешь голову в песок.

– Нет, но я не понимаю, как это вообще может стать моей проблемой. Это Гидон Хасс нарушил регламент, и поэтому проблему должен решать он.

– Можно так считать. Но если ему не удастся, это в конечном итоге попадет к тебе, хочешь ты этого или нет.

Гримос демонстративно вздохнул.

– Насколько я понимаю, многое говорит о том, что это кто-то свой, у кого был доступ и к ключам, и к кодам. Проблема в том, что им не удалось никого найти без...

– Подожди. Что значит «свой»? Ты хочешь сказать, что кто-то из их сотрудников...

– Калле, я понятия не имею. Я только знаю, что сейчас они вплотную изучают это дело.

– О'кей, я им позвоню.

– А вот это ты сделаешь в самую последнюю очередь. Пусть они этим занимаются. Я просто хотел, чтобы ты был в курсе. И если ты еще не поставил в известность начальника штаба, то сделай это, чтобы она могла разработать план того, как поступать в случае утечки.

– Поступать? Ты хочешь сказать, уйти в отставку, пока не будет вовлечена вся партия. Хотя вряд ли и это поможет.

– Давай не будем забегать так далеко вперед. Все еще есть шанс...

– Херман, ты, как и я, так же хорошо знаешь, что рано или поздно это будет красоваться на каждой газетной афише. И когда это произойдет, все, что я сделал для этой страны, полетит к черту. Печально, но факт. Мне надо заканчивать.

– Я позвоню, если выяснится что-то еще.

– Хорошо. Да, кстати... Спасибо тебе.

– Не за что.

Разговор прекратился, звуковой файл закончился. Фабиан снял наушники и попытался понять, о чем они говорили. Произошла утечка, это ясно. Что-то выставляло Гримоса в таком свете, что могло свалить не только его, но и все правительство. И буквально через минуту после этого разговора он позвонил в израильское посольство. Это то, что Эдельман советовал ему не делать?

Десять лет назад у самого Эдельмана были тесные контакты с посольством, больше Фабиан ничего не знал. Особенно первые годы после

смерти жены, когда он всерьез обдумывал переезд в Израиль. Утечка исходила от израильского посольства? Они могут иметь отношение к убийству, совершенному спустя несколько часов? И кто такой Гидон Хасс? Фабиан ничего не понимал, кроме того, что Херман Эдельман, его собственный начальник, явно знал гораздо больше, чем хотел создать видимость.

– Вот мы и приехали, – сказал водитель и затормозил на улице Фатбургсгатан у его подъезда.

Фабиан потянулся за бумажником, но сдержался и взглянул на квартиру и темные окна. Он должен чувствовать усталость и одно лишь желание доползти до кровати и закрыть глаза. Последние двое суток казались целой неделей. К тому же он выпил. Но не играет никакой роли. Водитель ошибся.

Они вовсе не приехали.

Софи Леандер ни на секунду не сомневалась, что ее пришли спасать, хотя уже давно смирилась с тем, что шансы выжить равны нулю. Она была уверена, что ее нашла полиция, и вопреки всему в вечном ожидании был смысл, и поэтому в ней поддерживали жизнь.

Но она ошиблась. Чудовищно ошиблась.

Полиция нашла не ее. Может, это вообще была не полиция. Софи больно прикусила себе губу, чтобы остановить мысли, которые непрерывно крутились в ее голове в попытках понять. Но она понимала только то, что ее последняя надежда выжить рухнула. Наивная вера, которую она на самом деле не решалась воспринимать всерьез. Вера в то, что, может быть, не все еще кончилось. В то, что когда-нибудь она еще почувствует тепло солнечных лучей на лице. Идеально выверенный вкус по-настоящему хорошей чашки кофе. Защищенность в крепких объятиях своего мужа.

Теперь она знала лучше.

Это знание причиняло ей нестерпимую боль. Словно ее мягким тканям нанесли большую, глубокую рану, которая только начала заживать, как ее опять вскрыли. И хотя Софи все время прекрасно знала, чем все кончится, в глубине души она не могла перестать верить и надеяться. Она всегда была верующей, но только сейчас по-настоящему поняла, почему религия имеет такое распространение. Почему никогда не получится лишить ее людей. Какие бы сильные аргументы ни приводились, как бы это ни противоречило логике, верующий человек никогда не откажется от своих убеждений. Боль просто-напросто была слишком сильной.

Софи бросало из одной крайности в другую – от веры в прекрасное будущее, где все в конечном итоге образуется, до стремления стать ничем, сгнить и угостить червей сытным ужином. Обе альтернативы прельщали. Может быть, в основном из-за того, что самое худшее происходит сейчас.

Необходимо что-то предпринять. К чему это приведет, не так важно. Так больше продолжаться не может. Но что она может сделать? Она слышала о людях, способных поднимать машины ради спасения своих детей, в первую очередь о женщинах, у которых от отчаяния в кровь поступало столько адреналина, что у них появлялись практически суперсилы. Но у нее не было ни ребенка, ни машины, которая могла задавить его насмерть. У нее было только отчаяние, но, с другой стороны, этого отчаяния было хоть отбавляй.

Она услышала, как заработал зонд, – в нем должно быть достаточно напора, чтобы выдавить сладковатую жижу, которая вскоре заполнит рот и затем попадет в горло. Заставит ее и дальше лежать привязанной и находиться в аду между жизнью и смертью.

Она попыталась отвернуть лицо, но шланг последовал за ней, продолжая наполнять рот. Не имея ни малейшего представления о том, к чему это приведет, и не обращая внимания на боль, которую причиняли ей ремни, она уперлась всем телом, пытаясь повернуться сначала в одну сторону, а потом в другую. Тем временем жижа проникала все глубже, вызывая у нее рвотный рефлекс.

И тут она что-то почувствовала. Может быть, речь шла о каком-то миллиметре, сказать было невозможно. Но это было определенно что-то новое, что взбодрило ее, и она продолжала напрягать каждый мускул то влево, то вправо. Теперь она была уверена. Стол двигался, и чтобы придать себе сил, она сделала несколько глотков кашицы, пытаясь раскачать стол.

Раздался треск, который становился все сильнее в такт ее движениям, и Софи решила не прекращать, пока звук не стихнет. Она начала считать каждое движение и досчитала до трехсот восьмидесяти четырех, когда треск внезапно прекратился, через секунду сменившись сильным грохотом.

Она не сразу осмелилась открыть глаза, а открыв, поняла, что лежит на полу рядом с перевернутым столом. Часть ремней, наверное, ослабла, поскольку теперь она смогла высвободить одну руку и спокойно пошевелить ею. И если повезет, она дотянется до скальпеля, который упал на пол в каком-то метре от нее.

Фабиан не сразу понял значимость подслушанного разговора между Гримосом и Эдельманом. Организм словно включил защитный механизм, чтобы держать шок на расстоянии. Когда шок наконец взял свое, Фабиану пришлось попросить водителя остановиться. Он вышел из машины и несколько раз глубоко вдохнул морозный ночной воздух. Его обуревали чувства. С одной стороны, он не мог поверить в то, что только что услышал, а с другой – представлял, как бросается на своего старого наставника, валит его на землю и надевает на него наручники за спиной.

Он ехал домой к Херману Эдельману в квартиру на улице Каптенсгатан с намерением сразу же предъявить ему подслушанный разговор. Словно у него в подсознании теплилась надежда, что есть простое объяснение и он сможет отправиться домой и лечь спать, убежденный в том, что все разрешится и нормализуется.

Но никакого такого объяснения не существовало, сейчас он это понимал. Во всяком случае, кроме того, что Эдельман знал гораздо больше, чем делал вид, и так или иначе был причастен к смерти министра юстиции. В конечном итоге ему придется прижать начальника к стене и потребовать у него ответа. Но не теперь. Он все еще слишком мало знал, а для получения настоящих ответов надо задавать настоящие вопросы.

Поэтому он попросил водителя проехать мимо подъезда Эдельмана на улицу Артиллеригатан и отвезти его в здание полиции на острове Кунгсхольмен. Там он приложил свой пропуск, ввел код и направился по ночному темному коридору в их с Малин комнату.

Фабиан хотел просмотреть материалы расследования еще раз. Подвергнуть сомнению и взглянуть на дело с разных сторон новыми глазами. Он был убежден в том, что где-то среди всех снимков, записей и странных совпадений кроется разгадка.

Но, к сожалению, все материалы исчезли. Доска, стена, письменные столы и груды папок на полу. Все зияло пустотой. Словно кто-то побывал здесь и провел генеральную уборку с целью выставить офисное помещение на торги на сайте «Hemnet» за самую высокую цену. Следствие официально было закончено. Но не прошло и семи часов с того момента, как Кремп лишил себя жизни, и даже если никакого процесса не будет, прежде чем подготовить материалы к сдаче в архив, надо зафиксировать и рассортировать технические доказательства, написать отчеты и провести

совещания.

На всякий случай он вошел в компьютер и задал поиск в архиве, но и там ничего не было. Кто за этим стоит, сказать было невозможно. «Это мог быть кто угодно, начиная с Полиции безопасности и кончая самим Эдельманом, или совсем посторонний человек», – подумал Фабиан и опустил на свой рабочий стул. Этот кто-то, как и он сам, прекрасно осознает, что преступник по-прежнему находится на свободе.

Не имея четкого представления о том, как двигаться дальше, он решил поехать домой и поспать несколько часов. Но когда он выключал компьютер, ему на глаза попала одна из двух фарфоровых кукол, которые они нашли в квартире, поставленной на ремонт. Она сидела на полке Малин рядом с кипой папок и двумя пачками печенья Mariekex. Он не помнил, кто принес сюда куклу. В любом случае в результате она должна оказаться у Хиллеви Стуббс. Если это одна из тех кукол. Или просто похожая.

Фабиан взял куклу и стал рассматривать ее кудрявые волосы, вышитое платье и шляпу под цвет и моментально вспомнил свою собственную куклу. Но он не успел углубиться в воспоминания, поскольку понял, что у нее какие-то странные глаза. Один глаз чем-то отличался от другого. Присмотревшись, он увидел, что коричневый зрачок вовсе не зрачок, а на самом деле дырка.

Все больше волнуясь, он стал пристально разглядывать. Шляпа, лицо, до неприятного похожее на человеческое, твердые руки и ноги и юбка, закрепленная на спине липучкой.

Сначала он ничего не понял, но когда до него дошло, его прошиб пот, и он весь заледенел. Как и живот Карла-Эрика Гримоса, спина куклы была испорчена, и в маленьком отверстии лежала белая прямоугольная пластмассовая коробочка с рядом мигающих диодов. Внизу рядом с маленькой кнопкой было написано «Anbash», и с одной стороны через шею к голове шел кабель. Фабиан никогда не видел ничего подобного, но сразу же понял, что это не что иное, как работающая на батарейках камера, которая каким-то образом имеет выход в мобильную сеть.

Значит, преступник наблюдал за квартирой под ремонт, в которой находился обернутый в полиэтилен стол, а последние дни и за их офисом. Этот человек был в курсе всех их соображений и идей и точно знал, на какой стадии расследования они находятся. Не только Малин, Томас и Ярмо, но и он сам.

В данный конкретный момент.

У Дуни Хоугор по-прежнему болело все тело, и, наверное, она выглядела как жертва дорожной аварии. Она не знала точно, поскольку сознательно избегала зеркала всю первую половину дня. Ее квартиру захватили Кьель Рихтер и его команда, и поэтому ночь она провела в гостинице «Нора» за углом на улице Норреброгаде. Слейзнер обещал оплатить счет, и ей предложили помощь психолога из Службы помощи жертвам преступлений. Но она отказалась. Пока она вообще не могла воспринять события последней ночи и, возможно, все еще пребывала в шоке.

Как бы то ни было, Дуня решила остаться в гостинице как можно дольше и по возможности насладиться тем, что сегодня воскресенье. Но почти сразу после того, как она, в конце концов, встала с постели, приняла ванну и заказала завтрак в номер, ею овладело беспокойство. И спустя всего лишь час она, хромя, вышла из лифта и поковыляла дальше в отдел, где, судя по голосам, в самом разгаре было совещание.

Дуня понимала, что вообще-то не должна быть здесь в связи с ночными событиями, но все равно не могла не думать, что это некоторая наглость. Это ее следствие. Это она вышла на все следы и сделала все выводы. Теперь все оказалось ошибочным, но тем не менее. Они как минимум могли спросить, хочет ли она участвовать.

Дверь в совещательную комнату была открыта, и оттуда слышались отдельные смешки. Сложное расследование завершилось, и опасный преступник обезврежен. Она отчетливо слышала, что царило оживление. «Они приписывают себе всю славу», – подумала она, перед тем как постучать в открытую дверь.

Смех стих, и все повернулись к ней.

– Дуня? Что ты здесь делаешь? – Слейзнер встал и пошел ей навстречу.

– Вопрос в том, что вы здесь делаете? – Она подняла руку в знак предупреждения. – Я думала, что следствие веду я.

– Да, но оно закончено. Благодаря тебе, и теперь речь идет только о том, чтобы увязать...

– Кто сказал, что следствие закончено? – прервала Дуня. – Во всяком случае, не я.

– Не ты. Я. Пока еще решения в этом отделе принимаю я. Или я что-то

пропустил? – Слейзнер засмеялся и повернулся к собравшимся, которые сразу же его поддержали.

Дуня и бровью не повела. Меньше всего она собиралась входить в их маленький клуб.

– Дуня, я не понимаю. В чем проблема? – продолжал Слейзнер. – Личность преступника установлена, и он мертв. Конечно, расследование того, что произошло у тебя дома, не закончено, но тебе не о чем волноваться. Ты должна лечь и успокоиться...

– Проблема в том, что это не он.

– Как так не он? – Слейзнер обменялся взглядами с остальными. – Ты же не хочешь на полном серьезе сказать, что Бенни Виллумсен невиновен?

– Да, во всяком случае, в убийствах Карен и Акселя Нойманов и Кати Скков. – Хромая, она вошла в комнату и заметила, что Хеску настолько не по себе от одного ее присутствия, что он крутится, как уж на сковородке, только бы не смотреть ей в глаза.

– Дуня... – Слейзнер демонстративно вздохнул. – Это твое первое дело, и неудивительно, что ты...

– Ким, речь идет не обо мне...

– Ты можешь дать мне договорить?

– Нет, поскольку я точно знаю, что ты хочешь сказать, и ты ошибаешься. – Дуня вставила капсулу и включила кофеварку. – Так что теперь ты дашь мне возможность договорить. – Она взяла полную чашку эспрессо, удивившись тому, что не испытывает ни малейшей неловкости от того, что не положила в корзину пять крон. – Во-первых, я встретила преступника. Не Виллумсена, а настоящего, и он как минимум на три размера меньше.

– Это было в Швеции? – спросил Къель Рихтер, и Дуня кивнула, садясь.

– Ты видела его лицо? – Первый раз Ян Хеск посмотрел ей в глаза.

– Нет, он стоял спиной, а когда обернулся, на нем был противогаз, и он усыпил меня таким же образом, как, должно быть, и других.

– Но он лишил их жизни.

– Это мой первый аргумент. Зачем оставлять меня в живых в Швеции, чтобы потом попытаться убить в Дании спустя всего лишь несколько часов?

Молчание и переглядывания.

– И как ты это объясняешь? – наконец спросил Слейзнер.

– Если Бенни Виллумсен на самом деле хотел словить кайф, то у нашего преступника совсем другие мотивы. И я в них не вписывалась.

– А какое отношение имеет ко всему этому Виллумсен? – Слейзнер подошел к кофейному автомату и демонстративно опустил в корзину пять крон. – Если он вдруг невиновен, зачем он вломился в твою...

– А кто говорит, что он невиновен? Он не совершил только три последних убийства. Зато они совершены так, словно это он.

– Ты имеешь в виду имитацию? – спросил Рихтер.

– Да, может быть. Во всяком случае, он должен был понять, что я иду по его следу, и вместо того, чтобы бежать, он...

– Ну нет. Мне жаль, но эта версия не подходит, – Слейзнер развел руками. – Несомненно, это работа Виллумсена, – он кивнул на доску, полную снимков и стрелочек, которые указывали на сходство между старыми и новыми случаями. – Честно говоря, я не вижу никакого смысла в том, что мы...

– Ты что, слепой? – взорвалась Дуня, хлопнув ладонью по столу так, что опрокинулась чашка с эспрессо. – Смысл в том, что преступник по-прежнему разгуливает на свободе!

Над столом опять нависла тишина. Блуждающие взгляды и ожидание реакции со стороны Слейзнера. Первый раз член команды повысил на него голос. Дуня поднялась, вставила новую кофейную капсулу, подождала, пока автомат нальет кофе в чашку, и снова села, даже не думая платить.

– Дуня, позволь сказать начистоту, – наконец начал Слейзнер. – Ты проделала потрясающую работу, в этом никто не сомневается. И, думаю, могу сказать от имени всех собравшихся, что никто не ожидал, что это к тому же произойдет так быстро. Так что поздравляю. – Он похлопал и стал обходить стол. – Но твой тон и твое отношение к происходящему здесь никак не может быть оправдано. – Он встал прямо за ней. – Это наверняка объясняется тем, что ты пережила за последние сутки, и той эйфорией, которую ты испытываешь от того, что осталась в живых. Так что я решил смотреть на это сквозь пальцы. Пока что. Что касается остального, о чем мы говорим, по-моему, ты идешь не туда. Вернее, я полностью убежден, что ты совсем не права. Но чтобы не быть занудой, я думаю, мы можем сделать попытку с так называемым вторым преступником. Главным образом в качестве небольшой игры, чтобы посмотреть, куда нас это приведет.

– Как мило, – отозвалась Дуня. – Тогда я предлагаю: давайте мы...

– Тогда мой первый вопрос. Зачем надо было прятать тебя в багажнике вместе с частями тел Нойманов и Сков, а не оставлять тебя в Швеции? Благодаря этому мы не только относительно быстро нашли машину, но и множество доказательств, одно из которых мы сейчас послали на анализ

ДНК.

– Что за доказательства? Что вы нашли?

– Не мы, а Педерсен, – начал Хеск. Получив добро от Слейзнера, он продолжил: – Педерсен работал всю ночь и осматривал части тел. – Хеск вынул два снимка из коричневого конверта и положил их на стол перед Дуней.

Оба снимка были сделаны сверху. На одном отрубленные части тела Акселя Ноймана были разложены «по местам» на смотровом столе с подсветкой и напоминали пазл 3D. С головы до ног между частями были промежутки в несколько сантиметров. Дуня насчитала одиннадцать частей. Снимок вызвал у нее ассоциации с цирковым номером «распиленная дама», который на этот раз не удался.

Второй снимок изображал Катю Сков, лежащую подобным образом на соседнем столе.

– А где ее правая грудь? – Дуня внимательно посмотрела на снимок и показала на грудную клетку, которая в отличие от грудной клетки Акселя Ноймана была разрублена пополам. На месте правой части сейчас ничего не было.

– Ее по-прежнему нет. Но вот важная часть, – Хеск выложил еще один снимок с увеличенной нижней частью живота Сков. – Педерсен зафиксировал там следы спермы преступника. Именно этого до сих пор не хватало, чтобы приговорить Виллумсена.

Дуня кивнула.

– А если это не его?

– Это покажет результат анализа, – ответил Слейзнер. – Но вернемся к моему вопросу. Какой был смысл запереть тебя в машине?

– Я задавала себе тот же самый вопрос и нашла только одно объяснение. – Она встретилась глазами с остальными. – Для того, чтобы мы быстро нашли машину и ее содержимое.

– Ты имеешь в виду все доказательства? – спросил Рихтер, и Дуня кивнула.

– Значит, настоящий мотив – показать на Виллумсена? – спросил Хеск.

– Отчасти. Но в таком случае это скорее побочный эффект. Не забывайте, что мы имеем дело с тем, кто готов лишать жизни невинных людей и расчленять их. Нет, Виллумсен в основном понадобился для того, чтобы повести нас по ложному следу и отвлечь внимание от происходящего.

– И что же происходит на самом деле? – спросил Слейзнер с плохо скрываемым раздражением.

– Я не знаю наверняка, но ответ должен находиться у жертв. Или, если хотите знать мое мнение, в том, что у них отсутствует, – она постучала пальцем по фото Кати Сков. – К тому же нам надо забрать машину из порта Хельсингера или, по крайней мере, послать туда водолазов для осмотра. Ведь на этой машине преступник доехал до порта.

Слейзнер стиснул зубы и задумался.

– Ладно, как хочешь. Но как только придет результат анализа ДНК и это окажется Виллумсен, следствие отправится в архив. Понятно?

Все кивнули.

Все, кроме Дуни.

*«07:30–08:30 Завтрак
08:30–08:42 Убрать после завтрака
08:42–09:00 Принять душ
09:00–09:14 Одеться и собраться. Побриться (папа)
09:14–09:15 Очистить стекла от снега
09:15–09:30 Поездка в аквапарк
09:30–12:00 Водные горки!!!»*

– Давай быстрее, а то мы опоздаем. – Матильда вырвала из рук Фабиана написанное от руки расписание, украшенное разноцветными рисунками.

В тринадцать минут восьмого она зажгла верхний свет, забралась на кровать и, сидя на его животе, показала ему план их совместного воскресенья. Ему не удалось поспать даже трех часов, то есть меньше половины того, что его организму требовалось для восстановления.

Выпив два двойных эспрессо, Фабиан почувствовал себя почти проснувшимся и пообещал самому себе, что в это воскресенье он целиком и полностью будет папой. Следствие подождет. Ему все равно нужно время, чтобы подумать, как двигаться дальше, ни во что не посвящая Эдельмана. Пусть сегодня всем заправляют дети. Он даже готов был согласиться на водные горки, хотя ненавидел их больше, чем метро в час пик.

Но сначала они вкусно позавтракают. Когда они с Матильдой накрыли на стол и зажгли свечу в рождественском венке, Фабиан пошел будить Теодора. Каждый раз, когда он переступал порог комнаты своего сына-подростка, его встречали хаос и клубы пыли. Комнату необходимо было проветрить, а еще лучше – провести в ней генеральную уборку. Но в этот раз Фабиан почувствовал что-то совсем другое. Это не имело ни малейшего отношения к грудам одежды на полу и больше всего напоминало удар кулаком прямо в солнечное сплетение.

Теодор спал, лежа на спине в своей кровати, и Фабиан вспомнил, как накануне вечером совершил не только наказуемое деяние, но и, с его точки зрения, смертный грех. Он ударил своего сына. Терпение лопнуло, результатом чего стала крепкая пощечина.

Теперь на лице сына был не только красно-синий синяк, но и

припухлость вокруг правого глаза и верхней губы, где засохла кровь и начала образовываться корка. У Фабиана сжало живот, и аппетит как ветром сдуло, несмотря на всю еду, которая ждала их на столе. Он опустился на край кровати, положил голову на одну руку, а другой осторожно похлопал Теодора по волосам. Он действительно перегнул палку? Сможет ли он когда-нибудь себя простить?

Он все понял, увидев на полу грязные джинсы. Или, точнее, растаявший снег, образовавший маленькую лужицу под ними.

Теодор не ночевал дома. Хотя Фабиан решительно сказал «нет» и сын обещал остаться дома, он ушел. Фабиан хотел разбудить его и призвать к ответу. Но какая от этого польза? Вред был уже нанесен, и самое лучшее – дать ему поспать и обсудить ситуацию вместе с Соней, когда все остальное уляжется.

– Но папа... А это долго? – спросила Матильда с заднего сиденья, когда Фабиан заворачивал на парковку Южной больницы.

– Совсем недолго. Максимум полчаса.

– Но тогда мы не успеем на водные горки. Сеанс начинается уже в половине десятого. Папа, ведь ты же обещал, – продолжала Матильда, одновременно потянувшись за пакетом, который лежал на соседнем сиденье.

– Но откуда я мог знать, что позвонит Малин и отчитает меня за то, что я ее не навестил. И не беспокойся, мы все успеем, кроме, наверное, аквапарка, – сказал Фабиан, наконец найдя свободное место. – Кино, «Макдоналдс» и остальное расписание. Обещаю.

– Но тогда я хочу конфеты, – Матильда взяла пакет.

– Сегодня? Сегодня же воскресенье.

– Да. Воскресные конфеты. И я хочу сейчас.

Фабиан отреагировал на приказ с заднего сиденья молчаливым кивком и вышел из машины. Тем временем Матильда открыла пакет и с изумлением увидела фарфоровую куклу.

Малин лежала в палате вместе с пятью другими пациентами. Она спала, и ее лицо было таким же бледным, как простыня, а пряди непослушных волос прилипли к потному лбу. Одна рука была под капельницей, и наполовину расстегнутая больничная рубашка мало что прикрывала. Фабиан как можно тише поставил букет в одну из стальных ваз, стоящих на столике с колесиками.

– Она мертвая? – прошептала Матильда, когда он писал пожелание на

маленькой открытке.

– Нет, она просто устала. Давай, мы уходим. – Фабиан взял Матильду за руку и пошел к двери.

– И куда это вы собрались?

Фабиан обернулся и увидел, что Малин открыла глаза.

– Я думал, ты спишь, и не хотел...

– Лучше сядь и расскажи. Привет, Матильда. Как хорошо, что ты тоже пришла меня навестить. Возьми вон там стул.

Матильда пошла за стулом.

– Что рассказать? – спросил Фабиан.

Малин закатила глаза.

– У меня токсикоз, а не лоботомия.

Фабиан придвинул стул и сел.

– Малин, рассказывать особенно нечего. Ты и так наверняка все знаешь. В разгар суматохи, когда ты упала в обморок, Кремпу удалось выбраться через окно и прыгнуть.

– Это я знаю. А потом?

– А потом больше ничего не было. Следствие окончено, и все довольны и счастливы. – Для пущей убедительности он улыбнулся, одновременно услышав, как Матильде удалось вынуть пакет с конфетами.

– Это Андерс? Это он велел тебе так себя вести?

– Как вести? Я даже не говорил с Андерсом. Малин, я не понимаю, что...

– Прекрати, иначе я по-настоящему рассержусь. Не приходи и не говори, что все окончено. Разве непонятно, что по твоей складке на переносице я вижу, как тебе тяжело, что сегодня воскресенье. Ведь больше всего ты хочешь работать.

Фабиан задумался над тем, как ему поступить, хотя на самом деле он уже принял решение, и вздохнул.

– Я не считаю, что это Кремп. Мне кажется, он служил приманкой для привлечения нашего внимания, а на самом деле за всем этим стоит кто-то другой. – Как обычно, он ждал сильных контрударов и протестов в виде отточенных аргументов, которые опровергнут его мысль. Но ничего не последовало, даже легкого закатывания глаз. Он не знал, как истолковать ее молчание: или она не слышала, или слишком устала и не в силах реагировать.

– Малин? – он помахал рукой перед ее лицом. – Ты слышала, что я сказал?

– Да, я слышала. Нет, мозг у меня еще не умер. Именно это я и

подозревала.

– Ты? С каких это пор?

– Через какое-то время после того, как я очнулась здесь, в больнице. В тот момент, когда это происходило, я думала, что он говорит о своем «втором я». Но он говорил совсем о другом.

– Вот как? – Фабиан наклонился к ней поближе.

– Да, во время следственного эксперимента. Помнишь, как он сказал о ком-то, кто внезапно возникает?

Фабиан покачал головой. Он был так занят тем, чтобы Малин пришла в себя, что почти не слышал ни слова из того, что говорил Кремп.

– И, к сожалению, пропала видеозапись.

– Как пропала?

– Сегодня ночью я был в отделе – хотел просмотреть весь материал, в частности, то, что снимал Томас во время следственного эксперимента. Но кто-то уже побывал там и все убрал.

– Боже, как странно. Кому...

– Полиции безопасности, если хочешь знать мое мнение, – сказал Фабиан, который решил пока что оставить вопрос об Эдельмане при себе. – Я не знаю точно, как или почему, но нет сомнения в том, что это вышло далеко за пределы нашего маленького отдела, и осмелюсь сказать, не только мы с тобой поняли, что Кремп невиновен.

– Какое счастье, что я не доверяю Томасу и его режиссерским способностям. Возьми со стола мой телефон.

– Что, ты все записала? – Фабиан протянул ей мобильный.

– Собиралась послушать это сразу же по приходу домой. – Она разблокировала свой телефон и нажала на звуковой файл. – Слушай.

«Но так нельзя, это совсем нехорошо. Очень плохо. Так не годится, тогда все будет неправильно, и так не должно быть. В смысле неправильно, – послышалось бормотание Кремпа. – Все должно быть правильно, а если нет, все начинает кружиться, и я устаю, и действительно, тот провожатый там, хотя только у меня... – послышалось, как Кремп сглотнул и перевел дух... – есть ключи, но он все равно там, устраивает и помогает. Он не думает, что я знаю, но я знаю, а потом все становится таким тяжелым и темным, и я словно исчезаю.

– Оссиан... попытайся успокоиться и...»

Малин поставила запись на паузу и встретила взглядом с Фабианом.

– Ты слышал?

– Ты имеешь в виду «тот провожатый»? Кремп так называет свое второе я. К тому же он потом сразу говорит об этом.

– Я тоже так думала, когда услышала это в первый раз. Послушай еще раз. – Она снова включила звуковой файл.

– Папа, нам еще долго? – захныкала Матильда.

– Матильда, помолчи немного. Мы скоро закончим.

«Все должно быть правильно, а если нет, все начинает кружиться, и...»

– Папа, мне скучно...

Фабиан зашикал на нее, не поворачиваясь, и поэтому не увидел, что она спрятала фарфоровую куклу под куртку и теперь собирается потрогать кнопку на спине.

«...и действительно, тот провожатый там, хотя только у меня... есть ключи, но он все равно там, устраивает и помогает. Он не думает, что я знаю, но я знаю, а потом все становится таким тяжелым и темным...»

– Слышал? Он говорит о ключах. «Хотя только у меня есть ключи, но он все равно там, устраивает и помогает».

Фабиан кивнул. Малин права.

– Во-вторых, – продолжила Малин, – он говорит не «*провожатый*», а «*бородатый*». Что означает, что он говорит о ком-то другом. О ком-то с бородой. О ком-то, кто приходит, хотя у него нет ключей. Послушай вот это. – Она опять включила запись.

«Я запираю каждый день, когда вхожу, и даже сменил замок. Запираю, запираю и проверяю, заперто ли. Всегда. Иначе нельзя быть полностью уверенным...»

– Он даже сменил замки, и, тем не менее, этот «бородатый» внезапно там и помогает.

– Ты считаешь, что это преступник?

– А кто это еще может быть?

Фабиан задумался над словами Малин. Тем временем пришла уборщица со своей тележкой и стала протирать пол шваброй.

– О, замечательно, – сказала Малин. – Вот, вчера вечером я случайно пролила кофе. – Она показала на светло-коричневое пятно на полу рядом с кроватью.

– Во всяком случае, это означает, что есть еще один способ проникнуть в квартиру, – сказал Фабиан и подвинулся, чтобы не мешать уборщице.

– Именно это и я хотела сказать. Строительные леса.

– Нет, там их нет. Это только у второго подъезда со стороны улицы Эстгета... Матильда? – Фабиан быстро подошел к Матильде, которая

сидела и играла с куклой. – Что ты делаешь? – Он вырвал у дочки куклу. – Разве я тебе разрешил в нее играть? – Он нащупал пальцами крошечную кнопку на спине и моментально ее выключил. – Что? Разве разрешил?

– Я подумала, что это мне, – Матильда расплакалась. – Я подумала, что это подарок за то, что тебя так часто не бывает дома. – Глаза у нее увлажнились, и по щекам потекли слезы.

– Хорошо, я все понял, – сказал Фабиан и потрепал дочку по волосам.

– Ты очень сердишься?

– Нет, ничего страшного. Ты ведь не могла знать, что только папа может трогать ее до сочельника. – Он обнял девочку.

– Фабиан, ты можешь объяснить, что происходит? – спросила Малин.

Он кивнул.

– Только сначала тебя должны перевести в другую палату.

Может быть, он перестраховался, и Малин была права, когда сказала, что он страдает паранойей больше, чем частный детектив. Фабиан ничего не мог с собой поделать. Паранойя это или нет, но он не успокоился, пока Малин не перевели в другую палату, и персонал не согласился ни при каких обстоятельствах никому, кроме самых ближайших родственников, не говорить, где она находится.

Матильда случайно включила камеру в кукле, и никто не знал, как долго она работала и сколько успела передать своему неизвестному получателю, пока Фабиан ее не выключил. В лучшем случае ничего, но был риск, что все – от их фотографий, снимков палаты до большей части их разговора.

Он хотел было уничтожить камеру, но решил, что лучше, как он и собирался, заехать к Хиллеви Стуббс и отдать ей куклу на изучение. Если повезет, найдется способ выяснить, послала ли камера что-то, и если да, то что именно, и даже, может быть, кому.

Стуббс хватило нескольких секунд, чтобы подтвердить его худшие опасения. «Anbash Limited» – китайская фирма, ей всего три года, но она уже успела выпустить несколько образцов продвинутого шпионского оборудования. Эти продукты кто угодно мог заказать в сети.

Их последнее изделие – беспроводная камера, которая, как и предполагал Фабиан, снабжена сим-картой, которая, в свою очередь, находится в непосредственном контакте с мобильной сетью 3G и посылает изображения и звук, как только включаются ее детекторы движения. К сожалению, Стуббс не знала, как можно выследить получателя, поскольку используется анонимная сим-карта без абонентской платы, которая через сеть подключается к прокси-серверу, откуда получатель может брать информацию, не раскрывая собственного адреса IP.

– Но Фабиан, я что-то не понимаю, – внезапно сказала она, когда он, кладя куклу обратно в пакет, попросил у нее ключи от квартиры Кремпа. – Разве дело не закончено? Ведь преступник мертв. Разве нет?

Он кивнул и сказал, что только хотел связать воедино последние нити.

– Смотри, не споткнись, – прокричала она ему вслед, когда он возвращался к машине, где его ждала Матильда.

Хотя они во многом отошли от плотного расписания первой половины дня, Матильда на удивление была в хорошем настроении. Но оставшейся

частью дня она управляла железной рукой и не соглашалась даже на малейшие отклонения. Первую остановку они сделали в кинотеатре торгового центра «Южные торговые ряды», где по ее настоянию должны были смотреть в 3D «Аватар» Джеймса Кэмерона, премьеры которого только что состоялась. Хотя и «Чужие», и «Терминатор» были одними из самых любимых фильмов Фабиана, у него не было никакого желания идти на «Фильм про голубого человека», как он назвал «Аватар», посмотрев трейлер.

К сожалению, он не ошибся в своих опасениях. Единственным плюсом длинной «прогулки по лесу», которая длилась два часа и сорок минут, было то, что он смог закрыть глаза за очками 3D и наконец отдохнуть.

Матильде фильм, наоборот, понравился, и она сказала, что не смотрела ничего лучше. Впрочем, так она говорила после каждого похода в кино. Но в этот раз она была готова перечеркнуть оставшуюся часть расписания и сразу же посмотреть фильм еще раз. Однако голод взял верх и заставил их следовать расписанию. В «Макдоналдсе» на улице Фолькунгсгатан каждый проглотил свое меню. Потом они доехали на машине до площади Мариаторгет, где поиграли в боулинг. Так они выполнили всю программу, кроме последнего пункта.

«19:15–20:0 °Сделать маме сюрприз – угостить ее вкусняшкой».

Фабиан надеялся, что идея сдохнет на корню или что они просто не успеют. Больше всего на свете Соня не любила сюрпризы. В данном случае они помешают ей во время последних приготовлений к выставке, а ведь сейчас она испытывала больший стресс, чем когда-либо.

Когда они шли к машине, припаркованной на улице Хорнгатспуккельн, он попытался уговорить Матильду пойти перекусить где-то самим или позвонить Теодору и предложить ему составить им компанию. Но Матильда не уступала. Они перекусят с Соней, и это будет сюрприз. И спустя полчаса они стояли перед домом 6 на улице Мункбругатан и звонили в домофон.

– Почему она не отвечает? – спросила Матильда, держа в каждой руке по бумажному стаканчику с дымящимся напитком.

– Не знаю. Может быть, она вышла купить краски.

– В такое время?

– Или не хочет, чтобы ее беспокоили. Ты знаешь, как оно бывает, когда она в таком стрессе. – Фабиан подольше подержал кнопку звонка и стал

ждать. – Матильда, пойдём в кафе, пока шоколад не совсем остыл.

Матильда покачала головой.

– Тогда отопри ключами.

– Какими ключами?

– Твоими. У тебя тоже есть пара.

– Нет. Откуда ты взяла...

– Папа... – Матильда закатила глаза.

У него действительно были запасные ключи на случай, если Соня потеряет свои или ему по какой-то причине надо будет зайти в мастерскую. Но эти ключи не предназначены для того, чтобы входить без предупреждения. То, что Матильда в принципе знает об их существовании, заставило его задуматься над тем, а сколько она вообще знает.

– Посмотри-ка, вот они, – он вставил один из ключей в замок и повернул его.

Они доехали на лифте до самого последнего этажа, а потом поднялись по лестнице до мастерской. Матильда позвонила в дверной звонок одним из стаканчиков.

– Ладно, отпирай, – сказала она уже через несколько секунд.

– Давай немного подождём...

– Папа... отпирай.

Фабиан неохотно отпер.

– Я войду первым, а ты подождешь здесь. – К его удивлению, Матильда кивнула, и он один вошел и осмотрелся.

Он не знал, что ожидал увидеть. Как Соня лежит на полу и корчится от полной невозможности заполнить все эти пустые холсты новыми бессмысленными сюжетами из жизни подводного мира, которые к тому же всего лишь повторение ее последних четырех выставок. Или то, что он увидел сейчас: Соня в наушниках слушает Shout^[14] группы Tears for Fears на такой громкости, что их отчетливо слышно, хотя она сама подпевает, параллельно работая над несколькими натянутыми полотнами.

Фабиан выдохнул, почувствовав растущее беспокойство по поводу того, что случится, когда жена его заметит. У нее наверняка собьется настрой, и она справедливо обвинит в этом его, подумал Фабиан и решил, что самое лучшее – крадучись уйти и убедить Матильду дать маме спокойно поработать.

Но как только он повернулся, мигнул свет, от чего Соня резко обернулась и сняла наушники.

– Что вы здесь делаете? – Как он и ожидал, она встретила его холодным твердым взглядом. – Я думала, что совершенно ясно...

– Мы принесли тебе вкусненькое, – перебила ее Матильда, отпустив кнопку выключателя у входа.

Соня сбилась и натужно улыбнулась.

– Соня... я действительно пытался, но ты знаешь, уж если Матильда что решит...

Соня кивнула и вздохнула.

– Все в порядке.

– Точно?

Она опять кивнула, подошла к Матильде и села перед ней на корточки.

– И что вы купили вкусненькое?

– Кофе и булочки с шафраном.

– М-м-м... Как раз то, что я хотела.

К удивлению Фабиана, перекус превзошел все ожидания. Его опасения о гнетущем молчании и ядовитых колкостях оказались напрасными.

Матильда продумала все до мельчайших деталей и точно знала, что хочет. Она поручила Соне найти какую-нибудь материю, которую можно постелить на пол как скатерть, а сама погасила верхний свет и зажгла все стеариновые свечи, которые только смогла отыскать, и поставила их на пол вокруг скатерти. Затем подошла к стерео и поставила CD с композицией Принца *I Would Die For U*, записанной им девятнадцать раз подряд.

Кофе давно остыл, и булочки начали черстветь. Но ничего страшного. Матильда наслаждалась от всей души и ни на секунду не умолкала, говоря обо всем – начиная от того, что она хочет в подарок на Рождество, и кончая тем, куда они поедут отдыхать летом. И как в современной хореографии в Доме танца, Фабиан и Соня помогали друг другу избегать промахов.

Фабиан поймал себя на том, что несколько раз рассмеялся. Его также поразило, что Сониная застывшая улыбка становилась все более расслабленной и естественной. Исчезла морщина между бровями, поднятые плечи и напряженные уголки губ, и она словно стала такой, какой была первые годы их совместной жизни. До появления маленьких детей и панического желания чего-то достичь за мольбертом. До всех ссор. Если бы все было так просто.

Он заметил, что скоро половина девятого.

– Матильда, мы должны оставить маму в покое, ей надо работать дальше, – сказал Фабиан, сделав попытку уйти.

Матильда покачала головой.

– А я не могу здесь переночевать?

– Нет, как ты себе это представляешь? – Фабиан попытался взять ее за руку. – Ты знаешь, что у мамы много дел. К тому же по расписанию мы

должны уйти отсюда в половине восьмого, а уже почти половина девятого.

– Ну пожалуйста...

– Нет, пошли, нам надо ехать, – он взял дочку за руку и потянул.

– Я не хочу, я же сказала! – закричала она, вырвавшись от него.

– Фабиан, все в порядке, – сказала Соня. – Она может остаться. Ведь завтра начинаются каникулы.

– Да! – закричала Матильда и обняла Соню. – Обещаю нисколечко тебе не мешать.

Фабиан посмотрел Соне в глаза, чтобы убедиться, что она действительно не против.

– Все в порядке, – повторила она. – Это все равно последние, – она кивнула на стоящие повсюду картины. – Как-нибудь.

– А что ты будешь потом рисовать? – спросила Матильда.

Соня пожала плечами и встала.

– Будет день, будет пицца. – Она проводила Фабиана до дверей и выпустила его. – Послушай...

Фабиан повернулся.

– Да?

– У нас с тобой сейчас не самое лучшее время, видит бог. И может быть, как ты обычно говоришь, это просто кризис, который скоро пройдет. – Она вздохнула и опустила глаза. – Во всяком случае, я тут подумала... Не знаю, долго ли еще нам надо принимать то, что у нас кризис.

Фабиан дал молчанию затянуться, прекрасно понимая, что должен будет его нарушить. Должен проявить инициативу и, как всегда, заверить ее, как сильно он ее любит и как скоро все станет гораздо лучше. Но на этот раз он молчал. А ведь всегда был так уверен: что бы ни случилось, их двое. Конечно, пару раз он грозился разводом, при этом никогда не сомневаясь, что это просто пустые угрозы.

Теперь он, честно говоря, не знал, и поэтому мог только кивнуть, повернуться и начать спускаться по лестнице.

Семира Аккерман последний раз обошла бассейн и подобрала несколько брошенных полотенец и забытых тапочек. Уже дважды из громкоговорителя прозвучало объявление о том, что бассейн закрывается, и большинство гостей оделись и забирали вещи из шкафчиков. Но всегда найдется гость, который никак не хочет уходить. Так и в этот вечер, заметила она, когда услышала, что в душе полилась вода.

На самом деле она никогда не работала по воскресеньям. Наперекор всем своим коллегам, ей удалось включить в свой контракт пункт о том, что воскресенья не входят в ее рабочий график. Каждый раз, когда кто-то заболел, и новый менеджер по персоналу, чей возраст был насмешкой по отношению к остальным сотрудникам, спрашивал, не могла бы она выйти ради коллектива, она отвечала «нет».

Ради коллектива. Всегда ради этого проклятого коллектива.

Словно кто-то из коллектива хоть раз пошел ей навстречу.

Нет, воскресенье для нее священный день. Может быть, потому, что это единственное в ее жизни, что не опозлилось и не совсем потеряло свой смысл. Обычно воскресенье она проводила дома. Или, точнее сказать, в кресле, положив ноги на скамеечку. В руках – хорошая книга, а на подоконнике – термос с горячим чаем. Она очень любила читать, и с кресла ее могла поднять только прекрасная погода, когда было стыдно не прогуляться.

В основном Семира стремилась бросить вызов самой себе, пройтись по новым местам и, если повезет, обнаружить совсем новый район. Но почти всегда кончалось тем, что она спускалась на набережную рядом с озером Хаммарбюшен, переезжала на пароме «Лоттен» на другую сторону и гуляла вокруг домов, которые, хотя и были новостройками, по-настоящему ласкали глаз. Прогулка занимала два с лишним часа, иногда больше, если она присаживалась почитать где-нибудь по дороге.

Но именно в это воскресенье, как уже было сказано, она работала. Семира даже спросила менеджера по персоналу, можно ли ей поработать. Он посмотрел на нее, словно над ним издевались, но вскоре взял себя в руки и ясно дал ей понять, что ни о какой доплате и речи быть не может. Она было собралась отказаться, но в последнюю секунду сдержалась. По правде говоря, она просто-напросто не осмеливалась весь день быть дома одна.

С тех пор как тот мужчина, который, если верить ее сестре, оказался полицейским, преследовал ее в автобусе, все изменилось. И хотя ей удалось оторваться от него, она не могла ни есть, ни читать. О продолжительном сне тоже говорить не приходилось. Она больше не решалась садиться в автобус. Теперь Семира шла пешком всю дорогу до метро «Медборгарплатсен» и на станции «Старый город» делала пересадку с зеленой ветки на красную. Она чувствовала себя гораздо более защищенной, находясь среди людей, и бассейн «Стюребадет», где она работала, был подходящим местом.

Конечно, сейчас она закрывает и скоро пойдет домой. Но, во всяком случае, она не одна. Семира отчетливо слышала звуки из душевых в женской раздевалке. Чаще всего задерживались мужчины, нередко с непристойными предложениями и в состоянии, предназначенном только для них самих и, возможно, их жен. В основном было достаточно, смеясь, покачать головой и попросить гостя одеться, пока она не включила сигнализацию и не передала заведение охранной фирме. Если это не помогало, ей всегда могла прийти на помощь ледяная струя из шланга.

Но теперь, как уже говорилось, задержалась женщина, а не мужчина, а с женщинами почти никогда не было проблем, отметила Семира по дороге в женскую раздевалку, пытаясь убедить себя, что нет никакого повода для беспокойства.

К счастью, Карнела обещала провести с ней вечер, и она решила сделать все, чтобы убедить ее переночевать. Сестра наверняка будет протестовать и приводить все новые и новые отговорки. Но ночевка у нее – это самое меньшее, что она может сделать. Карнела тоже так или иначе виновата в этой ситуации.

Сама Семира с самого начала была против этой затеи и раз за разом отказывалась слушать аргументы своей сестры о том, как все пройдет гладко и просто, не говоря уже о безопасности. Но по мере того, как ее состояние ухудшалось, она начала сомневаться, и когда в конечном итоге не могла читать даже с помощью лупы, позволила себя уговорить.

После этого беспокойство напоминало о себе в виде комка в груди, и ей снились такие странные сны, что она даже не хотела пересказывать их своему врачу. Но годы шли, комок сжимался, жизнь возвращалась в свое нормальное русло, и ей наконец пришлось признать, что Карнела была права.

До сих пор.

Звук воды в душе стих, и она начала осматривать пяточок рядом со шкафчиками, но там никого не было, и, насколько она смогла увидеть, все

шкафчики были не заперты и пусты, что, конечно, было несколько странно. Семира вошла в душевую и убедилась, что и там пусто. Она ничего не понимала, но была уверена, что меньше минуты назад слышала, как кто-то принимает душ, и из одного душа продолжала капать вода.

Она собралась позвать на помощь, но решила не поддаваться беспокойству и пошла дальше к туалетам. Может быть, этот человек должен зайти туда перед уходом. Но и здесь было не заперто и пусто. Оставалось только проверить банное отделение. Если и там никого не окажется, надо будет осмотреть все заведение еще раз.

Дверь в сауну заело, и ее пришлось открывать обеими руками. Семиру окатила волна горячего воздуха, и она стала вспоминать, когда последний раз использовала свои служебные привилегии и провела несколько часов в спа. Как только это закончится, она проведет здесь одно из своих свободных воскресений и будет только наслаждаться.

Семира вошла внутрь, чтобы взять забытое полотенце, лежавшее наверху в углу, и забралась на третью полку. Горячий воздух, который был словно теплые обволакивающие объятия, стал колючим и агрессивным. Она потянулась за полотенцем и почувствовала, что начинает потеть. А ведь она никогда не потеет. Сейчас она вся будет в поту, не успев и глазом моргнуть.

Она сошла вниз, подошла к двери и хотела ее открыть. Дверь опять заело, и она не поддавалась, хотя Семира тянула так сильно, что у нее выступил пот и одежда прилипла к телу. В понедельник она сообщит обо всем вахтеру, и он устранил неполадки сразу же после закрытия. И только когда она налегла на дверь всем телом, та поддалась, и она смогла выйти.

По дороге в парную она подумывала о том, чтобы принять душ, прежде чем погасить везде свет и поехать домой, но решила, что в этом нет никакого смысла, поскольку ей все равно не во что переодеться. К тому же она приняла еще одно решение.

Семира не знала ни как, ни почему, но вдруг это показалось ей совершенно правильным. Как только она вернется домой, она свяжется с тем полицейским и расскажет все, что знает. Карнела, понятно, разозлится и будет протестовать, но ничего не поделаешь. Это единственно правильное решение.

Дверь в парную открылась без проблем, и она сунула голову во влажный туман, из-за которого было почти невозможно увидеть, действительно ли кто-то сидит в самой глубине или одна из ламп не работает и отбрасывает тень.

– Эй? Здесь кто-то есть? Мы закрываемся. – Она хотела сказать это как

можно более спокойным и нейтральным тоном, но как только услышала собственный голос, поняла, что ей очень далеко до спокойствия и нейтрального тона.

Фабиан достал карманный фонарик из дополнительного отделения в багажнике, закрыл крышку багажника и, переходя улицу Эстгетатаган, нажал на ключ, так что машина мигнула и одновременно реле центрального замка щелкнули во всех дверях.

По дороге домой из мастерской он размышлял над словами Сони и пытался понять свою собственную позицию. Но проходя мимо Слюссена, задумался над словами Малин о том, что, вероятно, есть еще один способ проникнуть в квартиру Оссиана Кремпа. Способ, при котором не нужны никакие ключи. Малин более чем права. Конечно, преступник проникает в квартиру не через входную дверь, а как-то иначе.

Когда он сам во время следственного эксперимента слышал только бессвязную болтовню насчет радио, она, несмотря на свою беременность и токсикоз, поняла, что Кремп фактически дал полное представление о бородатом человеке, который приходил к нему домой, хотя он сменил замки. Именно благодаря этому она как полицейский гораздо лучше всех остальных вместе взятых, считая его самого.

Поэтому решение поехать туда прямо сейчас и не ждать до завтра далось легко. Он включил левый поворотник и свернул на улицу Седерледен вместо того, чтобы продолжить ехать дальше по улице Хорнсгатаган.

Поднимаясь по винтовой лестнице, Фабиан стал думать о подслушанном разговоре по мобильному между Гримосом и Эдельманом. Он ничего не сказал об этом Малин. В основном из-за того, что сам не понимал, что ему с этим делать. Насколько больше на самом деле знает Эдельман, и как он отреагирует, если поставить его перед фактом? Фабиан был уверен только в том, что надо любой ценой избежать столкновения со своим старым наставником. Самое лучшее – собрать достаточно много следов и зацепок, уводящих от Кремпа, чтобы таким образом заставить Эдельмана понять, что у него нет другого выбора, кроме как возобновить следствие.

Дойдя до двери квартиры, он открыл ключами, полученными от Стуббс, и вошел в захлащенное помещение, освещая лучом карманного фонарика стены и размышляя, с чего ему начать. Потайной вход был на самом деле только одной из нескольких причин, почему он здесь.

Согласно Хиллеви Стуббс, Оссиан Кремп страдал раздвоением

личности, и это сказалось на квартире. Один Кремп был крайне упорядоченным и организованным человеком, а у другого часто случались провалы в памяти, и он разбрасывал все вокруг, понятия не имея почему. Эта теория, которая на бумаге выглядит совершенно логичной, не имеет ничего общего с реальностью.

Конечно, это помогло ей за короткий срок найти след, который вывел их на Адама Фишера на складе «Shurgard». Но это не был, как думала Стуббс, организованный Кремп, который спрятал зацепку. Это не он положил скальпель на кухне и баллон с гексаном и вырезал глаза на всех снимках женщины из автобуса.

Это сделал преступник.

Кто-то побывал в квартире и препарировал ее, разложив зацепки и подготовив Кремпа к роли идеального преступника. Теперь Фабиану оставалось найти доказательства.

Он решил начать с ванной комнаты, похожей на большинство ванных, нуждающихся в ремонте. Ванна с такими желтыми краями, что их не отмыть никаким средством в мире. Стыки на коврике из линолеума, черные от плесени, и шкафчик с зеркалом, которое отражало только частично.

Фабиан открыл зеркальную дверцу и обвел взглядом полочки в шкафу. На верхней была небольшая аптечка – банки с названиями «Атаракс», «Лепонекс», «Зопиклон» и «Ксанор». На средней полке стояли тюбики кремов от различных видов экземы, а на нижней рядом с зубной пастой и зубной нитью он нашел то, что искал: красную коробочку с таблетками, которую Кремп упоминал во время следственного эксперимента. Он поднял и стал осматривать пластмассовую коробочку с крышкой и с тремя маленькими отделениями на все дни недели.

Утро, день и вечер.

Отделения с утра понедельника до утра субботы были пусты. Все правильно: ведь Кремпа схватили именно в субботу. В остальных отделениях лежали таблетки разных цветов. Он взял одну таблетку наугад, положил ее в рот и стал жевать.

Конечно, надо провести подробный анализ содержимого, хотя он уже кое-что подозревал. Кремп был полностью убежден в том, что принимал таблетки каждый день, и это правда. Но, судя по вкусу, он принимал всего лишь сахар. Фабиан открыл одну из баночек с верхней полки и попробовал еще одну таблетку. Тот же вкус.

Кремп, сам того не зная, долгое время не принимал лекарств. Интересно, сколько. Если месяцами, то у преступника было полно времени, чтобы управлять им и использовать его, когда у него опять началось

диссоциативное расстройство личности.

Фабиан взял коробочку в гостиную, положил ее на стол и осмотрелся. Ему надо найти еще одну вещь, прежде чем начать искать вход. Он посчитал, что это находится в центре, чтобы охватить как можно больше площади. Его взгляд зацепился за дизайнерскую полку, заставленную книгами. Он смотрел на нее не в первый раз, но только сейчас до него дошло: что-то тут не так.

Среди названий было все, начиная с книг по садоводству и искусству и кончая старой «Великолепной пятеркой» Энид Блайтон, а также массой розовых книг в жанре чиклит. Вряд ли хотя бы одна из этих книг могла настолько заинтересовать Оссиана Кремпа, что он поставил их на самую красивую полку, расположенную в центре комнаты. Что в свою очередь может означать только одно.

Их сюда специально поставили.

Он стал листать книги, одну за другой, и, дойдя до середины полки, где стояла «Ты умеешь хранить секреты?» Софи Кинселлы, нашел то, что искал. Страницы были вырезаны посередине, и когда книгу закрывали, образовывалась полость. Там лежала такая же прямоугольная белая пластмассовая коробочка с мигающими диодами, которую он нашел в кукле.

Фабиан выключил ее, нажав на маленькую кнопку, положил на стол рядом с коробочкой для таблеток и принялся искать потайной вход. Он начал с холла, но ничего не нашел ни за одеждой, свисавшей со шляпной полки, ни за красно-коричневой портьерой, закрывавшей часть стены.

В гостиной он проверил два окна, но не нашел никаких признаков взлома. Он открыл окно, высунулся на улицу и посветил карманным фонариком вдоль фасада. Между домами раздалось эхо собачьего лая, а перед его машиной со своего места вывернул «Опель» и скрылся по улице Блекингатан. Но он не увидел никаких отметок на фасаде, говоривших о том, что кто-то проникал в квартиру таким путем.

Поскольку в комнате не было ни одной общей стены с соседней квартирой, он продолжил проверять пол, подняв ковер и посветив под диваном. После чего направил фонарик на потолок и стал искать ровные трещины под прямыми углами. Но кроме паутины и облупившейся краски на пожелтевшем потолке, не было ничего, похожего на скрытый люк. То же самое на кухне и в ванной.

Оставалась спальня, но учитывая, сколько времени Кремп уделял сну, эта комната казалась наименее вероятной. Гораздо больший интерес представлял чулан рядом с ней, который плотно примыкал и к кухне, и к

ванной. Если Кремп сидел в гостиной и слушал радио, преступник без всяких проблем мог проникнуть на кухню и положить там скальпель, или в ванную, чтобы подменить лекарства.

Фабиан открыл дверь, обклеенную такими же обоями в квадратик, что и вся стена, и зажег лампочку без абажура. В чулане, площадью примерно полтора квадратных метра, все было в полном порядке и стояло на своих местах. На одной полке размещались всевозможные моющие и чистящие средства, а на полке повыше – рулоны туалетной бумаги и кухонных полотенец.

Фабиан вынес пылесос, два веника и ведро с тряпкой для мытья полов, опустился на колени и стал осматривать старый коврик из линолеума, который удалось приподнять. Но никакого люка ни под ковриком, ни в другом месте в чулане не обнаружил.

Он поставил на место пылесос и все остальное и мысленно стал искать совершенно другое объяснение, такое очевидное и явное, что он не мог это видеть, поскольку находился слишком близко. Его размышления прервал свет двух карманных фонариков в прихожей.

Кто-то входил в квартиру.

Он скрылся в спальне, слыша, как в гостиной один человек что-то бормочет другому. Слов было не разобрать. Похоже, один из них направлялся прямо в спальню. Он быстро бросился на пол, залез под кровать среди клубов пыли и скоро увидел, как пара грубых ботинок идет по скрипучему полу.

Ботинки остановились недалеко от кровати и постояли там несколько минут. Фабиан задержал дыхание, пока луч света шарил по полу и под кроватью. Он был не только не вооружен. Он лежал так, что при малейшем движении рисковал издать достаточно громкий звук и выдать себя. Его единственное преимущество заключалось в том, что они не знали о его присутствии. Если бы только ботинки подошли ближе.

И, словно услышав его желание, они стали подходить к нему. Сначала один шаг, затем полная ожидания пауза. После чего еще один шаг, и они подошли вплотную к краю кровати. Он осторожно вытянул левую руку вдоль одного ботинка и приблизился к пятке, когда свист из гостиной в последнюю секунду заставил ботинки отступить на несколько шагов и вернуться в гостиную.

Фабиан выдохнул, хотя прекрасно понимал, что рано или поздно они вернутся и тщательно осмотрят комнату. Он зажег карманный фонарик, чтобы увидеть, что он может использовать. Веревка или гантель. Все, что может служить оружием. Но помимо пыли он разглядел только нижнее

белье, несколько непарных носков и грудку газет.

Зато в стене прямо под кроватью был люк. У него дома в ванной был похожий, но он не думал о нем, пока из маленького носика под люком не потекла вода. Только тогда он понял, что металлическая крышка, покрытая белым лаком, – смотровой люк, обеспечивающий доступ к канализационным трубам для ликвидации возможного засора.

Но здесь не было никакого носика. К тому же люк находился посреди стены в спальне, довольно далеко и от кухни, и от ванной, то есть в крайне странном месте для прокладки труб. Фабиан подполз к стене, положил фонарик на пол и как можно осторожнее снял люк с пружинных скобок.

Но никаких труб не увидел, только пустую черную дыру. Посветив в отверстие фонариком, обнаружил, что там не маленькая дыра, а большая шахта площадью примерно два квадратных метра, которая вертикально шла по всему зданию с верхнего этажа до самого подвала.

Терять ему было нечего, и он протиснулся в узкую дыру, зажав фонарик в зубах. Мощный болт, выступающий из стены прямо над отверстием, служил ручкой, и он смог подтянуться и поджать ноги, не упав в шахту. Упершись одной ногой в нижний край отверстия, второй ногой он нащупал несколько толстых электрокабелей на противоположной стене. Теперь он смог встать и осмотреть стены шахты, освещая их карманным фонариком.

На полметра ниже отверстия находилась доска, которая, как мостки, тянулась от одной стены наискось и вниз к противоположной стене, где, судя по всему, находилось похожее отверстие. Он перенес на доску одну ногу, а потом другую, и тут фонарик выскользнул из его рта и через несколько секунд погас, разбившись вдребезги.

Темнота стала такой плотной, что ему пришлось сесть на доску верхом, чтобы не потерять равновесие. Он ощупал руками стену – это отверстие было чем-то заблокировано. Но не смотровым люком, а чем-то вроде крепко сплетенной стальной проволоки или тонкой решетки. Он попытался выдавить ее, но она не поддавалась. И только когда он уперся в мостки и надавил обеими ногами, мешавший ему предмет отодвинулся в сторону, и он смог выбраться через отверстие.

В ту же секунду Фабиан понял, что он здесь отнюдь не в первый раз.

Не успела Дуня прийти домой, распаковать новый телефон и подключить его к компьютеру, чтобы перенести все свои контакты, как он позвонил. Она сразу же узнала номер Карстена, и хотя последние сутки мечтала услышать его голос, у нее не было ни малейшего желания ответить. За весь день он ни разу не попытался связаться с ней, ровно как и ее коллеги. И только теперь, когда новость о том, что она пережила, дошла до Стокгольма, он решил позвонить.

Но она не отвечала не поэтому. У нее просто-напросто не было времени.

Вместе с Яном Хеском и Кьелем Рихтером Дуня провела большую часть воскресенья в совещательной комнате, где они детально проанализировали каждый след и каждую зацепку в расследовании. Они полностью очистили доску и снова повесили туда все, но уже по-новому, пытаясь посмотреть на дело свежим взглядом. Все с целью найти другой мотив, где единственная функция Бенни Виллумсена – отвлечь на себя внимание.

Целый день Хеск изо всех сил пытался делать вид, что все нормально. Словно она никогда ему не звонила и не умоляла помочь ей. Словно он никогда не отворачивался от нее и не бросал трубку, когда она нуждалась в нем больше всего. Он даже не извинился и не сделал попытки оправдаться. Словно на полном серьезе считал, что достаточно просто работать дальше.

К тому же им не удалось добиться результата, кроме нескольких идей, причем все более или менее были притянуты за уши.

Все, кроме одной.

Эта идея пришла ей в голову еще тогда, когда она увидела снимки разложенных частей тела Кати Сков и заметила, что не хватает большой части грудной клетки. Ни Хеску, ни Рихтеру это не показалось странным, и они нашли несколько объяснений тому, как легко потерять часть тела.

Дуня же была полностью уверена в том, что преступник, которого они ищут, ничего не теряет по ходу дела. Уверена до такой степени, что ей чудом удалось уговорить Оскара Педерсена пропустить воскресную заключительную серию «Убийства» и вместо этого пойти в отдел судмедэкспертизы и еще раз осмотреть первую жертву Карен Нойман.

По этой причине Дуня проигнорировала звонки от Карстена, пока он не позвонил в третий раз.

– Дуня, это ты? Что, черт возьми, происходит? Я слышал в новостях, что...

– Любимый, все в порядке.

– В порядке? Это правда, что...

– Да, но тебе не надо беспокоиться. Сейчас все хорошо... – К некоторому удивлению, она услышала гудки, говорившие о том, что до нее пытается дозвониться Педерсен. – Послушай, я больше не могу разговаривать. Я должна положить трубку.

– Что? Подожди. Почему? Я ведь только что...

Она прервала разговор и ответила на звонок Педерсена.

– Привет... Извини, мне пришлось закончить другой разговор. Ты что-нибудь нашел?

– Да.

– И?

– Ты была права. У нее нет правой почки.

Фабиан Риск поднялся, стряхнул с себя пыль и в свете уличного фонаря увидел, что окно все еще разбито после самоубийства Оссиана Кремпа и поэтому так холодно. Он повернулся к холодильнику, который только что отодвинул в сторону, и теперь точно понял, как преступник мог незаметно проникать в квартиру Кремпа и покидать ее через квартиру, поставленную на ремонт.

Две соединенные квартиры в двух различных домах. Одна на улице Блекингегетан, вторая за углом на улице Эстгетагетан. Достаточно близко, чтобы они сразу же стали подозревать, что квартира с обернутым в полиэтилен столом – прибежище Кремпа. Достаточно далеко, чтобы мысль о том, что они на самом деле соединены, не пришла им в голову.

Он быстро сделал несколько снимков дыры в стене и внутри шахты, затем поставил на место холодильник и пошел к двери напротив.

Если бы Фабиан только что не нашел разгадку, он наверняка бы обратил внимание на то, что впервые за все его посещения дверь была закрыта.

Лишь углубившись на два метра в соседнюю комнату, он понял, что верхний свет горит прямо над столом, обернутым в полиэтилен. Полиэтилен был таким мокрым, что с него капало на пол и в большую бадью, на две трети наполненную какой-то жидкостью.

Кто-то совсем недавно был здесь и использовал установку. Фабиан быстро подошел, сел на корточки рядом с бадьей и внимательно посмотрел на прозрачную жидкость, в которую со стола стекали капли. От каждой капли к краям бадьи расходились круги. Похоже, это самая обычная вода. Но когда он наклонился, чтобы понюхать жидкость, сразу же уловил какой-то запах. Без сомнения это вода, но по какой-то причине она подсолена.

«...Очнулся в коридоре. Повсюду кричащие от боли раненые. Ничего не понял. Но когда мимо проходила медсестра, осознал, что руки в тумане не были руками моих старых друзей. Меня спас кто-то из ваших. Я остановил медсестру и спросил о тебе. Описал твои голубые глаза.

Ее крик о помощи раздался словно из ниоткуда. Наверное, дело в моем диалекте. Вскоре пришли ее коллеги. Плевались и били. Хотел объяснить, но мне не дали шанса. Так много

ненависти. Попытался встать с кровати и упал на пол. Или кто-то стащил меня вниз. Мог только свернуться калачиком и молить Бога, чтобы их удары и пинки прекратились.

И тут пришла она, врач. Думаю, ее звали Басимаа. Она помогла мне выбраться оттуда через заднюю дверь. Сказала, что знает, кто ты, и рассказала, как вы работали в одной и той же деревенской больнице в Эйнабусе. Она знала и твое имя, и в какой деревне ты живешь.

Аиша Шахин из Иматина... Самое красивое имя на свете. Аиша Шахин...

Ты существовала, и ты была гораздо большим, чем сон.

Следующей ночью я постучал в дверь твоего отца. Открыла твоя мать, она начала кричать, и вскоре подошли несколько твоих братьев. Они прижали меня к стене. Это я навлек позор на вашу семью и вынудил мать отослать тебя.

Поджидая отца, они привязали меня к дереву на заднем дворе и стали по очереди бить. Не помню, пыталась ли твоя мать заставить их прекратить, только помню, как я очнулся – меня окатили грязной водой из ведра – и попытался открыть свои разбитые глаза. Лицо твоего отца совсем рядом с моим.

Спросил меня, как я смел ступить своими грязными ногами по вашей земле. Ответил, что я пришел сюда просить твоей руки. Что я готов сделать все, чтобы получить его согласие. Ветер, мухи, листья на деревьях. Капающий кран. Все замолчало. Затем он кивнул и сказал, что я отправлюсь с его сыновьями на задание.

Аиша, скоро у меня кончатся силы. Всюду кровь, и твои братья уже затихли. Мне очень жаль, но... Конвой с поселенцами появился точно по плану, и мы вылезли наверх из расселин и стали бросать камни.

Грузовики остановились, и я увидел, как гнется листовое железо. Мне показалось странным, что они отсюда не уезжают. Твои братья кричали мне, чтобы я продолжал. Паника в их глазах. Делал, как они велели, но понял: что-то не так.

И тут они вышли из грузовиков. Слепящие прожекторы, бронезилеты и автоматы. Не спрашивай меня откуда, но они знали. Залпы эхом отдавались от отвесных скал, а мы продолжали кидать. Я тоже, хотел показать, чего я стою. Что я держу свое слово. Но, Аиша, ничего не вышло. Просто ничего

не вышло. Мы падали, один за другим, и свет прожекторов освещал в расщелине скалы, обгащенные кровью.

Они положили нас в ряд и осмотрели наши раны. Заквану по одну сторону от меня попали в глаз, но он был жив, а Васим по другую кашлял кровью. Мне в живот попали две пули, и я чувствовал, как истекаю кровью. Мог только смотреть вверх на черное ночное небо, где исчезли звезды. Собиралась непогода.

Услышал, как приехал и остановился еще один грузовик. Узнал голоса из лагеря. Попытался отвернуть лицо, когда они подошли и осветили своими карманными фонариками. Но меня никто не узнал, может быть, потому, что я был весь в крови. Меня потащили вместе с остальными и бросили в автозак.

Аиша, такое чувство, будто ты здесь и читаешь через мое плечо. Каждое слово. Каждое предложение. Я написал бы еще, но силы меня покинули. Должен собрать последние остатки, чтобы сложить письмо и положить его в конверт. Опустить в ночь. Надеюсь, Бог возьмет его и позаботится о том, чтобы однажды оно дошло до адресата.

Где бы ты ни находилась и что бы ни делала.

Однажды.

Эфраим Ядин».

Первой мыслью Софи Леандер было взять скальпель, перерезать себе сонную артерию и избавиться от мучительного ожидания. Просто погаснуть и исчезнуть в никуда почти так же заманчиво, как выжить, и, возможно, когда-нибудь в будущем выйти на свободу.

Все изменило вот это *почти*.

Стоило Софи прижать к шее лезвие и почувствовать, как сейчас оно войдет в нее, ее осенило: скальпель и тот факт, что она больше не привязана к столу, повышают ее шансы на несколько тысяч процентов. Конечно, она никак не сможет отсюда выбраться. Она осмотрела весь склад, но не нашла ничего, что бы могло ей в этом помочь. Даже два маленьких ключика, висевшие на крючке в одном из шкафов, ни к чему не подходили. К тому же двигатель двери-жалюзи находился с наружной стороны, и, похоже, внутри не было выключателя, который им управляет.

Но она может издавать звуки – пинать дверь ногами и звать на помощь, и таким образом заставить проходящих мимо остановиться и понять: что-то не так. Но пока что никто не пришел.

До этого момента.

Прижав ухо к двери-жалюзи, Софи слушала, как открылись большие ворота и в них въехала машина. Машина остановилась. Потом дверца машины открылась и закрылась. Шаги по твердому полу. Больше всего Софи хотелось стучать и молотить кулаками, производить как можно больше шума. Но не сейчас. Она по-прежнему не могла быть полностью уверена. Ей придется ждать, пока она не услышит, прошли ли шаги мимо или остановились, не доходя до ее бокса. Только пусть не останавливаются прямо у ее двери.

Софи вся дрожала от напряжения, и ее поразило, как мало ее беспокоит, что она совершенно голая. Как мало значит, кому принадлежат шаги. Мужчине или женщине, старому или молодому. Кто бы это ни был, она сделает так, что они не пройдут мимо нее. Шаги все приближались, и всего лишь через несколько секунд они пройдут мимо к одному из складов в глубине. И тогда она начнет действовать. Как только будет знать наверняка.

Но произошло то, что никак не должно было произойти.

Они остановились.

Затем наступила тишина, слишком короткая, чтобы она успела что-то

предпринять, а потом заработал электродвигатель и дверь стала подниматься вверх. Но Софи хорошо подготовилась и точно знала, что спрячется за коробками с тошнотворной пищевой добавкой, и стояла наготове со скальпелем.

Софи поставила стол на место и разложила на нем куски картона и кое-что еще, пытаясь создать видимость, будто там кто-то лежит. Это выглядело не особенно убедительно, но могло дать лишнюю секунду, которая была ей так нужна, чтобы успеть броситься вперед, вонзить скальпель во все, что подвернется под руку, обыскать карманы в поисках ключей от машины, а потом просто побежать, не оглядываясь.

Электродвигатель заканчивал свою работу. Софи бесконечное количество раз прокручивала в голове, как, замерев, сидит на корточках и ждет, пока не увидит широкую спину вошедшего. Вошедший приблизился к столу. Только тогда она бросилась из своего укрытия и ударила скальпелем, который прорезал воздух.

И больше ничего.

Когда надо было делать следующую попытку, ее уже так сбили с ног, что она потеряла равновесие. Она ударилась головой о бетонный пол и выронила из руки скальпель. Последнее, что она спросила себя перед тем, как ей в лицо брызнули газом, – почему она не реализовала свою первую идею.

Когда Софи снова очнулась, она чувствовала себя так, словно за последние сутки словно ничего не произошло. Как будто это был всего лишь сон и она только что проснулась. Игра подсознания, которая подошла к концу. Поскольку она снова лежала, привязанная к обернутому в полиэтилен столу, и во рту у нее был зонд, закрепленный скотчем.

Но у нее больше не было сил придавать этому значение. Нисколько. Она уже давно оставила надежду на скорую смерть. Ей было попросту все равно, что произойдет. С этой минуты она решила отдаться апатии. Свести счеты и потушить свет.

Во всяком случае, она хотела этого больше всего.

Но сколько бы Софи ни пыталась, она не могла не спрашивать себя, что происходит. Почему у нее совершенно мокрые волосы и они пахнут шампунем? Она действительно слышит звук ножниц? Ее стригут?

На ее лице лежало влажное полотенце, и она не могла ничего видеть. Но слышала звон ножниц, когда те сделали свое дело и их положили на металлический поднос.

Ее волосы, конечно, надо было вымыть, и не один раз. Но разве она

провела здесь так много времени, что ее надо подстричь? И разве имеет значение, что они немного отросли? Разве что-то вообще имеет значение?

Очевидно, да.

А что, если?.. Она не хотела додумывать эту мысль, но не могла удержаться. А что, если вопреки всему она выживет? А что, если она отбыла свое наказание, и теперь ее готовят к освобождению, и скоро она снова будет дома у своего любимого мужа? Как же она скучает по нему, по его теплым успокаивающим объятьям.

На нее положили что-то холодное, сначала на одну грудь, потом на другую. Затем на живот и дальше на ноги. Какой-то крем, который начали втирать руками.

Он хорошо пах.

Слабый запах кокоса.

Было только половина пятого утра, и до рассвета оставалось еще несколько часов. А что если вообще не рассветет? Но самый темный день в году еще впереди, подумала Дуня, когда, взяв картонный поднос с тремя кружками кофе, вылезла из машины и почувствовала, как холодный влажный ветер проникает во все маленькие невидимые дырочки в ее пальто. Даже вязаная шапка, которую мама Карстена подарила ей на Рождество и которую она упорно отказывалась носить, не сильно грела.

Впереди у парапета набережной она увидела Къеля Рихтера и Яна Хеска, которые стояли и что-то обсуждали. Они замолчали, как только заметили, что она идет к ним. Не надо быть Эйнштейном, чтобы вычислить, что они обсуждали ее. И теперь, побыв на холоде меньше минуты, она была почти готова согласиться со многими аргументами Хеска и Рихтера, считавшими, что условия хуже некуда.

Темнота и холод одно дело. Но в воде было еще хуже. Сильный ветер так вздыбил поверхность, что тяжелые глыбы льда прижались друг к другу, как большие зубы, перемалывающие все на своем пути. К тому же ответственный за порт несколько раз напомнил им, что они должны закончить не позднее шести.

– Какие вы бодрые и веселые, – сказала Дуня, не получив в ответ даже улыбки. – Кофе? – Она держала поднос достаточно долго, и они, в конце концов, заставили себя взять по кружке. – Как у него дела?

– А ты сама что думаешь? – Хеск кивнул в сторону вздыбившейся воды. – У тебя есть желание туда прыгнуть?

– Нет, но я же не водолаз, и насколько я вижу, он уже внизу.

– Вниз всегда попадешь... – Хеск попробовал кофе и сжал зубы, чтобы не похвалить.

Затрещала рация Рихтера.

– *Во всяком случае, машина здесь. Прием.*

– Попробуй открыть дверь и залезть внутрь. Прием, – отозвался Рихтер и отошел в сторону, чтобы ему никто не мешал.

Дуня отпила кофе и посмотрела через парапет на черную ледяную жижу. Но не смогла разглядеть ни пузырьков, поднимающихся к поверхности, ни света прожектора, который водолаз наверняка забрал с собой. Она посмотрела на акваторию порта и на катера, стоящие на якоре у противоположной набережной, и еще дальше в сторону задней стороны

замка Кронборг – последнего форпоста на востоке.

Во всяком случае, так она обычно чувствовала, когда смотрела на пролив и видела Швецию, возвышающуюся на другом берегу. Конечно, соседняя страна официально является нейтральной, и без сомнения шведы гораздо больше тяготеют к западным базовым ценностям. Но в них всегда присутствовал восточноевропейский дух со всеми их правилами, алкогольной монополией Systembolag и тому подобным.

Так она считала раньше. Теперь у нее возникло совсем другое чувство. Словно они не безнадежно отставали, а намного их опережали. Дуня не знала, с чем связано это чувство: то ли со встречей с сотрудницей полиции из Стокгольма на последнем сроке беременности, то ли с тем, что несколько дней назад она впервые за долгое время побывала в этой стране. Она была уверена только в одном: несмотря на события в Чевлинге, у нее возникло сильное желание поехать туда снова.

Дуня повернулась к Хеску и спросила его, понравился ли ему кофе, но сразу же пожалела. Почему она всегда должна прерывать молчание? Хеск со своей стороны не делал ничего, чтобы протянуть руку и разрядить мучительную атмосферу. Наоборот, он выждал, сколько было можно, и только потом пожал плечами и едва заметно кивнул.

– Вполне приличный.

– Я рада, – сказала Дуня, почувствовав, что все больше раздражается.

Пока что он и словом не обмолвился о том, как прекратил разговор прямо у нее под ухом, когда она находилась в смертельной опасности. К тому же он даже не удосужился отметить, что она была права в отношении вырезанной почки Карен Нойман. Если он думает, что ему удастся промолчать об этом, то ошибается.

– Потом я собираюсь заглянуть к Педерсену и узнать, что он думает о пропавшей почке, – сказала она, делает акцент на двух последних словах.

– О'кей. – Хеск пил кофе, глядя в никуда.

«О'кей»? Это все, что он мог сказать?

– И что ты об этом думаешь? Ты же был не совсем «за», чтобы он осмотрел ее еще раз. Но, к счастью, я настояла. – Она пожалела о последних словах, но было поздно.

Хеск пожал плечами.

– Насколько я могу судить, это не говорит ни за Виллумсена, ни против него.

– Правда?

– Да, я бы не придавал этому большого значения.

– Ни в одном из предыдущих случаев он не вырезал ни единого

органа. – Дуня приблизилась к коллеге на шаг. – Насиловал, мучил и расчленил, вот что он делал. Но когда тела находили, все было на месте. В данном случае у одной жертвы нет почки, а у другой – части грудной клетки. Какого черта ты можешь утверждать, что мы не должны придавать этому большого значения?

– Это всего лишь означает, что он не повторяется. Как я понял, у него такая фишка. Раньше он натравливал на свои жертвы собаку, которая их раздирала. Теперь он берет трофей. В следующий раз он, может быть, перемелет их и разбросает на лужайке как удобрение. – Хеск засмеялся и допил кофе.

Дуня прекрасно осознавала, что он просто берет ее на живца и ей ни за что не надо поддаваться. Но она ничего не могла с собой поделать.

– Послушайте, мне кажется, ему больше нет никакого смысла там находиться, – закричал Рихтер, и Дуня обернулась. – В машине явно ничего нет!

– Кто бы сомневался! – сказал Хеск и покачал головой.

– О'кей, пусть он только снимет номерные знаки!

– Уже снял. НХН 674. Шведские, как мы и подозревали.

Дуня подняла большой палец вверх и выдавила из себя улыбку, после чего опять повернулась к Хеску и сбросила маску.

– Ты ведь не относишься к этому серьезно? Для тебя это всего лишь дурацкая игра, где ты можешь позволить себе вести себя так, как тебе вздумается.

Хеск покачал головой.

– Да, признайся! Ты как проклятая злая баба тратишь всю свою энергию на то, чтобы саботировать и говниться. Тебе полностью наплевать, что преступник по-прежнему на свободе.

– Нет, Дуня, это не так.

– Нет? Сколько еще нужно жертв, чтобы ты очнулся? Три? Десять?

– Нисколько. Больше не будет никаких жертв, поскольку кое-кто проткнул ему и легкие, и сердце.

– Но это же не...

– Дуня! Это был он, хорошо? Никто, я имею в виду весь наш чертов отдел, не верит в твое привидение! Кроме тебя, разумеется. Все остальные не сомневаются, что это Виллумсен. Мы сейчас стоим здесь и замерзаем с головы до пят только потому, что Слейзнер считает тебя сексуальной и мечтает вскочить на тебя.

Она поняла, что натворила, только когда услышала звук. Но было слишком поздно: дело уже сделано. Она возникла словно из ниоткуда на

бешеной скорости. А поскольку все произошло спонтанно, это удивило ее в той же степени, что и Хеска.

Но не это было самым страшным.

Ее ладонь на его щеке.

Пошла кровь, и щека покраснела.

Взгляды, сказавшие все.

Самое худшее, что он был прав.

Малин Ренберг перевернулась с одного бока на другой. На движение, которое обычно занимало не больше секунды, из-за ее проклятого токсикозного живота на последних сроках беременности ушло минимум полторы минуты. Она не знала, сколько раз перевернулась. Во всяком случае, достаточно, чтобы испытывать депрессию и быть не в состоянии лежать спокойно больше пяти минут. Потом она начинала представлять себе гнойные пролежни и червей, и ей приходилось снова переворачивать свою тушу.

Малин не могла пожаловаться на палату, куда ее перевели по настоянию Фабиана. Во многих отношениях она была лучше предыдущей. Она была после ремонта, в ней висели картины и шторы, и имелся телевизор, который, разумеется, не был подключен. К тому же это была одноместная палата, и ей не надо было делить с кем-то туалет, что Малин не любила больше всего на свете. На работе, до того, как у нее начался острый токсикоз, она никогда не ходила в туалет, и будь у нее возможность, она бы, как Ингмар Бергман, потребовала бы отдельный.

Проблема заключалась в том, что она отчаянно скучала. С четырех часов, когда ее разбудили для измерения давления, Малин лежала без сна и не могла снова заснуть. И теперь, спустя почти три часа, так изнывала от скуки, что сомневалась, переживет ли еще пять минут без событий. Она уже представляла заголовки.

КРИМИНАЛЬНЫЙ КОМИССАР НА ПОСЛЕДНЕМ СРОКЕ БЕРЕМЕННОСТИ СКОНЧАЛАСЬ ПО ПРИЧИНЕ ТОСКИ

Если бы ей разрешили поехать домой! Почему нельзя лежать дома под капельницей и самой мерить давление раз в два часа, было выше ее понимания. Врач ничего не делал, кроме как приходил к ней раз в сутки. Если это можно назвать приходом. В действительности это было не больше едва заметного кивка и отдельных бормотаний, и потом он шел дальше к следующему пациенту.

– Любимая... – Ее поцеловали в лоб. – Я здесь.

Она посмотрела на склонившегося к ней мужчину и поняла, что это ее муж Андерс, а значит, она заснула.

– Сколько времени?

– Почти половина девятого. Как твои дела? Хорошо ли прошла ночь? – Он сел на край кровати.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом. Ты принес мои вещи?

Андерс поднял ее рабочую сумку.

– При одном условии. Что ты не начнешь работать.

– Да... Давай ее сюда, – Малин потянулась за сумкой, но он упрямо не отдавал ее.

– Любимая, говорю серьезно. Вчера я разговаривал с врачом, и он сказал, что...

– Андерс, следствие окончено. Хорошо, я не буду работать. Обещаю. Я только немного читаю газеты и поговорю с мамой по скайпу.

Он неохотно поставил сумку рядом с кроватью.

– А этот Фабиан, он тебя навестил?

– *Этот Фабиан?* – она покачала головой. – Не понимаю, почему он тебе так не нравится. Нет, его здесь не было. А если и был, то только для того, чтобы проверить, как я. Не для того, чтобы работать. – Она встретила скептический взгляд мужа. – Да, это так. Ты можешь быть полностью спокоен.

– Я не успокоюсь, пока это не закончится. – Он положил руку ей на живот. – И по словам врача, очень важно, чтобы ты...

– Отдыхала. Андерс, я знаю. Я только и делаю, что отдыхаю. Я так много отдыхала, что страшно устала. Кстати, тебе не пора идти?

– Точно... – Он посмотрел на часы и встал. – Но...

– Увидимся.

– Да, увидимся. Попытайся вести себя спокойно и отдыхать, и...

– Бай-бай, любимый, – она помахала ему. Он пошел к дверям и скрылся.

Малин больше всего хотелось поставить сумку на кровать и начать работать, но она слишком хорошо знала своего мужа и ждала, пока он сделает ей «сюрприз», еще раз просунув голову в дверь палаты. После этого схватила компьютер, включила его и подключила мобильный, чтобы заработал интернет. Как же она к этому стремилась!

Наконец можно поработать.

Фабиан соскреб последнюю изморозь с ветрового стекла, сел в машину и стал ждать, пока двигатель нагреет салон. Тем временем он пытался избавиться от чувства, что все больше катится по наклонной плоскости. Хотя только что совершил двухчасовую утреннюю прогулку по району Седермальм, слушая в наушниках композицию *Kiss Me Kiss Me Kiss Me* группы The Cure.

Что бы он ни делал, все словно ускользало у него из рук. Но Соня, кажется, пережила свой маленький ад. Она поехала с детьми к своей сестре Лисен на остров Вермде, где они все вместе через три дня будут праздновать Рождество.

Больше всего на свете Матильда любила поездки к своим кузенам и к своей тете, которая всегда была дома и заботилась о том, чтобы были свежие булочки и было чем заняться. Фабиан был уверен, что даже если бы Матильда ответила «нет», она бы с удовольствием променяла его и Соню на Роланда и Лисен.

Роланд зарабатывал кучу денег на своих фирмах, а Лисен решила оставить карьеру юриста и стать домохозяйкой. Неудивительно, что детям это нравилось. Даже Теодор не стал протестовать и поехал с ними. Теперь все были у них, готовили на кухне рождественский стол, заворачивали свертки с подарками и искали в лесу елку.

Все, кроме него. А ведь он обещал себе, что не будет таким. Родителем, у которого никогда нет ни времени, ни сил. Который испытывает одно облегчение, как только его дети куда-то уезжают, или кто-то другой берет на себя ответственность за них. Он опустил козырек от солнца, открыл крышку зеркала и убедился, что это написано у него на лице.

Во всех отношениях он все больше стал походить на своего отца.

Соня думала над ситуацией и пришла к выводу, что, может быть, им стоит пойти разными путями. Что они заслуживают чего-то лучшего, чем переживать кризис, который, похоже, никогда не кончится. Но по ее глазам он видел, что ей это не очень по душе. Что больше всего она хочет, чтобы он проявил инициативу и, как всегда, попытался убедить ее, что у них все равно есть будущее.

Но он не мог привести никаких аргументов и, хотя не спал всю ночь и обошел весь Седермальм, по-прежнему не знал, что делать.

Это касалось как Сони, так и Хермана Эдельмана.

Честно говоря, он понятия не имел, как, не раскрывая слишком много подробностей, заставить своего начальника возобновить расследование. Фабиан был полностью убежден только в одном: он занимается одним из самых сложных дел об убийстве в своей жизни, в котором все думают, что преступник опознан и мертв, а на самом деле – находится на свободе и не показывает никаких признаков того, что он закончил.

Снимки послали по кругу. Снимки были сделаны на расстоянии и изображали десяток легко одетых женщин с блуждающим беспокойным взглядом, которых вытаскивают из фургона и заталкивают в клуб через серую заднюю дверь.

– Эти снимки сделаны немногим больше двух месяцев назад рядом с клубом «Black Cat». Здесь вы видите так называемую поставку товара, который должен пройти первый отбор, – пояснил Маркус Хеглунд. Сидевшие за столом Ярмо Пяивинен, Томас Перссон и Херман Эдельман кивнули.

– Кстати, никто не знает, когда придет Риск? – спросила Ингер Карлен, стоящая рядом с Хеглундом и сморкающаяся в носовой платок, который давно надо было сменить.

– Начинайте, – сказал Эдельман. – У меня много дел.

– Ол райт, – сказала Карлен и сдержалась, чтобы не чихнуть.

– Итак, как мы поняли, в клубе их выводят на сцену, одну за другой, и там их «осматривает» сам Диего Аркас и решает, в какой бордель их везти дальше, – продолжил Хеглунд, взяв последнее печенье из коробки.

– Что значит «осматривает»? – задал вопрос Томас, хотя, похоже, он уже знал ответ.

– По понятным причинам мы там не были и не видели все собственными глазами, – сказала Карлен. – Но я практически убеждена, что даже тебе стало бы плохо, если бы ты это увидел.

– Во всяком случае, у нас есть явное свидетельство того, что в любой момент может поступить новая партия. – Хеглунд обмакнул печенье в кофе. – И тогда мы устроим облаву.

– Но когда, вы точно не знаете? – спросил Эдельман и потянул себя за бороду.

– Могу сказать только, что это произойдет в ближайшие несколько суток. Потому с этого момента мы должны работать посменно и держать наготове спецназ.

– О'кей, – кивнул Эдельман. – Я сообщу им. Сколько человек вам

надо?

– Минимум тридцать, – сказала Карлен.

– Тридцать пять? – Эдельман оторвал глаза от мобильного.

– Чтобы одновременно накрыть и клуб, и маленькие бордели, – сказал Хеглунд. Тут открылась дверь, и в комнату вошел Фабиан.

– Фабиан, – Эдельман повернулся к нему. – А мы думали, куда ты подевался. Что-то случилось?

– У тебя есть время? – спросил Фабиан, не глядя на остальных. – Лучше всего прямо сейчас.

– Что случилось? – спросил Эдельман, закрыв за собой дверь.

Фабиан повернулся к нему. Он решил начать издали и походить вокруг да около, прежде чем перейти к делу. Но его поздний приход на утреннее совещание уже исключил все эти возможности.

– Мы должны снова начать расследование в отношении Гримоса и Фишера.

У Эдельмана был такой вид, словно он ослышался. Он снял свои маленькие круглые очки.

– А почему ты так думаешь? Сядь.

– Я ничего не думаю. – Фабиан сел на потертый диван. – Херман, мы шли по ложному следу. Оссиан Кремп служил лишь приманкой, чтобы повести нас не туда.

– Подожди. Ты на полном серьезе считаешь, что Кремп невиновен?

– И что преступник по-прежнему на свободе. Да, именно так я и считаю.

Эдельман засмеялся, покачал головой и достал из холодильника две бутылки пива, которые поднял вверх с вопросительным видом.

– Нет, спасибо. Не надо, – ответил Фабиан, хотя, возможно, как раз это ему и было нужно.

– Понятно... Скажи, если передумал. – Херман открыл одну бутылку, перелил содержимое в стакан и сел в кресло для чтения у окна. – Фабиан, честно говоря, я не знаю, откуда ты это взял. Я считаю тебя хорошим следователем, ты знаешь мое мнение о тебе. Одним из лучших. – Он отпил пива, взял свою трубку и начал набивать ее. – Но, откровенно говоря, ты, похоже, заблудился в трех соснах.

Фабиан подождал, пока начальник зажжет трубку и наполнит свои легкие серебристым дымом, и потом продолжил:

– Ты помнишь ту женщину в автобусе? На всех снимках у нее вырезаны глаза.

– Да, она была возможной жертвой.

– Именно. А теперь я подозреваю, что она мертва.

Эдельман кивнул и сделал глоток с таким спокойствием, которого Фабиан никак от него не ожидал.

– Я хочу сказать, что почти уверен, что она мертва, – добавил он, почувствовав, как весь разговор идет не в ту сторону.

– Ты совершенно прав, – Эдельман одарил его довольной улыбкой. – Она действительно мертва.

– Что, вы ее нашли?

Все пошло не по плану. Эдельман должен был удивиться и начать колебаться, а вместо этого Фабиану самому приходится удерживать равновесие.

– Ее зовут Семира Аккерман. Сегодня ночью капитан парома, который курсирует между Седермальмом и Хаммарбю-Шестадам, забил тревогу, увидев ее лежащей между глыбами льда. Очевидно, она решила пойти по льду.

– Какой дурак будет пробовать переходить по льду? Это же прямо через фарватер.

– Это так. Может быть, она хотела не перейти, а просто выйти и посмотреть. И случилось то, что случилось, – Эдельман пожал плечами и пыхнул трубкой. – В это время года это происходит почти каждый день. Посмотри сам, снимок лежит на письменном столе.

Фабиан подошел к столу и поднял снимок, изображающий, как замерзшую женщину поднимают на палубу. Без сомнения, это та самая женщина. Но это был не несчастный случай. Теперь стало понятно, почему вода в тазу была подсолена.

– Фабиан, что с тобой? Ты выглядишь очень, как бы это сказать...

– Сегодня ночью я еще раз осмотрел квартиру Кремпа, – перебил его Фабиан. – И нашел, в частности, переход, ведущий прямо в квартиру под ремонт, что многое объясняет. И в...

– Да, таким образом он выходил в...

– Нет, таким образом преступник входил к нему.

– А зачем кому-то могло понадобиться...

– Чтобы заменить его лекарство на плацебо. Херман, он держал Кремпа под постоянным наблюдением. В одной из книг на книжной полке, знаешь, что я... – Фабиан сдержался. Он теряет контроль и слишком много говорит. Он взял себя в руки, сделав глубокий вдох. – Кто из судмедэкспертов ее осматривает? Гострем?

– Нет, она не занимается несчастными случаями. Фабиан, легкие

женщины были полны воды. Больше ничего интересного. Честно говоря, я не понимаю, куда ты клонишь. Что Кремп был невиновен и что есть кто-то другой, кто... Ты уж меня извини, но все это в высшей степени странно. – Эдельман выпустил дым.

– Ты мне не веришь?

– Речь идет не о том, чему я верю. Речь идет о том, что все это следствие, каждое доказательство, мотивы – все указывает на Кремпа. Даже этот переход, о котором ты говоришь. И вот ты, который, похоже, всю неделю глаз не сомкнул, вваливаешься сюда и утверждаешь, что он невиновен. Этого недостаточно. Ты ведь сам понимаешь: чтобы все перевероршить, мне нужно что-то более конкретное.

– Херман, когда я пришел в квартиру под ремонт, стол был влажный. С него еще капало. Незадолго до меня там кто-то был, и все говорит о том, что там утопили Семиру.

– А почему ты так уверен в том, что это не какой-то бомж, который притащил с собой снега и вздремнул в тепле?

– И поставил туда бадью с подсоленной водой? Я в это не верю. А что касается следствия, я уверен в том, что достаточно доказательств, которые подтверждают мою версию. Проблема в том, что дело исчезло.

– Как так исчезло? – первый раз за время встречи у Эдельмана был действительно удивленный вид.

– Должно быть, кто-то был здесь в выходные и все убрал.

– Оно ведь окончено, а поскольку никакого процесса не будет, его, наверно, отправили в архив. – Эдельман подошел к письменному столу и тронул мышь, чтобы оживить компьютер.

– Насколько я могу судить, нет. Возможно, ты дашь мне стоящее объяснение?

– Извини? – Эдельман посмотрел Фабиану в глаза.

Последние часы Фабиан был убежден в том, что его начальник знает гораздо больше, чем показывает. Но внезапно он почувствовал неуверенность. Может быть, Эдельман все же думал, что за всем стоит Кремп. Он понял, что, как бы он ни хотел, у него не остается выбора – прежде чем идти дальше, надо выяснить фактическое положение вещей. Он просто-напросто вынужден загнать своего старого наставника в угол, чтобы узнать его настрой.

– Вот оно, как я и думал. – Эдельман поднял глаза от экрана.

– Что, ты нашел архивный номер?

– 0912-305/Н152. Объем: 0,4 погонных метра.

– О'кей, отлично, – сказал Фабиан, не говоря ни слова о том, что

сегодня ночью никакого номера не было. – Наверное, я был слишком усталым. Пожалуй, я все же выпью пива.

– Выпей. Но только быстро. Мне надо идти к Кримсону на совещание по поводу бюджета. – Эдельман выключил компьютер и положил в рот несколько жвачек. Тем временем Фабиан открыл бутылку пива и стал пить.

– Пожалуй, ты прав. У меня, наверное, просто переутомление.

– Не то чтобы я особенно отмечал, – Эдельман поправил галстук перед зеркалом, – но, думаю, весь отдел будет лучше себя чувствовать после Рождества и каникул.

– Да, кстати, тот разговор по мобильному, который состоялся у вас с Гримосом за несколько часов до его смерти.

– Да?

– О чем вы там говорили?

– Ты уже один раз спрашивал.

– Разве? И что ты тогда ответил?

– То же, что и сейчас. Он просил совета перед депутатскими дебатами, на которые собирался. К сожалению, больше ничего интересного, – сказал Эдельман и поправил бороду.

Все сомнения как рукой сняло. Эдельман лгал ему прямо в лицо, и хотя Фабиан больше всего хотел достать мобильный и воспроизвести подслушанный разговор, он кивнул и постарался придать себе как можно более довольный вид.

С этого момента надо держать язык за зубами.

Дуня сразу же увидела по Оскару Педерсену, как ему все это в тягость. Как он изо всех сил пытался сохранить хорошую мину, когда принимал их в отделе судмедэкспертизы и не хотел ни на йоту показывать, что на самом деле чувствует. За все годы работы судмедэкспертом он пропустил то, что, возможно, оказалось самым существенным во вскрытии. Да и во всем следствии. А именно мотив, по которому убили Карен Нойман и после нее Катю Сков. В первом случае – отсутствие почки. Во втором – легкого.

Объяснение, почему он это упустил, настолько же не выдерживало никакой критики, как бочковое пиво на улице Стрегет.

– И как я уже сказал по телефону, не было никакого основания идти дальше после того, как установили причину смерти. – Педерсен приложил свою карточку безопасности и нажал на дверь, так что Дуня и Ян Хеск смогли пройти в морг.

У Дуни было достаточно аргументов в отношении такого грубого упущения, и она без проблем могла заявить об этом в Главное полицейское управление, и у него бы отобрали лицензию. Но она решила обозначить свою позицию, делая вид, что ничего не произошло. Хеск, напротив, улыбался и кивал, изо всех сил стараясь продемонстрировать свою солидарность.

– Это не только мои деньги как налогоплательщика, но и в такой же степени ваши, – продолжил Педерсен, бросив взгляд на Дуню, после чего открыл морозильную камеру и вытащил носилки с Карен Нойман.

Прошла почти неделя с тех пор, как Дуня впервые побывала на месте убийства и увидела разрубленное тело. Теперь, посмотрев на тело второй раз, она лучше поняла, как Педерсен мог не заметить отсутствие почки.

– Как я уже сказал, она не особенно хорошо выглядит снаружи, – Педерсен кивнул на израненное тело. – Но это ничто по сравнению с тем, что у нее внутри. Словно кто-то поработал ручным блендером. И если бы не ты, Дуня, – ты настояла и буквально попросила меня посмотреть, все ли органы на месте, – я бы этого вообще не обнаружил.

Ей хотелось расплыться в улыбке и кивнуть. Показать, как она ценит его похвалу. Но она сдержала порыв и сохранила на лице ничего не выражающую мину, прекрасно осознавая, что в противном случае сразу же потеряет свое преимущество.

– Ты нашел что-то еще? – спросила Дуня. Не потому, что чего-то

ждала; в основном она хотела подчеркнуть, что ничего не закончено, пока она не скажет, что закончено.

Педерсен кивнул.

– Нашел, раз уж мы об этом заговорили, – сказал он и молча потянул себя за усы.

Дуня слишком хорошо знала Педерсена, чтобы попасться в его ловушку и спросить, что он нашел. Нет, так просто он этого не получит.

– Так что ты нашел? – спросил Хеск, тем самым добровольно поставив себя на самую нижнюю ступень иерархии.

– После того, как ко мне обратилась Дуня, я позволил себе просмотреть расследования в отношении предыдущих жертв Виллумсена, и, судя по ранам, сделал предварительный вывод, что он, по всей вероятности, левша. Я связался с моим дорогим коллегой Эйнарсом Грейде в Хельсингборге, и оказалось, что он во время своих изысканий пришел к точно такому же заключению.

– А почему это так важно? – спросила Дуня, и ей сразу же захотелось отмотать назад и промолчать. Она уже сейчас видела, что Педерсен вырос как минимум на пять сантиметров и получает настоящее удовольствие от этих вопросов.

– Видишь ли, все удары, похоже, были нанесены преступником-правшой. Разумеется, мне надо провести более подробное обследование, чтобы быть уверенным на сто процентов. Но если довольствоваться девяносто пятью, угол нанесения ран говорит о том, что он держал топор вот так, – Педерсен показал в воздухе руками. – То есть правая рука впереди, левая сзади. Это, без сомнения, самое естественное для правши. А когда он потом замахнулся, то поднял топор над головой с правой стороны, вот так, – Педерсен несколько раз ударил воображаемым топором по вспоротому животу Карен Нойман.

– Думаю, мы поняли, – сказала Дуня, и Педерсен перестал размахивать топором. – Ты хочешь сказать, что это еще один аргумент в пользу того, что Виллумсен тут ни при чем.

Педерсен засомневался, бросил взгляд на Хеска и, в конце концов, кивнул.

– Как я сказал, существует определенная допустимая погрешность, и, конечно, он мог приложить усилия и рубить с правой руки, только чтобы сбить нас с толку.

– Но поскольку раны такие глубокие, он должен был ударять как следует, то есть это не слишком вероятно?

– Нет.

– Прекрасно. А ты что скажешь, Ян? – Дуня повернулась к Хеску и решила не спускать с него глаз, пока он не ответит.

– Честно говоря, не знаю, что сказать. По-прежнему слишком многое говорит о том, что это Виллумсен, и я не могу сбросить его со счетов.

– В этом-то все и дело. Убийство совершено именно таким образом, чтобы подозрения пали на него, а не на того, у кого был реальный мотив.

– А какой мотив реальный?

– Здесь пропавшая почка, а у Кати Сков легкое.

– Не будем придирааться. Но, Дуня, это органы, а не мотив.

Дуня позволила себе закатить глаза и повернулась к Педерсену.

– Ты можешь войти в систему и посмотреть истории болезни жертв?

– Могу, не могу... Почему я должен...

– Потому что я тебя об этом прошу.

Педерсен опять потянул себя за усы, переглянулся с Хеском и пожал в ответ плечами.

– Да, хорошо... – он подошел к стоящему в углу компьютеру и пошевелил мышью. – Но если там обнаружится что-то интересное, обещаю потом это стереть, ладно?

– Да-да, начинай.

Педерсен зашел на страницу архива историй болезни и хотел задать поиск, как увидел полученный мейл.

– Ой, уже есть результат анализа ДНК. Быстро сработано.

– Анализ ДНК образца спермы? Разве его не делают неделю? – удивилась Дуня.

– Я тоже так думал, – сказал Педерсен. – Они хотели закончить все дела до Рождества. Во всяком случае, вот он... – Он замолчал, чтобы прочесть еще раз.

– И?

Педерсен повернулся к Дуне, а затем к Хеску.

– Это Виллумсен.

– Бенни Виллумсен? – повторила Дуня и увидела, как Педерсен кивнул. Она не верила своим ушам. – Мы говорим об образцах спермы, которые ты нашел в Кате Сков?

– И в ней, и немного вокруг, если уж быть точным.

Дуня увидела, как рушится карточный домик, который она строила.

– О'кей, а теперь достань эти истории болезни, я хочу на них посмотреть.

– Дуня, хватит, – сказал Хеск. – Слейзнер разрешил нам продолжить до результатов анализа. Теперь у нас есть результаты.

– Да, но... – она повернулась к Педерсену: – Ты можешь показать мне истории болезни?

– Поскольку следствие, насколько я понял, окончено, ответ должен быть «нет».

– А вся эта болтовня о том, что преступник правша, больше ничего не значит?

– Как я уже сказал, и я очень хорошо помню, что я это сказал, существует допустимая погрешность. И на этот раз, похоже...

– Черт знает что. Какое-то безумие. Чем вы занимаетесь?

– Дуня, мы просто делаем свое дело. Пойдем отсюда, Оскару надо работать. – Хеск повернулся, чтобы уйти.

– Какого черта ты называешь это «делать свое дело»? Разве я по тебе не вижу? Ты ведь тоже считаешь, что здесь много чего интересного и можно идти дальше.

– Вот как, ты это видишь? – Хеск повернулся к ней. – И почему тогда я этого не делаю?

– Сказать? Либо просто из вредности. Либо, что более вероятно, тебе слабо пойти против Слейзнера, хотя ты, так же как и я, хорошо знаешь, что ему совершенно наплевать, что у нас не тот человек. Ему лишь бы статистика хорошо смотрелась.

– Ты забываешь о третьей альтернативе. Что на самом деле это был Бенни Виллумсен. – Хеск повернулся к Дуне спиной и покинул комнату.

Прижимая мобильный к уху, Фабиан вышел из лифта, спустившись на три этажа под землю, и пошел по коридору в сторону архива.

– Алле? Ты меня еще слышишь?

– Да, и если тебе хоть немного интересно, что я выяснила о Гидоне Хассе, ты сейчас меня выслушаешь, – сказала Нива и объяснила, как трудно было его найти.

Фабиан дал себе обещание, что вечер в «Людмаре» – его последняя встреча с Нивой. Но после разговора с Эдельманом он понял, что нет другого выхода, кроме как возобновить с ней контакт и рассказать все от событий последних суток до своих версий о том, как все взаимосвязано.

К его большому облегчению, она сразу поверила его рассказу и к тому же согласилась помочь, не требуя взамен ни баров, ни ужинов. Нива только предупредила, что будет принимать участие в расследовании, пока оно официально окончено.

– Гидон Хасс, или Гидон Эзра Хасс, это его полное имя, – врач и патологоанатом, который специализируется – а теперь сядь – на пересадке органов.

– О'кей. – Фабиан почувствовал, что наконец нащупывает нить. – А у него есть своя клиника?

– Была. А именно Израильский национальный судебно-медицинский институт в Абу-Кабире. По слухам, под его руководством институт собрал большое количество органов и тканей и служил своего рода узлом связи и одновременно одним из самых крупных поставщиков на черном рынке торговли органами. Еще всего лишь несколько лет назад эта деятельность была в Израиле совершенно легальной.

– Легальной?

– Да, поскольку они предпочитают, чтобы их хоронили целыми, добровольное донорство органов стоит у них на одном из самых последних мест в западном мире.

– Тогда откуда они получали все органы? – спросил Фабиан, продолжая идти вперед вдоль рядов передвижных полок, одновременно проверяя, есть ли связь.

– В основном от так называемых охотников за органами, которые орудуют в бывших советских республиках и в беднейших частях Азии и Латинской Америки. И если верить самым страшным обвинениям, часть

органов они также брали у раненых палестинцев.

– Мило.

– Еще бы.

– Но в клинике в Абу-Кабире он больше не работает, – сказал Фабиан и дошел до полки под номером 152.

– Да, его уволили, как только новый закон вступил в силу, и с тех пор его не видели.

– Вот как. Он что, в бегах? – Фабиан отодвинул полку в сторону, протиснулся в образовавшийся проход и быстро нашел папки с архивным номером 0912-305.

– Как я уже сказала, он не делал ничего противозаконного, и ему не от чего бежать.

– И все же Хасс ушел в подполье.

Как он и думал, папки были пусты.

– Похоже, что так.

Конечно, в них лежали материалы, которые в глазах непосвященных могли напоминать материалы расследования. Несколько копий документов тут, несколько снимков там, но они не имели ни малейшего отношения к настоящему следствию.

Первый раз Дуня пошла на рождественский корпоратив в полиции Копенгагена два года тому назад. Она не могла оправиться от переживаний до весны, хотя была наслышана о реках алкоголя, танцах лимбо, где каждая неудачная попытка стоила предмета одежды, и сломанных под весом человеческих тел копировальных машинах. Но она не была готова к тому, что это поле битвы окажется во много раз хлеще, чем фестиваль в Роскилле. Коллеги, которые в обычной жизни производили впечатление вполне благоразумных людей, словно подменили, и они вели себя как свиньи, которым сделали лоботомию. И это еще мягко сказано.

На следующий год она лежала дома с гриппом, который не оставлял ее в покое до января. Когда Дуня вышла на работу, никто не хотел рассказывать подробности, но решение руководства в дальнейшем проводить рождественские корпоративы по понедельникам говорило о многом.

Несмотря на это, Дуня сначала решила не идти. Главным образом потому, что Слейзнер посадил ее рядом с собой, но еще и потому, что знала, как переживает Карстен. Как бы она ни заверяла его, что ей никогда не придет в голову пойти на сторону, тем более с коллегой по работе, Карстен набрасывался на нее, как следователь на допросе, и требовал полного отчета за каждую проведенную на вечере минуту.

Но в конце концов она передумала. Не потому, что ей хотелось пойти. Нет, ей было не до праздников. Поражение у Педерсена в отделе судмедэкспертизы не отпускало ее, и хотя анализ ДНК образца спермы указывал на Бенни Виллумсена, она не могла поверить, что он действительно стоит за убийствами. Он не только совершенно ничего не понял, когда она спросила его о производственном помещении под Чевлинге. Он к тому же был на голову выше и на несколько размеров больше, чем тот мужчина, которого Дуня застала за разделыванием Кати Сков.

Где-то есть совсем другой мотив, связанный с пропавшими органами, в этом она была уверена, и ей было трудно понять, почему у Хеска, Педерсена и Рихтера нет желания выяснить это. Словно они так прогнулись под Слейзнером, что не решались идти на конфликт. Или, может быть, у них просто нет сил в эти последние дни перед Рождеством.

Сама она не хотела оказаться в их положении и пользоваться свободой

от ответственности и возможностью всегда свалить вину на кого-то другого. Когда ничто, по большому счету, не имеет значения. Особенно правда. И тут она вспомнила о том, что сидит рядом со Слейзнером.

Дуня решила прибегнуть ко всем уловкам и по максимуму использовать ситуацию, чтобы склонить его на свою сторону и дать ей возможность продолжить расследование. Поэтому в кои-то веки она более тщательно наложила макияж, а не просто тушь для ресниц и тени для век, как обычно. С помощью пудры и крема ей удалось замаскировать самые страшные синяки и, перепробовав несколько помад, она выбрала самую красную, идеально подходящую к красному платью. Вместо маленьких жемчужных сережек, которые мама подарила ей на конфирмацию, Дуня надела два больших золотых кольца, забинтовала левую лодыжку, которая уже начала заживать, эластичным бинтом, натянула чулки с контрастной стрелкой и наконец надела туфли с самыми высокими каблуками, какие у нее были.

Удивившись, как в них легко стоять, она сделала несколько кругов по гостиной с таким видом, словно никогда больше не дотронется до кроссовок. После чего встала перед зеркалом в спальне, поправила волосы так, чтобы спрятать под ними царяпину на лбу, и стала себя рассматривать.

Второй раз за последнее время Дуня не узнала себя в зеркале. Платье, макияж, туфли. Да, она совсем на себя не похожа. Во всяком случае, какой она себя представляет. Но дело было далеко не в одежде. Вещи послужат всего лишь для того, чтобы обвести Слейзнера вокруг пальца. Нет, тут что-то другое. То, что гораздо труднее надеть.

Что-то в ее взгляде.

– Речь идет о самоубийстве, а я этим вообще не занимаюсь, – сказала Азиза Тострем, в обычной жизни один из самых доброжелательных людей, которых знал Фабиан. Всегда можно было задать еще один вопрос, и ее терпению не было предела, когда кто-то что-то не понимал. Сейчас в ее голосе уже звучало раздражение. – К тому же следствие окончено.

Фабиан открыл тяжелую железную дверь и прошел в гараж, выдерживая паузу.

– О'кей... – в конце концов вздохнула Тострем. – На что ты хочешь, чтобы я посмотрела?

– Не знаю. Лучше всего проверить, все ли органы на месте. – Он услышал в мобильном тяжелый вздох.

– Фабиан, мы имеем дело с утопленником, и помимо полных воды легких никаких видимых повреждений не было.

– Да, но чего-то не хватает, я в этом уверен. Глаза. Вы их проверили? – сказал Фабиан, услышав по изменившейся акустике помещения, что Тострем находится в морге и открывает одну из морозильных камер.

– Да, сюрприз, глаза на месте. Ты серьезно думаешь, что кто-то мог пропустить...

– Азиза, я понимаю, что глаза на месте, но ты можешь их осмотреть?

– А почему я должна...

– Сделай, прошу тебя.

Новый тяжкий вздох. Последовала тишина, во время которой Фабиан сел в машину и повернул зажигание. Так что он несколько не удивился ответу.

– Черт побери, ты прав. В правом глазу нет роговицы.

– Спасибо. Только это я и хотел узнать, – сказал Фабиан и закончил разговор.

Вот что делал преступник в квартире под ремонт. Утопив Семиру Аккерман, он отрезал и вынул ее правую роговицу. Такое вмешательство никто бы не обнаружил, пока все были сосредоточены на ее полных воды легких.

Фабиан подъехал к гаражным воротам, которые стали медленно пропускать дневной свет. По телу пробежал озноб, и он задрожал, хотя холодно не было. На спине выступил пот, и рубашка прилипла к телу. Пульс участился. Что-то случилось. Он только не понимал что, пока до

него не дошло, что он находился совсем близко. Он, вероятнее всего, наскочил бы прямо на преступника, если бы не скрытая камера на книжной полке Оссиана Кремпа.

Ясно, что через нее его увидел преступник и понял, что есть риск, что он в любую минуту обнаружит переход в квартиру на ремонте. Может быть, он даже уехал на «Опеле», стоявшем на парковке прямо перед его машиной.

Фабиан выехал из гаража полиции и направился куда глаза глядят. Ему надо было только отъехать от работы. От Эдельмана и всех остальных. Он свернул направо по улице Бергсгатан, а потом повернул налево в сторону улицы Хантверкаргатан. Пульс пришел в норму.

Если окажется, что даже часть сведений, которые раздобыла Нива, соответствуют действительности, разразится такой скандал, что репутация Израиля потонет в крови на многие годы вперед. Теперь совершенно ясно, что к этой истории причастно израильское посольство. Но по-прежнему непонятно, каким образом и было ли это санкционировано сверху. А поскольку следствие не было официальным, он не мог просто так вызвать людей на допрос, тем более если речь идет о сотрудниках посольства.

Когда он поравнялся с Ратушей, на пассажирском сиденье зазвонил телефон. Он увидел, что это Малин Ренберг. Он не стал брать трубку, и включился автоответчик. Но когда коллега через секунду сделала новую попытку, понял, что она, как назойливая муха, почуявшая запах крови, не сдастся, пока ей не ответят.

– Привет, как раз собирался тебе позвонить, чтобы узнать, как у тебя дела, – сказал он, проезжая по мосту Васабрун.

– Не смей меня...

– Малин, я действительно собирался...

– Если тебе это правда интересно, могу сказать, что никогда в жизни мне не было так скучно. Мне так тошно, что, обещаю, если скоро ничего не произойдет, я окончательно сойду с ума. Поэтому расскажи, что происходит.

– Ничего особенного. Я только что встречался с Эдельманом, и мы договорились, что я уйду на рождественские каникулы с...

– Ха. Ха. Ха.

– Что?

– Ради бога, прекрати... Кого ты пытаешься обмануть? Самого себя или?..

– Нет, но, может быть, твоего мужа, – сказал Фабиан и вздохнул. – Ты в курсе, что Андерс фактически запретил мне разговаривать с...

– Плевать мне на Андерса! Лучше расскажи, что происходит!

– Ладно, но это под твою ответственность.

Фабиан начал рассказывать о переходе между квартирой Кремпа и квартирой на ремонте. О том, как преступник наверняка был там и утопил женщину из автобуса, которую нашли утонувшей в озере Хаммарбюшен. Он рассказал о скрытой камере, которую нашел на книжной полке, о записанном разговоре по мобильному между Гримосом и Эдельманом и о том, как они упомянули некоего Гидона Хасса.

– Так, подожди. Мы говорим об Эдельмане, который Херман Эдельман?

– Да.

– Проклятье. Ты серьезно считаешь, что он может быть причастен?

– Во всяком случае, он врет о разговоре и отказывается возобновить расследование. Значит, он что-то скрывает.

– А этот Гидон Хасс. Кто это?

– Израильский патологоанатом и эксперт в области пересадки органов.

– Опять Израиль. Вот где взаимосвязь.

– Ты читаешь мои мысли. К тому же все три жертвы лишились своих органов: Адам Фишер – сердца, Карл-Эрик Гримос – печени, а Семира Аккерман – роговицы. – Фабиан свернул налево на улицу Тиммермансгатан и понял, что едет домой, понятия не имея, что он там будет делать. – Разумеется, нам надо проверить их истории болезни, чтобы знать наверняка, но подозреваю, что все трое стояли в очереди шведской системы здравоохранения за новыми органами, и, в конце концов, решили купить эти органы на нелегальном рынке. А теперь кто-то эти органы собирает.

– Хорошо, но зачем? Разве их в принципе можно использовать снова? По-моему, существуют ограничения по количеству пересадок одних и тех же органов.

– Наверняка такие ограничения есть. Но если ему были нужны новые органы, есть гораздо более простые жертвы, чем, например, министр юстиции.

– Он, может быть, хотел наказать их за грехи и преподать им и всем остальным, кто думает о том же, урок?

– Нет, тогда бы он не стал прилагать такие усилия, чтобы замести следы и создать видимость того, что это дело рук Оссиана Кремпа. Здесь что-то личное.

– Этот патологоанатом, как там его зовут? Что еще мы о нем знаем?

– Гидон Хасс. Только то, что он ушел в подполье, когда его уволили из института в Абу-Кабире. Я бы с удовольствием провел расширенный

поиск, но вопрос как, если следствие официально окончено.

– А когда это тебя останавливало?

Малин видела его насквозь. Даже еще лучше, чем он сам. Конечно, он рассчитывал на то, что Нива уже провела поиск.

– Ты думаешь, я не поняла, что вы снова работаете вместе?

– С кем это?

– Перестань. Кто бы еще раздобыл разговор между Эдельманом и Гримосом? Только потом не приходи и не говори, что я тебя не предупреждала.

– Ты уже один раз это сказала.

– И еще скажу. А что касается этого разговора, ты не мог бы переслать мне звуковой файл?

– Конечно, пошлю, как только смогу.

– Может быть, это прозвучало как вопрос, за что прошу прощения. Я хочу, чтобы ты сделал это сейчас. Немедленно.

– Малин, я сижу в машине...

– Тогда съезжай на обочину и останавливайся. Фабиан, я серьезно. Я с ума сойду, если мне не во что будет вцепиться зубами.

Фабиан искал глазами свободное место на улице Фатбургатан, когда черная «Вольво» вывернула прямо перед ним и свернула направо на улицу Сведенборгсгатан, хотя так могли делать только автобусы.

– О'кей, но знай. Я прослушал его несколько раз, и единственное...

– Правда сойду с ума.

Фабиан припарковался на свободном месте.

– Ладно, у тебя есть личный электронный адрес?

– *andersemalinsebrev@hotmail.com*

– Ничего себе, это ваш общий?

– Да, но он его никогда не использует. Давай.

Фабиан нашел мейл от неизвестного отправителя с темой «Я ошибся...» и переслал его на электронный адрес Малин.

– Письмо придет с минуты на минуту, – сказал он, вышел из машины и пошел к подъезду.

Сначала Фабиан заметил маленькую красную лампочку, которая не замигала, когда он набрал код. Думая, что ошибся, он набрал еще три раза, пока до него не дошло, что дверь в подъезд не заперта. Замок заело не впервые. Это скорее правило, чем исключение, что он заедает при отрицательной температуре.

И все же у него возникло чувство, что что-то не так, и как только он

вышел из лифта, сомнения как рукой сняло. Дверь была приотворена, а замок просверлен. Он осторожно открыл и вошел.

Еще в холле стало ясно, что кем бы ни были посетители, они уже ушли. После себя они оставили хаос: выдвинутые ящики, перевернутую мебель и горы одежды. Нетрудно догадаться, что эти же люди побывали в Государственной криминальной полиции, изъяли материалы расследования, а следующей ночью обыскали квартиру Оссиана Кремпа.

Но что они искали?

Фарфоровую куклу?

Фабиан прошел в гостиную и при свете люстры убедился, что и эта комната похожа на небольшое поле боя. Он подошел к дивану, поставил его на место, разложил подушки, сел и оглядел картину разгрома, удивившись, что у них с Соней столько вещей, что можно устроить такой бедлам.

Никаких звуков не понадобилось. Хватило едва заметного колебания воздуха, чтобы Фабиан поднял глаза и одним махом перекатился за спинку дивана.

Теперь он их услышал. Они были в холле и переходили в гостиную. Значит, они вернулись обратно. Он обдумал все альтернативы и решил, что возможна только встреча лицом к лицу. На этот раз он не станет скрываться.

– Срань господня! – воскликнул один.

Фабиан узнал и голос, и выражение. Но только когда он услышал голос второго человека, все встало на свои места. И в ту же секунду он впал в полное замешательство.

– Да, почти как у тебя дома.

Фабиан встал.

– Простите, могу я спросить, что вы делаете в моей квартире?

Томас резко повернулся и направил свое оружие на Фабиана.

– Спокойно, черт возьми. Ты что, не видишь, что это Фаббе, – Ярмо прижал руки Томаса вниз.

– Да, теперь я вижу. Сорри. Но что здесь произошло? Здесь как будто...

– Я сам не понимаю, – Фабиан подошел к своим коллегам. – Кто-то явно думает, что у меня что-то есть. Я только не понимаю, что это может быть. Они ведь уже изъяли все материалы следствия.

Томас и Ярмо посмотрели друг на друга.

– А какое следствие ты имеешь в виду? – спросил Ярмо после некоторого молчания.

Фабиан собирался ответить, но сдержался.

– Может быть, сначала расскажете, что вы здесь делаете? Насколько я вижу, вы пришли не для того, чтобы поздравить меня с Рождеством.

Томас и Ярмо снова переглянулись и кивнули в знак молчаливого согласия, после чего повернулись к Фабиану, словно репетировали это движение перед зеркалом.

– Мы пришли сюда, чтобы встретиться с тобой, – сказал Ярмо.

– Во вне рабочее время, – добавил Томас и вставил пистолет в кобуру.

– По поводу расследования убийства Гримоса и Фишера.

– И Семиры Аккерман.

– Семиры Аккерман? – повторил Фабиан.

– Да, это женщина из автобуса, которая...

– Я знаю, кто это, – перебил его Фабиан.

– Мы совсем не думаем, что она утонула в результате несчастного случая, – объяснил Ярмо.

– Или что за убийствами стоит Кремп, – продолжил Фабиан.

Сначала он сам, потом Малин. А теперь и Томас с Ярмо.

– А какие у вас аргументы?

– Достаточно просмотреть материалы расследования с начала и до конца. Там очень много нитей, которые никак не состыковываются, – сказал Томас.

Фабиан обреченно вздохнул.

– Что объясняет, почему материалы исчезли.

– Но не так далеко, чтобы мы не могли их заполучить.

– Что? Вы знаете, кто их взял?

Томас кивнул с довольной улыбкой.

– Ты, можешь быть, захочешь нам помочь?

*Передо мной стоит стакан, стоять ему недолго!
Он знает сам, что скоро в путь отправится вдогонку!
И там он скажет остальным родным своим братьям,
Что не последний он из них, придут другие братья!
Ваше здоровье!*

Все подняли стаканы с водкой. Дуня тоже, хотя только пригубила и поставила стакан на место. Она уже слишком много выпила, а если есть хоть малейший шанс склонить Слейзнера на свою сторону, то больше не возьмет в рот ни капли. В любом случае, платье сделало свое дело и снова привело его в хорошее настроение после воскресной ссоры.

– Эй, меня не обманешь, – Слейзнер внимательно посмотрел на ее полный стакан. – За этим столом все пьют до дна.

– А я думала, что в этом году мы будем держать себя в руках. Разве не поэтому вы перенесли на понедельник? – сказала Дуня и расплылась в улыбке.

– Послушай, с самого начала я был против этой ерунды. Рождественский вечер в понедельник? Что за идиотская выдумка? Начинаешь подозревать, что нас оккупировала Швеция, – Слейзнер расхохотался. – Давай же, мы им покажем, где раки зимуют. – Он наполнил свой стакан и поднял его.

– Ким, честно. Я не буду...

– О'кей, позволь мне сформулировать это так, чтобы немного облегчить задачу. Как твой начальник я приказываю тебе опустошить стакан.

Дуня поняла, что ей не отделаться, и разом выпила холодную водку, которая обожгла ей горло. Вечер ускользал из ее рук. До сих пор у нее не было ни одной возможности затронуть тему продолжения расследования, чтобы не напирать на него, а теперь скоро будет поздно.

– Вот так. Недурственно. И опять нальем, – он наполнил стакан, чуть было не перелив через край.

– Ким, мне надо с тобой кое о чем поговорить.

– Конечно. Никаких проблем.

– Это касается следствия.

– Да, и ты должна знать, какое на меня произвело впечатление, что ты так быстро нашла разгадку. Не говоря уже о гордости. Черт возьми, не у всех полицейских это есть, уясни себе. Инстинкт или как там его. Но ты, совершенно ясно, одна из немногих. Бум! – и все разрешилось. Невероятно...

– Именно об этом я и хотела с тобой поговорить. Мой инстинкт подсказывает мне, что нам следует...

– Знаешь, о тебе говорят не только в моем отделе. – Слейзнер сделал глоток пива. – Я рассказал об этом на самом верху, и, поверь мне, если ты будешь продолжать в том же духе, далеко пойдешь. Если я зазеваюсь, скоро ты станешь дергать за ниточки. Твое здоровье! – он поднял свой стакан с водкой, и, чтобы не вступать в еще одну дискуссию о важности выпивки, Дуня тоже опустошила свой стакан.

– Ким, я знаю, что анализ ДНК указывает на Виллумсена. В то же время я убеждена, что это не он и что-то тут не так.

– Дуня... Иди сюда, – он махнул ей рукой, чтобы она подошла поближе. – Здесь мы не будем это обсуждать. – Он очертил в воздухе круг указательным пальцем.

– Нет, я знаю. Но мне нужно получить от тебя добро и как можно быстрее продолжить...

Слейзнер приложил указательный палец к ее рту.

– Здесь слишком много любопытных ушей. – Он отодвинул стул назад и встал. – Пойдем. Я знаю, где мы можем поговорить, чтобы нам не мешали.

Дуня слишком быстро встала, и ей пришлось опереться о край стола и подождать, пока к ней вернется равновесие.

– Ой, тебе нужна помощь? – Слейзнер предложил ей руку.

– Нет, ничего страшного, – сказала Дуня, хотя была вынуждена сосредотачиваться на каждом шаге, боясь ступить не туда в этом празднично украшенном помещении, где громкость звука говорила о том, что большинство уже забыли, что на самом деле только понедельник.

– О'кей, рассказывай. Я весь твой, – сказал Слейзнер и открыл дверь в свой кабинет.

– Говорить особенно не о чем, – сказала Дуня и вошла вслед за Слейзнером. – Я просто хотела получить от тебя добро на продолжение расследования, и лучше всего без Хеска. Он саботирует меня с тех пор, как ты поручил мне вести следствие. – Она повернулась, чтобы увидеть реакцию.

Дуня должна была это предвидеть. Она должна была понять, что

значит вся эта болтовня о том, какая она компетентная, и как ничто не остановит ее, и в один прекрасный день она станет начальником Главного полицейского управления. Что это плата за то, чтобы получить желаемое.

И тем не менее она была совершенно не готова, когда почувствовала его шершавые губы на своих губах. До такой степени, что ей понадобилось несколько секунд, чтобы протрезветь и перестать думать о том, что преступник по-прежнему на свободе, и понять, что происходит. Только тогда она сумела поднять руки к груди и отодвинуть его от себя.

Слейзнер засмеялся и развел руками.

– Дуня... Я же знаю, что ты хочешь. Конечно, мы можем и дальше притворяться и играть в игры. Но это видно издали. Как его там зовут? Карстен? Он, наверное, дает тебе слишком мало. Если вообще дает. Поверь мне, я ведь вижу, что ты хочешь только одного: чтобы тебя отымели. – Он сжал кулак. – Встряхнись и почувствуй, что ты живешь. Разве я не прав?

Он наклонился к ней. Так близко, что она слышала его проспиртованное дыхание. Ей следовало бы как можно громче закричать, расцарапать ему лицо и ударить коленом между ног. Но ничего этого она не делала. Вместо этого, словно под гипнозом, позволила ему прижать ее к дивану и запустить руку под платье.

– Обещаю: можешь быть полностью спокойна, – продолжал он. – Разумеется, ты будешь дальше заниматься расследованием, если ты этого хочешь. – Он лизнул ее ухо, а его настойчивые пальцы лезли ей в трусы. – Пока у нас будет наш маленький секрет, ты, по большому счету, будешь делать то, что хочешь. Неплохо, правда?

Он опять поцеловал ее и проник своим мясистым языком ей в рот. И тут на потолке вдруг включилась люминесцентная лампа и осветила комнату холодным разоблачающим светом. Слейзнер успел только повернуться, как Хеск подскочил к нему и стащил его с дивана.

– Проклятая свинья. Мерзкая проклятая свинья!

– Ян, хотя тебе это неприятно, но мы двое взрослых людей, которые точно знают, что делают, – сказал Слейзнер, проведя рукой по волосам.

– Не верю. Особенно после того, что она недавно пережила.

– Ты всегда можешь спросить ее саму.

Хеск повернулся к Дуне, которая поправляла платье.

– Дуня, это так? Это с твоего согласия?

Дуניה попыталась встретиться с Хеском глазами, но у нее не получилось. Она в глубине души понимала, что должна испытывать облегчение – еще минута, и было бы поздно, – но могла испытывать только стыд.

– Дуня, знай: я могу сразу же заявить на него в полицию. – Он достал телефон и держал перед собой. – Но как ты скажешь.

Она повернулась к Слейзнеру и посмотрела ему в глаза. В его взгляде не было ни растерянности, ни сомнения. Наоборот, на его совершенно спокойном и бесстрастном лице ей даже почудилась улыбка.

Словно он уже знал, что она ответит.

– *Хорошо. Да, кстати... Спасибо тебе.*

– *Не за что.*

Разговор прервался, звуковой файл закончился. Малин Ренберг прослушала обмен репликами между Херманом Эдельманом и Карлом-Эриком Гримосом столько раз, что потеряла счет. И все же она чувствовала, что не закончила. После первого прослушивания она удивилась, как мало нового выяснилось, и отнеслась к этому в основном как к подтверждению всего того, что уже знала. Если версия Фабиана верна, они, скорее всего, имеют в виду нелегально пересаженную печень Гримоса и израильское посольство.

Но уже после второго прослушивания она начала немного сомневаться, а после третьего и четвертого ей стало ясно, что еще многое можно обнаружить. Слово разговор состоял из нескольких слоев, и единственный способ дойти до сути – слушать его снова и снова. Слой за слоем.

Первое, на что она обратила внимание: они, похоже, точно знали, о чем говорили, а Гримос даже считал, что тема исчерпана. Вместе с тем они, казалось, совершенно не представляли, что их ждет. Больше всего их волновало, что будет, если просочится правда и Гримос будет вынужден уйти в отставку. Они нисколько не волновались о том, что кто-то лишит его жизни, вскроет и возьмет его внутренности.

Второе говорило об утечке, или о *проклятой утечке*, как обозвал ее Гримос. На самом деле никакой утечки не было, а был преступник, который отнюдь не собирался сообщать что-либо прессе. Но Малин заинтересовало не это, а то, что последовало позже. Она отметила маркером количество минут и секунд, которые, в конце концов, выучила наизусть и нажала на клавишу интервала на компьютере.

– *Насколько я понимаю, многое говорит о том, что это кто-то свой, у кого был доступ и к ключам, и к кодам. Проблема в том, что им не удалось никого найти без...*

– *Подожди. Что значит «свой»? Ты хочешь сказать, что кто-то из их сотрудников...*

– *Калле, я понятия не имею...*

Малин поставила запись на паузу. Явно существовали сильные подозрения относительно того, что это кто-то из сотрудников посольства.

Но что имел в виду Эдельман, когда говорил: «проблема в том, что им не удалось никого найти без...», она понять не могла. Не удалось найти кого-то без чего? *Полицейского вмешательства?* Или Эдельман на самом деле собирался сказать «извне», когда его прервал Гримос? Или после «найти» должна быть запятая, а «без» – начало второй части сложносочиненного предложения?

Количество альтернатив было почти бесконечным. Составив длинный список возможных продолжений, которые более или менее что-то значили, она остановилась на одном слове.

Алиби.

Тогда полное предложение выглядело так: «Проблема в том, что им не удалось никого найти без алиби». Что в каком-то смысле было совершенно логичным. Они подозревали, что это кто-то из сотрудников, но проблема заключалась в том, что каждый из них мог доказать свою невиновность. В свою очередь это означало, что у кого-то было фальшивое алиби, или что это вовсе не *свой*, а кто-то, кто находится достаточно далеко, чтобы его не внесли в список сотрудников, и в то же время достаточно близко, чтобы иметь доступ к ключам и кодам.

Хотя Малин выключила звук на своем мобильном, он отвлек ее внимание, когда начал вибрировать, как визгливая игрушка, на столе рядом с кроватью. А она наконец начала к чему-то приходить. Мысли разбежались, и она не знала, хватит ли у нее сил, чтобы снова собрать их.

В довершение всего это был Андерс. Он столько раз пытался дозвониться, что над ней нависла бы угроза развода, если бы она сразу не ответила.

– Привет, любимый, – сказала она, притворяясь, что только что проснулась.

– Почему ты не отвечаешь?

– Э... Разве я этого не делаю?

– Ты же не работаешь?

– Как я могу работать, если ты все время меня за это ругаешь? Но ты ведь не поэтому позвонил мне и разбудил меня?

– Точно?

Малин демонстративно вздохнула.

– Ты думаешь, я лежу здесь и вру тебе прямо в лицо? – спросила она, поняв, к своему удивлению, как складно врет.

– Нет, но...

– Вот и хорошо. Я лежу наполовину под наркозом и понятия не имею о том, что происходит за дверью моей палаты. Я даже не в состоянии

открыть компьютер с тех пор, как ты был здесь.

– Ладно, извини. Я не хотел... Я только...

– Волнуешься. Любимый, я знаю. Но сейчас мне это не поможет. Я только хочу, чтобы это закончилось. Ты что-то еще хотел?

– Нет. Или да. Кстати, вчера приходила Урсула. Это ты просила ее повесить рождественские шторы на окно в кухне?

– Нет. Она повесила?

– Да, и они... как бы это сказать... по-настоящему безобразные. Их даже невозможно описать. В Польше они наверняка считаются красивыми. Но у меня полностью пропадает аппетит, и теперь я не знаю, как мне быть. Я боюсь до них дотронуться.

Малин прекрасно поняла, что имеет в виду Андерс. С год назад их уборщица стала все больше брать на себя смелость и вмешиваться в убранство их дома. Сначала потертая подставка для ног, которую она унаследовала от своей бабушки, к большой радости Андерса ушла в ящик в подвале. Но когда через неделю их белое покрывало заменили на что-то синтетическое и шуршащее с яркими цветами, Андерс тоже возмутился, и они вместе сложили покрывало и постелили свое белое.

Что оказалось очень плохой идеей.

Урсула ничего не сказала. Но начала медленно, но верно наказывать их, убирая все хуже и хуже. Спустя несколько недель они с помощью деликатных записочек попытались напомнить ей, сколько пыли под кроватью и что холодильник надо мыть и с внутренней стороны. Но чисто не становилось. Пока они не прогнулись и не постелили цветастое покрывало, которое било их током, как только они до него дотрагивались. Сейчас она привыкла и к нему, и к садовому гному, которого получила, когда ей исполнилось...

Малин вдруг поразила одна мысль, такая же неожиданная, как и тот факт, что она забеременела близнецами всего лишь спустя несколько недель после того, как они решили оставить все попытки завести детей. Но теперь, когда она была беременна, это казалось совершенно естественным.

– Любимая, ты здесь?

– Да, но...

– Как мне поступить? Она ведь совсем расстроится, если я их сниму.

– Андерс, я не знаю. Но я должна заканчивать. В любую минуту придет врач, и мне надо успеть в туалет.

– Но подожди, ты думаешь, она рассердится, если я...

– Потом поговорим подольше. Пока. Люблю тебя. – Она закончила разговор, откинулась в постели и закрыла глаза, пытаюсь как можно

быстрее снова сосредоточиться.

Малин была совсем не уверена. Но, без сомнения, многое говорило о том, что это кто-то из уборщиц. У них не только был доступ к ключам и кодам. Они к тому же оставались на месте, когда остальные сотрудники уходили домой. И если их присылала сторонняя клининговая фирма, их считали «своими», хотя они не числились в штате посольства.

Существовал только один способ узнать, как все обстояло на самом деле.

Дуня вздрогнула и поняла, что, наверное, спала. Она сидела пристегнутая, а вокруг нее все тряслось. Она не понимала ни где находится, ни как она сюда попала.

– Мы прибыли в аэропорт Стокгольма Арланда. Прошу вас оставить пристегнутыми ремни безопасности до полной остановки самолета и пока не погаснет световое табло, – сообщил голос в громкоговорителе.

Точно, вспомнила она, когда самолет затормозил. Мерзкий рот Слейзнера на ее губах. Хеск, предложивший заявить в полицию, рискуя всей своей карьерой. И это человек, который никогда не смел и слова сказать поперек. Может быть, таким образом он просил прощения. И она сама, которая покачала головой и попросила его вызвать такси. Ей хотелось как можно быстрее уйти, и она притворилась, что этого никогда не было. Что ничего не произошло.

– *Улица Блогордсгаде, 4*, — сказала Дуня водителю. Но поравнявшись с неоновым термометром на Ратушной площади, который показывал минус пять, из-за чего реклама пива «Карслберг» над ним казалась совершенно неуместной, она поняла, что меньше всего хочет попасть на свою улицу. Зачем лежать одной и обнимать саму себя? Уж если кому и обнимать ее после всего произошедшего, так это Карстену. Тоска по нему навалилась на Дуню с такой силой, что у нее не оставалось выбора, кроме как полететь в Стокгольм.

Водитель только покачал головой, но согласился сделать запрещенный разворот у гостиницы «Александра» и повез ее в Каструп. Ей повезло – она купила билет на самолет, вылетающий через пятнадцать минут. Она прошла контроль безопасности и к тому же успела заказать в устричном баре бокал белого, и ее настроение улучшилось.

А когда Дуня вышла из вращающихся дверей и к своему удивлению почувствовала, что здесь совсем не так промозгло и холодно, как в Копенгагене, инцидента со Слейзнером будто никогда и не было. Она посмеялась над своей затеей. Как же Карстен удивится! Она, которая всегда стремилась все контролировать и быть во всеоружии, теперь находилась в диаметрально противоположном положении.

Из вещей у нее были только кошелек, слишком короткое красное платье и зимнее пальто. К счастью, у нее хватило здравого смысла пойти на рождественский вечер в сапогах, а туфли на каблуках нести в пакете. Иначе

ей бы пришлось передвигаться на инвалидном кресле, так у нее болели ноги.

Она рукой остановила такси и, стараясь как можно четче говорить по-шведски, попросила водителя отвезти ее в гостиницу «Кларион» у Сканстуля. Дуня впервые была в Стокгольме, и пока что ей не очень нравилось. Она успела увидеть лишь сложное нагромождение дорог и бетонных виадуков.

И только после длинного туннеля репутация Стокгольма как одного из самых красивых городов мира перестала казаться ей такой уж ошибочной. Внезапно перед ней предстал прекрасный вид, и над замерзшей водой она увидела свет множества зажженных окон. Благодаря ли большому открытому пространству с засыпанным снегом льдом, беззвездному небу, освещенному мосту вдалеке или возвышенностям района Сёдермалм с его крутыми скалами, усеянными домами, сказать сложно, но это действительно было потрясающе красиво.

Через секунду Дуня вернулась в бетонный ад, который всю дорогу до гостиницы упрямо портил открывающийся перед ней вид.

– Простите, как, вы сказали, его зовут? – спросил молодой человек с тонкими усиками за стойкой регистрации, хотя Дуня уже повторила два раза.

– Карстен Ремер, – произнесла она как можно медленнее. – Может, я лучше напишу?

– Нет, не надо, – ответил мужчина и улыбнулся в знак того, что он совсем не против оторваться от своей книги, пока его пальцы стучат по клавишам.

Дуня не могла понять, почему так сложно узнать номер комнаты. Наверное, решила она, это равноценно хакерской атаке на суперсекретный сервер. Через несколько минут ресепционист поднял глаза от экрана и прижал пальцы к усам.

– Насколько я вижу, номер забронирован только на него.

– Да, но я его невеста, а поскольку это сюрприз, он понятия не имеет, что я здесь.

– К сожалению, я не могу давать ключи от номера кому попало.

– Я хорошо это понимаю. Но я не кто попало. Как я уже сказала, я его невеста.

– Простите, я вас не понимаю, – перешел на английский ресепционист.

– Я его невеста, и это сюрприз. Поэтому номер забронирован только на одного человека, – на английском продолжила диалог Дуня.

Мужчина кивнул, хотя улыбка давно исчезла.

– Извините, но я не могу...

– Послушайте. Если вы о деньгах, то я без проблем заплачу еще за одного человека. Если вы дадите мне этот гребаный ключ. – Она протянула ему свою кредитку и посмотрела на него так настойчиво, что ему ничего не оставалось, кроме как сдаться.

Номер находился на пятом этаже, и в лифте она поправила волосы и освежила губы помадой. Прямо перед тем, как вставить ключ в замок, заставила себя надеть каблуки, несмотря на боль в ногах.

Она придержала дверь, чтобы та не хлопнула, и по темному коридору пошла к комнате. Комната была больше, чем предполагала Дуня, но там не было ни кровати, ни Карстена. Зато она услышала его отдаленное бормотание и звук телефонной трубки, которую положили на рычаг. И чтобы у него не возникло никаких подозрений, она быстро вошла в комнату и развела руками.

– Тадам!

Дуня не знала, какой реакции ждала. По крайней мере, большей. В кровати полулежал Карстен с обнаженным торсом и пристально смотрел на нее с таким видом, будто его только что уволили. Она не знала, как это понимать. Он страшно удивился или просто пришел в ужас?

– Привет. Это я, Дуня. Ты что, не рад? – она помахала ему рукой, и только тогда он расплылся в улыбке. Как по заказу.

– Прости, любимая. Я... Я просто не ожидал, что ты...

– Приеду в Стокгольм. Теперь нас двое. – Она сбросила с ног туфли. – Ты ведь не против, если я время от времени буду прыгать на тебя в постели? – Она подползла к нему на четвереньках и потянулась вперед, чтобы поцеловать его.

– Но подожди... – Карстен остановил ее. – Я не понимаю. Что произошло? Разве ты не идешь сегодня на рождественский вечер?

– Да, но ты знаешь, как бывает. После всего, что случилось, мне меньше всего хотелось туда идти, и я села на самолет и прилетела к тебе.

– О'кей, но... – Карстен почесал затылок, обвел комнату взглядом и только потом снова посмотрел ей в глаза. – Я хочу сказать... Как ты себя чувствуешь? Мы даже не успели поговорить. Я только... Наверное, это было ужасно.

Дуня кивнула. У нее не было сил ни говорить, ни отвечать на его вопросы, и она прервала его поцелуем.

В начале их отношений это могло продолжаться до бесконечности. Когда они были влюблены. Словно он никогда не кончится.

Поцелуй.

Их губы могли составить бесконечное количество комбинаций, каждая из которых была маленьким откровением. Их языки никак не могли насладиться друг другом, и он страшно нравился ей на вкус, не говоря уже о его теплом влажном дыхании. Они теряли себя и почти тонули друг в друге, и она почему-то считала, что так будет всегда.

Но через полгода с небольшим Карстен стал закрывать глаза. Она хотела было спросить его почему, но решила сделать вид, что все в порядке, и надеялась, что скоро он снова станет их открывать. Поцелуи стали короче, а его язык, похоже, устал играть с ее языком. Через какое-то время Дуня собралась с духом и спросила, что не так. Может, она плохо пахнет? До сих пор она помнит, как он только покачал головой и ввел свой язык в ее рот. С того раза она сама стала закрывать глаза, и еще через несколько недель они вообще перестали это делать.

Сейчас они снова целуются, и он даже смотрит на нее. И все равно что-то не так. Что-то... Она не могла определить точно. Может быть, блуждающий взгляд, словно он хочет смотреть мимо. Или язык двигался недостаточно энергично.

Дуня прервала поцелуй.

– В чем дело? – спросил он. – У меня пахнет изо рта?

– Нет, мне просто надо... Знаешь, дорога и все такое. – Она задом сползла с кровати. – Скоро приду.

– Подожди... А что, если нам пойти в бар и что-нибудь выпить?

– Конечно. Вот только приведу себя в порядок.

– Да, хотя...

– Я быстро, обещаю.

Она открыла дверь в ванную, вошла и заперлась. Что делала всегда, хотя они вместе вот уже почти пять лет. Ей никогда не придет в голову сидеть на толчке, пока Карстен стоит рядом и сражается с зубной нитью.

Но сейчас она заперлась не поэтому.

Вначале она не стала придавать значения, хотя почувствовала это с той самой минуты, как отперла дверь и вошла. Может быть, нежелание ресепциониста с усиками помочь ей или звук телефонной трубки, которую кладут на рычаг. Она не знала. Дуня объяснила самой себе, что у нее шалют нервы. Но потом они поцеловались, и тут уже нервы были ни при чем. Она окончательно убедилась, только когда зажгла в ванной свет.

На вешалке не было полотенца, но это еще не все. Упаковка, где, согласно картинке, лежала купальная шапочка, была вскрыта. Перевернутый стакан с зубной щеткой Карстена лежал на раковине вместе

с пеной для бритья и зеленой пластмассовой коробочкой с зубочистками. Но его бальзама для бритья, на который она потратилась ради его чувствительной кожи, нигде не было видно. К тому же душевая занавеска была задернута.

Вот меня угораздило, подумала она, сделав два беззвучных шага к ванной и отдернув занавеску. Они обе промолчали. Дуня только отметила про себя, что это, очевидно, его тип. Длинные светлые локоны, торчащие во все стороны. Грудь, не подчиняющаяся законам тяготения. Она лежала, пытаясь прикрыться полотенцем, вместе со всей косметикой и бальзамом для бритья Карстена, которые случайно попали ей под руку, когда она в панике собирала вещи.

Дуня не знала, как ей реагировать. Ситуация была настолько абсурдной, что она вся окаменела. Как в плохом вечернем фильме на канале, который никто не смотрит. Поэтому она так же удивилась, как и женщина, когда наклонилась вперед, вырвала у нее флакон с бальзамом для бритья, включила холодную воду на максимум и вышла из ванной.

– Ты готова? – спросил Карстен, который встал с постели и шел одеваться.

– Да, полностью. – Она подняла туфли на каблуках, валявшиеся на полу, и повернулась к двери.

– Но Дуня. Подожди, что такое? Почему... – Она слышала, как он идет за ней. – Скажи что-нибудь. Ты ведь не можешь просто...

Больше она ничего не слышала, когда забирала свое зимнее пальто и пакет с сапогами и закрывала за собой звуконепропускаемую дверь. К собственному изумлению, Дуня не почувствовала ни малейшего огорчения, когда в коридоре по дороге к лифту бросила флакон с бальзамом для бритья в мусорную корзину.

Наоборот.

Фабиан вышел из кухни с только что сваренным кофе, и ему пришлось напомнить самому себе, что он находится в собственной гостиной, а не в разведцентре где-то далеко в горах. Меньше чем за два часа он с помощью Томаса и Ярмо привел все в порядок после вторжения и так переставил мебель, что диван и кресла теперь стояли вдоль стен, а центр комнаты занимал полностью раздвинутый обеденный стол. Все материалы расследования были распакованы, и на стенах висели фотографии, записи и зацепки.

К счастью, Ярмо пришло в голову сфотографировать все до того, как они в полиции сложили материалы, так что большинство висело на стене и было рассортировано, как и раньше. Спустя час приехала Нива со своим оборудованием, и теперь все экраны, компьютеры, принтеры и несколько черных ящичков с мигающими диодами были расставлены и подключены.

Так эффективно они никогда не работали вместе. Они словно поставили на паузу привычный способ общения. Теперь у всех была одна общая цель – установить личность настоящего преступника и схватить его. Он обвел их вокруг пальца и заставил идти по ложному следу, до такой степени продумав все до мелочей, что теперь следствие было официально окончено.

– М-м... – сказал Ярмо, разливая дымящийся кофе в чашки. – Начнем?

– Я могу начать, – произнес Фабиан и рассказал о событиях последних суток. О подслушанном разговоре по мобильному между Эдельманом и Гримосом. Как он нашел переход, соединяющий квартиру Оссиана Кремпа с квартирой на ремонте, и как преступник таким образом мог проникать в квартиру Кремпа, чтобы подменять его лекарства и оставлять различные неопровержимые доказательства. Он рассказал о скрытой камере и о том, что преступник скорее всего утопил Семиру Аккерман и срезал ее правую роговицу прямо перед его приходом. А также о том, что, похоже, следы через посольство Израиля в Стокгольме ведут к некоему патологоанатому Гидону Хассу. Когда он закончил, воцарилась тишина, продолжавшаяся несколько минут. Словно всем надо было переварить услышанное и подумать, прежде чем идти дальше.

– Этот патологоанатом. Что еще мы о нем знаем? – наконец спросил Томас, взболтав свой протеиновый коктейль.

– Он эксперт по пересадке органов и еще три года назад возглавлял

патологоанатомический институт в Абу-Кабире. С тех пор, похоже, он ушел в подполье, – ответил Фабиан.

– Абу-Кабир. Разве это не город в Египте? – спросил Ярмо.

– Да, но это и район в Тель-Авиве. – Фабиан повернулся к Ниве. – Тебе не удалось найти его фото?

– А я все думала, когда же ты спросишь. – Нива протянула распечатку с принтера.

Фабиан сразу же узнал мужчину на снимке. Он повернулся к стене, где были прикреплены остальные фотографии, и снял тот, который изображал бывшего посла Израиля Рафаэля Фишера, сидящего за празднично накрытым столом вместе со своим сыном Адамом по одну руку.

– Видите? Это он? – он показал на мужчину по другую руку, который сидел, наклонившись к послу, как будто собирался сказать что-то доверительное.

– Вот он, этот черт, – сказал Ярмо и кивнул. – Это объясняет взаимосвязь жертв с израильским посольством.

– Каким образом? – спросил Томас.

– Вместо того чтобы обратиться к шведскому здравоохранению в поисках нового органа, они...

– Они обращались, – вмешалась Нива. – Я смотрела их истории болезни, и там ясно видно, что они стояли в очереди несколько лет вплоть до 1998 года.

– А что случилось потом? – спросил Томас.

– Они вышли из очереди, не сделав пересадки.

– И обратились к послу, который свел их с Хассом, – сказал Ярмо и потянулся.

– Что касается его сына Адама Фишера, тут нет никаких сомнений, – отозвался Фабиан. – А Карла-Эрика Гримоса, возможно, свел Эдельман, который в то время очень тесно общался с посольством.

– Так что теперь он делает все, чтобы убрать концы в воду, – заметил Томас.

Фабиан кивнул.

– Но как на них вышла Семира Аккерман, мы не знаем. Кто-нибудь знает, когда был сделан этот снимок?

– В августе 1998 года на свадьбе сестры Адама Фишера в Тель-Авиве, – сказал Томас, допив протеиновый коктейль.

– Опять Тель-Авив, – сказала Нива.

– Может быть, именно тогда у Адама Фишера появилось новое сердце? – предположил Томас. – Это объясняет, почему с палочкой он, а не

его отец.

Фабиан кивнул.

– Фабиан, теперь совсем о другом. – Ярмо капнул молока в свою чашку. – Когда точно ты нашел переход между квартирами?

– Вчера вечером, в самом начале десятого.

Ярмо повернулся к Томасу, они обменялись взглядами, а потом опять повернулся к Фабиану.

– Значит, я слышал тебя в спальне.

Фабиан кивнул.

– Тогда непонятно, кто ворвался сюда. До вашего прихода я был уверен в том, что это те же люди, которые изъяли материалы расследования.

– Это наверняка было их целью. Только мы их опередили, – сказал Томас и улыбнулся, как торговец арбузами на пляже.

– Вопрос только в том, что мы будем делать, когда они вернуться, – сказал Ярмо.

Они замолчали, и вопрос повис в воздухе, словно до них только что дошло, как мало на самом деле у них сведений. Тишину прерывали только энергичные удары Нивы по клавишам.

– Послушайте, у меня есть идея, – наконец сказала она и оторвала глаза от экрана. – Хотя сейчас говорить об этом еще рано, и к тому же я совсем не уверена, что это сработает.

– Давай говори. Ты уже сказала А, – отозвался Томас.

– О'кей... Идея основывается на том, что с относительно большой долей вероятности мы можем сказать, что преступник находился в определенных местах в определенное время. Чем больше, тем лучше. Нам известно несколько таких мест. Например, мы знаем, что он вышел из Депутатского здания через заднее фойе 16 декабря ровно в 15:24. К тому же мы полагаем, что он находился в квартире на ремонте на улице Эстгетагатам вчера вечером прямо перед приходом Фабиана. Какие еще есть места?

– У нас есть видео с камеры наблюдения, где он выезжает из гаража на Слюссене в машине Фишера, – сказал Томас. – Мы должны проверить точно, но мне кажется, что это было во второй половине дня восемнадцатого.

– И склад «Shurgard», – добавил Ярмо. – Он был там множество раз. Хотя мы не знаем когда.

– Хорошо, и как ты собираешься это использовать? – спросил Фабиан.

– Проанализировав мобильный трафик в мачтах вблизи каждого места,

где он находился в определенное время, мы должны найти по крайней мере один мобильный номер, который фигурирует везде. После чего остается только определить местоположение этого номера и схватить преступника.

Помимо звука компьютерного вентилятора и отдаленной автомобильной сигнализации в комнате царила тишина. Фабиан не знал, что сказать. Томас и Ярмо, очевидно, тоже. Но он был уверен, что они задавали себе тот же вопрос, что и он.

Почему никто не подумал об этом раньше?

Тишину нарушил мобильный Фабиана; на дисплее высветилось, что номер неизвестен.

– Да, алле...

– Это Фабиан Риск? – послышался загнанный женский голос.

– Так точно. С кем я говорю?

– Карнела Аккерман.

– Аккерман?

– Я сестра Семиры. Я думаю, вы видели меня на площади Стюреплан в пятницу. Вы можете со мной встретиться? Я знаю, кто побывал у вас дома.

– Скажите только время и место.

– Ресторан «Гондола». Я сижу и жду в самой глубине у бара.

Не успел Фабиан ответить, как в трубке щелкнуло.

Фабиан первый раз пришел в «Гондолу» с тех пор, как они были здесь на рождественском обеде всем отделом. Это было четыре года тому назад, и он почти забыл, какой отсюда открывается потрясающий вид. Хотя было темно и нависали тяжелые тучи, готовые разродиться еще одной снежной бурей, было необыкновенно красиво. Стокгольм буквально лежал у его ног, и, проходя через ресторанный бар, он увидел все – от мигающей телебашни в районе Йердет до освещенных небоскребов на площади Хеторгет и вращающихся неоновых часов красного и зеленого цвета универмага НК.

Он не был уверен, что узнает женщину со Стюреплана. Тогда он был сосредоточен на ее сестре Семире. Но по загнанному взгляду, который она все время бросала через плечо, и рукам, нервно и судорожно сжимавшим стакан, он сразу же понял, что это Карнела Аккерман, и сел рядом с ней за стойку. Красивая женщина модельной внешности – золотисто-каштановые волосы, кожаные сапоги, джинсы, и вишневая водолазка, поверх которой надето ожерелье с крупными камнями.

– Я не знаю, что вам сказали в полиции о вашей сестре, но...

– Семира никогда бы просто так не пошла по льду, – перебила его Аккерман, не отрывая глаз от стакана. – Никогда. Вот я бы так могла. Я всегда бросалась в неизвестность и надеялась, что меня кто-то вытащит. – Она отпила вина и покачала головой. – Мама всегда говорила, что это из-за меня у нее так много седых волос. Хотя я всегда падала не в ее объятия, а в объятия Семиры. Она всегда подставляла мне плечо, и за все эти годы сестра меня ни разу не предала, а когда наконец пришла моя очередь подставить ей плечо, вот что получилось. – Карнела пыталась подавить рыдания, но ей не удалось сдержать слезы.

Фабиан протянул женщине салфетку.

– Каким образом вы ей помогли?

– Семира страдала кератопатией, которая была у нее на одной роговице. В конечном итоге она фактически ослепла на один глаз, и у нее были такие боли, что она больше ничего не могла делать. Даже читать. А она так любила читать. – Аккерман вытерла глаза.

– Это через вас сестра вышла на израильское посольство?

Только сейчас Карнела посмотрела ему в глаза.

– Как вы узнали? Я там работаю.

– Вы сказали, что знаете, кто ворвался ко мне.

Она кивнула, разблокировала свой мобильный и показала снимок двух мужчин в костюмах, которые садились в ту самую черную «Вольво», которая на глазах Фабиана отъехала от его подъезда.

– Они работают на посольство и пытаются взять преступника до того, как это сделает полиция.

Значит, посольство ведет собственное следствие. Ясно.

– Они хоть как-то представляют себе, как все произошло, и есть ли у них какие-то версии относительно того, кто это может быть? – спросил Фабиан.

Аккерман пожала плечами.

– Не знаю, но ходят слухи, что кому-то удалось заполучить список или какой-то документ с перечнем всех пересадок, которые были сделаны при посредничестве посольства. В этом нет ничего удивительного. Сейчас во всем офисе сплошной хаос, поскольку мы пакуем вещи и готовимся к переезду в Нобелевский парк. Я только хочу, чтобы вы знали: вы взяли не того человека, и на очереди, вероятно, еще несколько жертв.

Фабиан кивнул.

– Вы, возможно, знаете, кто это?

Она покачала головой.

– Карнела, вам знаком человек по имени Гидон Хасс?

Во взгляде Аккерман сразу появилось напряжение.

– Что вы о нем слышали?

– Иными словами, вы знаете, кто это.

Она кивнула, едва заметно.

– Это двоюродный брат посла, и он сейчас...

– Здесь, в Стокгольме?

Она опять кивнула.

– А вы знаете, почему он здесь?

Не отвечая, она посмотрела через плечо и допила вино.

– Карнела, если вы владеете информацией, которая может помочь нам задержать того, кто...

– Мне жаль, – Аккерман покачала головой. – Но это невозможно. Я и так сказала слишком много. – Она взяла свою сумку и слезла с барного стула.

– Карнела, подождите... Вам кто-то угрожал? – Фабиан хотел удержать ее, но она отвела его руку и поспешила к выходу.

«Поверь мне, я ведь вижу, что ты хочешь только одного: чтобы тебя отымели», – сказал он со смехом, словно это самая естественная вещь на свете. Проклятый склизкий мерзавец. «Встряхнись и почувствуй, что ты живешь», – продолжил он, и ее чуть не вырвало от его липкого дыхания. Она возненавидела его каждой клеточкой своего тела. Она по-прежнему его ненавидела, и, вероятно, так будет всегда.

И все же она вынуждена признаться самой себе.

Ким Слейзнер более чем прав. Понимание пришло к ней прошлой ночью после долгой прогулки по заснеженной улице Гетгата в поисках другой гостиницы. Дуня хотела оказаться как можно дальше от Карстена, так что ничего страшного, что она нашла гостиницу только на площади Медборгарплатсен. Быстро приняв ванну, чтобы согреться, она легла спать. Она решила, что на следующее утро рано встанет, быстро позавтракает, сядет на ближайший самолет и полетит домой. Дома поменяет замок и наймет фирму-перевозчика, которая приедет, упакует все вещи Карстена и отвезет их его родителям в Силькеборг. Это ведь ее квартира.

Дуня считала, что это прекрасный план, только бы ей удалось заснуть. Голоса проходящих мимо стокгольмских тусовщиков упрямо долетали до ее номера. Ее чистое тело ворочалось на хрустящих простынях. И тут до нее дошло, что на самом-то деле Слизняк прав.

Она попыталась пальцами, но от этого стало еще хуже. Как он и утверждал, она хотела, чтобы ее отымели. «Встряхнись и почувствуй, что ты живешь». И это должно произойти прямо сейчас.

Дуня снова натянула на себя платье и каблуки и пошла за голосами на улице до «Кварнена» – пивного зала, который находился прямо за углом улицы Гетгата. На входе стояла длинная очередь, но она прошла без очереди, и, оказавшись внутри, скоро нашла глазами свою жертву.

Он стоял у барной стойки, держа в руке пиво, и разговаривал с друзьями. На самом деле, он был совсем не в ее вкусе. Со своими рыжими кудрями и веснушчатым лицом он представлял собой почти полную противоположность классической красоте. Но футболка с круглым вырезом буквально кричала о том, в какой он хорошей форме, и перед его обаянием нельзя было устоять.

Стоило ей встать в метре от него и бросить на него несколько взглядов, как он оставил своих друзей и подошел к ней. Дуня попыталась сказать

что-то по-шведски, и он ответил по-английски. Его имя она забыла через секунду после того, как он представился. В ее памяти он останется *рыжеволосым шведом*.

Он повел ее в подвальный этаж, где похожие на привидения гипсовые слепки пытались вылезти из белых каменных стен, и на кипящем танцполе, где люди до пота отрывались под громкую музыку, они танцевали так, будто завтра не наступит никогда. Он подошел к ней сзади так близко, что она смогла ощутить, что он намного больше Карстена.

Дуня точно не помнит, как они ушли с танцпола. Все произошло так быстро. Они вдруг поднялись в ее гостиничный номер, опустошили мини-бар и стали изучать друг друга, как два пытливых подростка, которые наконец остались дома одни. И, наверное, на каком-то этапе она заснула, поскольку только что проснулась.

Часы показывали половину одиннадцатого, и рыжеволосый исчез. К счастью. Учитывая пульсирующую боль между ног, она бы ни за что не выдержала еще одного тура. Она засмеялась от мысли, что, возможно, за последние часы любила вдвое больше, чем за все годы с Карстеном, и решила сделать это традицией.

Отныне каждый вторник она будет отправляться в ночь для подзарядки. Именно так поступают мужчины, и это явно работает. Дуня уже давно не чувствовала себя такой веселой и окрыленной. У нее даже не болела голова, поскольку последние часы она пила только воду. Единственное правило – каждую неделю должен быть кто-то новый, и если он ее заводит, это может быть по большому счету кто угодно.

Ее мысли прервало жужжание мобильного. Звонили со шведского номера с местным кодом 042.

– Дуня Хоугор слушает.

– Привет, я только хотел услышать, как ты. Ты просто исчезла, и сначала я подумал, что ты, может быть, уехала домой на выходные. Но потом я узнал, что произошло. – Она услышала, как ее собеседник тяжело вздохнул. – Честно говоря, я не понимаю, как ты могла пойти на такое дело совершенно одна. Кошмар какой-то.

– Я не думала, что он там будет. Но было уже поздно, – ответила Дуня, одновременно вновь обретая голос. – Но, Утес, сейчас у меня все прекрасно.

– Точно?

– Точнее не бывает.

– Как приятно это слышать. Тогда хочу пожелать тебе по-настоящему счастливого Рождества.

– Спасибо, тебе так же. И прекрасных рождественских каникул.

– Ты можешь это записать. Раз в жизни я взял две недели. Это Берит настояла. Так что через несколько часов мы поедem в Каструп, а оттуда вылетим в Таиланд.

– О, это прекрасно.

– Это обошлось нам в целое состояние, но, надеюсь, оно того стоит.

– Полностью уверена. Счастливого пути, – сказала она, пытаясь закруглить разговор, от которого у нее стали садиться батарейки.

– Только еще одна вещь, я надеюсь, ты не обидишься. Правда, что, когда ты пришла домой, он находился в твоей квартире?

– Да.

Стало тихо, и Дуня почти слышала, как у Утеса работает голова.

– Но тогда я не знаю, правильно ли я все понял, – наконец сказал он. – Почему преступник сначала оставил тебя в живых и запер в машине среди всех этих расчлененных частей тела, если все равно хотел лишить тебя жизни? Что, к тому же, было бы гораздо легче, когда он усыпил тебя в производственном помещении в Чевлинге.

Утес обратил внимание на то же самое, что и она сама.

– Потому что это не тот преступник, – сказала она, хотя не собиралась об этом говорить.

– Знаешь, Дуня, именно это я и подозревал.

– Я думаю, Виллумсена использовали для того, чтобы повести нас по ложному следу, и это было так ловко сработано, что его в любом случае осудили бы. Мы даже нашли его семя в Кате Сков.

– Так что ему было нечего терять, и с тем же успехом он мог найти тебя, пока ты не нашла его.

– Именно.

– Тогда как мы сейчас поступим? Я могу что-то сделать до отъезда?

– Да. Ты можешь помочь мне найти имя владельца машины со шведскими номерными знаками?

– Конечно. Никаких проблем. Дай мне номер, и я все сделаю.

– HXN 674, – сказала она, даже не заглядывая в записи в мобильном.

– О'кей, я пришлю СМС с ответом. Желаю удачи. Надеюсь, все образуется.

– Я тоже надеюсь, – сказала Дуня и окончила разговор.

Она встала с кровати, приняла душ, вымыла голову, использовала все бесплатные кремы, которые стояли в ряд на раковине, а потом надела платье, уже не совсем свежее. Когда она была готова, СМС от Утеса ждало ее в мобильнике.

«Не знаю, где ты нашла машину, но владельца зовут Карл-Эрик

Гримос. Он был министром юстиции Швеции до того, как пал жертвой Каннибала с неделю тому назад. Но это ведь не имеет отношения к твоему случаю? Утес».

Дуня написала короткий ответ, подошла к окну, раздвинула шторы и посмотрела на заснеженный маленький парк. В одном конце играли дети из детского сада, а в другом двое мужчин продавали проходим елки.

«Нет, это наверняка что-то совсем другое. Спасибо и хорошего отдыха! Дуня».

Она слышала о Каннибале, который, отсидев срок и пожив несколько лет на свободе, вдруг опять стал убивать. Об этом много писали в датских газетах, и в какой-то момент ей показалось, что это имеет отношение к ее расследованию. Двое известных преступников. Один датчанин и один швед. Оба повторяют свои старые грехи и оставляют после себя почти сверхочевидные следы. Но за неимением чего-то более конкретного она выкинула эту мысль из головы и продолжала изучать след Виллумсена.

Теперь они мертвы, и оба следствия окончены.

Может быть, шведский спортивный автомобиль на дне порта Хельсингера – именно то, что нужно, чтобы вдохнуть жизнь в расследования.

«Мне удалось проникнуть внутрь. Хорошо бы вам сюда прийти. И поскорее. Н».

Фабиан оторвал глаза от дисплея мобильного и увидел, как маленькая красная лазерная точка переместилась из одного пригорода в другой на спроецированной карте Стокгольма. Он сидел на совещании вместе с Томасом и Ярмо и слушал отчет Маркуса Хеглунда и Ингер Карлен о том, как будет проходить облава на Диего Аркаса.

– Всего речь идет о шести квартирах в городе, местонахождение которых мы установили, – сказала Ингер Карлен.

Никто из них сейчас не вел следствия. По крайней мере, официально.

– Плюс клуб «Black Cat» на острове Кунгсхольмен, – продолжил Маркус Хеглунд, который стоял рядом с ней в торце стола с печеньем в руке.

– А когда вы думаете нанести удар? – спросил Фабиан, пытаясь ускорить совещание. Официально или неофициально, преступник не только находился на свободе, но и, по словам Карнелы Аккерман, вероятно, наметил еще жертвы. К тому же Ниве, которая работала всю ночь, как раз удалось чудом проникнуть в систему мобильных операторов.

– Завтра вечером, – ответила Карлен.

– И я искренне надеюсь, что ты хотел сказать *мы*, – сказал Хеглунд, посмотрев каждому из них в глаза. – Мы проводим довольно масштабную операцию, и нам понадобится помощь всего отдела.

Фабиан обменялся взглядами с Томасом и Ярмо и убедился, что они еще не прочли сообщение Нивы.

– Мы понимаем, что это не совсем вовремя в разгар рождественской кутерьмы, – продолжила Карлен, – но, к сожалению, Диего Аркас, похоже, плевать хотел на это.

Хеглунд нажал на пульт, и вместо карты на экране появилось сделанное с самолета фото квартала, где находится ночной клуб.

– Как вы знаете, «Black Cat» занимает большое подвальное помещение со стороны улицы Хантверкаргатан, – он показал лазерной указкой. – Но поскольку три его выхода расположены по трем сторонам света, нам надо расставить в разных...

Фабиан больше не слушал. Лежащие на столе мобильные Томаса и

Ярмо только что завибрировали, и он увидел, как они взяли телефоны и прочитали сообщение Нивы.

– Здесь через световой проем во дворе войдет один наряд, – Хеглунд показал на экране. – Второй наряд будет ждать в автобусе за углом на улице Польшемсгатан и по нашему сигналу войдет через главный вход на улице Хантверкаргатан. Вопросы?

– Нет, по-моему, все совершенно ясно, – Томас поднял глаза от мобильного. – А что скажут остальные?

– Совершенно ясно, – согласился Ярмо, убирая мобильный в карман.

– Важно, чтобы никто не подал стартовый сигнал до того, как шоу будет в самом разгаре, – заметила Карлен. – Мы войдем тогда и только тогда, когда они утратят бдительность и станут наиболее уязвимы. Понятно?

– Что-то еще? А то у меня много других дел, – сказал Фабиан.

– Нет, думаю, это все, – отозвалась Карлен со вздохом.

– Кстати, тогда лучше всего заняться покупкой подарков к Рождеству, пока так спокойно, – сказал Ярмо с улыбкой.

– Хорошая идея, – откликнулся Томас и встал.

– Подождите немного, – сказал Хеглунд и поднял ладони. – Мы с Ингер работали над этим больше полугода. Срывов не должно быть. Поэтому, пока вы не разошлись, я хочу узнать, полностью ли вы уверены в том, что вам абсолютно все понятно.

– Полностью уверены, – отозвался Томас и вышел из совещательной комнаты вместе с Фабианом и Ярмо.

– Да, я внутри, – сказала Нива, – но поскольку я не сижу в Радиотехническом центре вооруженных сил, как только меня найдут жучки, придет конец веселью.

– Жучки? – спросил Фабиан, увидев, как Эдельман выходит из кухни с чашкой кофе в руке. Сам он быстро шел по коридору с Томасом и Ярмо.

– Да, или боты. Дело в том, что мне нужно больше сведений, и быстро.

– О'кей, но сейчас мне не совсем удобно, – сказал Фабиан, встретившись глазами с Эдельманом и пытаясь уловить его настрой. Но лицо Эдельмана было совершенно нейтральным. Зато ему самому пришлось сделать усилие, чтобы не выдать себя, и он коротко кивнул, не замедляя шага. Эдельман ответил на его приветствие и пошел дальше к своему кабинету. Все заняло несколько секунд, а показалось целой вечностью.

– Но тебе надо только выслушать, – продолжала Нива. – Как я сказала вчера, мне надо знать больше мест и больше временных отрезков. Как

можно точнее. Сейчас у меня только два места – фойе Депутатского здания и квартира на ремонте, и этого недостаточно. Так что пусть Билли и Вилли просмотрят съемки, сделанные камерой наблюдения, и выяснят точное время в гараже на Слюссене, а ты сосредоточишься на складе «Shurgard».

– О'кей, мы приедем как можно быстрее, – Фабиан зашел за угол и наткнулся на женщину, так что она выронила свой пакет.

– Ой, извините.

– Это я налетел на вас и должен извиниться. – Фабиан сел на корточки и поднял с пола зубную щетку и маленькие пузырьки с шампунем и лосьоном для тела и стал класть их обратно в пакет из магазина H&M, где уже лежали красное платье и пара туфель на каблуках.

– Из Дании? – спросил Томас и напряг грудные мышцы.

– Да, я ищу Малин Ренберг. Вы не знаете, где она сидит? – спросила Дуня.

– Она не сидит, а лежит, – ответил Томас и ухмыльнулся.

– К сожалению, Малин на больничном и, наверное, выйдет на работу не раньше, чем через полгода, – сказал Фабиан, отдавая пакет Дуне, одетой в расстегнутое пальто, под которым виднелись джинсы и белая блузка.

– Но, может быть, я смогу вам помочь? – спросил Томас.

– Да, речь идет о машине, которая принадлежала...

– Алле? Я ведь сказала, что это срочно! – из мобильного раздался голос Нивы.

– Мне жаль, но, увы, мы должны идти. Томас... – позвал Фабиан, и они поспешили дальше.

Дуня посмотрела вслед трем мужчинам, которые исчезли в конце коридора, и задумалась, что ей делать дальше. Ее единственный контакт в Государственной криминальной полиции в Стокгольме на больничном и явно не скоро выйдет на работу. И тут вдруг сказались последствия бессонной ночи. Ей захотелось поехать домой и забраться под одеяло.

– Извините, но, похоже, вы заблудились. Вы кого-то ищете?

Дуня повернулась к Херману Эдельману, который шел ей навстречу.

– Да, я пришла поговорить с Малин Ренберг, но она, как выяснилось, больна.

– Да, это так. Но я ее начальник. Может быть, я смогу вам помочь. – Он подал ей руку. – Херман Эдельман.

– Извините. Дуня Хоугор из полиции Копенгагена.

Они пожали друг другу руки, и Эдельман провел ее в свой кабинет.

– Что-нибудь выпьете? Кофе? Чай? Мне кажется, у меня есть даже немного водки Gammel Dansk.

– Нет, спасибо, не надо. Только если стакан датской воды.

– С газом?

– Верно.

Эдельман достал и открыл две бутылки минеральной воды Ramlösa и налил ее в стаканы.

– У вас есть зарядка к моему мобильному? – она показала свой «Айфон». – Ему капут.

– Капут?

– В смысле, конец.

– Вы меня извините, датский язык не мой конек, но вы имели в виду, что вам нужно зарядное устройство, и с этим нет проблем. – Эдельман подошел к письменному столу и вернулся с зарядкой. – Пожалуйста. Кстати, а как вы вошли? Насколько я понял, вы не договаривались о встрече.

– Нет, я только сказала, что хочу сделать Малин сюрприз, – ответила Дуня, вставляя зарядку в розетку.

– И они вас просто так пустили?

Дуня кивнула, и Эдельман покачал головой.

– Надеюсь, в полиции Копенгагена с безопасностью получше. Ладно. Чем могу служить?

– Я расследую дело об убийстве, и мы нашли машину, принадлежавшую вашему министру юстиции.

– Вы имеете в виду Карла-Эрика Гримоса?

– Именно. Номерные знаки НХН 674.

– И где вы ее нашли?

– На дне порта в Хельсингере. Насколько я понимаю, он – одна из жертв в большом деле об убийстве здесь, в Стокгольме.

– Да, это так. Но чтобы мне полностью понять: какое убийство вы расследуете?

– Там целый ряд жертв, которых насильовали и расчленили.

– Точно. Это телезнаменитость и его жена?

Дуня кивнула.

– Я думал, дело раскрыто и окончено?

– Да, я только подвожу итоги, чтобы убедиться, что мы ничего не пропустили. И тут я нашла эту взаимосвязь.

– Мы этим займемся. Конечно, мы досконально все изучим. Но как и с НЛО, есть вполне естественное объяснение.

– И какое вы имеете в виду?

– Ну... Гримос был известным коллекционером машин. Дорогих

машин. И вполне вероятно, что одну из них угнали и она затерялась на просторах подпольного мира. Ваш преступник наверняка нуждался в машине, которая не имела к нему отношения. Но, как я уже сказал, я проверю и свяжусь с вами, как только что-то выясню.

Дуня вытащила зарядку из мобильного и встала.

– Я бы хотела, чтобы вы связались со мной напрямую, – она дала ему свою визитку.

– Конечно. Никаких проблем. И по этому телефону вас можно застать даже в рождественские каникулы?

– Меня всегда можно найти по этому телефону. – Она пожала ему руку.

– Когда он не разряжен, – Эдельман засмеялся и проводил ее из кабинета.

Когда Фабиан пришел домой вместе с Томасом и Ярмо, они застали там Ниву, которая сидела как приклеенная перед большим компьютерным экраном с таблицей различных мобильных номеров и имен.

– Только не говори, что все это – подозреваемые мобильные номера, – сказал Томас и посмотрел через плечо на Ниву, которая даже не сочла нужным ответить.

Только теперь Фабиан понял, почему никогда не верил в идею попытаться вычислить неизвестный мобильный номер с помощью нескольких различных мест и временных отрезков. Таблица с возможными мобильными номерами и соответствующими абонентами казалась бесконечно длинной. Такой длинной, что хотя Нива прокручивала ее настолько быстро, что цифры и буквы сливались в серую рябь, таблица, похоже, никогда не кончится. Она еще явно не готова, и ему надо сделать над собой усилие, чтобы не выдать свой скепсис.

– Должно быть, это ошибка. Не может быть так много, – заметил Томас, который теперь начал качать бицепсы с помощью резинового эспандера.

– Мы говорим о Слюссене. Каждый день через это место наверняка проходят сотни тысяч. Поэтому мне и нужно больше сведений, – сказала Нива, сдерживая раздражение.

– Неудивительно, что он проваливается, – Томас повернулся к Ярмо, который сидел перед телевизором и быстро прокручивал запись с камеры наблюдения из гаража на Слюссене. – А у тебя как дела? Ты еще не начал просматривать личные пленки Фаббе?

– Только что нашел, – Ярмо остановил кадр, где видно, как преступник в противогазе выезжает на машине Адама Фишера. – Он выезжает из гаража в 15:33.

– О'кей, тогда подводим черту в 15:32, – сказала Нива и записала команду. – А когда, по-вашему, он туда заехал?

– Во всяком случае, он был не на машине, – сказал Томас и поменял положение, чтобы тренировать трицепсы. – Фишер бы это заметил, а тут ясно видно, что он понятия не имеет о том, что его ждет.

– Пожалуйста, перестань, – попросила Нива. – Мне мешает звук, и к тому же пахнет резиной.

– А что в этом плохого? – Томас посмотрел на Фабиана с намеком.

– Фишер. У него был постоянный адрес, и он жил рядом с гаражом? – спросил Фабиан, чтобы сменить тему. К тому же он опять поверил в идею.

– Рядом с Мосебакке. Самая плохая квартира, с видом на... Сплошное расстройство, – сказал Томас и сделал последний подход, после чего стал сворачивать эспандер.

– Значит, преступник или ехал за ним в своей машине, или стоял и ждал в гараже.

– Скорее второе, – сказал Ярмо. – Я просмотрел каждый кадр этого видео. Уверяю вас, что его нет ни в одной машине, которая едет за Фишером.

Томас вздохнул.

– Как ты можешь уверять? Он же не въехал в противогазе. Он, по большому счету, может быть в любой машине из тех, которые ехали следом.

– Вот как, это интересно. В таком случае он сменил пол, поскольку по случайности в семи следующих машинах за рулем сидят одни женщины. Но у эксперта наверняка есть этому объяснение.

– Ладно, мы все устали, – сказал Фабиан.

– Я нет, – отозвался Томас.

– И я нет, – сказал Ярмо.

– Ну, значит, только я. На самом деле не играет большой роли. Давайте только исходить из того, что, по крайней мере, он находился там столько, сколько сам Фишер.

– Одиннадцать минут, – сказал Томас и положил под губу жевательный табак.

– О'кей, скажем десять. Тогда будет наверняка. – Фабиан повернулся к Ниве. – Сколько у нас сейчас номеров?

– Несколько тысяч, – сказала Нива, не отрывая глаз от экрана. – Надеюсь, будет меньше, когда я сопоставлю номера Депутатского здания и квартиры на улице Эстгетагата.

– Кто еще, кроме меня, проголодался? – спросил Томас.

– Бери из холодильника все, что хочешь, – сказал Фабиан, который сам был голоден, но не мог оторвать глаз от экрана, где таблица с мобильными номерами становилась все короче по мере того как считал компьютер.

Через семь минут, когда Томас вернулся с полной тарелкой горячих бутербродов с сыром и джемом, таблица стала такой короткой, что уместилась на одной экранной странице.

– А теперь сколько? – спросил Томас, кладя в рот бутерброд.

– Сорок три, – Нива потянулась на стуле.

– Он досчитал до конца?

Нива ответила коротким кивком, и Фабиан почувствовал, как от разочарования на него опять навалилась усталость. Сорок три, конечно, гораздо лучше, чем сотни тысяч, но все равно очень много.

– Но я не понимаю. Разве может быть, что сорок три человека одновременно находились в этих трех местах? – спросил Фабиан и взял с тарелки Томаса бутерброд.

– Может, ведь у нас нет точных координат навигатора, – сказала Нива и взяла последний бутерброд.

– Но какого черта...

– Я использовала несколько мобильных мачт, чтобы как можно точнее очертить границы участков. Но, как я уже сказала, до точности тут далеко. Только мимо Слюссена проходит сколько угодно людей.

– Это я тоже понимаю, – сказал Фабиан. – Но заднее фойе в Депутатском здании во второй половине дня ближе к вечеру, когда валит снег. Подумай. Тут какая-то ошибка.

– Ты забываешь Центральный мост. Он недалеко оттуда.

– Точно. А что у нас на улице Эстгетагатаан?

– Во-первых, улица Гетгатаан. Но уже было девять часов вечера, и большая часть находившихся там – местные жители.

– Почему тут нет никакого имени? – Томас показал на экран.

– Это сим-карта без абонентской платы.

– О'кей, но он же не настолько замотался, чтобы бегать по городу с сим-картой на свое собственное имя.

Нива подняла глаза от экрана.

– А я об этом не подумала.

– Тогда сколько у нас сейчас вариантов? – спросил Ярмо.

– Один.

– Один? – повторил Фабиан. – Он включен?

– Сейчас посмотрим... – руки Нивы опять застучали по клавишам.

– Мне нужно пожевать, – сказал Ярмо и втиснулся за Нивой.

– Разве ты не бросил? – Томас протянул свою коробочку.

– Нет, сейчас он выключен, – сказала Нива, продолжая вводить команды.

– Ты можешь посмотреть, где он еще побывал? – спросил Фабиан, и Нива кивнула.

– Аксельсберг. Улица Сельмедальсвеген, 38, 40 или 42.

Последнюю неделю Карнелы Аккерман нельзя было назвать иначе, как бесконечным кошмаром. Каждое утро, просыпаясь, она продолжала лежать с закрытыми глазами, сжимала руки и молилась о том, чтобы это было именно кошмаром.

Два дня назад умерла Семира. Ее любимая сестра, которая помимо работы была единственным оплотом в ее жизни. Как оказалось, сестру жестоко убили. За невинное желание избавиться от боли и вернуть обратно зрение. Желание, которое она даже не решалась озвучить и которому предпочла безутешное ожидание в вечной очереди.

Она понятия не имела, кто наказал ее сестру. Но она знала две вещи: Семира не единственная, и полиция схватила не того человека. Этот Фабиан Риск тоже знал это. Он даже упомянул Гидона Хасса. Тогда она пожалела и поняла, какие силы приводит в движение.

А ведь Карнела собиралась рассказать о разрешениях, которые еще были не совсем готовы и являлись последней возможностью оставить планы переезда. Скоро и этот поезд уйдет, и если она не расскажет, никто ничего не узнает. Ей надо собраться с мыслями и решить, обращаться ли к нему еще раз. По-хорошему надо взять больничный и остаться дома. Но у нее нет выбора, и приходится сидеть за своим письменным столом и показывать всем, что на нее вполне можно положиться.

Только бы ее оставили в покое и ей не надо было ни с кем говорить. Особенно с той женщиной из районной управы, которая по какой-то причине не принимала отказ. И поэтому ей опять позвонили с ресепшена.

– Карнела Аккерман слушает, – сказала она, пытаясь говорить как можно более нейтральным тоном.

– Привет, это снова с ресепшена.

– Понятно, и в чем дело?

– Сожалею, но это опять та женщина из районной управы. Она упорно звонит. Теперь она грозит, что придет без предупреждения и оштрафует нас, если мы не ответим на ее вопросы. Я знаю, что сегодня тебя лучше ни с кем не соединять, и я правда пыталась, но...

– О'кей, переведи ее на меня...

– О, спасибо тебе.

Карнела подождала сигнала переключения и ответила.

– Говорит Карнела Аккерман.

– Наконец-то. Вас не так легко застать.

– Да, в последние дни года у меня очень много дел. С кем я говорю?

– Извините. Меня зовут Эва-Бритт Моссберг. Я звоню от имени управы района Эстермальм относительно исследования рабочей среды для ваших сотрудников.

– А это не может подождать до января?

– Увы. Отчет должен быть готов до Нового года, и вы последние в моем списке. Это всего лишь несколько простых вопросов, на которые уйдет не больше трех минут. Иначе мы придем к вам с проверкой, и вам придется оплатить счет.

– Хорошо, давайте это сделаем.

– О'кей, замечательно. Что касается уборки. У вас есть свой штат уборщиков или вы нанимаете со стороны?

– Со стороны, – Карнела не собиралась говорить ни одного лишнего слова.

– Ясно. И как часто они приходят?

– Три раза в неделю. Понедельник, среда, пятница.

– О'кей, они приходят в рабочее время или...

– Нет, после окончания рабочего дня.

– Вот оно что. А какой фирмой вы пользуетесь?

– «Всегда чисто».

– И вы ею довольны?

– Да.

– Прекрасно. Спасибо вам и желаю хорошего Рождества.

– Мы что, уже закончили?

– Как я говорила, это только несколько вопросов. До свидания.

В трубке щелкнуло. Карнела Аккерман продолжала сидеть и смотреть на трубку в своей руке.

Малин Ренберг выдохнула и положила мобильный на столик рядом с кроватью. Разговор превзошел все ожидания. Она знала, что хорошо врет. Но что настолько хорошо? Если она когда-нибудь решит сменить профессию, она всегда может стать актрисой. Или, может быть, даже лучше – профессиональным игроком в покер.

Она еще больше откинула спинку кровати, сменила позу, открыла компьютер, написала название уборочной фирмы в поисковой строке браузера и кликнула на их сайт. Обещания о сверкающих чистотой домах и офисах по всем мыслимым требованиям. Персонал пунктуален и надежен. К сожалению, снимков персонала не было, как и сведений о том, есть ли у

них мужчины-уборщики.

Ей ничего не оставалось, кроме как войти в еще одну роль. Она взяла мобильный, набрала номер и, пока шли гудки, думала о том, что ей делать, если они уже закрылись на рождественские каникулы и не возьмут трубку. Может быть, ее сестра, которая работает в Страховой кассе, сможет ей помочь получить сведения обо всех сотрудниках. Но есть риск, что та удивится и расскажет Андерсу, который в свою очередь будет совершенно ошарашен. Тогда уж лучше обратиться к Ниве Экенъельм, тут ничего не поделаешь. Нива может получить сведения так же быстро, как разрушить брак.

– Компания «Всегда чисто». Чем могу вам помочь?

– Ой, здравствуйте. Меня зовут Малин Ренберг, – она никак не ожидала, что ей ответят, и поэтому не успела придумать себе псевдоним. – Я ищу уборщика в свой дом, чтобы он так сверкал чистотой, как вы обещаете на своем сайте.

– Конечно. Вы живете в доме или в квартире и сколько у вас комнат?

– У нас большая площадь, и наверняка это будет дорого стоить, – перебила Малин. – Но я бы предпочла мужчину-уборщика. У вас есть такие?

На другом конце провода воцарилась тишина.

– Хочу подчеркнуть, что речь идет только об уборке. Мой опыт показывает, что у мужчин это получается гораздо лучше.

– Понимаю. Я знаю, что у нас есть несколько человек. Но...

– Как хорошо! Но тогда, может быть, вы вышлете мне список по мейлу?

– Даже не знаю. Это...

– И еще. Лучше с именами и фото – хочу на них посмотреть.

Шляпная полка в холле была завалена перчатками, шапками и галстуками, а на крючках висело несколько зимних пальто. В шкафу для обуви стояли ботинки, сапоги и туфли. Немного дальше на столике рядом с табуреткой виднелись очертания старого доброго телефона. Но было слишком темно, чтобы увидеть, был ли он настоящий, с диском для набора.

Ракурс сместился, и поискам зацепок на полу пришел конец, когда зажегся свет и в маленьком круглом зеркальце отразилась пара босых шаркающих ног. Ноги принадлежали пожилому мужчине, который почесывал седые волосы.

Фабиан вытащил стоматологическое зеркальце, осторожно закрыл щель для писем и поспешил вниз по лестнице.

Нива дала им более чем точное географическое положение. По адресу: улица Сельмедальсвеген, 38–42, находился трехподъездный девятиэтажный дом, где на каждом этаже было от трех до пяти квартир. Все это находилось в радиусе пятнадцати метров. В лучшем случае так и было. Фабиан решил даже не думать о том, каков радиус в худшем случае, оглядывая ряд домов из светло-коричневого бетона, свидетельствующих о том, что у архитектора был очень плохой день.

Они добрались сюда за двенадцать минут, поскольку Томас ехал на красный свет и использовал каждую встреченную выделенку. Чтобы не терять еще больше драгоценного времени, они разделились, и каждый взял себе по подъезду. Фабиан уже прочесал два верхних этажа и спускался на седьмой.

В лифт вошла мама с коляской, и он подождал, пока двери лифта закроются. Испытав облегчение, что его оставили в покое, Фабиан стал осматривать пять входных дверей на площадке. У одной из них стояла еще одна коляска и завязанный пакет с мусором. На соседней двери висела написанная от руки табличка «Здесь живем мы» с перечислением всех членов семьи, включая «Молле» и «Малыша». С третьей дверью было не так легко. На щели для писем под наклейкой с просьбой не класть рекламу было написано «М. Карлссон».

Фабиан позвонил одной рукой, потрогав другой висевшую на плече кобуру под пальто. Да, все на месте. Табельное оружие, которое он обычно никогда не брал с собой и никогда не использовал, кроме как в тире. С оружием он почему-то всегда чувствовал себя некомфортно. Словно на нем

слишком сильно затянутый галстук, в то время как другие ходят в футболках. Но Томас и остальные настояли, что они должны быть вооружены, и, конечно, это правильно. В любую минуту ситуация может обостриться. За одной из дверей, за какой угодно, может наготове стоять и ждать преступник.

Фабиан задумался, а готов ли он сам, снова нажимая на звонок. Сумеет ли он достаточно быстро вынуть оружие и, не колеблясь, нажать на курок. В глубине души он знал ответ и мог только надеяться, что ошибается.

Он достал стоматологическое зеркальце, вытащил ручку и осторожно просунул его в щель для писем. И тут завибрировал мобильный. Свободной рукой он взял телефон и приложил его к уху, настраивая ракурс зеркальца.

– Привет, папа, – раздался голос Матильды на другом конце.

– Привет, Матильда, это ты? Вам хорошо у тети Лисен? – Он просканировал холл и помимо нескольких гитар, прислоненных к стене, увидел подсвеченный грязный террариум с чем-то мохнатым на нескольких ногах.

– Нет, плохо. Тео говорит, что я куча говна и что он меня побьет.

– А почему он так говорит?

– Потому что я рассказала маме, что сегодня ночью он смылся через окно.

– Как ты сказала, что он сделал? – переспросил Фабиан, увидев, что кто-то прошел мимо гитар и идет прямо на него. Он хотел вытащить зеркальце, но оно застряло.

– Он ушел и пришел только...

– Матильда, я должен заканчивать. Поговорим...

Дверь распахнулась, и из квартиры выскочил мужчина лет тридцати пяти в тренировочных штанах и с голым торсом.

– Ты думаешь, я не видел, что ты делаешь? – от мужчины разило пивом. Он прижал Фабиана к стене. – Проклятый шпик.

– Полиция, – сказал Фабиан, которому наконец удалось найти свое удостоверение и поднести его к лицу мужчины. – Мы ищем преступника в одной из квартир этого подъезда, и когда ты не открыл, я решил, что тебя нет дома.

– И начал шпионить через щель для писем. А это законно? – мужчина отпустил Фабиана и потянул к себе удостоверение.

– Нас поджимает время, и у нас нет другой возможности. – Фабиан вытащил зеркальце и забрал обратно свое удостоверение.

– Вот как. И что теперь будет? Меня что, поведут на допрос?

– Нет, если что, мы с тобой свяжемся. Что ты знаешь о соседях?

– Типа ничего, – мужчина, похоже, был почти разочарован, что больше ничего не произойдет. – Хотя дети в той квартире орут каждый божий день с шести утра как резаные. Надо бы заявить на них в полицию. Я могу заявить тебе?

– Нет. Как я уже сказал, если что, мы с тобой свяжемся.

Чтобы подчеркнуть, что они закончили, Фабиан отвернулся и позвонил в соседнюю квартиру, ожидая, что услышит звук шагов и закрывающейся двери. Но когда этого не случилось, он опять обернулся к мужчине, который явно намеревался стоять и смотреть.

– Как я уже сказал, мы с тобой свяжемся.

– А что такого? Разве запрещено стоять и смотреть?

– Нет, но я бы хотел, чтобы ты... Ладно, забудь... – Фабиан со вздохом сдался, вернулся к соседской двери и снова позвонил. Но когда никто не подошел и не открыл, достал зеркальце и просунул его в щель для писем.

– А это, значит, разрешено?

Фабиан сделал усилие, чтобы проигнорировать мужчину и сосредоточиться на том, что он увидел в зеркальце.

– Вот как. Теперь буду знать.

Холл был таким же, как у пожилого мужчины в квартире этажом выше, с той только разницей, что двери были открыты и пропускали достаточно света, и он смог осмотреть интерьер.

– Ну что, видишь что-то интересное?

– Нет, одна скукота, – сказал Фабиан и медленно повернул зеркальце.

Краски. Везде краски. Стены выкрашены в красный цвет, а на зеркале в золоченой раме висит тяжелая желтая ткань с маленькими вшитыми зеркальцами и блестками. На противоположной стене маленькие полки с подсвечниками различных цветов, а весь пол в холле покрыт зелено-синим ковром. Даже одежда, висящая на плечиках на шляпной полке, была разноцветной, кроме серого свитера и грубой черной куртки.

Фабиан наклонил зеркальце вниз и стал разглядывать обувь, но тут увидел, что на него одним глазом смотрит противогаз. От шока он вздрогнул и выронил зеркальце, которое упало в щель для писем.

– Эй? В чем дело?

– Пройди, пожалуйста, в свою квартиру.

– Ты что-то увидел?

– В квартиру, я сказал.

– Спокойно, спокойно, – мужчина отошел назад на несколько шагов и переступил порог, не закрыв двери.

Фабиан достал отвертку и бутылочку со смазочным маслом и стал

работать над замком.

– Вот, значит, как надо делать...

Через минуту он смог повернуть отвертку как ключ и осторожно открыть дверь.

– Черт возьми, он делает это не в первый раз.

Фабиан осмотрел прихожую. В дальнем углу действительно висел противогаз. Это могло быть чистым совпадением. Но кто повесит противогаз у себя в прихожей? Он прошел дальше в квартиру. Первая дверь вела в спальню, которая, как и прихожая, была оформлена в ярких тонах. Стены были теплого желтого цвета, а на кровати не шире 110 см в центре комнаты лежало розовое покрывало. Фабиан пытался совместить это с образом преступника, который он себе нарисовал. Но ничего не получалось. Вообще-то у него не было четкого представления о том, как все должно выглядеть. Но одно он знал наверняка: только не так.

На комод, стоявшем у стены напротив спинки кровати и покрытом шелковой скатертью с красным отливом, стояло штук тридцать стеариновых свечей и несколько курильниц. В центре находилась фотография в рамке с изображением камня, вкопанного в землю. Рядом стоял старый проигрыватель с избранным Этты Джеймс. Он нажал на «плей», пластинка начала кружиться, и на нее опустилась игла.

At last my love has come along

My lonely days are over and life is like a song^[15]

Фабиан взял фотографию в рамке, чтобы получше разглядеть ее, и увидел на камне надпись, сделанную маленькими непонятными знаками. Он разобрал только дату.

אפרים ידן

1977–1998

בשום מקום ולעולם לא אוהב אף אחד אחר

לעולם לבי לא יפעם בשביל מישהו אחר

אתה ואף אחד אחר

כל עוד אני חיה ולנצח

בקרוב שוב תהיה שלם כמוני

אז נתראה שוב

אני מבטיחה לך

Насколько он понимал, это был не арабский. И не какой-нибудь азиатский язык. Наверное, иврит. Во всяком случае, это напоминает знаки на вышивке, которая висит на стене в кабинете Эдельмана. Но чтобы полностью убедиться и исключить грузинский, армянский и все другие языки, которые он не знал, ему придется показать текст кому-нибудь.

Ясно только одно: это надгробный камень. Но чей? И кто скорбит? Он вообще-то пришел по адресу? Фабиан снял фото мобильным и послал его Ниве, после чего вернулся в холл и прошел в следующую комнату.

Достаточно было только переступить порог. Больше не требовалось, чтобы развеять все сомнения. Комната резко отличалась от остальной квартиры. Здесь не было ни теплых тонов, ни безделушек для создания уюта. Стены больше напоминали стены в его собственной гостиной на данный момент. С той только разницей, что в этой комнате не велось следствие.

В этой комнате разрабатывали план действий.

Стена слева была покрыта старыми газетными вырезками и всевозможными фотографиями – от Оссиана Кремпа в различные периоды жизни до охранника с манекенами. Был здесь и Карл-Эрик Гримос – и как министр в своей характерной шляпе и пальто с меховым воротником, и молодой, когда он работал вместе с Херманом Эдельманом в Государственной криминальной полиции. А еще Семира Аккерман и Адам Фишер.

Здесь были также другие лица и имена, которых Фабиан не знал. Например, *Карен Нойман* и *Бенни Виллумсен*. На некоторых людей были собраны настоящие досье – от выдержек из протокола судебного заседания и газетных вырезок до историй болезни и подробных описаний, например, их рабочих часов и маршрутов поездок на работу. Коды домофонов. Где они покупают еду. С кем они обычно общаются. Любимые телевизионные программы. Предпочтения в одежде. Иными словами, все, что могло касаться их привычек.

Все это было соединено красными лентами, булавками прикрепленными к стене. На самом верху находилась горизонтальная линейка времени, которая начиналась 8 декабря с похищения Адама Фишера и шла день за днем по всей стене вплоть до 24 декабря.

Сегодня 22 декабря.

Фабиан отследил две красные ленты, ведущие к двум последним дням, но обе кончались ничем. Воткнутые в стену булавки свидетельствовали о том, что преступник, наверное, сорвал все фото и записи перед уходом из дома.

Оставалось еще два дня.

И еще двое на очереди.

Это могло означать только одно.

Фабиан рассмотрел, что еще находилось в комнате. К длинной стене были прислонены рулоны с защитной пленкой. На одной полке стояли газовые баллончики, а на другой лежали скальпели и всевозможные хирургические инструменты. На штанге для одежды висели различные причиндалы, в частности, униформа охранника Юакима Хольмберга вместе с накладным животом, а рядом с туалетным столиком лежали парики и накладные бороды.

В шкафчике для ключей висело несколько ключей и пропусков. Но они не были помечены, и он обратил внимание на рабочий стол, где рядом с кипами папок стоял большой экран, подключенный к стационарному компьютеру под столом. Он попытался включить его. Но поскольку не нашел ни клавиатуры, ни мышки, решил взять его домой и показать Ниве. Затем открыл одну из папок из лежащей рядом стопки.

В папке хранились распечатки из патологоанатомического института в Абу-Кабире. Страницы длинных таблиц, где в первом столбце проставлен пятизначный номер, а во втором – группа крови. Каждый годящийся для пересадки орган помещен в отдельный столбец, органы оценены по десятибалльной шкале.

В другой папке находилась документация в отношении покупателей органов. Тысячи и тысячи людей, которые обращались в институт, их истории болезни, какие органы были пересажены и от кого они были получены, причем доноры обозначались пятизначными номерами.

В еще одной папке он нашел последнее звено. Снимки умерших. Всех тех, кого без их согласия вскрыли, у кого изъяли органы и кому присвоили пятизначный номер, написанный черной тушью на бумажке, которую в свою очередь прикрепили ко лбу степлером.

– Вау... Можно сказать, ты сорвал джекпот.

Фабиан повернулся к мужчине в тренировочных штанах, который стоял прямо за ним.

– Ну у меня и соседи. Никогда бы не подумал, – продолжил мужчина и развел руками.

Фабиан собирался приказать ему вернуться в его квартиру и даже сделал поползновение вытащить оружие, чтобы показать, что он не шутит. Но не успел.

– Знаю, знаю. Мне нельзя здесь находиться. Но ведь любопытно. Не каждый день понимаешь, кто живет с тобой рядом. Но ты можешь

успокоиться. Я сейчас уйду, – сказал мужчина и вышел обратно в холл.

– Послушай, кстати, подожди!

– Что?

– Что ты знаешь о своем соседе?

– Практически ничего, – мужчина пожал плечами. – Но она чертовски хороша, это уж точно.

– Она? – Фабиан решил, что ослышался, но увидел, что мужчина кивнул.

Видит бог, это далось ей нелегко. Малин Ренберг пришлось включить весь свой актерский талант, чтобы убедить женщину из фирмы «Всегда чисто» отправить ей по мейлу имена и фотографии их уборщиков-мужчин. Ей пришлось даже поклясться, что они будут убирать у нее раз в неделю минимум полгода. Посмотрим, что на этот счет скажет Урсула, подумала она и еще раз нажала на изображение конверта в программе электронной почты, чтобы проверить, пришел ли мейл.

Последние десять минут она нажимала на эту кнопку, как игроман, играющий в однорукого бандита. Каждый раз, когда корзина с входящими письмами оказывалась пустой, она собиралась перезвонить туда и дать им понять, с кем они имеют дело. Но в этот раз ей не надо было сдерживаться, поскольку мейл наконец пришел.

Привет, Малин. Надеюсь, вы найдете кого-нибудь подходящего. Полгода – довольно большой срок.:) С наилучшими пожеланиями. Оса

Малин быстро состряпала ответ, где обещала сообщить, как только просмотрит список.

Прилагаемый файл тянул на несколько мегабайт, а значит, она, наверное, получила список всего персонала. Особой проблемы это не составит, только ей придется просмотреть его с начала и до конца. Все равно у них не так много мужчин-уборщиков.

Она не любила, когда ей мешали во время работы. Персонал больницы уже дважды предупреждал ее и грозился отобрать у нее и мобильный, и компьютер. Но она не думала, что уборщица, которая сейчас совершала свой ежедневный обход, станет сплетничать. Женщина могла сделать это гораздо раньше – ведь она столько раз заставляла Малин в позе полулежа с компьютером на кровати.

Малин открыла начало списка и принялась за работу. Но не успела просмотреть первую страницу, как открылась дверь, и ей пришлось выключить компьютер и спрятать его под одеяло.

– Привет, вот ты где.

– Но... Дуня... Что ты здесь делаешь?

– Разве ты не так говорила? Если я буду в этих краях... – Дуня вошла в

палату с букетом цветов.

– Ой, как замечательно. Это мне?

– Да, – Дуня поставила цветы в вазу на ночном столике.

– Принести воды? – спросила уборщица.

– Да, большое спасибо, – ответила Малин и освободила место на кровати. – Боже, как приятно. Ты бы хоть позвонила и предупредила, я бы успела наложить несколько слоев штукатурки.

– Да, не помешало бы.

– Ты бы видела меня несколько дней тому назад. Впрочем, ты меня видела. Почему ничего не сказала?

– Когда?

– Когда мы виделись в Дании. Я, наверное, выглядела как настоящая рыба-луна.

– Перестань, ты прекрасно выглядела. Но что случилось?

– Вот что, – Малин показала на свой беременный живот.

– Ты в порядке?

– Да. А теперь садись и рассказывай, почему оказалась в наших краях.

– Это длинная история, – Дуня села на край кровати. – Но вкратце, ты была права.

– Конечно. Только в чем?

С лица Дуни исчезла улыбка, и она собралась было рассказать, но не стала, поскольку уборщица вернулась с лейкой и стала наливать в вазу воду.

– Давай рассказывай.

– Это Карстен... Мы не должны быть вместе.

– Понятно, что не должны. Это было видно издали. Ты же даже не была влюблена.

– Нет, но думала, что да. Мы почти никогда не ссорились, и...

– Послушай, это совершенно ничего не значит, уверяю тебя. Мы с моим мужем Андерсом ссоримся почему зря. Скорее, не ссоримся... А переругиваемся. Стоит нам только увидеть друг друга, как мы начинаем. Но боже, как я его люблю. Больше всего... – Малин осеклась, увидев, что Дуня заплакала, и обняла ее. – Послушай... Я понимаю, что тебе тяжело, но...

– Просто я очень устала. Честно говоря, сама не понимаю, почему я плачу. Меня это уже не трогает. Отчасти у меня такое чувство, что я знала это все время и только ждала, когда он настолько меня унижит, что я решу его бросить.

– Хорошо, что это случилось сейчас, а не тогда, когда ты будешь такой,

как я.

Дуня засмеялась и вытерла слезы.

– К сожалению, мне надо идти, а то я опоздаю на самолет. Было очень приятно повидаться.

– Я дам о себе знать, когда жизнь снова наладится. Лет через двадцать.

Дуня опять засмеялась, встала и скрылась в дверях. Малин откинулась назад на кровати и стала вспоминать, когда последний раз говорила Андерсу, как сильно она его любит. Она решила позвонить ему. Но не сейчас. Сначала надо просмотреть список сотрудников из фирмы «Всегда чисто».

Малин опять открыла компьютер, разблокировала его и принялась за дело. Как она и предполагала, мужчин-уборщиков было не так много. После быстрого просмотра нашла только троих. Трое подозреваемых, у всех был доступ как к ключам, так и к кодам, чтобы попасть в израильское посольство и убраться там после окончания рабочего дня. Она скопировала их имена и номера удостоверений личности и собиралась послать мейл Фабиану, как обратила внимание на лицо под фото одного из мужчин.

Она не могла точно сказать почему. Но в женщине было что-то знакомое. И лишь когда Малин увеличила фото, она поняла, что знает ее. Только неясно, каким образом. Какая-то малознакомая коллега на работе? Или кто-то из всех тысяч свидетелей, с которыми она имела дело? Или...

И тут до нее дошло – ее тело отреагировало, напрягшись каждым мускулом. Последние сутки она видела эту женщину каждый день. Иногда несколько раз в сутки. Так часто, что Малин об этом не думала. С того самого дня, как Матильда случайно включила принесенную с собой куклу. К тому же именно сейчас женщина находилась в палате.

Со шваброй в руке и взглядом, направленным прямо на нее.

Открытый ящичек стоял на самом дне аквариума и пускал в воздух пузырьки, которые должны были насыщать воду кислородом. Этому предшествовала горячая дискуссия среди сотрудников отдела. Вопрос заключался в том, сколько надо вложить денег, чтобы освежить комнату ожидания, при том что помещение для персонала в ужасном состоянии.

Проходя через комнату ожидания к лифтам, Дуня вообще не обратила внимания на аквариум, который пускал пузыри. Она была целиком занята планированием выезда Карстена из квартиры. Он должен вернуться домой сегодня поздно вечером, и у нее есть несколько часов, чтобы поменять замок и сложить его вещи.

Она нажала на кнопку лифта, кнопка загорелась. Было двадцать минут

первого. Прошло почти два часа с тех пор, как она встретила с Херманом Эдельманом, который пока что не давал о себе знать. Она не стала бы утверждать, что удивлена. Шанс, что он свяжется с ней до Рождества, почти равен нулю. В этом отношении Швеция и Дания абсолютно одинаковы. Все уходило на каникулы.

Все, кроме преступника.

Дуня стала думать о том, что именно по этой причине хотела встретиться с Малин Ренберг. Узнать мнение шведской коллеги об удивительном совпадении – машина их министра юстиции фигурирует в ее расследовании. А вместо этого они стали обсуждать Карстена, и, наверное, к лучшему. У Малин был измученный вид, и она наверняка полностью выгорела. Ей надо прийти в себя и собраться с силами перед родами.

Или нет?

Внезапно она засомневалась. Может быть, ей все равно стоит быстро рассказать об этом и выяснить реакцию. Во всяком случае, это не займет много времени, а потом надо будет взять такси до самого аэропорта Арланда, чтобы не рисковать и не опоздать на регистрацию.

Через несколько секунд двери лифта открылись, но Дуня уже шла обратно в отделение. Когда она проходила мимо аквариума с пузырьками, раздался долгожданный звонок.

– Привет, это Херман Эдельман. Не уверен, помните ли вы меня.

– Конечно, помню.

– Вы извините, что не сразу ответил. Но все оказалось сложнее, чем можно было предположить. Вот какая выяснилась взаимосвязь: за несколько недель до того, как его убили, Гримос продал свою машину, «Порше 911», и поверьте мне, у него была целая коллекция.

– Кому он ее продал?

– Я до этого дойду. Не знаю, как это делается в Дании, но здесь, в Швеции, продавец обязан заявить в Транспортное управление о смене владельца. Обычно заявление регистрируется в течение одного рабочего дня, но в данном случае оно поступило только вчера.

– А мы знаем почему?

– Очевидно, в почтовом индексе перепутали две цифры. Вот она, ваша взаимосвязь.

– И кто покупатель?

– Так. Подождите... Вот оно... Бьерн Труедссон по адресу: улица Аркитектгатан, 2, Мальме. Это явно в двух шагах от улицы Консултгатан, где жил Бенни Виллумсен.

– Значит, машину угнали?

– Именно. Заявление якобы поступило в полицию Мальме уже в понедельник, 14 декабря. Но поскольку сведения о владельце не совпадали, его отложили в сторону, что выяснилось только теперь, когда я начал этим заниматься. Я пришлю вам по мейлу все бумаги, и вы все увидите своими глазами. Если что-то будет неясно, обращайтесь ко мне.

Дуня поблагодарила его за помощь, закончила разговор и решила оставить Малин Ренберг в покое.

Время замедлилось и, похоже, скоро вообще остановится. Малин не сомневалась, что если осмелится перевести взгляд на настенные часы, то не заметит медленного движения секундной стрелки.

Обычно ее не так-то легко испугать. Это не случилось почти никогда. Даже в самых напряженных ситуациях, когда оружие держали дрожащие руки наркоманов, она реагировала не так, как большинство ее коллег, а, наоборот, становилась особенно спокойной и собранной. Чаще всего именно это и требовалось.

Но сейчас она испугалась.

Первый раз за всю жизнь.

За жизнь своих детей.

Ее больничная одежда вся пропотела, и она не могла пошевелиться. Страх словно так впился в нее когтями, что она могла только лежать в кровати и пристально смотреть на женщину. Она даже не решалась сделать попытку дотянуться до тревожной кнопки, которая висела на шнуре всего лишь в полуметре от нее.

Никто из них ничего не сказал. Слова были не нужны. Взглядов было более чем достаточно.

Они обе поняли.

Никакого возврата нет.

Аиша Шахин... Малин мысленно повторила имя и поразилась, какое оно красивое. Почти такое же красивое, как женщина, которая стояла в нескольких метрах от нее, и у которой, несмотря на золотисто-коричневую кожу, были совершенно ясные голубые глаза.

Страх начал отступать. Может быть, потому, что вся ситуация казалась абсолютно нереальной. Потому что настолько красивое создание не может сотворить такой ужас. Это противоречит всем законам природы. То же самое было с кадрами, снятыми немногим больше восьми лет назад. Они походили на кадры в игровом фильме и были такими нереальными, что им с Андерсом надо было до глубокой ночи сидеть перед телевизором и смотреть, как самолеты снова и снова врезаются в небоскребы, чтобы

осознать, что все произошло на самом деле.

Малин собралась с силами и протянула руку к тревожной кнопке, не отводя глаз от женщины. Но промахнулась, и ей ничего не оставалось, кроме как повернуться, чтобы достать до кнопки, которая теперь ходила, как маятник, туда-сюда. Наконец дрожащей рукой она судорожно схватила пластмассовый конус и нажала на него большим пальцем.

Но слишком поздно.

Уборщица уже набросилась на нее и выдернула шнур из розетки. Малин замахала руками, пытаясь расцарапать все, до чего дотягивалась, без всякого плана и цели. Но ее руки никогда не боролись не на жизнь, а на смерть, поэтому их скоро одолели и прижали к груди. Какой же силой обладала эта женщина!

К ее лицу прижали дыхательную маску. Она заметила это только тогда, когда услышала, как пошел газ. Она никогда не умела задерживать дыхание. Всегда всплывала первой на поверхность. Но сейчас не было никакой поверхности, на которую надо было всплывать. В этот раз она вынуждена быть внизу, несмотря на растущую боль в груди. Она долго не выдержит. Малин уже представила себе, что скоро ей придется сдаться.

Ее легкие вот-вот взорвутся, и она сделала последнюю отчаянную попытку высвободиться. Руки по-прежнему были связаны. Она могла шевелить только головой. Сначала в одну сторону, потом в другую. Она повторила движения, но сильнее, и между маской и ее лицом образовалась щель.

Наконец она смогла сделать вдох, а потом еще один, одновременно вертя головой во все стороны, пока с нее не слетела маска. Не думая, она впилась зубами в ладонь, державшую ее руки, и укусила так, что почувствовала во рту привкус крови.

Женщина закричала и немного ослабила хватку. Малин перекатилась на бок, подальше от нападавшей, через край кровати и вниз на пол. У нее заболело бедро, но какое теперь это имеет значение? Имеет значение только одно: выбраться отсюда. Прочь от красивого монстра в коридор, где она может позвать на помощь.

Малин попыталась встать, но бедро ее не слушалось. Тогда она поползла на четвереньках. С помощью рук и одной ноги, вторая просто волочилась. Она делала все, чтобы отвлечься от боли в бедре, хотя та становилась более и более интенсивной, и изо всех сил старалась пробраться к двери.

У двери она стала как можно громче звать на помощь, одновременно пытаясь дотянуться до ручки. Но это ей так и не удалось.

Руки, которые схватили ее за лодыжки, были слишком сильными. Они потащили ее обратно по полу, как только что забитого зверя. Малин стала сопротивляться, высвободила руки, опять сумела добраться до двери и, в конце концов, открыть ее.

Но только мысленно. Тело сдалось.

Разбитое бедро и острое колено в спину. Этого было достаточно, чтобы обезвредить ее.

– Ты должна была надеть маску. Не факт, что они выживут, – сказала женщина за ее спиной.

Малин не понимала, о чем она говорит, пока не почувствовала, как кольнуло между позвонками, и тело стало неметь.

Сначала ноги, а потом живот.

3 апреля 2000 г.

Аиша Шахин перешла границу три года тому назад. Имея только сбережения своей матери, она сумела добраться до самой Швеции. Там у нее обнаружился талант к шведскому языку, и она стала одной из лучших учениц на курсах шведского языка для иностранцев. Она не смогла применить свое медицинское образование и начала работать в клининговой компании. Медленно, но верно она создала свой мирок, где могла чувствовать себя защищенной. Но она никогда не переставала мечтать о том дне, когда они с Эфраимом воссоединятся. О том дне, когда они отрешатся от всего и больше никогда не расстанутся.

Поэтому она вернулась.

Несмотря на все риски, Аиша перешла границу и добралась до своей старой родной деревни Иматин. Письмо не оставило ей никакого выбора. Письмо, которое, с божьей помощью, проделало весь путь до нее. Письмо рассказывало так много, но, тем не менее, не отвечало на самый главный вопрос.

Он жив?

Ему удалось невозможное или произошло то, чего она опасалась? Неизвестность всей тяжестью давила ей на грудь и готова была задушить ее, если она скоро не получит ответ.

Бог, во всяком случае, был с ней, она чувствовала это всем телом. Как тяжелый рюкзак, который натирал ей плечи, но едва ощущался. Или ясное ночное небо. Света полумесяца было вполне достаточно, и она не включала карманный фонарик. Что было большим преимуществом: хотя она видела издали, что во всех домах в деревне темно, это отнюдь не означало, что все спят.

В детстве Аиша была здесь много раз. Она и ее приятели любили бегать здесь и играть в прятки среди деревьев и стен. Мать предупреждала ее, что когда-нибудь они будут за это наказаны. Что существуют такие мощные силы, что ей будет нечего противопоставить, если они пробудятся к жизни. Но она продолжала, не думая о том серьезном, что находилось под ее босыми ногами.

Она поняла, о чем говорила ее мать, только утром после той ночи,

когда отключилось электричество и вся деревня погрузилась во тьму. У стены лежали в куче три мертвых тела, как раз в том месте, где она обычно сидела в тени и считала вслух, закрыв глаза ладонями, пока другие бегали и прятались. Аиша была знакома со всеми тремя, но самого младшего знала по-настоящему. Они играли почти каждый день после школы, и из всех ее знакомых он лучше всех бросал камни.

Все выглядело точно так, как она помнила. Деревья, которые дарили тень и на которые было так весело лазать, скамьи с внутренней стороны стены и могилы, разбросанные в разных местах. Несколько старых могил с разбитыми опрокинутыми камнями. Остальные совсем новые.

Уже через несколько минут она нашла то, что искала. Они лежали в ряд в дальнем углу, и хотя прошло почти два года, на земле еще можно было различить.

*Расин... Михаяр... Закван... Тамир... Музаффар... Алтаир... Сафи...
Васим...*

Знакомо каждое имя. Пятеро из них были ее братьями. Трое других – соседями.

Но она пришла не ради них.

А ради последнего.

Того, у кого даже не было камня с именем.

Девятая могила.

Она сняла рюкзак, раскрыла лопату и стала копать. Через час смогла сесть на колени и счистить сухую землю с толстого промышленного полиэтилена, несколько слоев которого были намотаны вокруг тела и закреплены крепким скотчем. С помощью канцелярского ножика она прорезала полиэтилен слой за слоем, и когда наконец перед ней предстало тело, она увидела именно то, чего опасалась, но надеялась избежать.

Аиша рассчитывала, что при виде развороченного и опустошенного тела начнет плакать. Что при виде зияющих пустых глазниц и грубых стежков от шеи до самого низа через пупок ее слезы будут капать на полиэтилен и соберутся в ручейки, которые потекут по его растерзанному телу. Но она не проронила ни слезинки. Даже когда ее взгляд упал на записку с пятизначным номером, написанным черной тушью, которая был прикреплена к его лбу степлером.

Она испытывала только ненависть.

Ненависть к своему отцу и своим братьям, которые вынудили его пойти на задание. К своей матери, которая стояла рядом и смотрела. К израильским солдатам, которые произвели выстрелы. К врачу, который вскрыл его и лишил внутренностей. Но больше всего она испытывала

ненависть ко всем тем, у кого на руках была кровь, а внутри – Эфраим. Ко всем тем, кто отказался принимать тот приговор, который им вынес Господь.

Кем бы они ни были.

Где бы они ни находились.

Она осторожно отцепила записку от его лба и сложила ее.

Все должны получить свое наказание.

Фабиан сел в машину, чтобы отвезти стационарный компьютер Ниве. По дороге в город его мысли кружились так же беспорядочно, как снежинки за окном. После того, как он случайно проехал на красный свет, свернув направо на улицу Хорнсгатан и чудом избежав столкновения, он включил *Computer World*^[16] группы Kraftwerk в попытке сосредоточиться.

Нельзя сказать, что он не был готов к сюрпризам. Он давно понял, что занимается более чем необычным расследованием. Что тут недостаточно действовать рутинно и мыслить проверенными штампами. Что они имеют дело с преступником, который тщательно подготовился и ничего не пустил на самотек.

Ничего из этого не было для него новостью.

И все же для него оказалось полной неожиданностью, что за всем этим стоит женщина. И, честно говоря, ему по-прежнему трудно в это поверить. Но это была именно женщина. Аиша Шахин, которая, по словам соседа, не только необыкновенно приятная, но и потрясающе красивая.

Фабиану пока что не удалось найти ее фотографию. Но он был уверен, что это вопрос времени. Томас и Ярмо, осматривающие квартиру, найдут снимок и пошлют ему, хотя это не самое главное. Сейчас надо как можно быстрее найти зацепки, которые выведут на две следующие жертвы, хотя, судя по тщательным приготовлениям преступника, или преступницы, существует большой риск, что уже поздно.

Когда он свернул на стоянку и поставил машину на место для инвалидов прямо перед своим подъездом, уже стемнело. Он взял компьютер с пассажирского сиденья, запер машину и быстро пошел сквозь снежное кружение.

Войдя в прихожую, стащил ботинки, которые были все в снегу, прошел в гостиную и поставил компьютер на стол рядом с экранами Нивы, которые все показывали одно и то же сообщение на английском языке:

РАБОТА ВЫПОЛНЯЕТСЯ...

Нивы нигде не было видно. Он позвал ее, но, не получив ответа, взял мобильный и позвонил.

- Привет.
- Ты где?

– У тебя дома. Вот тебе маленькая зацепка. – Послышался плеск воды. Фабиан прошел в ванную комнату, где Нива лежала в ванне, держа в руке мобильный.

– Быстро сработано, – она отложила мобильный и захлопала в ладоши. Они ведут одно из самых тяжелых следствий, к которым он когда-либо имел отношение, а она лежит и расслабляется в его ванне. Не хватает только свечей и шампанского.

– Нива, что ты делаешь?

– Нельзя бесконечно сидеть, не отрываясь от экрана и не моясь. И заметим, мне давно пора было это сделать. Это относится и к вашему высочеству, не говоря уже о Билли и Вилли. К тому же мне нечем заняться, пока машины не закончат свое дело.

– Эпитафия на надгробии. Она переведена?

– Лежит на столе.

Фабиан вернулся в гостиную, где в раскрытом блокноте нашел несколько написанных от руки предложений.

Никогда и нигде я не люблю кого-то другого.

Никогда мое сердце не будет биться для кого-то другого.

Ты и никто другой.

Пока я живу и навечно.

Скоро ты опять станешь целым, как и я.

Тогда мы увидимся снова.

Обещаю тебе.

Он прочел текст еще два раза, словно не мог насладиться словами и всем, что, должно быть, стояло за этим.

– Правда красиво.

Фабиан кивнул и повернулся к Ниве, которая запахнулась в белый банный халат.

– Я больше ничего не нашла. Надеюсь, ты не против, что я это взяла.

Он был еще как против. Халат был Сонин, а вовсе не достояние общественности. Но у него не было сил противостоять и все время подчеркивать, где проходит граница. К тому же он по-прежнему нуждался в ее помощи.

– Ты думаешь, это все ради него? – спросила Нива, подойдя к нему ближе.

– Да.

– Как же надо любить, чтобы пойти на такое.

Фабиан молча кивнул.

– А ты на что пойдешь ради Сони?

Фабиан понял, куда она клонит. Но это будет без него. В этот раз он не поведется.

– На то, что позволено законом.

– Не очень-то романтично. – Она сделала к нему шаг. – Я позволяю себе гораздо больше.

– Ты? – Фабиан встретился с ней взглядом.

– Я. Какие только законы я не нарушила...

Фабиан задумался над ответом, но тишину прервал его мобильный.

– Фабиан слушает...

– Ее нет! Они ее забрали! – послышался голос на другом конце провода.

– Извините, но с кем я...

– Они ее забрали, и никто здесь не знает, где она!

– Кого? И кто это звонит?

– Андерс Ренберг! А ты думал кто? Они взяли Малин!

Бог повернулся к ней спиной? Он был рядом с ней всю дорогу. Он так ее наказывает? Первый раз за долгое время она стала сомневаться в том, действительно ли Он с нею. Или это просто череда несчастливых обстоятельств поставила ей подножку? По-другому и быть не может. Теперь, когда она так близка к цели.

Аиша опоздала почти на полтора часа. Не на пять минут, не на четверть часа, а на целых восемьдесят восемь минут. В молодости она ужасно опаздывала, это было скорее правило, чем исключение. Но сейчас это случилось с ней впервые с тех пор, как она поселилась в Швеции. Двенадцать с половиной лет она всегда приходила вовремя, и теперь вот это.

Если бы не скрытая камера, которую они по незнанию взяли с собой вместе с остальными материалами расследования, Фабиан Риск наверняка бы нашел достаточно много улик в ее квартире, чтобы схватить ее до того, как она все завершит. Она до конца не поняла, как все получилось, но этой женщине, которая больше не работает в полиции, пришла в голову идея, которая вопреки всему, себя оправдала. Это как-то связано с ее мобильным телефоном, это она поняла. Но как это могло вывести их на ее квартиру, оставалось загадкой. Несмотря на то, что несколько лет назад она съездила аж в Умео, чтобы купить симкарту без абонентской платы. К тому же последние сутки мобильный у нее был выключен.

Чтобы не разразилась катастрофа, ей пришлось в страшной спешке вернуться в квартиру. Оставалось только надеяться, что она вывезла самое важное в детской коляске. Она успела выскочить в последнюю секунду до его прихода. Конечно, они много чего найдут, особенно в компьютере. Но ничего страшного, они все равно не успеют.

Главное, ни при каких обстоятельствах они не должны узнать о финале уже сейчас. Иначе все будет испорчено. Рухнет все, что она создавала, и у нее не будет шанса прийти к финишу и совершить самое заветное. То, что составляло смысл всех ее усилий последние десять лет.

Вдобавок ко всему беременная сотрудница полиции сумела заполучить список сотрудников фирмы по уборке и, понятно, узнала ее – ведь Аиша так часто бывала в палате, ведя наблюдение за женщиной. Как список попал ей в руки, тоже нельзя было никак объяснить логически. Но на попытки понять времени не было. Ей пришлось импровизировать и

справиться с возникшей ситуацией, не сомневаясь, что в этом все равно есть смысл, даже если сейчас она его не понимает. Что Бог все равно с ней.

Она дала самой себе обещание, что невинные не пострадают. Что ей на пути будут попадаться только те, кто этого заслуживает. Но уже в Дании пришлось сделать исключение. Там ситуация тоже вышла из-под контроля и не оставила никакой альтернативы. Муж по какой-то причине решил не ночевать в квартире в Копенгагене и поэтому приехал домой на несколько часов раньше, чем она рассчитывала. Таким образом, он в каком-то смысле стал соучастником, и совесть ее не мучила.

В чем нельзя было упрекнуть женщину-полицейского. Она только выполняла свою работу, и к тому же по-настоящему хорошо. Так что пусть Бог несет ответственность за то, что станет с ней и с двумя ее детьми.

Аиша наконец нашла свободное место на парковке на улице Понтоньернгатан, переделась на заднем сиденье, заперла машину, положила ключ на левое переднее колесо, быстро свернула за угол, пошла дальше по улице Польшемсгатан по только что выпавшему снегу и позвонила в серую металлическую дверь. Здоровяк с кольцами в ушах как следует отругал ее. Она придумала объяснение, что кто-то прыгнул перед поездом на рельсы метро. Но он совсем не собирался ее слушать, так что она замолчала и только кивала. Заверяла, что это никогда не повторится.

Причем действительно не повторится.

Она быстро прошла в чулан и достала инвентарь. За немногие оставшиеся у нее часы ей предстояло пропылесосить и вымыть большую площадь. Надо оттереть засохшую грязь, выбросить презервативы и положить в кабинки новые рулоны туалетной бумаги.

И все перед большим событием ночи.

Ей придется работать быстро, чтобы успеть. Но стресс был ей только на пользу. Особенно тот, который она заметила в глазах Здоровяка. Если остальные будут хоть наполовину в таком стрессе, ни у кого не будет времени обратить внимание на ее преобразование.

Фабиан испытывал гнетущее беспокойство с тех пор, как во время посещения Малин в Южной больнице обнаружил, что Матильда трогает камеру в кукле. Он сразу же распорядился, чтобы коллегу перевели в другую палату, но было поздно. Преступник все равно ее нашел. Но как? И главное, зачем? Он понятия не имел и мог только надеяться, что его самые худшие опасения не оправдаются.

В отделении, где она лежала, никого не было, только за стойкой ресепшена несколько медсестер столпились у экрана компьютера, обмениваясь недоумевающими взглядами.

– Что случилось? – спросил он, хотя было ясно, что они также задаются этим вопросом.

– Честно говоря, мы не знаем, – ответила самая высокая. – Час назад мы вышли в ночную смену и все еще пытаемся выяснить.

– Здесь написано, что ее должны перевести в родильное отделение. Но мы проверили. К ним она не поступала, – ответила та, которая сидела за экраном.

Фабиан пошел дальше, в палату, где лежала Малин. Посреди палаты сидел Андерс Ренберг, закрыв лицо руками. Из палаты вынесли кровать, и теперь помещение казалось неестественно пустым. Он не плакал, но когда он посмотрел на Фабиана, по его красным глазам стало ясно, что он только это и делал последний час.

– Мерзавец... Это твоя вина, ты это осознаешь? Только твоя. – Его взгляд излучал такую ненависть, что Фабиану пришлось побороть в себе желание повернуться и уйти.

– Андерс, я понимаю, каково тебе. Но мы по-прежнему не знаем, что случилось. – Он взял стул и сел напротив.

– Только не говори, что ты понимаешь, потому что ты не понимаешь. Ты ни черта не понимаешь. Ты даже хуже Малин.

Фабиан не мог взять в толк, о чем он говорит.

– Да, я знаю. Я говорил с твоей женой, и знаешь, что она сказала? Что? Знаешь?

Фабиан покачал головой.

– Что ты изменяешь каждый день, когда идешь на работу, потому что думаешь только о ней, о работе. Жить с тобой – все равно что жить с пустой оболочкой. Со сброшенной змеиной кожей. Так она и сказала. Не

только она и дети у тебя на втором месте, но и все вообще. А я ведь думал, что вы с Малин друзья, – он выплевывал слова, словно они были отравленными.

– Андерс, попытайся успокоиться, чтобы мы могли...

– Только не говори, что я тебя не предупредил. Что я тебя не просил в прямом смысле слова держаться подальше. Но ты не мог. Так ведь? Ты даже на это был не способен.

Фабиан наклонился вперед и в знак утешения положил руку Андерсу на плечо.

– Не трогай меня, – Андерс скинул руку. – Она была больна. Выгорела, вот что здесь сказали. Выгорела в том смысле, что слишком много работала. Ей надо было всего лишь отдохнуть и прийти в себя перед родами. Но ты не мог с этим смириться.

– Андерс... Давай не будем делать поспешных выводов. Мы все еще не знаем, что произошло.

– Не знаем? – Андерс посмотрел ему в глаза. – А что, по-твоему, произошло? Она просто поехала на кровати в газетный киоск, чтобы купить шоколадку? А потом? Что случилось потом? Ей захотелось еще, и она снова поехала в метель?

Фабиан хотел возразить. Привести контраргументы и доказательства, что ничего страшного нет. Что есть простое объяснение, даже если сейчас они его не видят. Но ему было нечего сказать. Андерс прав. Вероятно, более прав, чем он сам предполагал.

– Так что все целиком и полностью на твоей совести. Ты это понимаешь? – продолжил Андерс. – На твоей совести... – Он заплакал. Фабиан хотел было подойти поближе и обнять его, но передумал.

– Андерс, обещаю... Обещаю сделать все, что смогу, чтобы выяснить, что произошло... Чтобы все утряслось.

Андерс еще раз пригвоздил Фабиана взглядом и покачал головой.

– Все, что сможешь? Этого недостаточно. Далекое не достаточно. Я хочу, чтобы ты пообещал, что все образуется. Что ты позаботишься о том, чтобы все опять стало хорошо. Обещаешь?

Фабиан засомневался, но, в конце концов, кивнул.

– Ладно, Андерс, обещаю.

– Хорошо. Иначе я тебя достану, так и знай. Мне плевать на последствия. Если ты все не исправишь, я сделаю так, что ты заплатишь. Даже если это будет последнее, что я сделаю.

Одну судьбу за другой запускали через темное отверстие в здание на острове Кунгсхольмен. Легко одетые, несмотря на пронизывающий холод. Все со своей историей и своими переживаниями, которые в конечном итоге привели их сюда. Но у всех в глазах был одинаковый страх, независимо от того, откуда они прибыли и на каком языке думали. Страх того, что их ждет. Страх перед тем, чего они не знали, но о чем слишком много слышали.

Повсюду были руки охранников, которые могли связать и ударить, но сейчас больше давили и загоняли. Как скот, который загоняют на дойку. Их торопили. Взгляды охранников нервно блестели, когда они обводили глазами заднюю улицу, обычно такую спокойную, где никто не осмеливался высунуть нос в непогоду.

Крутая лестница вела их прямо вниз, в плотную темноту. Сзади слышалось, как открывается и регулируется металлическая дверь, как бряцают ключи и запирают замки. Наконец зажегся свет – ряд голых электрических лампочек на бетонном потолке. Длинный извилистый коридор с запертыми на висячие замки складами по обе стороны, забитыми отслужившей мебелью и упакованными воспоминаниями, с которыми никто и никогда не ознакомится. Затем еще одна железная дверь, серая, как стена, а за ней – несколько слоев тяжелых красных портьер.

Они попали внутрь. Конечно, их ждала новая темнота, но не такая всепроникающая. Их глаза привыкли к тусклому освещению и разглядели большое помещение. Стены и потолок выкрашены в черный цвет. Повсюду маленькие софиты, освещающие красные диванные группы, расставленные по кругу. В центре большого круга – возвышение, сцена, о которой все слышали.

Охранники провели их через помещение, мимо скрытой двери в черной стене, по светлomu коридору со спящими лампами дневного света на потолке и дверями по обеим сторонам. Большая выложенная кафелем ванная комната, с туалетными кабинками, зеркалами и рядом биде. Им приказали в последний раз справить нужду и тщательно вымыть все отверстия.

Аиша вела практически невозможную борьбу со временем, но успела убрать почти все. В нескольких частных комнатах она только быстро

пропылесосила, а в одной общей комнате лишь перевернула подушки и подобрала попавшиеся ей на глаза презервативы. Вернувшись в чулан, она только успела снять халат и достать из рюкзака косметичку и сменную одежду, как шумные голоса охранников стали раздаваться все громче.

Ей пришлось выйти из чулана, схватив одежду в охапку, и, обгоняя остальных, быстро пройти по коридору в ванную комнату, где она заперлась в самой дальней кабинке. У нее так сильно билось сердце, что было невозможно сосчитать удары.

Но теперь, надев платье и туфли и спрятав косметичку в бачок, она почувствовала себя спокойной, как никогда. Это не просто еще один грешник среди прочих, который получит свое наказание. Она страстно хотела этого с того самого дня, когда до нее дошло, кто он. Диего Аркас был один из *них*. Разве таким образом Бог не показывает, что Он с ней всю дорогу?

Послышалось, как ванная комната наполнялась новым товаром. Никто из них ничего не говорил, но она точно чувствовала запах страха перед тем, что их ждет. Она еще немного подождала, прежде чем открыть, вышла из кабинки и стала вести себя, как остальные девушки: беспокойство в глазах, неуверенная походка и согнутая спина.

Фабиан Риск открыл дверь, которая не запиралась, вошел в свою прихожую и снял верхнюю одежду. Он без проблем доехал домой на машине, хотя все еще был пьян. Он первый раз вел машину в нетрезвом состоянии, но сейчас был слишком уставшим, чтобы из-за этого беспокоиться. Как уже было сказано, он доехал хорошо, несмотря на то что чувствовал себя как выжатый лимон и не был уверен, что одолеет путь до спальни.

Андерс Ренберг в конечном итоге согласился уйти из больницы и дал увезти себя домой на виллу в Эншеде. Там он предложил Фабиану выпить виски. Фабиан пытался отказаться, ссылаясь на поздний час и на то, что он за рулем, но Андерс настоял, сказав, что это самое малое, что он может сделать.

Оказалось, что Андерс – член Шведского общества виски, и целая комната в подвале отдана под его коллекцию виски, которая, по его собственным словам, была одной из самых больших в стране. Как и следовало ожидать, они не остановились на одном стакане, и по мере того, как алкоголь разбавлял кровь, отношения между ними становилась все менее напряженными.

Фабиан дал Андерсу возможность выговориться, и тот болтал обо всем на свете. О доме, который, хотя и слишком дорогой, находится в состоянии вечного ремонта. О своей работе учителем средней школы в районе Шерхольмен и о том, как все коллеги уговаривают его стать директором, но он никогда не стремился к власти. Ему больше нравится быть в гуще событий.

Спустя почти два часа Фабиан поставил наполовину полный стакан виски, встал и поблагодарил. «Сядь», – сказал тогда Андерс так серьезно и с таким взглядом, что Фабиану ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Со слезами на глазах Андерс рассказал о Малин. О том, как сильно он ее любит. Что она – самое прекрасное, что есть в его жизни. Как они познакомились в автобусе – в то время он ходил под номером 54 – и как Малин не хотела выходить, поскольку пошел дождь. И как они, в конце концов, сошли у Оденплана, укрылись под его зонтом и, хихикая, сказались больными, позвонив из телефона-автомата.

После чего Андерс наполнил стакан Фабиана, и без того не пустой, и спросил его, любит ли он все еще Соню. Странно, но Фабиан был совсем

не готов к вопросу и хотел было выпалить стандартный ответ о том, как сильно он ее любит и как хорошо они дополняют друг друга, хотя они такие разные. Но слова застряли.

Вместо этого он попытался нарисовать честную картину их отношений. Как он больше всего на свете хочет быть по-прежнему влюбленным, но как все превращается в ожесточенную борьбу, где сомнения чаще и чаще одерживают верх. Андерс слушал и кивал его неуклюжим попыткам описать свои чувства, и они почти становились друзьями.

– Черт, как ты все усложняешь, – наконец сказал Андерс и принес еще бутылку. – Фабиан слегка приуныл. – Или ты любишь кого-то, или нет. Что тут сложного? – продолжил муж Малин. – Конечно, пламя может ослабеть, но тогда надо засучить рукава и начать его раздувать. А уж если все погаснет, тогда пиши пропало. Тогда лучше позвонить адвокату и положить делу конец.

Хотя Фабиан уже тогда прекрасно понимал, что эти слова – не более чем избитые банальности, почерпнутые в стакане с виски, они попали в самую точку. От мысли о том, что им с Соней надо как можно быстрее положить конец отношениям, он стал задыхаться. Он встал и поехал домой, несмотря на все протесты Андерса.

Посетив ванную и выпив два стакана напитка для восстановления водно-солевого баланса, прошел в спальню. Он не хотел зажигать лампы, но в свете уличного фонаря, проникающего сквозь задернутые шторы, увидел на кровати спящую Ниву. Она не забралась под одеяло, а лежала на покрывале. На ней по-прежнему был халат, который распахнулся и обнажил как раз столько, сколько нужно.

Фабиан не мог понять, почему она не уехала домой. Она действительно работала допоздна? Он не знал, как с ней поступить: не будить или отправить на такси домой? Но не пришел ни к какому решению, будучи где-то посередине. Именно об этом говорил Андерс. Двусмысленность, в которой он пребывал последнее время, наконец начала проходить. Ему вдруг стало все ясно. Он даже увидел невооруженным глазом маленькое синее пламя. Оно слабо горело, еще немного, и оно совсем погаснет. Но пока что оно горело.

Понимание того, что только это имеет значение, придало ему сил, и, не снимая одежды, он как можно осторожнее лег на свою половину кровати, чтобы не будить Ниву. Вскоре от ее медленного дыхания он расслабился, и с каждым вдохом стал все глубже проваливаться в сон. И уже почти совсем погружаясь в мир сновидений, он с кристальной ясностью увидел, что им

делать, чтобы не дать пламени полностью погаснуть. Они с Соней должны вернуться друг к другу и суметь сосуществовать в одном пространстве, не стремясь оттуда.

Как только все это закончится, он расскажет ей. Идея, без сомнения, была радикальной, и для ее осуществления всей семье надо будет проделать большую работу. Особенно Матильде и Теодору, которые наверняка будут против. Им не только придется менять школу, но и приобретать совершенно новых друзей. Но какое это имеет значение? Если это то, что им поможет, решение не дастся с таким трудом, подумал Фабиан, и заснул с уверенностью, что просвет все же есть.

Она сняла трусы, заняла свободное биде и стала мыться. Тщательно и везде, как всегда приказывали каждой новой партии. Ни Здоровяк, ни один из двух других, стоявших вдоль стены, ее вроде бы не узнали и не обратили внимания на то, что стало на одну больше.

Как всегда, нашлась та, которая стала возражать. На этот раз полька-блондинка наискосок за ней устроила истерику и отказалась мыться. Ей было не больше двадцати, и она явно не понимала, что все серьезно.

– Я хочу, чтобы вы ушли прежде, чем я буду что-то делать, – сказала полька по-английски, заплакала и плюнула в охранников.

– Ты хочешь только одного, – по-английски ответил ей охранник и подошел к ней. – Только одного. Ты знаешь, что это? – Женщина бросила на него упрямый взгляд. – Делай, как тебе говорят! – Он залепил ей пощечину тыльной стороной ладони. – Поняла? – Не получив ответа, он еще раз ударил, на этот раз сжатым кулаком и больнее.

Удар был такой сильный, что голова девушки чуть было не соскочила с тонкой шеи. Она без сознания рухнула на пол.

Охранник помассировал свою руку и обвел взглядом остальных, пока не убедился, что все направили на него свое внимание. Тогда он расстегнул ширинку и помочился на женщину.

– А сейчас смотрите внимательно, потому что так будет, если вы не станете делать, как вам говорят.

Все уставились на женщину, лежащую на полу без сознания, волосы которой становились все более мокрыми.

– Ладно, заканчивайте! – Он застегнул ширинку и вымыл руки.

Все, кроме бездыханной польки, вышли из ванной и пошли обратно по коридору, освещенному лампами дневного света, в комнату с диванами. Из скрытых динамиков раздавалась медленно пульсирующая музыка. Им приказали встать в очередь на сцену, и как по заказу возникла борьба за последние места в очереди.

Аиша больше всего хотела стоять впереди.

– О'кей, вон ты. Поднимайся на сцену. Да, я тебе говорю, сука, – сказал один из охранников по-английски и кивком велел ей подняться на сцену.

Она сделала, как ей велели, и встала посреди сцены. Прожекторы на потолке слепили ей глаза.

– Повернись, – послышался голос из спящего света, и она медленно повернулась.

– Стоп.

Она остановилась спиной к голосу.

– Наклонись. Медленно.

Она опустила верхнюю часть тела, стараясь как следует оттопырить зад и держать ноги и спину как можно прямее. Теперь она слышала, как он подошел к сцене, поднялся и встал за ней.

За все время никто из девушек не произнес ни слова, и теперь наступила такая плотная тишина, как будто они даже не дышали. Она почувствовала его руку на задней стороне одной ляжки. Рука стала подниматься по внутренней стороне ноги к ее лону.

– М-м... Ты побрилась. Я это люблю. – Он ввел в нее палец.

Она застонала, изобразив возбуждение.

– Тебе это нравится?

– М-м, да... – ответила она и медленно изогнулась.

– Хочешь еще?

– О да, пожалуйста...

– Раздевайся.

Аиша встала, платье упало на пол, и она переступила через него. Тем временем Диего Аркас обошел ее, внимательно рассматривая и нюхая свои пальцы. Внезапно он остановился, вытянул одну руку вперед и потрогал ее грудь.

– Они настоящие?

Она кивнула.

– Сколько тебе лет?

– Никогда не спрашивай у женщины ее возраст.

Последовала моментальная реакция в виде сильной пощечины, после которой щека горела несколько минут.

– Ты не женщина. Ты собственность. Моя собственность! Никогда этого не забывай.

Она кивнула. Пусть боль в щеке напоминает ей о том, что не надо слишком расслабляться и заранее праздновать победу. Она еще не закончила.

– На колени и расстегни мне брюки.

Она опустилась на колени, расстегнула ему брюки и достала его наполовину вставший член.

– Тебе он нравится?

Она кивнула и выдавила из себя улыбку.

– Я спросил, тебе он нравится?

Она взяла член в рот и почувствовала, как сосуды начинают наполнять его кровью.

– Так лучше.

Она продолжала двигать ртом туда-сюда, заглатывая его как можно глубже и одновременно играя с его мошонкой.

– Теперь вы все, суки, смотрите и учитесь, как делать хороший минет. – Он схватил ее за волосы и стал проталкивать все сильнее и глубже. Она с трудом сдерживала рвоту.

Толчки убыстрялись, и она почувствовала, как у него набухают яйца. Чтобы помочь ему кончить, она осторожно ввела средний палец в его анус и начала ласкать его точку G. Через тридцать секунд он был готов. Она взяла первую порцию в рот. Когда подошла вторая, она уже встала. Аркас закрыл глаза и еще несколько секунд предавался наслаждению, а потом открыл глаза и посмотрел на нее.

– Кто, твою мать, сказал тебе встать?

– Никто, – ответила она и произвела движение, которое много раз репетировала перед зеркалом.

Она попала в цель уже с первой попытки и почувствовала, как указательный и средний пальцы глубоко проникли в глазную впадину и дотронулись до глаза с задней стороны. Нащупав пальцами глазной нерв, она с силой вырвала его. Подняла с пола свое платье и ушла со сцены.

Фабиан не мог припомнить, чтобы он снимал с себя одежду. И тем не менее сейчас он лежал голый на спине и пристально смотрел на павлина ростом в десять сантиметров, который только что сел ему на грудь и разбудил его. Ноги, как иголки, впились ему в кожу, и он не знал, как прогнать его. Но боясь реакции птицы, лежал как можно тише и смотрел, как павлин ходит по его животу и идет дальше к обнаженному члену.

А там сидела она. Нива. Сбросив Сонин халат, она так рьяно оседлала его, что ее груди подпрыгивали в такт. Она, должно быть, занималась этим уже какое-то время, поскольку была близка к оргазму. Павлин спрыгнул на пол и скрылся в дверях. Фабиан стал уповать на то, что если только ему удастся выбраться отсюда, как павлину, все вернется на круги своя, как будто ничего не произошло.

Он этого не хотел. Не так он представлял себе будущее. Он ведь решил. У него есть план. И все же он не мог не наслаждаться ее движениями. А она наслаждалась им. Тем, что он был в ней. Он видел это в ее взгляде. Победа. Наконец-то она получила то, к чему так долго стремилась. Вся проведенная работа в конечном итоге принесла плоды. С нее стекал пот. Со лба, по шее и дальше на грудь, откуда капал уже на него. Она провела рукой по своим волосам и потянулась назад, одновременно ускоряя темп.

Теперь она была близко, заметил он. По-настоящему близко.

Он отвечал на ее толчки со все большей силой, пока она не стала кидаться вперед-назад и стонать от наслаждения. Сам он тоже был близок. На самом деле он не хотел, но это было несущественно. Как и то, что он будет сожалеть всю оставшуюся жизнь. Ничто больше не играло никакой роли, ничто не могло заставить его перестать.

Но внезапно прекратила Нива и сползла с него. В ожидании продолжения он пришел в такое недоумение, что ему стало больно. Он рассчитывал, что она встанет на четвереньки или ляжет на спину. Вместо этого она оседлала его лицо и стала тереть о Фабиана свое лоно. Он лизал и сосал, сколько мог, вкушал ее соки и играл языком со всем, до чего дотягивался.

Он услышал, как она опять застонала, и сделал все, чтобы помочь ей на ее пути. Одновременно она все крепче прижималась к нему. Так крепко, что он, в конце концов, не мог дышать. Он попытался высвободиться, ему

был нужен воздух. Но она держала его голову как в тисках своими сильными ногами, а все остальное тело готовилось к приливу еще одной волны.

Все кричали, перебивая друг друга. Не только девушки, но и охранники. Но в этом не было ничего удивительного. Она предвидела и хаос, и панику. Также она рассчитывала на то, что некоторые охранники окажутся более решительными, чем другие, и бросятся за ней. Она только не ожидала, что Диэго Аркас будет кричать таким оглушительным пронзительным криком. Почему-то она представляла себе, что он воспримет случившееся как мужчину.

Она уже успела отбежать на несколько метров от сцены, как услышала, что за ней побежали два охранника. Она поборола в себе желание взглянуть через плечо. В любом случае, времени для сомнений не было. Она положила все силы на то, чтобы прибавить обороты. Аиша много раз репетировала свой отход и поняла, что скорость значит все, – тогда можно будет перебраться через диваны самым эффективным способом. В свою очередь это может больше чем вдвое сократить количество секунд до наблюдательного пункта.

Сначала она думала, что на высоких каблуках будет трудно развить достаточно большую скорость. Но если центр тяжести приходится на пальцы ног, никаких проблем нет. Она преодолела первый диван, словно его и не было. То же самое со вторым, и теперь Аиша слышала, что двое охранников уже прилично отстали от нее. Через четыре шага она оставила позади себя третий диван. Теперь осталось преодолеть отрезок в десять метров, и она будет у двери.

Убежденная в том, что выброс адреналина помог ей улучшить ее личный результат как минимум на три секунды, она распахнула дверь, поспешно вошла и заперла за собой. И хотя охранники будут там с минуты на минуту, она позволила себе выдохнуть и посмотреть на окровавленный глаз в своей руке. Последняя часть пазла, и ее возлюбленный наконец будет собран.

Вскоре ручку стали дергать, а потом послышались сильные пинки в дверь. На одном из экранов камер наблюдения над пультом управления она увидела, как теперь сюда пытаются ворваться четыре охранника. Довольно скоро им удастся взять подходящий ключ, и они попытаются вставить его в замок, а потом поймут, что это невозможно, и возьмутся за оружие.

Из тайника на книжной полке она достала пластмассовую тубу, открутила крышку и опустила глаз в жидкость, после чего опять закрыла

тубу и положила себе во влагалище. Затем начисто оттерла руки от крови влажными салфетками, надела платье и схватила едва заметную леску, которая в свою очередь была привязана к веревке.

Аиша начала лезть вверх по веревке под первые выстрелы по замку. Она была легкой и ловкой, с необыкновенно сильными руками, и ей не составило никакого труда забраться наверх. Самый опасный момент настал, когда она уже была наверху. Чтобы закрыть после себя смотровой люк, ей пришлось перевернуться с головы на ноги и забраться в вентиляционный канал ногами вперед.

Ей без особых проблем удавалось это делать во время всех репетиций. Но тогда у нее не потели руки, и она не испытывала стресса из-за того, что они в любой момент сумеют выбить дверь. Но в конце концов она справилась, втянула веревку, поставила решетку на место и начала ползти задом наперед по тесному каналу.

Меньше чем через минуту она услышала, как они ворвались в наблюдательный пункт, ворча, что она никак не могла растаять как дым. Довольно скоро они приступили к делу и выстрелили в вентиляционный канал.

Звук выстрелов разошелся по каналу, который служил резонансным ящиком, и хотя она находилась в коридоре на безопасном расстоянии, ей пришлось закрыть уши. Но еще метр, и канал будет разветвляться, а потом еще раз. Тогда им будет значительно труднее узнать, где точно она находится. Наиболее вероятно, что они разделятся и начнут стрелять наугад по каналам.

Но она не волновалась. Скоро их мысли отвлекутся на другое. В любую минуту их застукают. Опять. Будь ее воля, она бы предпочла единолично распоряжаться этой ночью, но другой возможности подойти достаточно близко к Аркасу у нее не было.

Как и ожидалось, выстрелы стихли. Несколько секунд длилась тишина, а потом послышались отдельные вопли и крики. Всех под ней охватила неконтролируемая паника. Аиша подумала, что, наверное, так бывает, когда накрывает цунами. Коридоры под ней заполнились людьми. Но теперь они не охотились за ней. Теперь они сами стали дичью. Она продолжала ползти задом в сторону большой комнаты, где разглядела их сквозь решетку.

Полицейские.

Они были повсюду, со снятым с предохранителей оружием и в пуленепробиваемых жилетах. Некоторые даже спускались вниз через замаскированный световой проем в потолке. Только по первой прикидке

она смогла насчитать минимум десять человек, которые пытались взять контроль над ситуацией, приказывая всем на английском лечь на живот, раздвинув руки и ноги.

Некоторые девушки легли. Другие попытались сбежать, но их скоро вернули и заставили лечь на пол одну за другой. Четыре охранника уже лежали на животе с заведенными за спину руками, а двое полицейских направлялись к сцене, где Диего Аркас по-прежнему лежал в луже крови, закрыв глаза обеими руками.

Она как можно тише ползла дальше по тесному каналу, оставляя за собой голоса полицейских, звучащие все более взволнованно по мере того, как до них доходило, что произошло.

Через два разветвления Аиша почувствовала, что металлические стены становятся значительно холоднее, и когда канал внезапно пошел вверх, а потом через метр вперед, она знала, что осталось недолго. Было несколько градусов ниже нуля, и она прибавила скорость, чтобы влажные руки не примерзли к железу. К сожалению, от нее исходило больше шума, но с этим ничего нельзя было поделать. Наверняка они целиком заняты другим.

Еще несколько метров, и каблук уперлись в решетку, и после одного меткого пинка она выбралась во двор. Теперь было недолго. У нее все прошло по плану, и полиция ворвалась с облавой во время шоу, как было задумано. Конечно, она рассчитывала на то, что сенсорный прожектор, который освещал дорогу к мусорным бакам, загорится, как только она выйдет наружу и вставит обратно решетку. Но случилось иначе.

Прожектор уже горел.

До нее поздно дошло, насколько все серьезно.

– Ну-ка, что тут у нас... – послышалось по-английски прямо за ней.

Размахивая руками в воздухе, она обернулась и увидела улыбающегося спецназовца, который вышел из темноты, держа в одной руке снятое с предохранителя оружие, а в другой наручники.

Фабиан Риск не мог сказать наверняка, спит он или бодрствует. Снился ли ему дурной сон, или недавние события действительно имели место. С одной стороны, детали были таким четкими, что могли произойти только наяву. Если бы не десятисантиметровый павлин, который разгуливал по его телу. Он не знал почему, но последнее время павлин все чаще возникал в его снах.

Это просто-напросто не должно быть правдой. Он видел пламя, в этом он был уверен. И к тому же у него есть план, как ему с Соней направить все в нужное русло.

До сих пор он не смел открыть глаза. Словно во сне было успокоение, хотя он прекрасно понимал, что проснулся. Он боялся, что, как только откроет глаза, ему будет предъявлена горькая правда. Но тут зазвонил мобильный, который не оставил ему никакого выбора.

– Где тебя носит? – Это был Томас Перссон.

– Что? Что-то случилось? – Фабиан сел на кровати.

– Случилось? Ты что, с луны свалился? Диего Аркас, ты его помнишь?

Точно, подумал Фабиан и увидел, что Нивы здесь больше нет. Если она вообще здесь была. Нет, была. В этом он почти не сомневался. Как и в том, что был голый, хотя лег спать в одежде. Но сейчас одежда снова была на нем. Или как?

– Хеглунд и Карлен вне себя и явно решили заявить, – продолжил Томас.

– За что? – Фабиан почувствовал, что к нему подбирается головная боль, и заставил себя встать.

– За то, что ты проспал. Не знаю, черт возьми. Дело в том, что еще до того, как туда ворвался спецназ, там уже был настоящий хаос. Поскольку оказалось, что Аркас лежит на сцене и истекает кровью.

По дороге в ванную Фабиан пытался уловить смысл в бурном потоке слов, одновременно высматривая Ниву.

– А теперь ты должен спросить, почему он истекал кровью.

– Томас, у меня нет времени, – Фабиан зашел в ванную и плеснул в лицо воды.

– Черт, какой же ты нудный. Поскольку ни я, ни Ярмо не были в клубе и не видели, что произошло, мы связались с Каролинской больницей, куда его положили.

– И? Вам дали ответ?
– У него нет глаза.
– Что? Как так нет глаза? – Фабиан вытерся полотенцем.
– Откуда я знаю. Кто-то забрал. По-моему, это кто-то из...
– Девушек.
– Вот это хорошо! Наконец-то ты проснулся.
– А ты не знаешь, всех схватили?
– Понятия не имею. Но тут, во всяком случае, везде барышни.
– Где? В отделе?
– Да, их допрашивают полицейские в форме и переводчики. Знаешь, многие даже не говорят...

– Томас, а теперь послушай меня. Это важно, – сказал Фабиан и провел дезодорантом под рубашкой. – Ты и Ярмо должны позаботиться о том, чтобы на каждую недели наручники. Пусть никто оттуда не выходит. Понимаешь? Никто. – Он быстро вышел из ванной и увидел, как входит Соня.

– И как ты себе это представляешь? Хеглунд уже взвился до потолка, и никогда...

– Я беру его на себя. Томас, я должен заканчивать.

– Но...

– Делай, как я тебе сказал! – Фабиан закончил разговор, попытался взять себя в руки и подошел к Соне, не зная, надо ли ее обнять.

– Привет, любимая.

– А обнять?

– Конечно. Я только не знал... – он замолчал и обнял ее. – Послушай, я весь в работе и уже выходил.

– Конечно, ничего страшного, – сказала она и кивнула. – Я только возьму кое-какую одежду и куплю последние подарки к Рождеству. Ты же приедешь к нам сегодня вечером?

Фабиан молча посмотрел на нее. Ему очень хотелось кивнуть и пообещать, что он приедет праздновать Рождество, как они собирались. И если суждено, случай наконец будет им на руку. Аиша Шахин уже схвачена, и остается только предъявить Эдельману доказательства и заставить его понять, что нет другого выхода, кроме как возобновить расследование. Но он уже дал слишком много обещаний, которые так и не выполнил.

– О'кей, я понимаю.

– Соня...

– Фабиан, все в порядке. Я понимаю, что ты занимаешься тем, о чем

наверняка не можешь сказать, но будет очень приятно, если ты приедешь отпраздновать с нами Рождество.

– Я больше всего хочу этого, но...

– И то, что я сказала в прошлое воскресенье. Я много думала об этом, и... – Она отвела глаза.

«Вот оно», – подумал Фабиан.

Она собралась с силами, чтобы сказать ему, что хочет расстаться. И, может быть, так и надо сделать. Может быть, ночной сон, или это был не сон, доказательство того, что пламя действительно погасло. Что отношения умерли и их надо похоронить, пока они еще не очень прогнили.

– Если ты хочешь, я тоже хочу, – она опять посмотрела на него.

Фабиан почувствовал прилив энергии и попытался что-то сказать.

– Подожди, я еще не закончила. Когда все это пройдет. Когда ты закончишь делать то, что делаешь, я хочу, чтобы мы начали сначала. По-настоящему начали сначала.

Фабиан наклонился вперед и поцеловал ее. Первый раз за долгое время он почувствовал, что она отвечает. Что она хочет и готова дать им последний шанс. Но тут ее губы напряглись, а язык исчез.

– Вам даже можно позавидовать.

Фабиан повернулся кругом и увидел одетую Ниву, выходящую из гостиной.

– Ты, наверное, Соня. Нива Экенгельм. – Она протянула руку.

– Я знаю, кто ты такая, – сказала Соня, даже не взглянув на протянутую руку. – Но я не знаю, что ты здесь делаешь.

– Она только помогает мне с расследованием, и мы работаем день и ночь, – отозвался Фабиан, не зная, как продолжить.

– Извините, но я пришла не для того, чтобы вам мешать. – Нива повернулась к Фабиану. – Позвонил Томас и рассказал о твоей версии. Я только хочу сказать, что все так. У Диего Аркаса был заметный шрам в центре поля зрения на роговице левого глаза. Он стоял в очереди несколько лет, пока не сдался.

Фабиан очень коротко кивнул, давая понять, что это подождет.

– Что сходится с тем, что у Семиры Аккерман были проблемы с правым глазом, – продолжила Нива и достала распечатанный документ.

– Да, но... я, пожалуй, пойду, – сказала Соня и хотела было повернуться.

– Нет, подожди, ты же должна взять одежду, – остановил ее Фабиан. – Может, сварить тебе кофе?

Соня посмотрела на них, стиснула зубы и покачала головой, после чего

вышла из квартиры.

– Ой, она не расстроилась? – спросила Нива.

Фабиан повернулся и посмотрел ей в глаза, пытаясь понять, что происходит у нее в душе. Действительно ли между ними что-то было? Можно ли так истолковать ее спокойную улыбку, или она просто с ним играет? Может быть, на самом деле Нива просто злорадствует, видя, как отчаянно он пытается найти ответ. Тогда пусть так и будет. Меньше всего он собирается еще больше унижаться и спрашивать.

Пусть лучше он останется в неведении.

До сих пор все в основном ей благоприятствовало. Если не считать нескольких небольших сбоев, с которыми она справилась, только машина министра юстиции еще не сделала свое дело. Во всяком случае, датская полиция нашла ее на дне порта Хельсингера. Но по какой-то причине две страны не стали взаимодействовать. Однако это вопрос времени. Скоро они сложат одно с другим и вступят в диалог. Тогда они наконец обнаружат, что скрывается за красивой оболочкой, и Гидон Хасс останется просто воспоминанием.

Конечно, в идеале сейчас она должна в последний раз ехать в арендованной машине в аэропорт Арланда и везти в водонепроницаемой сумке со льдом все украденные органы Эфраима.

Аиша даже надеялась, что после регистрации на рейс и контроля безопасности у нее останется время отпраздновать все бокалом шампанского. Она никогда не пробовала шампанское и даже не была уверена, что ей понравится. Но она дошла до самого финиша и заслужила отметить свои достижения, даже если это будет ее последний бокал.

Но вместо этого она сидела в здании Государственной криминальной полиции, прикованная к стулу наручниками.

С одной стороны, это можно рассматривать только как настоящее поражение.

И тем не менее, Аиша нисколько не волновалась. Она не только просчитала риск того, что ее схватит полиция. Она к тому же разработала план, как вести себя в такой ситуации. Она бы с удовольствием не прибежала к этому плану, но теперь ей придется претворить его в жизнь.

Боец спецназа, который схватил ее во внутреннем дворе, купился на ее историю. Как ей удалось отколоться от остальной группы и спрятаться в вентиляционном канале. Он попытался успокоить ее и заверить, что больше ей нечего бояться. После чего повел ее в ожидавший автобус, где она затерялась среди остальных девушек.

Теперь все смотрели на нее лишь как на жертву среди прочих жертв, и плохо выбритый полицейский напротив, пахнувший плесенью, явно понятия ни о чем не имел. Она давала ему ожидаемые ответы, и он добросовестно записывал их корявыми буквами.

Другое дело Фабиан Риск, который не переставал ее удивлять. Внезапно из ниоткуда примчался его коллега и приковал ее к стулу. Он ее

не узнал. Дело в том, что, похоже, ее никто не узнавал, хотя последний год она бесчисленное количество раз мыла здесь коридоры, убирала их письменные столы и выкидывала мусор из корзин. Но наверняка скоро прибудет сам Фабиан, а его не проведешь.

Несмотря на это, Аиша была рада, что оставила его в живых и ушла из квартиры на ремонте до того, как он туда попал. В конечном итоге он и, может быть, датская полицейская поняли бы взаимосвязь. Если не сразу, то, во всяком случае, как только включат компьютер. Наверное, она должна больше волноваться. План, который ей предстояло осуществить, висел на очень тоненькой ниточке, если уж честно. Многое могло пойти не так.

Но это словно не играло никакой роли. Будто она украдкой заглянула в конец и уже сейчас знала, что все получится. Конечно, это противоречило всякому здравому смыслу и ее привычкам – обычно она предпочитала перестраховаться. Но она испытывала полное спокойствие и уверенность в том, что Бог, который все время был с ней, не предаст ее на последнем отрезке пути. Она откинулась на стуле и закрыла глаза.

Теперь она близко.

Так близко, как даже не могла мечтать.

Каждый год в последний рабочий день накануне сочельника Херман Эдельман и остальные руководители собирались в ресторане Ратуши «В подвале» на ранний и продолжительный обед. За последние годы эта традиция настолько укоренилась, что даже такая крупная операция, как облава на Диего Аркаса, не могла заставить их ее нарушить.

На самом деле у Фабиана не было времени. Если окажется, что Аиша Шахин находится среди схваченных девушек из «Black Cat», это дает шанс, который ни при каких обстоятельствах нельзя выпускать из рук. Но чтобы ее официально задержать и допросить, а также получить ордер на арест, ему нужна отмашка Эдельмана. Это значит, что ему придется раскрыть карты и выложить их на стол, как бы он ни хотел этого избежать. Но ничего не поделаешь. Без санкции у него нет никакого выбора, кроме как отпустить ее.

Переехав Ратушный мост, он резко повернул налево по встречной полосе, взял штурмом сугроб на велосипедной дорожке и припарковался посреди широкого тротуара у Ратуши. Вход в ресторан находился в восточном углу, и хотя еще не начало темнеть, уже горели приветственные напольные свечи.

Он нашел их в отдельном кабинете в глубине подземного каменного свода. Судя по громким голосам, они уже успели изрядно выпить. Помимо начальника Главного полицейского управления Бертиля Кримсона и главного прокурора Яна Брингокера, там был также Андерс Фурхаге из Полиции безопасности. Рядом с ним сидела Эва Юллендаль, начальник Стокгольмской полиции. К тому же в этом году к компании присоединилась сама начальник департамента Министерства юстиции Ингрид Брантен. Вполне ожидаемо она сидела рядом с Херманом Эдельманом. Фабиан мог только предполагать, что последнее время эти двое довольно много контактировали друг с другом.

– Фабиан! – воскликнул Эдельман при виде него. – А я думал, что ты дома печешь имбирное печенье.

– Скоро. Нам надо кое о чем поговорить.

– Как видишь, я немного занят. А это нельзя отложить?

– Сожалею. Но если ты не в состоянии встать, мы можем поговорить здесь. – Фабиан ждал, что кто-то из присутствующих спросит, в чем дело, но все молчали.

В конце концов Эдельман сам прервал молчание, демонстративно вздохнув.

– Увы, похоже, я должен ненадолго отлучиться. Но я скоро вернусь. – Он поднял бокал, опустошил его и встал.

Они перешли за свободный стол немного поодаль. Не успели они сесть, как компания снова зашумела.

– Ну? В чем дело? – спросил Эдельман, своим тоном давая понять, что не собирается тратить время на пустую болтовню.

– Есть шанс, что мы схватили настоящего преступника, и теперь мне надо получить от тебя добро, чтобы...

– Извини, но я думал, мы с этим покончили.

– Да, ты, может быть, так думал. Но не мы.

– Позволь мне решать.

– Херман, я знаю, в чем виноват Карл-Эрик Гримос, и я знаю, что это ты свел его с посольством и в конечном итоге с Гидоном Хассом.

– Гримос ни в чем не виноват.

– Разве? Тогда как ты прокомментируешь выход на нелегальный рынок продажи органов и покупку себе новой печени?

– Во-первых, в то время в Израиле это не было нелегально. Во-вторых, я не понимаю, в чем виноват человек, который хочет жить? А кто не хочет? Кто не хочет сделать еще один вдох и помечтать о бессмертии? – Эдельман помахал официанту, который нес поднос с напитками, и взял два бокала. – Тебе легко быть моралистом. Ты прожил только полжизни, и хотя прекрасно понимаешь, что источник не вечен и в один прекрасный день он иссякнет, ты проживаешь свою жизнь так, словно никогда не умрешь. Но заверяю тебя, когда ты доживешь до моих лет, все изменится. Некоторые из нас впадают в большее отчаяние, чем другие. Но я не стал бы их ни в чем обвинять. Во всяком случае, пока сам не окажусь перед выбором.

– Если ты так легко к этому относишься, зачем тогда все эти усилия, чтобы скрыть правду?

Эдельман застыл на несколько секунд, а потом расплылся в улыбке и рассмеялся.

– Young Padawan. Taught you well, I have^[17]. – Он протянул Фабиану один бокал и поднял второй. – Твое здоровье!

Фабиан взял бокал и поднял его – в этот раз он решил не повторять ошибку и не отказываться – и выпил его до дна. Если разговор и дальше так пойдет, ему понадобится любая помощь.

– Знаешь, как забавно. Когда я смотрю на тебя, я словно вижу самого себя в зеркале сквозь призму времени. Если не считать бороду и живот,

которые у меня были уже тогда, большой разницы нет. В твоём возрасте я, как и ты, был убежден, что лучше всего, если все дела будут раскрыты. Меня не беспокоило, сколько задействовано ресурсов или какие будут последствия. Для меня правда была всем и всегда стоила своей цены. И только в последние годы я пришел к пониманию, что был неправ. Что так называемая «правда» – всего лишь химера, и моя постоянная охота за ней стоила мне всего, что было важно на самом деле. Для меня все уже давно позади. Но не для тебя. Вот тебе мой совет.

– Ты всегда знал, что Кремп невиновен. Что за всем этим стоит кто-то другой, кто далеко не закончил свое дело. И тем не менее, ты вел следствие не в том направлении, чтобы защитить самого себя и твою собственную причастность. Если бы не это, мы, может быть, успели бы спасти и Адама Фишера, и Семиру Аккерман. И ты хочешь, чтобы я воспользовался твоим советом. Черт возьми.

– Фабиан, ты можешь продолжать говорить мне гадости. Это все равно. Преступник схвачен и мертв. Дело закончено, и Рождество стоит на пороге. И хочешь верь, хочешь нет, ты ничего не можешь с этим поделать. Ничего. С Рождеством тебя. – Эдельман встал и повернулся, собираясь уйти.

– *Дай мне только закрыть дверь...*

Эдельман остановился и опять повернулся к Фабиану, который продолжал сидеть за столом, держа в руке мобильный.

– *Только не говори, что речь снова идет об этой проклятой утечке.*

– *К сожалению...*

– *Значит, им все еще не удалось ее заткнуть.*

– *Да, но...*

– *Я это знал. Именно из-за этого я и волновался. Я это предчувствовал. Мне никогда не надо было соглашаться и...*

Фабиан поставил на паузу подслушанный разговор между Эдельманом и Гримосом и отложил мобильный.

– Мы закончим, когда я скажу, что мы закончили.

Эдельман пристально смотрел на лежащий на столе мобильный.

– Значит, Нива опять на коне. Интересно. Она никогда не спускала с тебя глаз. Полагаю, ты понимаешь, что это ни при каких обстоятельствах нельзя будет использовать в суде. К тому же это наказуемо.

– Можешь заявлять на меня, сколько хочешь. Но сначала я прошу тебя снова сесть, – сказал Фабиан, положив мобильный обратно в карман.

Эдельман сел и посмотрел Фабиану в глаза.

– Что ты от меня хочешь?

– Возобнови расследование и дай мне вести его так, как я считаю нужным. Объясни Хеглунду и Карлен, что мне нужна комната для допроса. Ордер на арест и все бумаги должны быть готовы через тридцать минут. Учитывая, что за столом с тобой сидит Ян Брингокер, это займет не более четверти часа.

Пока Эдельман думал, его взгляд почернел. Когда он наконец кивнул в знак согласия, Фабиан уже встал и пошел к выходу.

Хотя Фабиан, разумеется, узнал грязно-белые стены, коричневую арматуру, где всегда как минимум две лампы на потолке мигали, и серый линолеум, такой стертый, что его невозможно отмыть дочиста, через несколько метров он остановился и подумал, а туда ли он попал.

Обычно такой спокойный и довольно неторопливый отдел сейчас был полон людей и новых лиц. Это будет не так легко, как он себе представлял. Даже на его собственном рабочем месте сидел полицейский в форме, который говорил по телефону, одновременно ковыряясь в ногтях линейкой.

Насколько Фабиан мог судить, Томас и Ярмо, во всяком случае, приковали девушек к стульям на время допроса. *Откуда они? Как они вышли на Аркаса? Чему их подвергали?* Однако, похоже, никто не задал самый важный вопрос. *Кто вырвал глаз?* Их всех рассматривали как жертв торговли людьми, которой промышлял Аркас, и, может быть, так и было. Может быть, Аиша Шахин успела исчезнуть до того, как они попали в полицию.

Он не мог быть уверен. Отнюдь. И тем не менее, операция была настолько масштабной, что все же был шанс, что она находится здесь, в отделе. Что как раз сейчас она сидит и дает достаточно достоверные ответы кому-то из полицейских и только и ждет подходящего случая, чтобы смыться и исчезнуть. По большому счету, она может быть любой из схваченных женщин. Она сидит и наблюдает за остальными, перенимает их нервно блуждающие взгляды и составляет из фрагментов их историй свою.

Он быстро обошел всех, чтобы приблизительно понять, сколько их и как они выглядят. Одновременно размышляя над тем, стоит ли собрать девушек в одном помещении и посмотреть им в глаза, – а вдруг чей-то взгляд выдаст ту, которая отличается от других. Но нет никакой гарантии, что кто-то видел случившееся, или что они встречаются не в первый раз. Можно также устроить им перекрестный допрос, параллельно попросив Ниву еще раз проверить их данные и таким образом выяснить, кто из них лжет. Но на это уйдет время. Тем более с учетом всех языковых особенностей.

А времени у них нет.

Особенно когда с наибольшей вероятностью есть еще одна жертва, которая, на что сейчас можно только надеяться, по-прежнему жива. Он не хотел считать Малин Ренберг одной из жертв. Она не имела отношения к

нелегальному рынку продажи органов, и помимо Кремпа, который сам лишил себя жизни, ни один невинный не пострадал. Но Малин тоже сейчас где-то лежит, связанная, и ждет, и на его совести найти ее, пока не будет поздно. Он дал Андерсу обещание, и если потерпит неудачу, никогда себе этого не простит.

Проходя мимо совещательной комнаты, которую также приспособили под допросы, он остановился и заглянул в нее. Его сомнения как ветром сдуло. Она сидела, прикованная к стулу, который Ярмо всегда занимал во время совещаний. Он понятия не имел, как она выглядит, и все же был уверен. Длинные темные волосы. Ясные голубые глаза. Золотисто-коричневая кожа лица. Ее сосед прав. Она необыкновенно красива.

Она повернулась к нему, когда он вошел, и в ее взгляде он сразу же увидел: она поняла, кто он.

– Аиша Шахин? – спросил Фабиан.

Женщина кивнула.

– Наконец-то. Я сижу здесь и жду больше пяти часов.

– Что, ты говоришь по-шведски? – спросил полицейский в форме и заглянул в свои исписанные бумаги. – А ты вообще из Ирака, или это тоже...

– Ты можешь выбросить свои бумаги, – сказала она.

Полицейский повернулся к Фабиану, вопросительно глядя на него.

– Ничего. Теперь допрашивать буду я. – Фабиан сел на свободный стул, поражаясь ее спокойствию. – Означает ли это, что ты собираешься признаться? – Она словно сидела и ждала именно этого момента.

К его удивлению, она снова кивнула.

– Убийства Карла-Эрика Гримоса, Адама Фишера, Семиры Аккерман и теперь последнее – Диего Аркаса. Значит, ты все признаешь?

– Меня удивляет, что Аркас мертв, хотя он, наверное, заслуживает этого больше всех. Помимо этого, ответ – «да».

– И ты собираешься сделать это на официальном допросе?

– Разрешите мне сначала сходить в туалет. Я жду уже полтора часа.

Фабиан хотел было сказать «нет». Он не собирался выполнять ее требования, но не мог отказать ей в посещении туалета. Он отпер ее наручник, отстегнул его от стула, надел свободный конец себе на запястье и повел Аишу в туалет.

Он выбрал туалет для инвалидов. Во-первых, там не было окна в отличие от больших ванных комнат с рядом кабинок, а во-вторых, он мог привязать ее к вспомогательному поручню. Она только не могла достать до двери, чтобы запереть ее, но Фабиан клятвенно заверил девушку, что будет

стоять рядом снаружи и сторожить, пока она не выйдет.

Тем временем он послал СМС Томасу и Ярмо, которые наверняка обедали, и сообщил им, что нашел ее и теперь намерен провести первый допрос. Он подчеркнул, что предпочитает провести его самостоятельно, но в то же время после обеда просит их вернуться обратно как можно быстрее.

«*Никаких проблем*», – ответил ему Томас спустя секунду, и Фабиан сознался самому себе, что полностью изменил о нем свое мнение. До этих пор он считал его спесивым жеребцом, который балуется анаболиками и начисто лишен аналитических способностей. Он никак не мог понять, как Ярмо выдерживает это и как Эдельман вообще мог взять его на работу.

Но за последние дни перед ним предстала другая картина. Томас, без сомнения, по-прежнему раздражал. Но он быстро соображал и мог сосредоточиться, как немногие. Фабиан был уверен в том, что именно Томасу, а не Ярмо пришла в голову мысль упаковать и забрать материалы расследования, чтобы ничего случайно не пропало. К тому же, по правде говоря, он, похоже, необычайно лояльно относится как к своим коллегам, так и к работе.

Фабиан в который раз посмотрел на часы. Прошло почти десять минут, и чувство, что его обвели вокруг пальца, становилось все сильнее и сильнее. Она подозрительно спокойна. Словно ей не о чем волноваться. Он что-то упустил? Лазейку? Выход, такой очевидный, что он потом не переживет, что не догадался?

Он снова взглянул на часы. Прошло уже одиннадцать с половиной минут, и хотя он сам мог находиться в туалете гораздо дольше, он громко постучал в дверь и велел ей поторапливаться. Никакой реакции не последовало, и в ту секунду, когда он опять постучал, не получив ответа, он понял, что упустил ее, и распахнул дверь.

Прикованная за одно запястье к поручню, Аиша Шахин висела на крючке в стене. Рот был широко открыт, глаза закрыты, а на шее тугим узлом завязано скрученное мокрое полотенце.

Фабиан поспешно вошел, снял ее с крючка и положил на пол рядом с унитазом. У нее прощупывался пульс, хотя и слабый, но дыхание прекратилось. Поэтому он стал делать ей искусственное дыхание и наполнять ее легкие воздухом. Снова и снова, пока она не закашлялась и не очнулась.

– Ты меня помнишь? – спросил он и наконец уловил беспокойство в ее взгляде. – Так легко ты не отделаешься. – Он снова прикрепил одну часть наручников к своему запястью и потянул ее вверх. – Я надеюсь, что ты справила все свои нужды, потому что сидеть мы будем долго.

Обычно Фабиан предлагал тем, кого он допрашивал, кофе или чай, иногда даже что-нибудь сладкое. Опыт подсказывал ему, что чем более защищенным и расслабленным почувствует себя человек, тем больше интересного выяснится. Но в этот раз он ничего не предложил. Он все еще не мог прийти в себя из-за ее выходки – попытки лишить себя жизни, хотя, конечно, понимал ее. Она явно выполнила свою задачу, и в этом мире ей больше нечего делать.

А вот он отнюдь не закончил. Он хотел узнать почему. Что в ее жизни произошло такого жуткого, что оправдывало ее действия. Он хотел узнать, как она планировала и думала. Как ей удавалось преодолевать все препятствия и все время идти на шаг впереди. Вопросов было много, так много, что на первом допросе он не успеет получить ответы на все.

Но сейчас он не собирался задавать их.

Он включил запись, и на столе зажегся красный диод.

– Это Фабиан Риск. Время – шестнадцать минут четвертого 23 декабря 2009 года. Допрос Аиши Шахин, которая отказалась от содействия защитника. – Он посмотрел ей в глаза. – Ты лишила жизни Карла-Эрика Гримоса, Адама Фишера и Семиру Аккерман?

– Да, это так.

– Ты напала на Диего Аркаса и вырвала у него левый глаз?

– Да, это так.

Фабиан не сводил с нее глаз, и она совершенно не пыталась отвести свой взгляд. Он даже не был уверен, что видел, как она моргает.

– Есть еще люди, кого я не назвал, которых ты похитила и теперь держишь в плену?

– Да, есть.

– Ты можешь сказать их имена?

– Софи Леандер и твоя коллега Малин Ренберг.

– Значит, они еще живы?

– Во всяком случае, пока.

– Что ты с ними сделала?

– С кем именно?

– С Малин Ренберг.

– Давай подождем с ней и начнем с Софи. Малин наверняка все еще спит, и пока она спит, она вне опасности.

Фабриан задумался над тем, что это может значить, но решил пока об этом не говорить.

– О'кей. Софи Леандер. Какой орган ты у нее взяла?

– Левую почку.

– А почему ты это сделала?

– Это не ее.

– А кого?

– Эфраима.

– А кто такой Эфраим?

Только теперь она отвела глаза, и он видел по ее шее, что она сглатывает. Она тщательно взвешивала слова.

– Он был мужчиной... мужчиной, которого я любила больше всего на свете.

– Он был твоим мужем?

Она покачала головой и вытерла глаза руками в наручниках.

– Микрофон фиксирует только звук. Поэтому я повторяю вопрос. Он был твоим мужем?

– Нет.

– Другом? Или членом семьи?

– Нет.

– Но ты его любишь. Больше всего на свете?

– Да. Неужели трудно понять?

– Ну, это как посмотреть. Просто немного... Как сказать? Немного...

– Ты явно никого не любил так сильно. – Она опять встретилась с ним взглядом.

Фабриан сбился и понял, что теперь он отводит глаза. Он не так представлял себе ход допроса. Он настроился на тяжелую борьбу до последнего, а имеет дело с преступником, который признается во всем пожатием плеч.

– Все остальные органы, которые ты взяла, – продолжил он, пытаюсь снова уловить нить. – Они также принадлежали Эфраиму?

– Да, это так.

– А эта Софи Леандер, получается, она еще жива?

– Ты это уже спрашивал.

– Где ты ее прячешь?

– В надежном месте.

– Повторяю вопрос: где ты ее прячешь?

– Я могу показать.

– Я бы предпочел, чтобы ты рассказала, где это.

– Повторяю ответ: я могу показать. Или вы найдете сами, но тогда ответ на вопрос, жива ли она еще, вероятнее всего будет «нет».

– Значит, ты отказываешься рассказывать, где это?

– Правильно понято.

Чтобы не терять драгоценного времени, они решили свести к минимуму количество членов группы и привлечь как можно меньше посторонних людей. К тому же большинство, кто был на работе, по-прежнему занимались последствиями облавы на «Black Cat».

Поэтому их кортеж состоял только из трех машин, которые скользили по пустынному Стокгольму. На улицах было так мало машин, будто их оцепили. Был вечер накануне сочельника, и большинство явно вняли предупреждениям о сильном снегопаде, который обрушится ночью на город, и отправились к родственникам за город раньше обычного. Остальные, похоже, сидели по домам.

Фабиан вел машину. Рядом с ним на пассажирском сиденье ехала Аиша Шахин. И руки, и ноги у нее были связаны, а ремень безопасности пристегнут под цепью между руками, на случай, если ей придет в голову выброситься из машины. Группа общалась с помощью наушников в мобильном, и он был на прямой связи как с Ярмо и Томасом в передней машине, так и с водителем скорой, которая следовала за ним. Но они почти не говорили. Даже обычно разговорчивый Томас произносил только совершенно необходимые слова. Атмосфера была сосредоточенной, и царило своего рода сдержанное спокойствие. Словно все были целиком поглощены попытками представить себе, что их ждет.

– У светофора сверни налево, – сказала Аиша Шахин, глядя прямо вперед.

– Налево у светофора, – повторил Фабиан в наушники Ярмо, который перестроился в левый ряд и свернул на улицу Дроттнингхольмсвеген в западном направлении.

Аиша продолжала показывать дорогу. Они проехали по мосту Вестербрун и через район Хорнстуль и поехали дальше по трассе Е4 на юг. Хотя это было в принципе бесполезно и все равно ничего бы не изменило, Фабиан не мог оставить попытки вычислить, куда они едут.

Даже когда они миновали автостраду, пересекли ее по мосту и выехали на дорогу Эльвшевеген, он ни о чем не догадался. И только через несколько километров, когда дорога после развязки перешла в шоссе Магельунгсвеген, Фабиан понял, что был здесь раньше.

Его мысль озвучил Томас.

– У нее, наверное, здесь скидка.

Вскоре с правой стороны они увидели освещенную башню, напоминающую маяк, а через минуту завернули на пустынную парковку у хранилища «Shurgard Self Storage» в Хегдалене.

Фабиан попытался связать одно с другим. Она привезла их обратно к месту, где они нашли искалеченного Адама Фишера, привязанного к обернутому в полиэтилен столу. Хиллеви Стуббс несомненно прочесала каждый квадратный миллиметр склада в поисках зацепок. И все же они явно что-то упустили. Или это еще один ложный след?

– О'кей, похоже, мы на месте, – сказал Фабиан остальным. – Осмотрите и обезопасьте. Мы ждем в машине.

– Ладно, – сказал Томас, и Фабиан увидел, как он вышел из передней машины, достал свое оружие и проверил его.

– Я пойду налево, ты направо, – сказал Ярмо и поспешил к зданию, как темная тень.

Через двадцать минут Фабиан получил отмашку, отстегнул Аише Шахин ремень безопасности и помог ей выйти из машины. Как и обещали, снег пошел сильнее. Шахин дрожала от холода в легком платье и на высоких каблуках. У них не было времени дать ей переодеться, но Фабиан накинул ей на плечи одеяло, которое нашел в багажнике.

Они подошли к Ярмо, который проверял содержимое двух сумок с инструментами Хиллеви Стуббс. Закончив, закрыл сумки, взял в каждую руку по сумке и кивнул остальным, что он готов.

– О'кей, тогда идем дальше, – сказал Томас, который все время осматривался, держа наготове оружие, пока Аиша Шахин вела их к входу.

Они шли медленно. Высокие каблуки никак не подходили к замерзшему снегу. К тому же цепь между ног не давала ей делать большие шаги. Дойдя до входа, она набрала код, после чего ворота отодвинулись в сторону. Одновременно внутри зажглись лампы дневного света. Томас вошел первым, чтобы проверить здание внутри. Остальные остались ждать и вошли только через несколько минут, когда он вернулся обратно и подал им знак.

В помещении их обдало теплом, и Фабиан услышал, как за ним заработал электродвигатель. Ворота закрылись, и зима осталась за порогом. Он осмотрелся, но не увидел никакой разницы по сравнению с последним разом, когда он был здесь.

Волоча цепь по бетонному полу, Шахин вела их наискосок через большой вестибюль прямо к складу, где они нашли Фишера. Им действительно сюда? Вопросы росли как снежный ком и боролись за первенство. Но он знал, что задавать их бессмысленно – она все равно не

даст им ответов. И когда звук цепи наконец затих, они оказались всего лишь в нескольких метрах от склада, который был по-прежнему оцеплен, и где выпиленная круглая дыра в двери была закрыта фанерной доской.

– Сними оцепление и доску, – сказал Ярмо Томасу.

– Пусть лучше он возьмет ключ, который лежит вон там, – сказала Шахин и кивнула в сторону кабельного моста, который тянулся над воротами-жалюзи к складам.

Томас повернулся к Фабиану с вопросительным выражением на лице. Фабиан задумался, но не почувствовал никакого подвоха и кивнул. После этого Томас забрался наверх, поставив одну ногу на огнетушитель, а другую на кодовый замок склада. Вскоре он спрыгнул вниз, держа в руке маленький пластмассовый номерок лилового цвета. Он приложил его к кодовому замку. Но ничего не произошло, только загорелся красный диод.

– Не работает, – Томас повернулся к остальным.

– Дай мне попробовать, – Шахин вытянула вперед руки в наручниках.

Томас засомневался, но отдал ей ключ после того, как и Ярмо, и Фабиан кивнули в знак согласия. Шахин пошла вперед короткими шажками. Но не к кодовому замку склада, а к соседнему складу. Фабиан ничего не понял. Она поднесла ключ к кодовому замку и набрала четырехзначный код, и только тогда до него дошло, что она снимала и этот склад. Что все время в каком-то метре от них за тонкой металлической стеной лежала еще одна жертва.

После этого все произошло очень быстро.

Заработал электродвигатель, и дверь стала подниматься. В ту же секунду Шахин бросилась на пол. Никто не успел отреагировать, как она закатилась под дверь, которая внезапно снова стала опускаться.

– Какого черта! – закричал Томас и бросился к двери, пытаясь не дать ей окончательно опуститься. – Что вы стоите!

Но было поздно, и вскоре дверь опять закрылась.

– Вот как? Ловко сработано! – Томас повернулся к остальным. – Что нам теперь делать?

– Разумеется, попасть внутрь. – Ярмо открыл одну из сумок с инструментами и бросил пару защитных очков и угловую шлифовальную машинку на батарейках Томасу, который сразу же набросился на дверь так, что на пол полетели искры.

– Фабиан, какого черта ты ждешь? Пойди проверь, есть ли выход с задней стороны, а я займусь другим складом. – Ярмо сорвал фанерную доску и проник на склад через дыру в двери.

Но Фабиан остался стоять. Он примерно представлял, что она делает

по ту сторону двери, но не хотел говорить об этом остальным. Пока Томас не закончил, это все лишь предположение. Тем временем водитель скорой быстро пошел вдоль складов.

– Во всяком случае, здесь ее нет, – сказал Ярмо, выходя из склада.

– С задней стороны ее тоже нет, – сказал водитель скорой, вернувшись. – Там только новые проходы и склады. Какое же огромное помещение.

– Хорошо. Тогда мы, во всяком случае, знаем, что она не сбежала, – сказал Ярмо и посмотрел на Томаса, который успел сделать половину дела шлифовальной машинкой.

– Чем, по-вашему, она там занимается? – спросил санитар. – Уничтожает доказательства?

– Да, странно, – Ярмо пожал плечами. – У нас уже доказательств воз и маленькая тележка.

– К тому же она во всем созналась, – сказал Фабиан.

Примерно через шесть минут Томас выключил шлифовальную машинку, после чего они смогли подойти к двери, держа наготове оружие. Шесть минут они находились словно в вакууме, когда никто из них не сказал ни слова. Будто еще пребывали в шоке от случившегося.

– Кто-то хочет войти первым? – спросил Томас.

Фабиан вышел вперед, наклонился и как можно осторожнее залез внутрь, чтобы не пораниться об острые края.

Нет никакой гарантии, что она не стоит, прижавшись к двери с внутренней стороны, в готовности напасть на него с ножом или еще с каким-нибудь орудием. Его могут взять в заложники, и он станет ее билетом на свободу. Но ни засады, ни ножа к горлу не было. Зато он увидел то, что ожидал.

– Опасности нет. Входите, – крикнул он остальным и прошел дальше.

Она сидела в углу, рухнувшая и побежденная, настолько широко расставив ноги, насколько ей позволяла цепь. Платье задралось, и стало видно, что она без трусов. Ее длинные золотисто-каштановые волосы свисали вниз, закрывая часть лица. Из складки руки по-прежнему торчал шприц как доказательство того, что он не ошибался.

Ярмо утверждал, что ей некуда бежать. Но именно это Шахин и сделала – она сбежала. Ему удалось предотвратить первую попытку. Но в этот раз она успела дойти до конца и теперь находилась так далеко в вечности, что никто и никогда не сможет ее схватить и предать суду.

Остальные входили один за другим, смотрели через его плечо и задавали ожидаемые вопросы. Он кивал, но ни Томас, ни Ярмо, похоже,

ему не поверили. Они протиснулись вперед и убедились, что тело еще не остыло, а затем начали нащупывать пульс и проверять дыхание. Точно зная, к чему они придут, он повернулся к ним спиной и подошел к обернутому в полиэтилен столу под яркой лампой, где в окровавленной больничной одежде лежала привязанная Софи Леандер.

К ее рту был скотчем прикреплен зонд для кормления. Одна рука была под капельницей, а другая подключена к гудящему аппарату для диализа. Грязные волосы прилипли к потному лбу, и помимо темных кругов под закрытыми глазами ее лицо было бледным, как у фарфоровой куклы. Если бы не едва заметное колыхание грудной клетки и слабые удары о кончики его пальцев, он бы решил, что они пришли слишком поздно.

– Что нам о ней известно? – Ярмо подошел и встал у стола.

– Пока только то, что ее зовут Софи Леандер и что она лишилась почки, которую купила на черном рынке. – Фабиан осторожно поднял больничную рубашку и по крови, проступившей сквозь бинт, который несколько раз был обмотан вокруг талии женщины, понял, что рана идет с одного бока от внутренней стороны бедра до самого верха. – Но Нива занимается этим...

Зажужжал мобильный. Он взял телефон и невольно подумал, что она, наверное, его тоже подслушивает.

– Вот, – сказал он, проглядев СМС. – Итак, Софи родилась в 1969 году и стояла в очереди на пересадку почки с 1993 по 1998 год. Где-то в этот период она вышла из очереди и переехала из Швеции в Израиль. Сюда Софи вернулась прошлым летом вместе с мужем Эзрой Леандером. За последние месяцы она обращалась к шведским врачам только по поводу аменореи, проблем с гинекологией и исследований яичников.

– А что такое аменорея? – спросил Томас.

– Отсутствие менструации, – ответил санитар, входивший вместе с водителем скорой.

– Может быть, она хотела забеременеть, – сказал Ярмо и сделал шаг в сторону, чтобы они могли подойти и осмотреть женщину.

Фабиан ничего не ответил. Он мысленно повторял имя Эзра, пристально глядя на экран мобильного и читая сообщение еще раз.

– Фабиан, какого черта? – наконец спросил Ярмо. Фабиан поднял глаза от мобильного.

– Она замужем за... то есть ее муж... Гидон Хасс...

– Гидон Хасс? Откуда ты знаешь?

– Эзра его среднее имя. Эзра Леандер. Это не может быть случайностью.

– Подожди, что ты несешь? – спросил Томас. – Она замужем за тем экспертом по пересадке?

Фабиан кивнул. От понимания того, что это означает, ему стало нехорошо.

– О'кей, он достает новую почку для своей жены, – сказал Ярмо, который, похоже, все еще пытался уловить взаимосвязь.

– Или они таким образом познакомились, – сказал Томас.

– Но я не понимаю одного, – сказал Ярмо. – Она наверняка лежит здесь долго. Может быть, несколько недель. И если она замужем за Хассом, он, во-первых, должен был ее хватиться, а во-вторых, прекрасно понимать, чему ее подвергли.

– И ты не понимаешь, почему он не объявил ее в розыск? – спросил Фабиан.

Ярмо кивнул.

– Наверное, он не хотел рисковать, чтобы правда не всплыла наружу. – Фабиан посмотрел вниз на женщину, лежавшую между ними без сознания.

– Лучше принести в жертву свою жену, – сказал Томас. – Черт возьми, проклятая свинья...

– Можно мы ее заберем? – спросил санитар.

Фабиан кивнул и помог расстегнуть ремни, отключить зонд, капельницу и аппарат для диализа, после чего водитель скорой и санитар переложили Софи на носилки и скрылись в дверях.

– Не знаю, что вы скажете, – произнес Томас. – Но раз она не представляет особой угрозы, может, нам стоит поехать и сразу схватить этого мерзавца? Что скажете?

– Подождите немного, – сказал Фабиан и обвел глазами склад, не зная точно, что он ищет. Если он вообще что-то искал. В любом случае он был не готов ехать. Пока нет.

Причина звалась Малин Ренберг.

Аиша Шахин обещала рассказать. *«Давай подождем с ней. Малин наверняка все еще спит, и пока она спит, она вне опасности»*, – произнесла Шахин, и он ей поверил.

И вот он здесь, понятия не имея, как ему найти Малин. Ведь Шахин не оставила никакой зацепки. Может быть, есть ключ к третьему складу. Он начал искать более тщательно. Под обернутым в полиэтилен столом среди шлангов, которые вели к различным канистрам и емкостям. Среди хирургических инструментов, рулонов с бинтами и груды документов, подробно описывающих все этапы операции.

– Фабиан, извини, но чем ты занимаешься? Нам же надо ехать.

– Я скоро, вот только... – Фабиан присел на корточки перед Шахин и разжал ее ладони.

– Только – что? Зачем давать ему преимущество?

– Томас прав, – подхватил Ярмо. – Нет никаких оснований...

– Черт побери! Вы можете заткнуться и дать мне сосредоточиться? – закричал Фабиан и несколько раз глубоко вздохнул, буквально почувствовав, как Томас и Ярмо переглянулись за его спиной. Он подвинул тело и поискал под ней. Но ничего не нашел.

Он обыскал абсолютно все. Уже не осталось ни одного места, где бы он не смотрел. И все же он не мог заставить себя уйти отсюда. Что-то было не так. Но дело не в этом. Что-то раздражало все органы его чувств до такой степени, что он начал чесаться. Он чувствовал, что его полностью обвели вокруг пальца.

Каплей, переполнившей чашу, оказалось коричневое пятно на задней стороне наручника у ее правой лодыжки. Все вдруг встало на свои места. Попытка самоубийства в туалете. Ее самообладание и спокойствие. Как они могли не заметить этого? Это из-за стресса? Он повернулся к Томасу и Ярмо, которые нетерпеливо вздохали.

– Это не она.

– Что значит «не она»? – скептически спросил Томас.

– Это не она, говорю вам! Это не преступница! Это жертва! Софи Леандер!

– Что ты такое несешь? – сказал Ярмо и бросился вперед.

– Шахин поменялась местами с жертвой. Поэтому она привела нас сюда, – продолжил Фабиан. – Смотрите сами. – Он провел ногтем по смуглой нижней части голени, и проступила белая кожа. – Это просто коричневый крем. Видите? А это... – Он схватился за золотисто-каштановые волосы и сорвал их с коротко стриженной головы Софи Леандер.

Дворники работали на максимуме, но никак не могли смахнуть с лобового стекла хлопья снега, здоровенные, как безе. На складе «Shurgard» они пробыли не больше сорока пяти минут, но дороги уже занесло снегом. «Если так и дальше пойдет, – подумал Монс, – неясно, доедут ли они вообще до Южной больницы».

Вообще-то он должен сидеть не на пассажирском сиденье, а сзади рядом с женщиной без сознания. Но что-то в ней было не так, и хотя он не мог сказать точно, что именно, это его пугало. Его, которого почти невозможно испугать. К тому же он далеко не первый раз побывал на месте убийства и видел мертвого человека. Он видел гораздо худшие вещи, чем сцену на складе.

Нет, тут что-то совсем другое. Сильное и вместе с тем смутное чувство тревоги, которое упрямо заползло ему под кожу. Он видел это во взглядах полицейских, особенно одного, и был уверен, что и Стефан чувствует то же самое. Иначе он бы никогда не разрешил Монсу нарушить правила и сесть на пассажирское сиденье. Сейчас он только молча кивнул, повернул зажигание и рванул так, словно они могли не успеть.

Монс радовался, что не сидит за рулем. Для него вести машину в темноте хуже некуда. А еще в такую плохую погоду, что даже нельзя включить дальний свет, – иначе тебя ослепит весь этот снег. Нет, его бы совсем заклинило.

До сих пор они не сказали друг другу ни слова, что, наверное, первый раз за почти пять лет их совместной работы. А ведь они обычно разговаривают обо всем на свете. Или слушают радио и отпускают едкие комментарии по поводу музыки.

В основном их вкусы совпадали, за исключением того, когда передавали что-то из репертуара британской группы Coldplay. Ему самому группа очень нравилась, но Стефан по какой-то причине ее не выносил и упорно переключал на другую радиостанцию или решительно выключал.

Один раз Монс напрямую спросил своего напарника, почему, и услышал длинную лекцию о том, что гитарист Джонни Баклэнд не проявляет достаточного упорства в написании музыки, чтобы оказать Крису Мартину достойное сопротивление. После чего Стефан начал перечислять длинный список гитаристов, которые, по его мнению, держат марку, и где-то между Джоном Фрушанте и Джонни Гринвудом он решил

никогда больше не задавать вопросов.

Но сейчас они даже не слушали радио.

Внезапно раздался удар. Словно что-то сзади упало на пол. Твердый, металлический звук, который разошелся по салону. Он повернулся к Стефану, который встретился с ним глазами.

– Ты тоже это слышал? – спросил он, и Стефан кивнул.

– Что скажешь? Остановимся и проверим? – спросил Стефан.

– Может, лучше как можно быстрее доехать до места. – Больше всего ему хотелось избавиться от женщины, лежащей сзади, и сдать свою смену.

И тут послышалось снова. Такой же металлический звук. На этот раз Стефан притормозил, включил аварийку и остановился на обочине улицы Худдингвеген.

Монс вздохнул в знак протеста, потом надел шапку, открыл дверь и спрыгнул в снег. Он оставил дверь открытой, чтобы Стефан тоже почувствовал пронизывающий холод, и пошел назад вдоль скорой, пытаясь понять, что это: они не закрыли как следует одну из дверей или прокололи шину?

Но никаких признаков ни того, ни другого он не обнаружил. Все выглядело так, как обычно. И тут опять послышалось. На этот раз не удар, а скорее царапание. Словно кто-то шевелился внутри. Он, наверное, ослышался. Жертва же без сознания и лежит привязанная. Нет, подожди... Да, теперь он уверен. Внутри точно раздавался какой-то звук.

Он положил ладонь на ледяную ручку, сразу же пожалев, что не надел перчатки, после чего открыл дверь и сел в машину. Он зажег лампу на потолке и убедился, что женщина лежит там, где должна, и с виду спит так же крепко, как тогда, когда они нашли ее на складе.

Только с ремнями было что-то не так. Ремень на ногах был ослаблен, а два других полностью расстегнуты и свисали на пол пряжками вниз, что объясняло два удара, но никак не царапающий звук. Он обвел взглядом приспособления и инструменты на стенах, но не увидел никаких отклонений от нормы. Разве только одна аптечка висела немного криво и не была полностью закрыта. Но это было единственным.

Монс повернулся к женщине и попытался понять, что произошло. Если вообще произошло. Но, в конце концов, сдался, вздохнул, наклонился, чтобы поднять ремни, которые по какой-то непостижимой причине ослабли, и закрепил их на ее бедрах. Сделав это, он поправил ей ночную рубашку и случайно дотронулся до внутренней стороны ее ляжки.

Из-за мягкой теплой кожи или из-за того, что никто все равно не заметит, он сам не мог бы ответить. Может быть, это был минутный порыв,

но он осторожно приподнял ночную рубашку и заглянул под нее.

Она была без трусов, чего он не ожидал. На самом деле он не знал, чего ждал. Наверное, что увидит что-то волосатое и заросшее. Она ведь долго лежала привязанной. Но что-то было не так. Может быть, она регулярно убирала волосы лазерной эпиляцией?

Он выбросил запретные мысли из головы и опустил рубашку. И тут увидел в ее левой руке шприц, который объяснял все. Почему аптечка не была до конца закрыта и почему ослабли ремни. Даже ее бритая зона бикини получила объяснение.

К сожалению, слишком поздно.

Снег кружил над тремя мигающими желтым светом снегоуборочными машинами, которые выстроились в ряд и так медленно ползли, что их было невозможно объехать. Но по большому счету, Фабиану было все равно. Он, конечно, ехал в сторону города, но точно не знал куда. Больше всего ему хотелось, чтобы его оставили в покое.

Понимание, что на полу на складе лежит не мертвая Аиша Шахин, а Софи Леандер, явилось для него шоком. Не только для него, но и для Томаса и Ярмо. Неделями держать свою жертву в живых только для того, чтобы она смогла сыграть роль преступника в последние минуты перед тем, как остынет тело, было таким кощунством, что даже Томас чуть было не сломался и без конца повторял, что это самое страшное, в чем ему довелось участвовать.

Только через несколько минут они могли разговаривать друг с другом более или менее спокойно, и после пары неудачных попыток связаться со скорой решили разделить. Томас и Ярмо как можно быстрее отправятся в Южную больницу и попытаются выяснить, что случилось со скорой, а Фабиан поедет домой и будет дальше работать там с Нивой.

Но что ему делать дома? Если ему надо поговорить с Нивой, он может позвонить. А как только Томас и Ярмо приедут в больницу, телефон наверняка раскалится, подумал он и лишь теперь понял, что он сам и три машины перед ним въезжают на мост Вестербрун. С их скоростью они переедут мост не раньше, чем через несколько минут. Поэтому он решил пренебречь запретом на стоянку, включил аварийку и откинул спинку сиденья.

После попытки самоубийства в туалете он был уверен в том, что лишиться себя жизни – ее способ бегства. Что она осуществила свою месть и ей больше не для чего жить. Но она устроила спектакль именно для того, чтобы внушить всем эту идею. Он вспомнил эпитафию на надгробном камне и понял, что это и есть разгадка.

Никогда и нигде я не люблю кого-то другого.

Никогда мое сердце не будет биться для кого-то другого.

Ты и никто другой.

Пока я живу и навечно.

Скоро ты опять станешь целым, как и я.

*Тогда мы увидимся снова.
Обещаю тебе.*

Фабиан знал текст наизусть и мысленно повторил третью строчку снизу. *Скоро ты опять станешь целым, как и я...* Она далеко не закончила. Органы, может быть, и собраны. Но только когда они снова соединятся с его телом, он, а как следствие этого, и она, станет целым. Иными словами, она направлялась на его могилу.

Но где находится могила? Значит ли это, что она вылетит из страны на самолете, а если так, то под каким именем? Или она уже на каком-нибудь пароме плывет в Балтику? Или бежит на север через финскую границу? Это невозможно сказать. Она обманула его. Причем неоднократно.

То же самое с Малин Ренберг. Он поверил, что она расскажет, пока не будет поздно. Теперь он не знал, чему верить. «Пока Малин спит, она вне опасности», – сказала Аиша. Пока спит. Но что произойдет, когда она проснется?

Зазвонил мобильный.

– Это Ярмо. Скорая до больницы не доехала.

– А что случилось с водителем скорой и...

– Сейчас мы знаем только то, что они исчезли. Но в машине есть навигатор, и Нива уже определяет их местоположение. Кстати, а ты сам где? Нива сказала...

– Некогда объяснять, – Фабиан закончил разговор, вернул на место спинку сиденья и позвонил Ниве.

– И что ты делаешь на середине моста Вестербрун? Что-нибудь интересное или ты просто застрял в снегу?

– Разве ты не должна определить, где находится скорая?

– А кто сказал, что одно исключает другое?

– Потому что именно сейчас у нас нет одного: времени.

– Улица Понтоньернгатан, 10.

– Понтоньернгатан. Это же рядом с Хантверкаргатан? – Близко от того места, где он сейчас находится. Он сразу же выключил аварийку и включил коробку передач.

– Да, похоже, она вернулась в «Black Cat». Подожди немного...

– Что?

– Подожди, мне надо только... Да, это так.

– Что?

– Мобильный Малин Ренберг опять включен и находится в том же

самом месте.

Фабиан отключил Ниву и сразу же набрал Малин, пытаясь не спускать глаз с дороги.

– Привет, Фабиан. Как ты быстро.

Он не очень-то надеялся, что Малин ответит, но почувствовал, как разочарование разлилось по телу, словно яд.

– Что ты с ней сделала?

– Это опять эта Нива?

– Ты обещала, и я тебе поверил.

– Ты сам решаешь, кому ты хочешь доверять, а кому нет. К тому же я только сказала, что она может подождать.

– Подождать? А сколько ей ждать? Она же, черт возьми, на сносях.

– Пока я не буду уверена, что ты оставишь меня в покое.

Он повернул направо на съезд в конце моста и, объехав парк Роламбсховспаркен, выехал на трассу Роламбсховследен, ведущую на восток. Осталось недолго. Он будет там всего лишь через несколько минут.

– А что говорит о том, что я когда-нибудь это сделаю?

– Обещания даю не только я.

Она, наверное, слышала его разговор с Андерсом в больнице. Сколько же камер она установила?

– А что будет, когда она проснется? – Он свернул налево на Польхемсгатан. – Ты сказала, что пока Малин спит, она вне опасности. – Он не ждал ответа. Важно тянуть время.

– Тогда она столкнется с настоящей проблемой. Но давай только скажем, что самое лучшее – чтобы она еще поспала.

– С какой проблемой?

– Которую вам надо будет решать вместо того, чтобы гоняться за мной.

Фабиан свернул на улицу Понтоньернгатан и в нескольких метрах увидел скорую.

– Ты убила как минимум четырех человек, чью нравственность, конечно, можно поставить под сомнение. Но по закону они не совершали преступления, которое хотя бы может сравниться с тем, что ты сделала.

– По какому закону? По шведскому, по которому наказывают за покупку краденого велосипеда и не наказывают за украденный орган?

Фабиан открыл дверь машины, не выключил двигатель и пошел к скорой. На ходу он расстегнул кобуру и вытащил пистолет.

– Они никого не похищали, не пытали и не лишали жизни.

– Может быть, не собственными руками. Но на их деньги тело Эфраима разрезали от шеи до самого низа. Из-за них его осквернили и

лишили жизни, и единственное, чем он обладал, единственное, что было его, кроме меня, было продано на торгах.

Фабиан подошел к кабине водителя скорой и убедился, что она пуста.

– Я тоже считаю, что это отвратительно, и я могу понять, если ты...

– Ты ничего не понимаешь. И никогда не поймешь.

Он стал обходить скорую и дошел до задней стороны.

– А почему я не пойму? – Он распахнул одну из задних дверей и направил пистолет прямо в темноту.

– Потому что ты никогда никого так сильно не любил.

Два водителя скорой лежали на полу без признаков жизни. На носилках между ними лежал какой-то светящийся предмет.

– Потому что ты, похоже, вообще никогда никого не любил. Удачи с твоим обещанием.

Разговор прервался. Фабиан забрался в скорую и убедился, что у обоих мужчин прощупывается пульс и они дышат, а на носилках лежит мобильный.

Мобильный Малин.

Он взял его и стал рассматривать, вызвав другую скорую со своего телефона. Внезапно мобильный Малин завибрировал в его руке. Он нажал на сообщение и прочел его.

Нобелевский парк.

Больше ничего не требовалось. Фабиан все понял.

Как только Малин Ренберг проснулась, она сразу же стала кричать в темноту. Ей удалось успокоиться только тогда, когда она поняла, что кроме нее здесь никого нет. В смятении и неуверенности она попыталась воссоздать, что произошло. Последнее, что она помнила, – она лежит на больничном полу и борется за свою жизнь с уборщицей, которая оказалась преступником. И как при падении с кровати она так сильно ударила бедро, что ей пришлось ползти к двери. Теперь она опять лежала на больничной койке. Но другого образца и совершенно новой – с боковых ручек еще не сняли полиэтилен.

То же самое с комнатой. Хотя было так темно, что она едва могла видеть, комната показалась ей меньше, чем палата в Южной больнице. Во всяком случае, когда она кричала, раздавался совсем другой звук. К тому же ей показалось, что с одной стороны есть стена. В прежней палате стена была только у головного конца кровати. Но окончательно она убедилась в том, что ее не только перевели в другое помещение, но и куда-то в другое место, благодаря запаху.

Запаху нового.

И, конечно, ремням, из-за которых она не могла двигаться. Натянутые с одного бока на другой, они шли от ног и до груди. Чем больше она об этом думала, тем ближе подступала паника, и ей пришлось сделать усилие, чтобы опять не тратить свою энергию на крик. Надо мыслить креативно и подмечать детали. Например, что ремни немного ослабевают, когда из легких выходит воздух. Через десять минут ей удалось высвободить обе руки.

Но радость по поводу частичной победы резко прекратилась, когда ее толкнули в ребро с правой стороны. Сначала она не поняла, что это. Но после третьего пинка вспомнила, что вот-вот должна родить близнецов. Как она могла это забыть? Какими наркотиками они ее накачали? Она положила руки на живот и почувствовала шевеление с правой стороны. С левой было спокойно. Слишком спокойно.

Ей надо как можно быстрее выбраться отсюда. Где бы она ни находилась, ей надо выбраться отсюда и получить помощь. Малин попыталась ослабить ремни, но не сумела найти ни узлов, ни пряжек. Тогда она вытянула левую руку и стала ощупывать стену. Но и там не нашла ничего, что могло бы ей помочь. Никаких розеток, выключателей или чего-

то еще, на что можно нажать. Зато обнаружила, что кровать немного смещается каждый раз, когда она прижимает руку к стене.

Значит, кровать не поставлена на тормоза.

Она приложила левую руку к стене и оттолкнулась со всей силой. Кровать поехала с ней сквозь тьму, проделав несколько метров, пока не врезалась в противоположную стену. И там, в темноте, Малин наконец нашла то, что искала, – панель, где было полно контрольных приборов, кранов и кнопок, на которые можно нажать.

Зажегся свет. Как она и думала, все в комнате было совершенно новым. В нескольких местах еще не сняли полиэтилен, а на стене вокруг двери висели записки с предупреждением о том, что здесь покрашено. Капельница, висевшая на ее кровати, была пуста. Она вытащила иглу из локтевого сгиба и прижала пальцем, чтобы остановить кровь.

На панели над ней имелись компьютерные и телефонные разъемы, но ни компьютера, ни телефона видно не было. Поэтому она дотянулась до навесного шкафа, где, в частности, нашла склад компрессов, пластырей и набор различных ножниц. Она взяла самые мощные и стала срезать ремни.

Закончив, Малин сделала попытку встать, но ей пришлось оставить эту затею. Боль в бедре была по-прежнему настолько сильной, что она представила себе, как внутри у нее все раздроблено и шейка бедра так и ходит туда-сюда, как только она пытается двигаться. Ей пришлось использовать кровать как каноэ и придвинуться дальше к двери.

Лампочки на потолке плавно зажглись. Она поняла, что находится в широком коридоре, где с каждой стороны были двери. Возможно, они вели в такие же комнаты, как та, в которой она лежала. В коридоре тоже висели надписи о том, что дверные рамы покрашены.

Малин уже поняла, что оказалась в больнице. Но в какой? В частной клинике? А почему тогда здесь больше никого нет? На самом деле, никакой роли это не играет. Важно только то, что ей надо как можно быстрее выбраться отсюда.

Понятия не имея, где находится выход, она решила пробираться направо вдоль стены в сторону двустворчатой двери в конце коридора. Она потянула за веревку, двери открылись, и она смогла продвинуться дальше. От ее передвижений здесь тоже зажглись лампочки на потолке и осветили сверкающий до блеска операционный стол под большими лампами, свисающими с потолка, множество различных аппаратов с проводами и шлангами, а также зеркальный круглый металлический стол, заставленный различными хирургическими инструментами. В операционной все было настолько новым, что, похоже, ее еще ни разу не использовали.

Стремясь найти какой-нибудь вид связи, Малин стала пробираться дальше к рабочему столу с навесным шкафом и ящиками. И тут из коридора, из которого она только что выбралась, раздались взволнованные голоса. Она оглянулась, ища, куда бы ей деться, и заметила напротив приоткрытую дверь.

– Ты же видел машину на улице? И как ты думаешь, почему горит свет? Привидения? – спросил кто-то по-английски. Голос становился все ближе.

Малин со всей силой оттолкнулась от операционного стола и покатила в сторону полуоткрытой двери. Но тут двери за ней распахнулись, и в помещение ворвались трое мужчин. При виде ее они остановились.

– Посмотрите. Что я говорил? – сказал по-английски мужчина посередине, указывая на нее.

Двое других и глазом не моргнули.

– Извини, но кто ты такая и что ты здесь делаешь? – спросил мужчина по-шведски с сильным акцентом и провел рукой по своим седым волосам.

– Меня зовут Малин Ренберг, я работаю здесь, в Стокгольме, в Государственной криминальной полиции, – ответила Малин. Мужчина показался ей знакомым. – Но я понятия не имею, почему я здесь. Я даже не знаю, где «здесь». Но, может быть, ты сможешь мне помочь и отправить меня домой.

– Государственная криминальная полиция... Вот оно что. – Мужчина пошел к ней.

– Следователь по делам об убийстве.

– Понимаю... – мужчина кивнул. – К сожалению, я не могу тебе помочь. – Он обернулся к двум другим мужчинам и велел им по-английски: – Поместите ее в третью комнату.

– Что значит не можешь? Мне все равно, если это какое-то тайное место... Меня это не интересует. Мне бы только попасть домой.

– Мне очень жаль.

В ту секунду, когда двое мужчин покатали ее, она поняла, кто этот человек.

Непогода еще больше усилилась, и когда Фабиан в самом начале первого ночи переходил площадь Сергельсторг, стеклянный обелиск не был виден, несмотря на все миллионы, потраченные на его подсветку. «Нобелевский парк», – написала в своем сообщении Аиша Шахин, и он сразу же понял.

Израиль собирался перевести сюда свое посольство.

Он читал о протестах жителей того района и о том, что окончательное политическое решение еще не принято. Но как намекнула Карнела Аккерман, никто по-настоящему не верит в отказ, и по всем признакам переезд в полном разгаре. Он хорошо знал очаровательное здание, где раньше размещался Старый лесной институт, поскольку много раз проходил мимо него с Соней. Это было в те времена, когда они еще гуляли, держась за руки.

По пути он связался с Томасом и Ярмо, которые как можно быстрее должны были к нему присоединиться. Может быть, они уже на месте. Они направлялись из Южной больницы, а оттуда дальше ехать. В то же время они могли поехать по шоссе Седерледен и Центральному мосту и тем самым избежать кучи светофоров и перекрестков.

Фабиан проехал мимо Королевского яхт-клуба в самом конце улицы Страндвеген, свернул налево, выключил фары, заехал на пригорок с правой стороны и остановил машину. На самом деле машину надо бы припарковать подальше, чтобы спокойно разведать окрестности. Но Малин может проснуться в любую минуту. Если она, конечно, еще не проснулась. И хотя он понятия не имел, что тогда будет, его пугала уже сама мысль об этом.

Он пошел к зданию с башней на углу, напоминающему крепость. Повсюду лежали груды строительного материала, завернутого в брезент, который упорно срывал ветер. Машины Ярмо и Томаса нигде не было видно. Но он услышал, как какая-то машина на повороте на улице Страндвеген прибавила обороты и затормозила. Обернувшись, он увидел, как свет фар забрался на пригорок и озарил тысячи и тысячи снежинок, которые в свою очередь отражали свет во всех направлениях.

Только он задал себе вопрос, почему они не выключат фары и не остановятся, как сразу же нашел ответ. Это совсем не Ярмо и Томас. Инстинктивно он бросился на снег и на четвереньках заполз за грудку досок

до того, как свет фар притушили, а машина завернула во двор и остановилась всего лишь в нескольких метрах от него. Судя по звуку, открылись и закрылись двери. Похоже, из машины вышло трое, но их разговор нельзя было толком разобрать.

– Нет, нет, нет, послушайте меня... вот эта машина, – сказал кто-то по-английски.

Голос был ему незнаком, но было нетрудно догадаться, что это не кто иной, как Гидон Хасс – второй после Аиши Шахин человек в его списке людей, которых он хочет схватить.

– ...сигнализация сама собой не отключается...

Голоса стихли, и Фабиан увидел, как они прошли в здание. Он встал и поспешил туда же. Но дверь была заперта. Он обошел дом с задней стороны, где большая часть фасада была закрыта строительными лесами. Свет в окнах не горел ни на первом, ни на втором этаже. Значит, они находились где-то в подвале.

Без перчаток и настоящих зимних ботинок Фабиан сумел взобраться по одной из стоек на леса. На уровне второго этажа, где из-за сильных порывов ветра снежинки, как иголки, кололи лицо, он разбил окно и забрался внутрь. Он зажег фонарик в мобильном и быстро вышел из комнаты без мебели, где было полно кистей и банок с краской.

Пройдя длинный холл, спустился по широкой лестнице на первый этаж, где ремонт, похоже, приостановился. Пол был взломан, а с потолка свисали отдельные провода. Вскоре он нашел узкую винтовую лестницу, ведущую в подвал. В тесном коридоре на полу лежала защитная бумага и пахло краской. Через каждые пять метров он останавливался и прислушивался, и на третий раз он их услышал.

Шаги становились все отчетливей.

Фабиан отключил мобильный и стал на ощупь пробираться вдоль стены, пока не добрался до двери, в которую вошел как можно более неслышно. Слишком поздно он понял, что от его движений зажглись лампочки на потолке, и через несколько секунд вся комната озарилась светом.

Но не это было самым худшим. Новую комнату, сияющую чистотой, не так давно использовали. Он подошел к операционному столу. Конечно, его вытерли, но в большой спешке. С нижней стороны края стола и на одной из ножек виднелись следы крови, а когда он поднял перфорированную крышку слива в нескольких метрах от операционного стола и засунул руку в темную воду водяного затвора, чего он там только не обнаружил – от больших свернувшихся сгустков крови до хрящей и прядей волос.

Он встал и увидел рядом с полуоткрытой дверью в соседнюю комнату кучу завязанных черных мусорных мешков. Он догадывался, что в них находится, но не был уверен, выдержит ли, если откроет их и заглянет внутрь.

Фабиан сделал несколько шагов к куче, одновременно представив себе, как подходит к дому в Эншеде и звонит в дверь. Открывает Андерс, и Фабиан сразу же по его глазам видит, что тот понял, что случилось, и сейчас у него будет нервный срыв. Он ожидает, что Андерс начнет кричать и проявлять агрессию. Но тот падает на пол, закрыв рукой рот. Фабиан опускается на колени и обнимает его.

Он развязал один из мешков и увидел в нем две отрезанные руки и одну стопу. В другом мешке лежали части ног. Но только в пятом он нашел то, что искал.

Голову.

И тут он не мог не испытать запретное чувство.

Облегчение от того, что еще не поздно. Что пока есть возможность.

Малин Ренберг как можно сильнее ударила ногой, чтобы не дать им в руки. Одновременно она махала руками и кричала во все горло. Но не из-за боли в бедре, теперь такой острой, что она почти теряла сознание. Она кричала, спасая свою жизнь, хотя знала, что это бесполезно и ей никогда не удастся отсюда выбраться. Что у обоих мужчин слишком сильные руки, которые скоро станут держать ее так крепко, что ей останется только крик и боль.

И только тогда седой, который несомненно был Гидоном Хассом, повернулся к ней.

– От этого тебе сейчас станет немного легче, – сказал он на ломаном шведском и поднял шприц.

Малин уперлась ногами, пытаясь вырваться из его рук, но силы у нее кончились, и теперь пот бурным потоком лился с ее лба.

– Переверните ее, – сказал Хасс по-английски.

Двое мужчин, которые до сих пор не сказали ни слова, перевернули ее на бок спиной к Хассу. Она не почувствовала укола. Но эффект наступил почти что сразу. Мускулы ее тела расслабились. Боль наконец оставила ее в покое. Первый раз с тех пор, как она проснулась, она не испытывала боли.

– Вот так. Разве не лучше, признай?

Она хотела было кивнуть, но сделала над собой усилие и сдержалась. Меньше всего ей хотелось оказывать ему поддержку.

– А теперь я хочу поехать домой. Ты можешь это понять? Сейчас мне надо домой.

Хасс рассмеялся и сказал по-английски:

– Она говорит, что ей надо домой.

Двое других также начали смеяться, привязывая ее за ноги и за руки к кровати новыми ремнями.

– Какого черта вы от меня хотите? – И повторила по-английски: – Что вы от меня хотите?

– Оставьте меня с ней и начните осматривать дом, – по-английски велел им Хасс.

Мужчины кивнули и скрылись из комнаты.

– Что я хочу? – Он положил руку себе на грудь. – Извини, но кто к кому вторгся?

– Я же, черт возьми, понятия не имею, где я. Пожалуйста... – Она

сделала усилие, чтобы не заплакать.

– Мы уже это проходили. Я хочу, чтобы ты ответила, есть ли здесь кто-то еще и чья машина стоит во дворе.

– Я же сказала, что не знаю. Я лежала в Южной больнице, и там на меня напала уборщица...

– Уборщица?

– Да, как раз тогда я поняла, что она проходит как обвиняемая по делу... – Малин прервала себя. Внезапно до нее дошло, как все взаимосвязано. – Я в посольстве, так ведь?

Мужчина коротко кивнул.

– Тогда, наверное, ты понимаешь, почему не можешь уехать домой. – Хасс повернулся к ней спиной и отошел, чтобы что-то взять.

– Но подожди, ты же не можешь просто так...

– Именно что могу. – Он повернулся с улыбкой и новым шприцем в руке. – И ты должна быть благодарна. Ты просто заснешь и даже не успеешь понять, что все кончено.

– А что с детьми? – Она больше не могла сдержать слезы. – Я же жду близнецов.

Хасс подошел к ней и положил руку ей на живот.

– Ты ждала близнецов, но одного уже нет. Ты этого не заметила? Вот здесь есть жизнь. – Он положил ладонь на правую сторону ее живота, а потом на левую. – А здесь... not so much.^[18] Но какое это имеет значение? Скоро вы все равно воссоединитесь.

«Это не должно так закончиться», – только и думала Малин, когда Хасс, отложив шприц, затягивал ремень на ее предплечье. Не так она себе это представляла. Совершенно беспомощная и на сносях. За что ей это?

– Вот подходящая вена, – сказал он и вновь взял шприц.

– Подожди, пожалуйста, подожди. Вы должны передать Андерсу, то есть моему мужу, что я люблю его больше всего на свете. Я очень давно этого не говорила, но обещайте. Пожалуйста, вы должны мне это обещать.

– Твой муж никогда не получит от нас никаких известий. Он никогда не узнает, что произошло. Для него ты просто внезапно исчезла однажды ночью и больше не вернулась. У него, конечно, будут разные версии, но он никогда и близко не подойдет к правде. А с годами он будет все меньше думать об этом и пойдет дальше по жизни. Может быть, с новой женщиной. Кто знает, может быть, даже с близнецами.

Малин плюнула ему в лицо.

– Я надеюсь, что ты будешь гореть в аду.

Он ответил со сдержанным смехом:

– Я могу ошибаться. Но ты не производишь на меня впечатления человека, который верит в рай и ад. Хотя, возможно, все меняется, когда находишься в твоей...

Его прервал выстрел и крики из коридора. Затем сразу один за другим раздалось еще два выстрела. Последовала тишина, которую нарушила рация в его нагрудном кармане:

– *It's safe to come out now*^[19].

Томас Перссон был не из пугливых. Но сейчас он был напуган. До такой степени, что опустошил мочевой пузырь и почувствовал, как теплая моча стекает вниз по внутренней стороне ног. Первый раз в него попала пуля, и он ожидал, что будет гораздо больнее. Сейчас он почти ничего не ощущал, кроме пульсирующей глухой боли. Может быть, это просто выброс адреналина, и когда он закончится, придет настоящая боль.

Пуля, наверное, прошла через правую ляжку, поскольку джинсы уже потемнели от крови, которая начала капать на белый кафельный пол. Кровь текла обильно, что одному из двух мужчин, заставивших его встать на колени, теперь связывающему ему руки за спиной его же собственными наручниками, пришлось переставить ногу, чтобы кровь не попала ему на ботинок.

Он никогда не верил в бога, да и теперь не верил. И тем не менее все время мысленно повторял одну и ту же фразу: «Обещаю стать лучше, только пусть здесь появится Фабиан, пока не станет поздно. Пожалуйста, прошу тебя. Обещаю стать...»

– And what have we got here? More police?^[20]

Двое мужчин кивнули, и Гидон Хасс повернулся к Томасу и Ярмо, которые стояли рядом на коленях, руки в наручниках заведены за спину.

– А вы тоже из Государственной криминальной полиции?

Томас и Ярмо кивнули.

– А еще кто-то есть?

И Томас, и Ярмо посмотрели вниз на кафель, и глазом не моргнув.

– Кто-то еще есть, я спросил!

– Нет, только мы, – ответил Ярмо.

– Вот как? А ваш коллега Фабиан Риск? Где он?

Ярмо пожал плечами.

– Где большинство других. Дома, празднует Рождество со своей семьей. Это довольно важный праздник в этой стране.

Хасс кивнул мужчинам, и один из них сделал шаг вперед и так сильно пнул Ярмо ногой прямо в лицо, что тот потерял равновесие и упал на бок.

– Я знаю, что такое Рождество. Точно так же я знаю, что Риск не дома со своей семьей. Встать.

Ярмо сделал попытку встать, но ему это не удалось.

– Я сказал встать.

Один из мужчин схватил Ярмо за волосы и потянул вверх.

– Вот как? И как, по-вашему, нам выйти из этой ситуации?

– Сдаться, поехать с нами в полицейский участок и признаться, – сказал Ярмо.

Хасс засмеялся.

– At least he's got a sense of humor^[21]. Но дело в том, что мне не в чем признаваться. Я ведь не сделал ничего противозаконного. Даже когда все обнаружат, признаться будет не в чем. Наоборот, меня будут считать героем все те, кто хочет вернуть себе жизнь и готов немного заплатить за это. Все, кто сегодня готов поехать за границу и позволить пьющему врачу, лишившемуся лицензии, сделать операцию в грязном гостиничном номере. И самое лучшее, что это даже не на шведской территории. – Хасс развел руками.

– Значит, это санкционировано Израилем? – спросил Ярмо.

– Израиль... – Хасс фыркнул. – Они понятия не имеют, что затеяли. Они думают, что нужда в свежих органах исчезнет, как только они издадут неэффективный закон, который запретит ее.

– Ты знал, чему подвергают твою жену, – сказал Томас и повернулся к Хассу. – И, тем не менее, ты предпочел не обращаться к нам. Это называется сокрытие информации и наказуемо согласно статье 17 Уголовного кодекса.

– Ой. Я не думал, что ты осмелишься что-то сказать. Ты ведь наделал в штаны и все такое. – Он сел на корточки перед Томасом. – Это правильно, у меня были подозрения. Но зачем рисковать всем тем, на что ушли годы планирования, ради жены, которая только и делает, что жалуется и максимум предлагает миссионерство раз в месяц с тех пор, как я поседел?

– Потому что ты любишь ее.

Хасс опять засмеялся.

– Еще один шутник. Вы бы лучше стали комиками, а не полицейскими. – Он встал и повернулся к своим пособникам.

– Kill them both^[22].

Двое мужчин вышли вперед, встали в метре от Томаса и Ярмо, вытащили свои пистолеты, передернули затворы и прицелились им в головы.

– Пожалуйста, не делайте этого. Я сделаю все, что вы захотите, – закричал по-английски Томас. – Пожалуйста, прошу вас!

Ярмо ничего не сказал. Он просто закрыл глаза.

Фабиан слышал, как Томас молил о пощаде, и через щель в двери

видел, как двое мужчин в костюмах направили свои пистолеты на его коллег, которые сидели на коленях с опущенными головами. Он узнал мужчину по фото, которое Карнела Аккерман показала ему в ресторане «Гондола» до того, как ушла оттуда. Теперь она лежала расчлененная в нескольких мешках для мусора.

Он не осмеливался делать резких движений, чтобы свет опять не зажегся. Но в конечном итоге ему удалось медленно опустить руку под курткой и вытащить пистолет. Ему даже удалось передернуть затвор так, что не зажегся свет. Пока Томас кричал все громче, умоляя сохранить ему жизнь, он медленно поднял пистолет и прицелился через щель в двери. Всем телом он почувствовал, что исход дела теперь в его руках.

Но они не хотели. Или, точнее сказать, только могли дрожать еще сильнее. Его руки оказались совершенно бесполезными и не способными справиться даже с такой простой задачей, как нажать на курок, сколько бы он ни пытался.

Вместо этого Фабиан просто сидел в темноте и прятался, слушая, как им дали последний шанс рассказать, где он находится. Как Ярмо полностью отрицал, что знает, где он, хотя наверняка и он, и Томас поняли, что он там. Отчаянные мольбы Ярмо сохранить ему жизнь, когда до него наконец тоже дошло, каким будет финал. Когда пули пробили им головы и они рухнули на пол, Фабиан уже давно сдался и опустил свой пистолет.

И только когда смолкло эхо от выстрелов, стало тихо.

Совсем тихо.

Но ненадолго.

Поскольку скоро он услышал их снова, хотя собственными глазами видел, как его коллеги лежат, съездившись, а из их затылков в таких количествах льется кровь, что доходит до слива в нескольких метрах от них.

Крики.

Теперь они звучали громче, чем когда-либо.

– Перенесите их в посольство и создайте видимость, будто это вторжение и самооборона. А я тем временем уберу здесь, как только закончу с толстой, – по-английски произнес Гидон Хасс.

Теперь Фабиан дрожал всем телом. Через щель в двери он видел, как мужчины в костюмах схватили его коллег за ноги, потащили по полу и скрылись за двойными дверями.

Между тем обвиняющие крики никак не смолкали, а, наоборот, становились все сильнее. В конце концов он встал, и через несколько секунд комната озарилась светом. Совсем не думая о последствиях, он открыл дверь ногой еще на несколько сантиметров и увидел Хасса, стоящего к нему спиной и надевающего прозрачный клеенчатый фартук и защитную маску.

Затем он подошел к шкафу, достал оттуда работающую на батарейках хирургическую пилу, выбрал самое мощное полотно, включил ее, чтобы проверить, заряжены ли батарейки, и скрылся в тех же двойных дверях, что и двое мужчин.

Фабиан вытер слезы и попытался собраться с мыслями, но это оказалось невозможно. Крики двух его казненных товарищей заглушали все остальное. Словно полная неудача была уже свершившимся фактом. И исход не изменишь, что бы он ни делал. И, может быть, именно чувство, что ему все равно нечего терять, заставило его отправиться в операционную и пойти по двум кровавым следам к двойным дверям. Он открыл двери и увидел, что следы крови ведут дальше по освещенному коридору. Хасса нигде не было видно, и все двери по обеим сторонам коридора были закрыты.

Ударом ноги он открывал одну дверь за другой, обеими руками держа оружие перед собой. Только что покрашенные пустые комнаты. В некоторых стоят кровати и ночные столики. В других с потолка все еще свисают провода. Комната, где стоял Хасс, наклонившись над Малин со шприцем в руке, была полностью отремонтирована, если не считать полиэтилена, еще не снятого с кое-какой мебели.

– Отойди от кровати! – услышал он собственный крик.

Хасс обернулся. В другой руке у него была хирургическая пила.

– Риск... Значит, ты был здесь.

– Стреляй же! – закричала Малин. Она лежала, привязанная к кровати,

и из одной руки у нее торчал шприц. – Чего ты ждешь? Стреляй в него!

Фабиан почти не слышал ее из-за криков.

– Отойди от кровати! – повторил он и прошел в комнату.

– Я подозревал, что ты где-то поблизости, – сказал Хасс и отошел назад.

– Положи пилу, руки над головой.

Хасс послушался. Фабиан быстро подошел к кровати, вытащил шприц и начал расстегивать ремни на запястьях Малин.

– Ты был здесь и видел, что происходит, так ведь? – спросил Хасс.

Фабиан не отвечал. Он продолжал развязывать крепко стянутые ремни, все время направляя пистолет на Хасса.

– Тогда я не понимаю, почему ты ничего не сделал. Ведь ты же явно держишь в руках оружие. Может быть, оно не заряжено. Но я в это не верю.

Фабиан теперь держал пистолет обеими руками.

– Знаешь, что я думаю? Вернее, больше не думаю. Чем больше я думаю, тем больше убеждаюсь. Ты не можешь. Так ведь?

– Заткнись!

– Даже когда к лбам твоих коллег были приставлены дула пистолетов. Даже тогда ты не мог. – Хасс опустил руки.

– Какого черта ты ждешь? – закричала Малин, пытаясь высвободить другую руку.

– Он не ждет. Он просто-напросто не может. – Хасс наклонился и схватил лежавшую на полу пилу.

– Положи ее, – велел Фабиан. Теперь его руки дрожали от напряжения.

– А если не положу? Ты в меня выстрелишь? – Хасс выпрямился, держа пилу в одной руке. – Вряд ли. – Он включил пилу, заработало зубчатое полотно, и стал размахивать ею. – Стреляй в меня. Почему ты не стреляешь?

Фабиан был полностью сосредоточен на том, чтобы заставить свои дрожащие руки нажать на курок, и не успел увернуться от пилы, которая перевернулась в воздухе и попала ему прямо над кромкой волос у лба, а потом упала на пол.

Пистолет выскользнул у него из рук, когда он схватился за голову и почувствовал, как в том месте, где сняли часть скальпа, у него оголился череп. Кровотечение было таким сильным, что кровь уже успела затечь ему в глаза и начала капать на пол.

Ему стало очень плохо и пришлось схватиться за кровать, чтобы не потерять равновесие. Другую руку он изо всех сил прижимал к открытой ране, откуда кровь струилась между пальцами и дальше по лицу. И где-то

за собственным пульсом и криками Томаса и Ярмо он слышал также крик Малин. Но не мог разобрать слова.

Между тем Хасс, стоя на четвереньках, подбирался к нему. Будто что-то искал. Именно, пистолет. Он же его выронил. Может быть, Малин хотела, чтобы он его отшвырнул. Но Фабиан его не видел. Он почти ничего не видел, поскольку глаза застилала кровь.

И тут раздались выстрелы.

Сначала один, а потом еще три подряд.

Фабиан ждал боли в животе и еще больше крови, а потом он рухнет на пол, как Ярмо и Томас. Но он не рухнул и не мог понять, куда попала пуля. Он начал с Малин? Этот мерзавец стрелял в Малин. Он повернулся к кровати, но кровать была пуста.

Фабиан ничего не понял и попытался вытереть кровь с глаз, чтобы лучше видеть. Но кровь текла все время, и под ним уже образовалась большая лужа. И тут он разглядел, что она лежит на полу с пистолетом в руках.

– Отойди!

Он услышал слова, но до конца их не понял и повернулся вслед за тенью, которая скрылась в дверях.

– Он ранен, но нам надо отсюда выбраться, пока он не вернулся, – сказала Малин. – Помоги мне подняться.

Силы покидали Фабиана, вытекая вместе с кровью, но ему удалось поднять ее на кровать и выкатить кровать из комнаты. Он понятия не имел, в какой стороне выход, и пошел за двумя кровавыми следами по длинному коридору. Хасса нигде не было видно.

Лифт с автоматической дверью поднял их на этаж выше, и они вышли прямо в снежную бурю. Но Фабиан не чувствовал холодного ветра. Он опять услышал голос Малин – слов было не разобрать, но он все равно все понял, подхватил ее за подмышки, стянул с кровати, застрявшей в снегу, и поволок с пригорка. Он упал, но сумел подняться, а потом снова упал. Наконец они добрались до машины, и Фабиан втолкнул Малин на заднее сиденье.

Машина завелась с первой попытки, и, несмотря на кровь, которая хлестала из него и застилала глаза, ему удалось задом съехать с холма, не застряв в снегу.

Но ничего этого он не запомнит. Не запомнит он и того, как поехал дальше по улице Страндвеген и, пропустив левый поворот на улицу Хамнгатан у Королевского драматического театра, поехал вместо этого по улице Биргер Ярлсгатан на слишком большой скорости и врезался прямо в

статую «Ястреб и голубь» на пустой заснеженной площади Стюреплан.

Бог опять доказал, что не оставляет ее. Что вмешивается и действует, как только Он ей нужен. Осознает она это или нет. Взять хотя бы эту беременную женщину-полицейского, о которой ей пришлось позаботиться. Если бы не она, Аиша никогда бы не добралась до аэропорта Арланда, а оттуда до Тель-Авива через Стамбул. Фабиан Риск понял, куда она собралась, но его беременная коллега не оставила ему никакого выбора, и она просочилась как сквозь пальцы.

Аиша Шахин получила сданный багаж и без проблем прошла с ним таможеню. Насколько она могла судить, растаявший лед не потек. Ее ждал заказанный джип, и дорога до Иматина заняла меньше четырех часов. Как и было запланировано. Ее пропустили даже на блокпостах, не спросив, куда она направляется или по какому делу едет.

Словно Бог вознаградил ее и расстелил перед ней красную ковровую дорожку. За всю работу, которую она проделала за эти долгие годы. За тренировку и подготовку. За все сомнения, которые ей пришлось преодолеть. А ведь она даже и думать не смела, что у нее все получится. Но с Божьей помощью она превзошла саму себя и почти дошла до того пункта, о котором так долго мечтала.

Она припарковала машину у въезда в деревню и стала ждать темноты. Потом открыла стоящую в сумке водонепроницаемую цистерну, достала оттуда полиэтиленовый пакет с органами, благодаря которым Эфраим снова станет целым, и проделала остаток пути пешком с полностью упакованным рюкзаком за спиной.

Надгробный камень по-прежнему находился на том же месте, где она поставила его почти десять лет назад. Но текст успел выгореть на солнце. Поэтому для начала Аиша достала чернила и стала подновлять надпись. Потом раскрыла лопату и начала копать. Дойдя до довольно большой глубины, смахнула землю с полиэтилена, который покрывал его последние останки.

Перекусив шоколадкой, которую она запила водой, стала дальше работать лопатой, чтобы расширить могилу. Здесь земля была значительно тверже, и она чувствовала, как на руках появляются волдыри. Но она не обращала на это внимания. Боль – в высшей степени временное явление. Через два часа Аиша спустилась вниз, счистила последнюю землю с Эфраима и развернула защитную пленку.

Когда она была здесь в последний раз, шрам с грубыми швами вызвал у нее безграничную черную злобу. Но теперь не было ни ненависти, ни швов. Из нее вытекла последняя капля черноты, и сейчас она испытывала лишь одну любовь. Такую глубокую и горячую, что, несмотря на холодную ночь, она совершенно не мерзла.

Она достала скомканный полиэтилен из его грудной клетки, которая теперь состояла из одних ребер, и открыла водонепроницаемый пакет.

Бережно и осторожно отвинтила две крышки на маленьком контейнере для контактных линз, вынула роговицы, сначала левую, потом правую, и положила их в глазницы черепа. Все для того, чтобы он снова мог ее видеть. После чего достала его легкое и осторожно поместила под правое ребро, чтобы чувствовать теплое дыхание Эфраима на своей щеке. Печень и две почки – залог чистоты их любви. В конце она вернула ему его сердце, которое с этой минуты и навсегда будет биться для них.

Когда все было на месте, Аиша легла на спину как можно ближе к нему. Держа мобильный в руке, нажала на плей и положила телефон себе на грудь. В ночи зазвучала мелодия, которая раздавалась из его радиоприемника в тот раз и которую потом она слушала каждый вечер, ложась в одинокую постель. Она достала маленькую коробочку с таблеткой, положила таблетку в рот и проглотила.

Теперь осталось недолго. Скоро они снова встретятся, и с этой минуты ничто и никогда не сможет их разлучить. Она взглянула на звезды, которые в ту ночь светили особенно ярко, и поняла, что никогда не была так счастлива.

*At last my love has come along
My lonely days are over and life is like a song
At last the skies above are blue
My heart was wrapped up in clovers the night I looked at you
I found a dream that I could speak to
A dream that I could call my own
I found a thrill to press my cheek to
A thrill that I've never known.
You smiled and then the spell was cast
And here we are in Heaven
For you are mine at last^[23]*

Эпилог

22 декабря 2009 г. – 14 апреля 2010 г.

Дуня Хоугор летела в Копенгаген со смешанными чувствами. К ее удивлению, нашлось объяснение тому, почему спортивный автомобиль на дне порта Хельсингера был зарегистрирован на убитого министра юстиции Швеции. Может быть, немного странно и запутанно, но вполне достоверно. Это, в свою очередь, означало, что у нее по-прежнему нет конкретного аргумента, почему она должна возобновить расследование. И мало того, она уличила Карстена в неверности.

Но, несмотря на все это, когда колеса коснулись посадочной полосы, Дуня почувствовала себя сильнее, чем когда-либо. Она почти ликовала. Она точно не знала, как все будет. С этой минуты она будет следовать своему собственному компасу. С этой минуты никто и никогда не сможет ею манипулировать. Ни какой-то там Хеск и ни какой-то там Карстен.

Не говоря уже о слизьяке Слейзнере, который наверняка ждет, что она заползет обратно в свою скорлупу и подаст заявление о переводе в другой отдел. Но она меньше всего собиралась это делать. Наоборот, она останется в ожидании подходящего случая и будет для него как бельмо в глазу. И когда представится возможность, нанесет такой удар, что у него не будет никакого шанса даже понять, что на самом деле произошло.

Когда Карстен вернулся домой с огромным букетом, который едва пролез в подъезд, его ключ больше не подходил к замку. Что усилило его беспокойство, которое он испытывал целый день. Он попытался позвонить Дуне, но автоответчик сообщил ему, что абонент недоступен. Он сел на лестницу и стал ждать. Примерно через час все стало ясно: его мама позвонила из Силькеборга и спросила, почему грузовик со всеми его пожитками подъехал к их гаражу.

У статуи на площади Стюреплан Малин Ренберг потребовалось целых двадцать три минуты, чтобы подняться с заднего сиденья автомобиля, где после аварии шипел и дымился капот. Еще шесть минут ушло у нее на то, чтобы найти мобильный Фабиана и позвонить в службу спасения. Женщина на другом конце провода сначала сомневалась, достаточно ли критическая ситуация, но дала себя уговорить и вызвала им скорую.

Хотя рана Фабиана была не очень глубокой, он потерял свыше двух литров крови, и поэтому ему нужно было сделать переливание. Анализ показал, что у него первая группа крови, а значит, к сожалению, не подходит ни одна другая. Обычно больницы хранят большие запасы именно первой группы, поскольку ее можно использовать как замену всем другим. Но в эту ночь, несмотря на все предупреждения о гололеде, случилось крайне много ДТП, вследствие чего запасы в Южной больнице кончились. Поэтому Фабиана погрузили в искусственный сон, пока он ждал, когда найдут и привезут нужную ему кровь.

Тем временем Малин сделали экстренное кесарево, и бледного маленького мальчика весом 2773 грамма вынули и положили матери на грудь. Андерс, который успел приехать, имел честь перерезать пуповину, и скоро лицо мальчика порозовело.

После всех бесконечных обсуждений имени они, в конце концов, сошлись на том, что если будет мальчик, они назовут его Нильсом. Но когда Малин почувствовала теплое маленькое тело у себя на груди, она спросила Андерса, не согласится ли он на Луве^[24]. Он согласился.

Девочка, которую вынули через несколько минут, весила 1860 граммов, но ее лицо так и не порозовело. Но ей дали полежать на материнской груди рядом с братом, пока родители давали ей все имена, которые выбрали. Тиндра Сив Элисабет Ренберг.

В понедельник 28 декабря Фабиан настолько пришел в себя, что смог выписаться из больницы. Было уже начало третьего, и Херман Эдельман попросил его прийти на работу.

На самом деле больше всего он хотел встретиться со своей семьей. Но с другой стороны, с нетерпением ждал расспросов, чтобы дать полный отчет о событиях в ночь накануне сочельника, а потом вместе с остальной командой выработать план дальнейших действий в отношении убийств двух полицейских и ареста Гидона Хасса.

Но ни расспросов, ни плана дальнейших действий не было. Дальше они не пойдут. По мнению Эдельмана, следствие окончено, и нет никаких оснований возобновлять его. Зато израильское посольство заявило в полицию о незаконном проникновении и использовании оружия, в результате чего не только погибли Ярмо Пяивинен и Томас Перссон, но и были ранены сотрудники самого посольства, и им пришлось обратиться за медицинской помощью.

Посольство также оказало содействие, прислав пули. Экспертиза показала, что они были выпущены из табельного оружия Фабиана.

И глазом не моргнув, Эдельман поставил его перед выбором: или он

подписывает заявление об увольнении с выплатой зарплаты за полгода вперед, или принимает заявление в полицию о незаконном проникновении, разжигании национальной ненависти и покушении на убийство.

Фабиан был полностью уверен, что с помощью свидетельских показаний Малин Ренберг и Нивы Экенгельм с него без особых проблем снимут все подозрения. Даже если из квартиры Аишы Шахин в Аксельсберге вынесли все вещи и полностью уничтожили.

Он также был уверен в том, что вместе они смогут собрать достаточно доказательств, чтобы Хасса и его кузена посла признали виновными. Эта история не только приведет к отставке Эдельмана и многих сотрудников Министерства юстиции, но, вероятно, и всего правительства. Все узнают правду, и планы на операционную в посольстве, какие бы они ни были, никогда не осуществятся.

И все же Фабиан решил принять предложение и подписать заявление об уходе. Не имеет значения, как плохо он думает о своем старом наставнике. С каким удовольствием он бы показал ему, что правда все равно всегда всплывает. Но, как и предупреждал его сам Эдельман, он не позволит, чтобы поиски правды стоили ему всего остального. Действительно важного.

К тому же что-то подсказывало ему, что это его последний шанс показать Соне и детям, что он собой представляет. Что он в конечном итоге готов пожертвовать всем ради них. Он понятия не имел, готова ли по-прежнему Соня дать им последний шанс. Выслушает ли она вообще его предложение все здесь бросить и начать сначала в его родном городе Хельсингборге.

Одно он знал наверняка: он никогда не простит себя, если не сделает этой попытки.

Спустя несколько месяцев, в конце марта, когда шумиха вокруг странного поведения двух полицейских Томаса Перссона и Ярмо Пяивинена, приведшего к их смерти, более или менее улеглась, израильского посла вызвали на родину и через пару дней заменили новым.

Ротация не привлекла особого внимания шведских СМИ, и никто не подверг сомнению официальную версию, что отъезд домой состоялся по причинам личного характера.

Нигде не написали и о том, что двоюродного брата посла Гидона Хасса в этой связи тоже вернули на родину. Никакого официального процесса не было. Однако, согласно неподтвержденным источникам, кузены были отправлены в Лагерь 1391 – израильский Гуантанамо. На данный момент

неизвестно, живы ли они.

4 января 2010 г.

Он слышал их, но не верил этим слухам – слухам, о которых никто не осмеливался говорить в полный голос, но которые все равно распространялись с быстротой молнии по всей стране за закрытыми дверями и задернутыми шторами. Сам он воспринимал их как выдуманные истории, слишком невероятные, чтобы относиться к ним серьезно. Во всяком случае, первые годы. Но в воскресенье 15 сентября 2002 года все изменилось. С тех пор прошло свыше семи лет, и теперь он, к сожалению, знал, что слухи даже рядом не стояли с тем, что происходило в действительности.

Знакомый – настоящих друзей у него никогда не было – спросил его, хочет ли он войти в группу, которая тайно исповедовала запрещенную практику медитаций и тренировок фалуньгун. Это обещало не только духовное просвещение, но и телесное совершенствование.

Для ответа на вопрос он, как всегда, кинул жребий. Он делал так с того дня, как прочел книгу Люка Райнхарта «Дайсмэн, или Человек Жребия». Выпало четыре, что означало «да». И хотя «да» было сомнительным, у него не оставалось выбора, кроме как последовать жребию.

Как прямое следствие этого теперь он находился в концлагере Масанйия в районе Юйхун прямо под Шэньяном на северо-востоке Китая. Семь лет, три месяца и двадцать два дня ему пришлось выживать на корме, который никак нельзя назвать «едой», в такой маленькой камере, что он едва мог вытянуться.

С тех пор он проводил пятнадцать часов в сутки в каком-нибудь фабричном цеху, где под строгим наблюдением выполнял принудительные работы, например срезал нитки с копий фирменной одежды или собирал игрушки и светящиеся палочки для экспорта в США. За каждую случайную ошибку ему ставили клеймо.

Если бы не жребий и не его убежденность в том, что в один прекрасный день его вызволят отсюда, он бы почти наверняка сломался, как все остальные вокруг. Если понять, что на самом деле здесь происходит, оставалось только надеяться, что смерть не заставит себя ждать.

Они находились здесь не для того, чтобы их мучили или принуждали к рабскому труду в таких отвратительных условиях, что даже не укладывалось в голове. Речь шла совсем не об этом. Конечно, они приносили государству какие-то деньги. Но это не шло ни в какое сравнение с тем, что можно было заработать, когда их расчленили и продавали по частям.

Орган за органом.

Это было настоящей причиной всех анализов, которые надо было сдать, и всех медицинских обследований, которые надо было пройти. По этой же причине пытки никогда не касались тех частей тела, которые представляли достаточно большую ценность. Поэтому заключенные через равные промежутки времени исчезали и никогда не возвращались. Сам он совершенно не беспокоился. С годами росла его уверенность в том, что это спокойствие и является его билетом отсюда.

Осознание этого пришло к нему вот уже почти три года тому назад, когда они первый раз ворвались в его камеру, но не стали его бить и ничего не перевернули вверх дном. Это было глубокой ночью. Его положили на носилки в коридоре и под строгим наблюдением пронесли через все ворота и двери, а потом через все посты вынесли наружу.

Впервые со дня ареста он оказался на улице и до сих пор помнит, как наполнил легкие резким ночным воздухом и посмотрел прямо в звездное небо, пытаясь растянуть секунды перед тем, как его внесли в ждущую скорую и повезли в одну из медицинских клиник Шэньяна.

Там его, наверное, усыпили, и он проснулся только когда вернулся в свою камеру с окровавленной повязкой вокруг туловища. Под повязкой с левой стороны находился небрежно зашитый шов длиной в несколько десятков сантиметров, который свидетельствовал о том, что у него изъяли одну почку. Просто так, даже не спрашивая разрешения. Словно она никогда и не принадлежала ему, а принадлежала китайскому государству, которое в любой момент может вернуться и изъять у него другие органы.

С тех пор больше ничего не происходило, кроме того, что через неделю ему приказали выйти в цех и вернуться к рабскому труду.

До этого момента.

Четыре дня назад его повезли в смотровой кабинет, который он никогда не видел раньше. Там врач попросил его снять темно-синюю казенную куртку и внимательно прослушал его стетоскопом. Сначала долго слушал левую часть спины, а потом грудь. Это могло означать только одно: в этот раз им нужно его сердце.

Разумеется, есть риск, что они уже взяли у кого-то другого. Что его

сердце неровно бьется или есть какой-то другой дефект, который делает его непригодным. Но он все время был наготове. Если они придут за ним, это будет его самый последний шанс.

Ни у кого другого из всех десятков тысяч узников лагеря не было шанса использовать ситуацию в свою пользу. Они были не только сломлены и зомбированы до такой степени, что некоторые даже не помнили своего имени; все дело было в том, что по своей сути они были хорошими людьми. В этом-то и заключалось его преимущество. Сам он никогда не был хорошим человеком.

Никто в это не верил, когда видел его. Наоборот, большинство считало его приятным, обаятельным и внимательным. Но они жестоко ошибались. Сколько он себя помнил, он наслаждался зрелищем чужих страданий. В детстве он использовал животных, а потом и людей. И, может быть, поэтому он, в отличие большинства, все еще сохранил ясность мышления.

Его родителям понадобилось несколько лет, пока до них наконец дошло, что это не несчастный случай или не вина других детей, а что их хорошенький приемный сынок действительно мерзавец. Его отец сразу же от него отступился. Мать же, напротив, перепробовала все – от различных психологов до занятий боксом. Но когда ничего не помогло, надежда наконец погасла и в ее глазах. Когда он через несколько лет, вдохновленный Райнхартом, после средней школы доверил выбор своего жизненного пути жребию и сказал, что собирается покинуть их, они с трудом скрыли свою радость.

...Что-то заскрежетало. Он сел и явственно услышал, как ворота безопасности в дальнем конце коридора отперли и открыли. Это было среди ночи и не могло быть ничем иным. И, как и в прошлый раз, он услышал, как они со скрежетом катят носилки на колесах.

Он взял кости, встряхнул их в сложенных ладонях, которые открыл с напряженным ожиданием, все время слыша скрежет приближающихся носилок. Вышло именно так, как он надеялся. Два ряда с тремя точками в каждом. Точки, цвет которых давно стерся, и остались одни углубления. Но это было не что иное как «шестерка». «Шестерка», которую ему не терпелось воплотить в жизнь.

Они уже почти подошли к его двери. Через несколько секунд ключи вставят в замок и повернут, и его выведут из камеры и привяжут к носилкам. Он быстро засунул кости в рот, проглотил их и засунул руку под подушку и дальше в дырку в матрасе, где свыше двух лет прятал ножницы из фабричного цеха.

Дверь распахнулась, и он сделал как можно более изумленный вид. К

нему ворвались охранники, вытащили его из камеры и покатали на носилках по тем же обшарпанным коридорам и через те же ворота безопасности. Затем они ехали в тех же лифтах, что и три года назад. Но звезды в эту ночь не светили. Лил дождь, и капли были такими крупными, что он смог утолить жажду, просто открыв рот, за те несколько секунд, пока его вносили в скорую.

Его тюремная одежда полностью промокла и прилипла к телу, на что он не рассчитывал. Если кто-то из охранников посмотрит на его правое предплечье, то сразу же увидит очертания ножниц под рукавом рубашки. Но ни один из напряженно блуждающих взглядов ничего не обнаружил за всю дорогу до клиники, где его передали персоналу больницы и повезли дальше по коридорам, освещенным лампами дневного света.

Они торопились – судя по всему, была спешка, и, как и в прошлый раз, все было готово, когда его привезли в операционную. Бригада ждала в зеленой операционной одежде, марлевых повязках и латексных перчатках, готовая распилить его грудную клетку, вынуть его сердце и с наибольшей вероятностью также остальные органы, а потом кинуть его в контейнер в ожидании кремации.

Анестезиолог поднял его левую руку и стал массировать тыльную сторону ладони большими пальцами, чтобы улучшить приток крови, после чего привычным движением ввел иглу в самую крупную вену. Одновременно одна из сестер разрежала его мокрую рубашку и начала дезинфицировать участок вокруг сердца пахнущей спиртом губкой, которую держала длинными щипцами.

Он не успел заметить, как шприц в его руке подключили к тонкому прозрачному шлангу, который заканчивался венозным катетером. Катетер наверняка был наполнен жидкостью, от которой он навсегда исчезнет, как только вся она пройдет через шланг.

Он надеялся на случай, когда их внимание будет направлено не на него, а на что-то другое. Но все в операционной, кроме мужчины, который стоял к нему спиной, вытянув вперед руки, пока ему на талии завязывали клеенчатый фартук, не сводили с него глаз. К тому же жидкость из венозного катетера успела пройти треть шланга.

Настал момент действовать. Как он делал во время часовых тренировок каждую ночь последние годы, он откинул правую руку на край операционного стола и подхватил ножницы, не дав им упасть на пол. Это наверняка заметил анестезиолог, поскольку сразу же что-то закричал.

Он попытался вырвать левую руку из-под шланга и сесть, но анестезиолог уже набросился на него, вернул его руку на место и надавил

ему на грудь. Но его правая рука по-прежнему была свободна. Если сейчас он промахнется, все пропало.

Он ударил туда, куда и должен был. Не видя происходящего, почувствовал, как острое ножниц вонзилось в шею по обе стороны гортани анестезиолога, который продолжал кричать, будто не до конца понимая, что произошло.

И только когда он сжал большой и средний пальцы и лезвия ножниц сомкнулись, крики прекратились, и им на смену пришло хлюпанье. В ту же секунду руки анестезиолога отпустили его и дотронулись до пропоротой ножницами дыры в наивной попытке остановить вытекающую толчками кровь.

Сам он теперь смог оторвать левую руку от шланга и броситься на остальных, готовых одолеть его. Он направлял свои удары во все стороны, где они могли причинить наибольший вред. Кровь. Повсюду кровь. Он никогда не видел так много крови. Кровь текла. Пульсировала. Хлестала. Ее было так много, что он несколько раз чуть было не поскользнулся, пробираясь к мужчине в клеенчатом фартуке, который устремился к дверям. Еще когда его вкатили в операционную, он понял, что это хирург и, вероятно, единственный, кем нельзя было пожертвовать.

Он бросился на пол ногами вперед и так сбил мужчину с ног, что тот приземлился на живот и ударился лицом о пол. Одновременно он слышал, как несколько остальных тянулись к нему. Но он уже одолел хирурга и заставил его встать на ноги, заведя его правую руку за спину и прижав окровавленные ножницы к сонной артерии. И, как по сигналу, остальные остановились, и он смог покинуть операционную, крепко держа своего заложника перед собой.

В коридоре персонал клиники также остановился и выполнил его приказ лечь на пол и дать ему пройти. У входа по-прежнему ждала скорая. Но двух охранников из нее нигде не было видно. Может быть, они пили кофе где-то на кухне для персонала или уже ехали обратно в концлагерь в другой машине с кем-то еще, кто только что лишился почки.

У машины хирург стал вырываться и умолять его о пощаде. Но он мог только покачать головой и объяснить, что это не к нему. Кости показали «шестерку», и ни он, ни кто-то другой ничего не может с этим поделать.

После этого он заставил хирурга лечь на спину, схватил ножницы обеими руками и со всей силы нанес прямо в грудь несколько ударов – образовалось довольно большое отверстие. Затем просунул пальцы между ребрами, вскрыл грудную клетку и обнажил сердце, которое еще боролось за свою жизнь.

Даже когда он вырвал сердце из тела и держал в своей ладони, оно продолжало биться, словно все еще имело маленький шанс.

Но «шестерка» есть «шестерка», долой сомнения, подумал он. Он бросил сердце на землю и раздавил своим ботинком. После чего сел за руль скорой и рванул прочь. Его собственный пульс бился так громко, что заглушал все остальные звуки.

Наконец-то он возвращался в то место, которое жребий заставил его покинуть, даже не обернувшись. Он отсутствовал пятнадцать лет и совсем не помышлял о возвращении. Но теперь принял решение. Или, точнее, решение принял жребий, который давал один и тот же ответ последние месяцы. Иными словами, он непременно должен вернуться.

Назад в Хельсингборг.

Спасибо

Ми

За то, что ты выдержала и, может быть не нарочно, оказывала потрясающую и совершенно необходимую поддержку. Твои мысли и комментарии – гораздо большее, чем просто вклад в это дело среди прочих. Без тебя... Нет, и подумать страшно.

Касперу, Филиппе, Сандеру и Нооми

За то, что вы понимаете, почему папа иногда находится совсем в другом месте, хотя сидит и ест за одним столом с вами.

Юнасу

За твои время и энергию, мысли и идеи. Лучше, чем с тобой, ни с кем не обсудишь.

Адаму, Андреасу и Саре и всем вам остальным в издательстве «Форум».

За то, что вы не только лучшее издательство, но и самое веселое.

Магнусу

За то, что ты делишься всеми своими медицинскими знаниями и с удовольствием тратишь время на обсуждение величины глаза в сравнении с маленькой луковицей.

Ларсу

За то, что ты охотно рассказываешь, как передергивают затвор пистолета, и все остальное, что происходит за занавесом.

Микаэлю и Йенни

За то, что вы одни из моих самых лучших друзей, и за то, что к тому же каждый из вас купил тридцать (!) экземпляров «Жертвы без лица».

Эллен из книжного магазина «Академкнига» в Хельсингборге, а также Свену-Оке и всей компании из «Велы» за то, что вы прочли, что вам понравилось, что вы сказали теплые слова и заставили многих других прочесть мою первую книгу.

И наконец большое спасибо всем вам, которые пошли и купили «Жертву без лица» летом 2014 года, когда никто другой о ней ничего не слышал. Благодаря вам и всем вашим друзьям, которым вы посоветовали прочесть и которые в свою очередь посоветовали своим друзьям, я теперь могу сидеть здесь и писать третью книгу о Фабиане Риске.

notes

Примечания

1

Один! Два! Три! Говори: Черное зеркало! (*франц.*) – припев песни Miroir Noir («Черное зеркало») группы Arcade Fire. (Авторы текста – Уилл Батлер, Режин Шасань, Джереми Гара, Тим Кингсбери, Ричард Рид Перри.)

Небеса за углом – название альбома шведской певицы Лисы Нильссон, получившего Грэмми.

3

Район в Копенгагене.

«Шведские демократы» (*швед.* Sverigedemokraterna) – шведская правоконсервативная политическая партия, основанная 6 февраля 1988 г., желающая ограничить неевропейское переселение на территорию Швеции.

В переводе со шведского «Политически некорректно». Блог, близкий по духу к вышеназванной партии, просуществовал с 2008 по 2011 год.

Автоматическое распознавание номерных знаков.

Музыкальный конкурс, проходящий в Швеции, организованный компаниями «Шведское телевидение» (SVT) и «Шведское радио» (SR) и определяющий представителя от Швеции на конкурс песни Евровидение.

Через все (*швед.*).

Запрещенные краски (*англ.*).

10

Я умру за тебе (*англ.*).

11

Канадская инди-рок-группа.

Крупная магистраль в Стокгольме, большая часть которой является туннелем.

Фальшивая империя.

14

Кричать (*англ.*).

Наконец-то пришла моя любовь. Кончились мои одинокие дни, и жизнь как песня (*англ.*) – из композиции Этты Джеймс At Last («Наконец-то»). (Авторы песни – Мэк Гордон и Гарри Уоррен.)

Компьютерный мир (*англ.*).

Молодой падаван. Я хорошо тебя научил (*англ.*) – цитата из «Звездных войн».

Не так много (*англ.*).

Теперь можете спокойно выходить (*англ.*).

Что тут у нас? Еще полицейские? (*англ.*)

По крайней мере, у него есть чувство юмора (*англ.*).

Убейте обоих (англ.).

Наконец-то моя любовь нашла меня,
Кончились мои одинокие дни, и жизнь превратилась в песню.
Наконец-то надо мной появились голубые небеса,
Мое сердце словно было обернуто
в четырехлистный клевер в ночь, когда я увидела тебя.
Я нашла мечту, с которой могу говорить,
Мечту, которую могу назвать своей.
Я испытала трепет, прижимаясь к тебе щекой,
Трепет, которого прежде не знала.
Ты улыбнулся и очаровал меня.
И теперь мы на седьмом небе от счастья,
Ибо теперь ты наконец-то мой.

*Композиция Этты Джеймс. At last (Наконец-то)
(англ.).*

По-шведски это имя пишется *Love*, т. е. так же, как по-английски «любовь».